

88

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

RUSSKOJE PROSHLOJE

88

РУССКОЕ
ПРОШЛОЕ

Санкт-Петербургский государственный университет

**Центр русских и восточноевропейских
исследований Питтсбургского университета**

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

Историко-документальный альманах

Книга 8

**Издательство Санкт-Петербургского университета
1998**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Л. А. Вербницкая

В. М. Монахов

Б. А. Старков

А. В. Терещук (ответственный редактор)

У. Дж. Чейз

Адрес редакции альманаха

Российская Федерация, С.-Петербург, 1-я линия В. О., д 52, к. 62.

Телефоны: (812) 328-30-21, 143-61-24 (секретарь)

Телефакс: (812) 233-06-72

Секретарь *Е. С. Егорова*

Перевод на английский язык:

Б. П. Киселев,

И. И. Постоев,

Харрис Франклин Олк

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы «Русского прошлого», должны предварительно сообщить о своих намерениях редакции альманаха.

© «Русское прошлое», 1998

© Авторы публикаций, 1998

© Издательство С.-Петербургского университета, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

С. П. Мартынов. «Рука Божия...» (Из записок артиллерийского полковника). Предисловие <i>А. В. Терещука</i> , подготовка текста и комментарии <i>В. Г. Бортневского</i>	7
А. М. Рыкачев. Дневник 1898 г. Вводная статья, подготовка текста и комментарии <i>О. Н. Ансберг</i>	61
Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. Вводная статья, подготовка текста и комментарии <i>С. В. Куликова</i>	91
Военно-морская агентурная разведка в Первой мировой войне. Вводная статья, подготовка текста и комментарии <i>В. А. Петрова</i>	165
«Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности...» (Балтийские рыцарства и российское правительство. Из истории взаимоотношений, 1914–1917 гг.). Вводная статья, подготовка текста и комментарии <i>Н. С. Андреевой</i>	203
Арест и допрос патриарха Тихона в декабре 1919 г. Вводная статья, подготовка текста и комментарии <i>А. Н. Кашеварова</i>	215
Балтика, ноябрь 1939-го: Материалы боевого планирования Краснознаменного Балтийского Флота. Вводная статья, подготовка текста и комментарии <i>П. В. Петрова</i>	228

«Такая уж, верно, судьба...» (Письма с финской войны). Предисловие, подготовка текста и комментарии <i>В. Н. Степакова</i>	264
Власовцы в Пражском восстании: Новые документы. Вводная статья, подготовка текста и комментарии <i>К. М. Александрова</i>	292
<i>С. В. Лобачев.</i> Изучение генеалогии боярской аристократии XVII века на материале духовных завещаний	314
<i>В. Г. Чичерюкин-Мейнгард.</i> Русский воинский некрополь в Праге	338
<i>И. И. Постоев.</i> Русский некрополь во Франции	357
<i>К. А. Дзюбандовский.</i> Я нашел своего отца	367

CONTENTS

«The Hand of God» (From the diary of an artillery colonel), by <i>S. P. Martynov</i>. Prefaced by <i>A. V. Tereschuk</i>. Preparation and commentary by <i>V. G. Bortnevsky</i>.....	7
Diary, 1898, by <i>A. M. Rykachev</i>. Preface, preparation and com- mentary by <i>O. N. Ansberg</i>	61
New Materials Concerning the Creation of the Fundamental State Laws of 1906. Preface, preparation and commentary by <i>S. V. Kulikov</i>.....	91
The Naval Intelligence Service during the First World War. Preface, preparation and commentary by <i>V. A. Petrov</i>	165
Baltic Nobility and the Russian Government. Contribution to the History of Mutual Relations. 1914–1917. Preface, prepa- ration and commentary by <i>N. S. Andreeva</i>	203
The Arrest and Interrogation of Patriarch Tikhon in Decem- ber 1919. Preface, preparation and commentary by <i>A. N. Kashevarov</i>.....	215
The Baltic Sea, November 1939. Materials Concerning the Strategic Planning in Soviet Baltic Fleet. Preface, prepara- tion and commentary by <i>P. V. Petrov</i>.....	228
«Maybe it's Our Destiny» (Letters from the Finnish War). Preface, preparation and commentary by <i>V. N. Stepakov</i>	264

Vlasov's Comrades-in-arms in the Prague Revolt. New Documents. Preface, preparation and commentary by <i>K. M. Alexandrov</i>	292
S. V. Lobachev. A Genealogical Study of the Boyard Aristocracy in the XVIIth Century (Based on the Last Will of Boyards)	314
V. G. Chicheryukin-Meingard. Graves of Russian Officers in the Olšany Cemetry in Prague	338
I. I. Postoev. Russian Graves in France	357
K. A. Dzybandovsky. I Found my Father	367

С. П. Мартынов

«Рука Божия...»

(Из записок артиллерийского полковника)

Предисловие А. В. Терещука

Подготовка текста и комментарии

В. Г. Бортневского

Как известно, рукописи не горят... Правда, бывает, тонут, не оставив следа, в бездонных болотах нашего безумного века... Записки, с которыми мы намереваемся познакомить читателя, участь сия миновала. И, вместе с тем, их путь на страницы альманаха в высшей степени драматичен. Именно поэтому мы сочли возможным предпослать их публикации предельно краткое изложение обстоятельств, при которых в портфеле «Русского прошлого» оказался этот интереснейший материал.

Когда осенью 1995 года мне позвонил из Америки основатель нашего альманаха Виктор Георгиевич Бортневский и сказал о том, что с ближайшей оказией посылает рукопись, представляющую интерес для «Русского прошлого», я и помыслить не мог, что это будет *последний* материал, добытый и подготовленный Виктором для своего дитя. В феврале 1996 года записки артиллерийского полковника Сергея Петровича Мартынова, откомментированные В. Г. Бортневским, уже лежали на моем письменном столе. В том телефонном разговоре Виктор сообщил, что предисловие к этим запискам, содержащее сведения об истории их появления, а также все необходимые для академической публикации археографические характеристики он привезет сам в мае 1996 года...

Однако жестокая судьба распорядилась иначе. 19 апреля жизнь Виктора трагически оборвалась.

Прошло два с половиной года. Уже увидели свет книга В. Г. Бортневского «Загадка смерти генерала Врангеля» и 7-й номер «Русского прошлого» с его публикациями (его выход был обеспечен другом покойного Виктора Леонидом Владимировичем Поляковым). Альма-

нах не умер, продолжает выходить и знакомить своих читателей с различными страницами исторического прошлого нашего многострадального Отечества. А, между тем, записки С. П. Мартынова, озаглавленные Виктором «Рука Божия...», так и не сопровождаемые предисловием, продолжали свой век на редакционном столе.

Отчетливо сознавая, что это — материал, поразительно точно и проникновенно воссоздающий давно ушедшую, но не утратившую ни грама драматизма историческую эпоху, Редакционный совет альманаха решил опубликовать его в настоящем номере «Русского прошлого». Отсутствие предисловия публикатора, а также ряда анонсированных комментариев ни в коей мере не умаляет очевидной научной и этической ценности публикуемых ниже записок.

Об авторе публикуемых «Записок»

Мартынов Сергей Петрович (1875–1973) — потомственный дворянин Екатеринославской губернии. Учился в Петровско-Полтавском кадетском корпусе, в Константиновском артиллерийском училище. Участвовал в русско-японской войне. В период Первой мировой войны командовал артдивизионами; с августа 1917 — бригадой. Храбрость и воинское умение С. П. Мартынова были отмечены шестью орденами и Георгиевским оружием. После Октябрьского переворота 1917 года он воевал в составе разных формирований Белого движения. В начале октября 1919 года был ранен в бою с махновцами. После поражения и эвакуации из Крыма войск П. Н. Врангеля оказался в Турции, затем переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущую Югославию). Умер в Загребе.

А. Терещук

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Аминь!

Пишу по просьбе моей дочери, Зои Сергеевны Гиацинтовой¹, все, что вспоминаю о своей жизни и случаях, бывших со мной.

Родился я, по словам моей мамочки, в сорочке (рубаше) 20 III 1875 года в имении отца, Петра Семеновича Мартынова, в деревне Марьевке при селе Раздоры Павлоградского уезда Екатеринославской губ.[ернии]. Деревня называлась Марьевка по имени матери моего отца Марии Михайловны, урожд.[енной] Павловой. Родился я в день памяти Преп.[одобного] Сергия, в обители Св. Саввы убиенного в 796 году.

И в память его, по его имени, мне дали имя Сергея. В метрической выписи указано, что я родился 11 апреля 1875 года. Мама говорила, что это ошибочно.

Младенчество

Я не знаю, сколько мне было месяцев. У меня было два старших брата: Николай, род. [ившийся] в 1872 году, и Василий — в 1874 году. Я спал в корзинке в маминой спальне, и мне крепко врезался в память один момент: я открываю глаза и вижу мою маму нагой. Это так меня поразило, что осталось в памяти.

Помню, я уже сидел в столовой за общим столом. Сестра, младше меня на год, я не помню, чтобы сидела с нами. В соседней комнате со столовой жила бабушка, мать отца, и ей обед подавался в комнату. И слышно было как бабушка давилась, я очень ее жалел и говорю своей маме: «Мамочка, когда я буду большой, я буду все резать на маленькие кусочки, чтобы Вы не подавились». Большевики помешали, и только три мес.[яца] посылал ей масло, муку, фрукты, арбузы и пр.[очее].

Смерть бабушки

Видимо, бабушка чувствовала или знала свою кончину. Помню, вся семья стояла около ее кровати, и она со всеми прощалась и благословляла. Затем перед Образами опустилась на колени и нас всех удалили.

Через некоторое время нас опять всех позвали. Бабушка лежала на кровати у стенки, головой внутрь комнаты. У изголовья стоял ночной столик, и на нем стоял стакан воды. Я стоял около столика и бабушка уже ничего не говорила, а все пальцем показывала в мою сторону, не знаю, на меня или на стакан, который, по словам няни, ставили для того, чтобы душа омылась от грехов.

Как меня звали

С малолетства и до женитьбы меня звали «Сёзей». Вероятно, я не мог выговорить «Сережа», когда меня спрашивали «как тебя зовут?». У меня выходило «Сиеза», так меня и начали звать «Сёзя». Помню все потешались над моим выговором, мне это нравилось, и я часто нарочно шепелявил. Жена моя, как поженились, начала звать Сережей, так за ней и все начали звать.

Пьяные вишни

Дом отца стоял на проезжей дороге, при нем был маленький садик, а в 1 1/2 версты был большой сад, 7 десятин, окаймленный речушкой, в нем было много ягод, фруктов и овощей. В саду был сторож, он себе делал курень (шалаш). Мы, дети, очень любили забираться в его курень, брали из дому черного хлеба и весь день в саду были летом и осенью как бы на подножном корму: мед, огурцы, помидоры, горошек, арбузы, дыни, ягоды, фрукты и т. д.

Из вишень мама бочонками делала наливку. Однажды девушки принесли в столовую большие вагонки (корыто) сладких вишень из-под наливки и поставили на пол. И вот мы, 3 брата, уселись и начали их уплетать. Сладкие, вкусные, и, конечно, опьянели. Пришли молодые тетушки Оля и Саша, сестры мамыны, и начали над нами потешаться: «А, ну-ка пройди по одной дощечке!». А пол у нас был деревянный, краска слезла и доски ясно были видны. Я, кажется, не был пьян. А мой старший брат шел, падал, рвал и наконец полураздетый завалился на диван и заснул. На меня его вид произвел потрясающее впечатление, и навсегда отбило меня от спиртного. Хотя, будучи офицером, не отказывался от крюшона и шампанского.

Новая фуражка

Мне было, вероятно, 5–6 лет. Приехал отец из Екатеринослава и привез мне новую летнюю фуражку. Я страшно обрадовался и, конечно, напаялил на себя, и ну хвастался по всем конюшням, коровникам, кухням, девучкиным комнатам и пр.[очему]. Вспомнил я о тетушке Саше, надо же было и ей показать, а оказалось[что] она в саду сушит фрукты и ягоды. А в саду была большая печь, сзади которой была большая лежанка, на которой лежали фрукты и сушились. Тетушка с девучками сидела и все время подбрасывала солому в печь. Я пришел, а тетушка говорит: «А ну, покажи!». Она и говорит: «Нехорошая!». И начала меня дразнить, как будто бросает в печь. Я рассвирепел, начал ее ругать всеми ругательствами, которые знал. И она все-таки нечаянно сожгла фуражку. Теперь я это вспоминаю и молюсь: «Да простит Господь меня и тетушку, [за] этот грех».

Сестра Ниночка

Ниночка была моложе меня на 2–3 года. У моей мамы было 12 чел.[овек] детей и только пять остались в живых. У родителей моей жены тоже было 12 чел.[овек] и тоже осталось взрослых пять человек.

Ниночке было 3–4 г.[ода], мы всей семьей шли в свой сад (полем в 1 1/2 версты), Ниночка шла сзади и кричит: «А я уже поймала!» А отец, посмотрев, перепугался — то была змея. Он быстро выхватил ее из рук Ниночки и убил. А однажды, когда она бегала по нашему обширному двору, полному всякой птицы, индюк, распутив свой хвост и крылья, бросился на Ниночку, сшиб ее с ног, и она долго была в беспамятстве. С тех пор заболела сердцем и начала плохо развиваться — в 18 лет она выглядела девочкой 10–12 лет. Мои родители 2 раза ездили к О.[тцу] Иоанну Кроншг.[адтскому]². Но о. Иоанн после каждого молебна говорил: «Да будет воля Божья!». И лучше, что она раньше умерла, сколько бы мучений она могла бы перенести при большевиках. Она умерла 19-ти лет, когда я был уже на службе офицером. И перед смертью она все вспоминала меня, и со словами «Сёзя... Сёзя!» она умерла. Так мне передавали те, кто был при ее смерти.

Сад

Сад отстоял от дома в 1 1/2 версте. Около дома тоже был маленький садик. Большой сад, семь десятин, был на берегу маленькой речки, в которой полно было пьавок. Мы купались, но чуть оставались без движения, как пьавки начинали присасываться, но их легко было рукой сбросить.

В саду была могила дедушки, а потом и бабушки. Могилки были огорожены высокой кирпичной стеной, и мы, дети, боялись близко проходить.

В саду был большой наш друг — сторож. Он построил себе шалаш-курень и там мы на соломе любили кувиркаться. Бывало возьмем из дома большой кусок черного хлеба и живем целый день у сторожа на подножном корму. Сначала огурцы, овощи, потом — ягоды, фрукты, потом — дыни, арбузы. Привольно было. И целый день в доме не показываемся.

Начало ученья

Моих старших братьев, Николая и Василия, отец отвез в Екатеринослав, где они жили и начали учебу в гимназии у родной сестры отца Александры Семеновны Пржевальской ([жены] брата известного путешественника и исследователя Юго-восточной и Северо-восточной части России³). У нее был большой дом и сад. Дочь Анастасия была

ровесница брата Василия. Она была в Полтавском институте в то время, когда я был в кадетском корпусе.

Меня же в шесть лет отец отвез в Павлоград, где отдали в школу молодого, способного госп.[одина] Хомутова. Я жил у бабушки, матери моей мамы, и был счастлив, что я школьник, и с гордостью носил под мышкой тетрадь и чернило. Не помню в школе классной комнаты, но помню, что нас учитель выстраивал под каким-то навесом в одну шеренгу — по-военному. Разными телодвижениями мы учили азбуку. Со мною учились и немые, и те, что мычали. Помню момент, когда мы, как бы «рубим дрова», пели песню: «Румяной зарею покрылся восток, в селе за рекою потух огонек!...» и т. д. Но недолго я бегал в эту школу. Однажды пришел, а школа закрыта и учитель исчез. Потом говорили, что его арестовали как революционера.

Отец взял меня обратно в имение и мне была взята гувернантка Мария Андреевна, дочь священника. Она только что окончила епархиальное училище, не знаю, может и педагогическую школу. К ней часто приезжали ее подруги. Я был очень маленький и эти подруги, и мои молодые тетушки, часто носили меня на руках, и ласкали, но меня это не особенно забавляло. Она меня подготовила в первый класс кадетского корпуса. Детей на экзамен много приезжало, но не все были приняты.

Петровско-Полтавский кадетский корпус

В 10 лет и 5 мес.[яцев] меня отец отвез в Полтаву, и приняли в 1-й класс, хотя еще не было мне 11 лет. Занятия еще не начинались, и меня отец оставил у дальнего родственника г-на Гнедича — учителя математики. Со мной были приняты в 1-й класс 4 болгарина и 3 серба, но так как они языка не знали, то в первом классе просидели 2 года. Один только Радослав Георгиевич кончил со мной все 7 классов. Я с ним подружился, и часто мои родители на праздники и каникулы брали и его к себе в гости. Он был хорошенький и остроумный мальчик, и все мои прежние симпатии изменили мне, но я не был самолюбив и это не мешало нашему приятельству. С девочками мы собирались или в саду, или на квартире моих родителей, или родителей девочек. Мы танцевали, пели, играли и никогда не позволяли себе грубых отношений и на ум не приходили нечистые мысли.

Ученье

В 1-й класс поступило 60 челов.[ек], нас разделили на два отдел.[ения]. Мое отделение принял молодой поручик-артиллерист Петр

Викторович Моралевский, и, [так] как я не оставался в классах, то он довел меня до 7-го класса. Я всегда его с благодарностью вспоминаю и молюсь за него.

Вставали мы по трубе в 6 час.[ов] утра. В 3/4 ч.[аса] должны были умыться, почистить обувь, медные пуговицы и бляхи, и выстраивались на осмотр. После на 1/4 час.[а] нас выводили строем на воздух. В мороз — тоже, в одних мундирчиках. Не помню, как распределялись классные занятия, строевые, гимнастика, танцы. Но всегда становились на молитвы: утреннюю, перед началом ученья, началом обеда и после, и т. д. В 6 час.[ов] вечера начинали учить заданные уроки на следующий день. Здесь же сидит воспитатель. Но я и многие под партой держали книги для чтения, и учили уроки, когда рассчитывали, что их спросят учителя. И я учился слабо. Но из класса в класс переходил без перекламеновок.

Жизнь в Корпусе

Я был скромный и тихий мальчик, и меня товарищи прозвали «монахом», а один глупый мальчик (Постников) звал «Богородицей». Мои товарищи (большинство) были с Крыма, Кавказа и южных городов. В Крыму и в степях часто находили в земле старинные деньги и меняли на сладкое (3-е блюдо). Собирал также и марки, но все это не систематично, по-детски. Кормили нас очень хорошо. А в Царские дни⁴ каждому кадету, кроме улучшенного обеда, давали по 1/2 бутылке меда. Недалеко от Полтавы, в Диканьке, был медовый завод. Нас водили в Диканьку и Кочубеевку. В Кочубеевке при входе на стене был большой портрет Кочубея⁵. А в корпусе во всю стену (в два этажа) была большая картина Полтавской битвы⁶. Часто в праздники наш воспитатель водил нас в Городской сад. Покупал конфеты, орехи и раздавал нам. Мы все его любили.

Церковь

У нас в корпусе была хорошенькая домовая Церковь. Каждый праздник нас водили в Церковь и мы стояли строем. Посторонние тоже приходили. Хор был прекрасный. Регент хора, он же учитель пения, был большой любитель своего дела. Из 500 челов.[ек] кадет он выбирал самые лучшие голоса. Пробовал и меня, и при первом же звуке обрадовался, говорит: «Чудный голос, но слуха никакого». У меня, хотя и без слуха, крепко врезались в память Церковные напевы,

особенно сольные: «Отче наш», «Господи, помилуй», «Да исправится молитва моя», и др.[угие].

В корпусе я стеснялся раскрывать рот, но когда приезжал домой, я забирался в дальнюю комнату (для приезжих гостей), закрывал двери и окна и заливался соловьем. Тетушки подслушивали и всегда хвалили, но я стеснялся. Светские песни я тоже любил, но не веселые и бра-вурные, а, как говорится, сердце щипающие.

В Великом посту кадеты говели по очереди. И этот класс освобождался от классных и физических занятий, и нас водили каждый день на всенощную и литургию. Хороший у нас был старенький батюшка о. Евфилий Исаенко. Мне твердо запомнилось его наставление: «Деточки, никогда не божитесь, грех большой!» И я, и, кажется, все другие не божились. Церковь была на верхнем этаже. На верхнем этаже была также большая зала, где в большие праздники корпус принимал гостей, а в Царские дни все кадеты выстраивались, служили молебны и мы проходили церемониальным маршем мимо директора, гостей и правителей города. В этой зале на особом столике лежала пепельница, согнутая Императором Петром I, и, как говорили, в ней Импер.[атор] Петр I что-то написал.

Институт Благородных девиц

В то время, когда я был в кад.[етском] корпусе, в институте училась моя кузина Настуся Пржевальская. А когда я уже кончал корпус, поступила в институт и моя младшая сестра Маруся. Мне разрешено было ее посещать, но свидание наше было в приемной, внутрь никого не пускали. В институте и у нас был общий учитель рисования. Он носил форменный сюртук с карманами сзади. И вот кадеты, когда учитель проходил по партам, смотрел наши работы, кадеты потихоньку вкладывали в задние карманы его сюртука записочки институткам. И учитель, не догадываясь, был нашим почтальоном. Я не пользовался. Но институтки знали этот почтовый ящик.

Приобрел известность: «Сёзя идет!»

В большие праздники у нас и в институте бывали большие балы. К нам водили старшие классы институток, а кадеты ходили по желанию. Я любил потанцевать, и один раз расхрабрился.

В большой зале были институтки от 5-го класса и выше и взрослые кадеты. В маленькой же зале через коридор собрались дети моложе

4-го класса. Вероятно, мне было 13–14 лет, и я вижу, что в этом классе веселья нет, и все жмутся, и стесняются начать танцы. Я расхрабрился и начал дирижировать по-французски, но хорошо я выговора не знал и «*assee vù*» выходило ударение «ву». Но ничего, ввел веселье и все «*plus vit, plus vit*».

Услышав мои команды, некоторые учителя тоже зашли посмотреть и стали в круг, и я их замучил, командуя, то «направо», то «налево», то «*avance*», все скорей, скорей. Танцы прошли благополучно, но в первый праздник после этого, когда я вошел в институтский двор, все окна были заняты институтками, и, увидев меня, начали кричать: «Сёзя идет!» и дразнить: «*Assee vù*». Таким образом, я приобрел известность. А сестра уже без зова дежурной знала и пришла в приемную.

Маскировочный вечер

Это повествование относится к дальнейшему времени, когда я уже был женат и состоял бригадным казначеем. Офицеры получали жалование двадцатого (20) числа каждого месяца. За несколько дней перед этим я уже начинал высчитывать сколько кому придется получить. Бывало, что офицеру ничего не причиталось получить. Все жалование шло на уплату долгов в офицерское собрание, в буфет, в обмундировальный и заемный капиталы. Бывали долги и частным лицам (торговцам и др.[угим]). Покрывать эти долги я не был обязан, но по большой просьбе офицеров помогал ликвидировать и эти долги.

Так вот, однажды я сижу дома в своем кабинете, завален разными счетами и весь углубился в работу. А в это время к жене пришла ее подруга Леля Петухова. Она наговорила мою жену одеть меня на маскараде «бебешкой». Пришли ко мне, я говорю: «Делайте что хотите, только не мешайте!».

Леля пошла в город (я имел свои санки и лошадь) и купила воздушное платье, высокую шляпу и маску, к ней пришила кружево-сборку, чтобы закрывала усы. Напялила на меня корсет, набила груди, дали старые туфли на высоких каблуках и в руки сетку с мячом. Я уже кончил расчеты.

И в таком наряде вошел в залу, поглядеть себе в трюмо. Вид был чудесный, и кричу денщику: «Яков, дай ротонду!» . Он, как вошел в зал, увидел эту образину, страшно перепугался, начал креститься, причитать «с нами Крестная сила» и пятиться назад. Я открыл маску и он успокоился. Садился я в санки весь закутанный с Лелей Петухо-

вой, и кучера не видел. Приехавши, она меня сразу ввела в дамскую уборную, сняла ротонду и ввела в зал. Здесь я распоясался, мячиком стал всех колотить, меня приглашали, я, конечно, танцевал за даму.

Молодежь начала замечать что-то неладное, начали звать в буфет выпить... А на ту беду я чувствую что у меня сползает чулок, я в уборной, а за мной хвост. Я верчусь, боюсь сам войти в уборную, но тут выручила Леля Петухова. Она как раз выходила из уборной и ввела меня туда. А один офицер потом говорит: «А я думал, что это мужчина, и хотел ударить ее по плечу!».

А на другой день Леля Петухова говорит своему брату: «Ты танцевал с Сергеем Петровичем?» — А он отвечает: «Что ты обманываешь, я же чувствовал и кости и груди».

Где казначей?

В другой раз меня обрядили цыганкой. Я платье одел прямо на свой офицерский костюм. В это время приехал в бригаду полковник из штаба округа по секретному делу. Немедленно послали за командиром бригады и начали искать казначея. Но его нигде не нашли, и послали на квартиру.

Я все это не знал, и спокойно себе расхаживаю между танцующими масками. Но вот я услышал: «Где казначей? Кто его видел? Нужно открыть денежный ящик». Я моментально выскочил в коридор, выгасил из кармана пиджака ключи и сам командир бригады пошел в караульное помещение за денеж.[ным] ящиком, и, получивши новый мобилизационный план, вручил полковнику старый мобилизационный план.

Константиновское военное училище

В училище я приехал 1 сент.[ября] 1892 года и был принят как на державную службу на правах вольноопределяющегося I разряда. Военное училище находилось на Забалканском проспекте⁷. Здесь система преподавания была такая, как в Университете и Политехникуме. Преподаватель все время читал лекции и только два раза или четыре, хорошо не помню, в течение года спрашивали по билетам. Система преподавания мне нравилась; лекторы были прекрасные, меня сразу полюбили и ставили очень хорошие отметки (6 и 7 — удовлетворительные, 8 и 9 — хорошие, 10 и 11 — очень хорошие и 12 — отлично).

Со мною кадетский корпус окончил Валерьян Данчич, его отец — горный инженер и служил в министерстве. По праздникам я иногда

ходил к нему в отпуск. Его Государь посылал на Урал и Сибирь осматривать рудники и сталелитейные заводы.

Однажды он мне рассказывал, в присутствии ему хорошо знакомого моего ротного командира, как он по приезде из командировки делал доклад Государю Александру III и Государь его поблагодарил и просил прийти вечером, запросто, на чашку чая, чтобы доложить интересный доклад Государыне Императрице Марии Федоровне. В столовой был большой стол, накрытый белой скатертью, за ним сидел Государь и все дети: Николай, Георгий, Ксения, Михаил и Ольга. Перед Государыней стоял самовар и она разливала чай детям. В это время вошел Государь. И со словами «ох, устал, ты, Машенька, налей и мне чай», снял сюртук и грузно сел на свое место. Императрица налила ему чай в чашку, он попил чай в прикусочку (с куском сахара), перевернул чашку вверх дном и кусочек сахара положил сверху, как в былое старое время привыкли делать русские люди.

Но вот я уже на втором курсе. Моих коллег, лучших юнкеров, начали производить в портупей-юнкера. Я шел из лучших, но меня не произвели. И однажды, когда мой ротный командир был у инженера Данчича, инженер по моей просьбе спрашивает ротного к-[омандир]а, почему производят худших, а меня нет. Ротный отвечает, что я очень *тихий и смиренный* и меня юнкера *не будут слушать*.

Наконец наступило лето и еще осталось две вакансии портупейских. Собралась команда (несколько чело[век]) идти в баню. Нас офицер построил и меня назначает вести команду, а в ней был портупей Лазарев и еще один.

Я и говорю: «Здесь есть портупей».

А офицер говорит: «Вы тоже произведены вместе с Попрядухиным, и Вы теперь старше их!».

Я, конечно, весьма порадовался. Всех вакансий было 60. Но вот на другой день после обеда приходит мой ротный к-[омандир] и печально говорит: «Начальник Училища был на докладе у Великого Князя Михаила Николаевича, шефа нашего училища⁸, и В.[еликий] К.[нязь] пожелал, чтобы произвели в портупей одного юнкера — Залюгрузина».

Приказ был уничтожен, и написан новый о производстве в портупей Залю. А меня и Попрядухина отставили и одна вакансия так и была незаполнена, потому что не хотели делать преимущество между мною и Попрядухиным (будущим моим родственником — женился на моей кузине Александре Людвиговне Вржосек).

Производство в офицеры

Каждый год по окончании зимних занятий нас выводили в лагерь — в Красное Село. Справа наших палаток были палатки Павловского военного училища, слева — Николаевского кавалерийск.[ого] училища. В нем также отбывал лагерный сбор Великий Князь Борис Владимирович — двоюродный брат Государя Николая II⁹. Часто было видно, как он делился котлетами со своими коллегами, участвовал в их играх: прыгал через огонь (костер), играл в чехарду, лапту и т. д. В лагерях мы проходили полевые занятия, боевые ученья, съемки местности и пр.[очее].

По дороге перед палатками часто проезжала В.[еликая] К.[нягиня] Мария Павловна с дочерью Еленой Владимировной¹⁰. Юнкера любили ее и, когда она появлялась, всегда слышно было по линейке: «Тетьа Маша идет!». Она всегда очень ласково раскланивалась с юнкерами, которые всегда выскакивали из палаток. Видно было, как сыну Борису она привозила разные лакомства, которые тут же он делил со своими коллегами.

Наконец, настало время, всеми горячо ожидаемое и решающее. Нас всех, 200 челов.[ек] юнкеров, собрали в столовой. По старшинству отметок я из 200 стоял 17-м, но выбирали вакансию после портупей-юнкеров. В училище было прислано 5–8 вакансий в гвардейские пехотные полки, 40 вакансий в полевую артиллерию и крепостную, а остальные, около 150 вакансий, — в пехотные полки.

Начали вызывать юнкеров по старшинству отметок. Прежде были взяты вакансии в Варшавские гвардейские полки¹¹, потом — в артиллерию (полевую). Я все время сидел и мечтал взять вакансию в Екатеринослав — в 34-ю артил.[лерийскую] бригаду, но как раз передо мной ее взял один портуп.[ей]-юнкер. Когда меня вызвали, я растерялся и не знал, куда выходить, а портуп.[ей]-юнк.[ер] Лазарев сбоку громко говорит: «25-я артил.[лерийская] бригада», куда он и выбрал вакансию. И так промыслом Божиим я попал в Двинск, где я нашел свою суженую. До меня доходили вакансии и в гвардию.

Итак началась давно желанная суетливая беготня по лавкам и мастерским с заказами обуви и обмундирования. Все это ко дню производства готово и доставлено в училище.

Наконец, нас выстроили впереди своих палаток и Государь Император Александр III, проезжая по фронту, поздравлял всех с производством в офицеры. Я, как кончивший училище по 1-му разряду, был произведен в Подпоручики с годом старшинства, то есть от 7 августа

1893 года. Кончившие по 2-му разряду производились без старшинства, то есть от 8 августа 1894 года, а окончившие по 3-му разряду производились прапорщиками (первый офицер.[ский] чин).

Я получил от училища деньги на дорогу по месту служения и уехал в Екатеринослав на Родину. Со мной уехал и Попрядухин, и я его устроил на квартиру к своей тетке Анне Ст.[епановне] Вржосек. Мне было приятно шегольнуть перед знакомыми в офицерской форме и со шпорами. Нарочно выбирали шпоры с лучшим звоном (малиновым?). Девушки, мои бывшие знакомые, мне оказывали большое внимание. Все любили военных больше, чем штатских.

Первая самостоятельная жизнь

Лазарев приехал в Двинск раньше и нанял общую квартиру. Двадцатидневный отпуск быстро пролетел и мне пришлось ехать на службу. В Двинск я приехал в 9–10 часов вечера. Грустная мне представилась картина: извозчик привез меня на так называемое «Новое Строение». Фонари потухли. Мостовые — немощенные. Темнота! Ничего не видно! И никого живого не встречается.

Извозчик не знает указанного дома, и я не знаю. Что делать!? Наконец, на радость, вижу свет в щелях деревянных ставен на одном углу дома. Я осторожно постучал и спросил, где моя квартира, мне ответили, что дом этот за три дома от ихнего. Потом оказалось, что дом, куда я постучал, принадлежит вдове полковника Николая Ив.[ановича] Лоренц — матери моей суженой. Все — «Промысел Божий». На третий день я пришел к ней и извинился за беспокойство. Вот мое первое знакомство с женой.

Молодой офицер

Мне было 19 лет и 5 мес.[яцев], когда на другой день по приезду я явился к командиру 25-й [артиллерийской] бригады генералу Энгельке. Он меня назначил в 4-ю батарею подполков.[ника] Космачевского. Ком.[андир] батареи меня тот час же назначил делопроизводителем батареи и заведующим артельным хозяйством. На первых шагах дико мне все это казалось, и мне было весьма трудно со всем этим познакомиться.

В первые праздничные дни, по обычаю, я объездил все офицерские квартиры, чтобы познакомиться с семьями, начиная с ком-[анди]ра бригады (с визитом).

Через год я понравился к-[оманди]ру дивизиона (2–3 батареи) и он меня взял к себе в адъютанты, а еще через год меня взял к себе в бригадные казначеи к.-[оманди]р бригады (8 батарей). Мне нравилось носить аксельбанты и я с сожалением их скинул¹².

Очень мне не нравилось назначение меня казначеем, и почему меня все так полюбили! Коллеги тоже начали выбирать меня в разные общественные комитеты и в офицерский суд чести (*Был штаб-офицером — тоже выбрали в суд чести штаб-офицеров, потом в беженстве в Селямие тоже выбрали в суд чести. Почему?), в нем я пробыл 10 лет подряд до Офицерской школы.

Будучи казначеем, мне приходилось записывать на приход разные поступления денег, писать разные бумаги и рапорты по начальству, а главная работа у меня предстояла к 20-му числу каждого месяца, когда у нас происходила выдача жалования офицерам — около 6 челов.[ек]. У нас в бригаде существовали разные вспомогательные капиталы офицерам: обмундировальный, заемный, Офицерское собрание, буфет. Затем каждый месяц я вычитывал из жалования офицеров в помощь южным славянам, [были] и разные другие сборы. Не отказывал я помогать офицерам в ликвидации долгов [—] и частным лицам, и торговцам. И иному офицеру приходилось только расписаться в получении жалования. И, конечно, приходили ко мне с просьбой занять. Я не отказывал, но иногда торговался. В особенности беда была с одним «Козеровским». И я часто ему не давал, а посылал его жене.

Я десять лет пробыл казначеем и все время порывался уйти, и просил об увольнении, но ком-[анди]ры бригад (их за мое время сменилось 5 чел.[овек]) просили остаться до их ухода, но так выходило, что уход к-[оманди]ра бригады был неожиданный, а новый командир бригады всегда умолял меня остаться пока он освоится и узнает офицеров.

Был у нас генер.[ал] Пузырев, он — [был] биржевик, и часто оставлял мне и адъютанту подписанные им бумаги с бланком бригады, а сам уезжал в Петроград. И вот мы, два молодых офицера, командовали бригадой. Адъютант — по строевой части, казначей — по хозяйственной. Бывали, конечно, жалобы командиров батарей. Они не знали об отсутствии генерала и так все это проходило. Но хуже было, когда приходилось отвечать высшему начальству на спешные запросы.

Наконец, был у нас команд.[ир] бригады Слепушкин. Я все время к нему приставал, говорил: «Отвыкну от строя». А он взял и назначил меня в Учебную команду (подготовка фейерверкеров). Вот здесь я

намучился: до 12 час.[ов] в Учебной команде веду классные или строевые занятия, а от 2-х час.[ов] и до 6 час.[ов] веч.[ера] сижу в канцелярии. Но Генер.[ал] Слепушкин скоропостижно скончался и я опять остался казначеем. Хороший был человек. Часто присылает мне записочку: «Милостивый Сергей Петрович, моя Софочка опять рас-транжирила все жалование, и т. д.». Я, конечно, давал и ему займы, а когда комиссия ежемесячно поверяла мои книги и деньги, то в денежный ящик я вкладывал свои. А в то время я уже получал от дедушки по 3 тыс.[ячи] рублей в мес.[яц].

Но часто мне приходилось вести не только казначейские дела, но и другие. Зато меня и награждали. Я, уже будучи обер-офицером, получил все ордена, даваемые до чина подполков.[ника]¹³. И на войне уже мне нечего было давать, и я получал мечи к этим орденам, но и чисто военные: «Анну 4 ст.[епени] за храбрость» и «Георгиевское оружие»¹⁴, и кроме этого нечего было давать, и я получил три «Царских благоволения». Говорили, что каждое благоволение давало 3 года старшинства на выслугу лет¹⁵.

Однажды, когда я сидел у себя в казначейской комнате, не помню год, входит подполк.[овник] Вержболович и говорит: «Не Ваш ли родственник, студент Киевского Политехникума Василий Мартынов, покончил жизнь на “теории вероятности”?».

Меня так и обдало жаром. Это был мой любимый брат.

Брат Вася

Брат Вася был моложе меня на год. Он в школе шел очень хорошо. Он был очень любознательный, самолюбивый. Его коллеги любили, но учительский персонал его не терпел, так как он всегда высмеивал их. Задаст какой-либо вопрос, учитель не знает, как на него ответить, а тут же при всем классе он его решает. Особенно он издевался над учителями математики. Задаст какую-либо теорему из математики, геометрии, тригонометрии, учитель не может решить, а он при всех учениках начнет раскладывать все от начала, ученики, конечно, смеются.

Из-за этих шалостей он из Екатеринославской гимназии был исключен из последнего класса. Кончивши гимназию в Павлограде, он поступил в Киевский политехникум на математический факультет.

Однажды наша бригада была в Двинске в лагерях и на артиллерийском полигоне была учебная стрельба из орудий боевыми снарядами. Я был около пушек, у орудий, вдруг Вася является!

— «Ты откуда? Как ты приехал?»

— «А вот я вместо того, чтобы поехать домой на эти деньги приехал к тебе посмотреть как это пушки заряжаются, как происходит выстрел и т. д.»

Пробыл он у меня несколько дней, я ему дал деньги на дорогу домой. А через несколько мес.[яцев] я сижу у себя в казначейской комнате и мне подполк.[овник] Вержболович сообщает печальную весть о его смерти.

Потом мама так рассказывала. Получает она телеграмму из Киева, чтобы немедленно приехала. Когда она приехала и вошла во двор, где квартировался брат, дворник дома встретил ее словами: «Барыня, я все Вам расскажу!».

В это время из дома выходит хозяйка квартиры и говорит:

«Ты ничего не знаешь, я все Вам расскажу как было. Мой племянник был в комнате у него. Он пил утренний чай. Взял револьвер с барабаном, 6 пуль и пишет записку: “вынимаю 5 пуль, оставляю одну, кручу барабан, приставляю револьвер к виску, прижимаю курок и по теории вероятности должен остаться жив”».

Эту записку мама потом видела в университетской канцелярии и говорила, что почерк непохож. А дворник потом рассказал маме, что когда он услышал выстрел, вскочил в его комнату и видел, что он спустился со стула на пол, в одной руке держал стакан, а в другой — баранок, тут же стоял племянник хозяйки. И в тот же день, как брата увезли в университетскую мертвецкую, племянника хозяйки увезли в сумасшедший дом, так как по словам дворника, он был ненормальный и всегда стращал брата: «Я тебя застрелю!».

Собачка кушать захотела

У меня была небольшая рыженькая собачка. Когда она была щенком, я раз вошел в кухню и вижу[, как] она ползает по кухне и заглядывает во все углы. Я и говорю: «Ах-ты жулик!». Так это имя и осталось за нею.

Когда я ходил на службу в канцелярию, то она всегда меня сопровождала, и все время смирно сидела у меня под столом. Командиры бригад обычно приходили в канцелярию после 12 час.[ов]. Я и адъютант приготавливали ему [командиру — В. Б.] бумаги на подпись и клали ему на стол. Он приходил, поздороваётся и всегда говорил: «Идите домой!».

Но однажды он забыл меня отпустить, и я сижу, думаю: «Может быть, я ему нужен!?». Жулику моему это не понравилось, он стал передо мной на задние лапки и начал скулить. Я громко и говорю: «Ты знаешь, я без разрешения генерала уйти не могу. Иди, проси генерала!». А его канцелярия была в моей же комнате за перегородкой. Он пошел и стал перед ним на задние лапки и начал скулить. Генерал увидел, рассмеялся и говорит: «Простите, забыл Вас отпустить, вот за Вас Жулик просит».

Японская война

В Японскую войну не вся бригада отправлялась, 1 и 2 батареи остались, а остальные 6 батарей (2 дивизиона) ушли. Бригадные казначей и адъютант числились в списках 1-й батареи и потому новый ком.[андующий] бригадой полков.[ник] Потоцкий спрашивал меня и адъютанта, хотим ли идти с бригадой или оставаться в Двинске. Лазарев остался, а я сказал командиру, что в такой важный момент я должен остаться на своей должности. К-[оманди]р бр.[игады] обрадовался и благодарил меня.

Бригада выступила в Поход 19 XI 1904 года. Перед отправлением на войну в Двинск приезжал Государь Имп.[ератор] Николай II. Нас, артиллерию и пехоту, выстроили в поле. Государь объехал все части по фронту, а потом Он после молебна благословил нас иконой и пропустил нас церемониальным маршем мимо себя. И я видел у Государя на глазах слезы.

Путешествие

Мы ехали в товарном вагоне, наш эшелон отправлялся вечером. Много публики вышло нас провожать. Команд.[ующий] бригады тоже вышел, он некоторое время еще оставался в Двинске, а потом пассажирским поездом нас перегнал. Жулик мой тоже вышел на перрон провожать нас, а к-[оманди]р бригады взял и втолкнул его в вагон, где был мой денщик, так он с нами и поехал. К-[оманди]р бригады потом признался, а жена вдогонку пишет, что Жулик пропал.

Путешествие длилось 52 дня, сидел все время в одном вагоне. Путешествие было очень интересное, в особенности за Уралом. На станциях часто были долгие остановки, чтобы дать лошадям отдых. Обед нам варили наши солдаты в походных кухнях в товарных вагонах. В моем вагоне была печь, стояла кровать, стол, и я занимался своими делами как обычно. На больших станциях я получал письма

от жены и сам вел корреспонденцию. Часто революционеры портили железн.[ый] путь и нам приходилось дольше останавливаться. Когда мы подъехали к озеру Байкал, наши вагоны подъехали к самому берегу, а к этому месту были поданы большие плоты с рельсами, и наш поезд так и выехал на плот, и мы ехали и водой, и поездом.

А по Хиньганскому перевалу железнодорожный путь подымался на гору спиралью. Интересно было, что по жел.[езнодорожному] пути станция от станции отстояла на 20–30 верст, а любители успевали от станции до станции подыматься пешком в 1/4–1/2 часа времени и еще долго ждать поезда. В пути нам дали новость: «угломерь». И на долгих остановках мы выкатывали с вагонов пушки и изучали стрельбу с закрытых позиций. Эту новость японцы давно перед этим получили от немцев и, конечно, имели перед нами преимущество.

В пути Жулик много делал беспокойства моему денщику. Ему очень нравились сибирские собачки и он часто оставался, и Якову приходилось его искать и догонять пассажирск.[им] поездом. Но один раз мне это надоело и я говорю Якову: «Оставь, пусть остается!». А сам сел на заднюю площадку и видел, как мой «Жулик» догонял поезд.

Харбин

По прибытии в Харбин мы выгрузились из вагонов и мне пришлось наводить справки по канцеляриям, где наша бригада, чтобы соединиться. Харбин — город большой, мне указывали разные штабы по концам города. Пешком я не мог ходить и пришлось взять «Рикшу». Это — кресло на колесах, которое сзади толкает китаец. Его запах бобовым маслом доводил меня до головокружения. Но все же удалось узнать, где моя бригада и я двинулся походным порядком.

Мукден

Бригада стояла на позиции немного южнее Мукдена, и я не успел опомниться, как к-[оманди]р потребовал из моих двух орудий, бывших со мною, немедленно открыть огонь по японцам. Японцы отступили и мои пушки принял к-[оманди]р батареи, а меня к-[оманди]р бригады назначил командовать обозом: 7 денежных ящиков, 8 двуколок офицерских, больше 30 повозок с запасными частями и фуражем.

К-[оманди]р бриг.[ады] каждый раз назначал мне место привала (стоянки). Но однажды я с обозом иду в назначенную деревню и уже вижу огоньки и слышу шум от говора. «Ну, — думаю, — наши, скоро отдохну».

Вдруг догоняет казак и говорит: «Куда Вы идете, там японцы!». Оказалось, наши отступили и я чуть не попал с обозом в руки японцев.

И вот мы, три дня не спавши и не евши, измученные, добрали до одной деревни и завалились в одной фанзе (сельский дом) спать кто где — кто на полу, кто на кане, офицеры, солдаты, все, не разбирая. Я помню спал на кане, но ночью мне бок пекло от жары, а на утро на усах ледышки стали.

Я не знал, [что] китайцы спят головой внутрь, а ногами к окну. Окна у них заклеены промасленной бумагой. А кан — это печь, с одной стороны фанзы затапливается, а с другой — дымоход. И я спал ближе к тому концу, где печь затапливается. Кан у китайцев служит за все — и за стол, и за кровать. Потолков у них нет, а прямо крыша.

Доктор — японец

В некоторых деревнях мы подолгу стояли, здесь я раскрывал свою канцелярию и ездил в полевое казначейство за жалованьем офицерам. Один раз в этой деревне наша бригада вся была на отдыхе, я вышел из фанзы и собрался ехать в казначейство, как вижу подъезжает верхом один наш доктор с вестовым. Лицо вестового мне показалось очень подозрительным. Но, так как в наших войсках были калмыки и буряты, то я не придавал этому значения. А доктор меня спросил на чисто русском языке, какая здесь стоит бригада, кто к-[оманди]р бригады и где его квартира. Я все ему рассказал и он уехал, а через минуту подъезжают три казака и спрашивают, был ли доктор и куда он уехал — они гонятся за ним и, говорят, это — японец-шпион.

А японцы заранее готовились к войне и в Харбине, во Владивостоке все кельнеры в ресторанах были японцы, приказчики, парикмахеры, носильщики и пр.[очие] были японцы¹⁶.

Отказались обедать

Своих солдат я кормил хорошо. Всегда борщ был жирный, наваристый, но однажды приходит фельдфебель и докладывает: «Люди отказались обедать». Оказалось, что китайцы детей, умирающих до года, мальчиков, кладут около дороги и его гроб обмазывают толстым слоем глины и ждут, когда умрет его старший брат — тогда закапывают в землю. Девочек же выбрасывают в поле и солдаты видели, как их клюют орлы, едят собаки и свиньи. Говядину было труднее найти и не был борщ так вкусен. Один раз я видел: на балках, на которые

у нас кладется потолок, они поставили большую бочку и бросали туда тухлые яйца и еще что-то — это они заготавливали на зиму.

А когда мы стояли в одной деревне, пришлось пристрелить одну лошадь. Ей шрапнелью перебило одну ногу и доктор не мог ее вылечить. Откуда ни возьмись — китаец: «Капитан, дай лошадку». Я ему дал, он содрал с нее кожу и отрезал часть передней лопатки, закопал труп. На другой день пришел, опять отрезал кусок и так до конца. Они едят дохлых животных, крыс, мышей, кошек. Уборных у них нет. За домом все сваливается, а чаще садятся в поле и очищают там свой желудок.

Граммфон из Маньчжурии

Наконец, наступает 26 августа 1906 года, день Ангела жены. А каждый год к этому дню я делал ей подарки. И вот я написал в Двинск своему приятелю Савелию Ефимовичу Доброму, торговцу бумагой и пр. [очим], и просил его в этот день понести жене граммфон и 10 пластинок. Он в точности исполнил и лично от себя принес ей коробку конфет. Сюрприз жене был колоссальный.

Болезнь. Эвакуация

В декабре я заболел тифом и из Харбинского госпиталя для поправления здоровья был эвакуирован на Родину. Заранее я списался с тещей, и мы решили заехать в Саров и помолиться Преп. [одобному] Серафиму¹⁷.

В Москву я приехал раньше и здесь, наняв в гостинице номер, начал выходить к каждому поезду из Двинска. Благополучно встретились. Я зарос бородой и думал, что на вокзале меня жена не узнает. Благополучно прибыли домой. Детки, — Вавочка, Коля, Сережа и Зючечка, — были хорошо присмотрены бабушкой и сестрой Лелей. Слава Богу.

Генерал очень занят

Хороший человек был Павел Платонов [ич] Потоцкий. Часто на отдыхе он возьмет меня и говорит: «Пойдем погуляем, Царский слуга!». Раз говорит, что его жена все ждет от него писем, а когда же я буду писать, когда нет времени. И вот однажды мы квартировали на одном дворе. Его фанза стояла углом к моей. Было жаркое лето. Мух тьма. Выходит генерал после обеденного сна с хлопалкой из кожи и, ну, убивать на стенах фанзы мух. В это время я его и снял.

Потом смеюсь: «Вот покажу Варваре Ивановне, как много дела ее супругу».

— «Ах, злодей, Царский слуга!».

После войны он мне подарил серебряный подстаканник с надписью: «Сергею Петровичу Мартынову — Боевому Казначею от К-[оманди]ра бригады Генерала Потоцкого».

Паника

Это было уже в конце войны. Однажды после тяжелых переходов я с обозом поздно вечером прибыл в одну деревню. В фанзе был старый китаец, который сразу куда-то исчез. А утром, чуть свет, нашу деревню японцы начали обстреливать из винтовок. Здесь были санитарные повозки с больными сестрами. Настала страшная паника. Ездовые бросились к линейкам. Все повозки бросились кто куда. Ездовые рубят шашкой построжки, сами удирают, сестры подняли крик, гам. Мои повозки тоже встrepенулись, я же вынул револьвер и обещал пристрелить, кто бросится вперед. Приказал повозкам держаться одна за другой и слушаться моей команды. И потихоньку вывел весь обоз из этой суматохи.

Слава Богу, никто не был ранен, и японцы были еще не так близко. Мой Жулик тоже испугался и с каждой пулей хвост прижимал. Так спокойно я вывел весь свой обоз на большую дорогу... Но здесь был для меня неожиданный хаос: повозки, орудия, зарядные ящики — все это перегоняло друг друга. Повозки перекидывались и сваливались с высокой дороги. Я подъехал к какому-то генералу, ехавшему в экипаже, говорю, [что] надо восстановить порядок, но он не хотел слушать. Оказалось, что в это время, когда по приказу генерала Гриппенберга мы начали наступать и Ояма даже дал своим войскам отступить (потом выяснилось). А в это время Главнокомандующий ген.[ерал] Куропаткин дал приказ всем отступать, вот и произошла паника¹⁸.

Старший Офицер

По прибытии бригады в Двинск меня ком.[андир] бригады назначил старшим офицером в 3-ю батарею подполков.[ника] Кедрова. Я не мог сидеть без дела и начал заниматься украшением помещения батареи. Развесил на стене боевые картинки. Вырезал из досок разные фигуры, выкрасил и на них написал разные боевые подвиги батареи и отдельных лиц. Занялся развлечением солдат. Попался в батарее один фокусник. Устраивал спектакли. Приглашал ком.[андира] диви-

зиона, офицеров и посторонних. Смешно было, когда солдат рядился бабой — женщиной.

Меня любили и солдаты и ком.[андир] батареи, хотя я с ним часто ссорился. Когда он заболел, иногда он фельдфебелю приказывал подать ему экипаж. Я обижался, говорил, [что] я заменяю к-[омандир]а батареи и никто без моего разрешения не смеет здесь распоряжаться. Но он мне дал отличную рекомендацию-аттестацию. А в 5-й батареи капитан Михайлов все время ссорился с к-[омандир]ом батареи подпол.[ковником] Тришкиным, и меня перевели в 5-ю батарею, потому что с подп.[олковником] Тришкиным никто не мог ужиться. Я же с ним сделался большим приятелем.

Часто во время болезни казначея меня ком.[андир] бригады назначал временно в этой должности. И вечно меня и выбирали и назначали на разные должности общественные и бригадные,

Ктитор Лагерной Церкви

В 1908 году меня назначили ктитором¹⁹ Лагерной Церкви на Двинском Артиллерийском Полигоне и в то же время [начальником] Мишенной команды. Эта команда на полигоне должна была строить видимые для стрельбы на 6–10 верст деревни, церкви, мельницы для учебной по ним стрельбы из орудий. Но через год я уже получил другое назначение — старостой Гарнизонного Собора.

Староста Гарнизонного Собора

На высокой горе, откуда начиналось в Двинске Новое Строение, стояла маленькая железная Церковь, которая вмещала около 100 челов.[ек] и была очень холодная. И вот в 1906 году эту Церковь разобрали и начали строить большой Гарнизонный Собор с тремя приделами в память Александра Невского; не помню в память кого были боковые алтари. Собор вмещал 10 тыс.[яч] челов.[ек].

В Двинске Гарнизон состоял из 3-х пехотных полков, 25 артил.[лерийской] бригады, в которой я состоял, и 1-й резервной артил.[лерийской] бригады. Пехотные полки имели в штате священников, а артиллерия не имела. Первым старостой был полков.[ник] Кедров, он получил высшее назначение и начальник дивизии — нач.[альник] гарнизона назначил старостой меня. Я с любовью и всем рвением занялся Церковью.

При Церкви была сторожка, жил в ней солдат-сторож, он же церковник, и когда нужно было убирать Церковь, привозить дрова,

уголь, ветки, цветы для украшения, я писал: «По приказанию Начал.[ьника] Гарнизона (я его и не спрашивал) каждому полку и каждой бригаде выслать к Собору столько-то человек рабочих, столько-то подвод и пр.[очее].» И вот у меня в Церкви кипела работа. Особенно я старался украсить Церковь к большим праздникам.

В Петрограде в Исаакиевском или Казанском Соборе я видел чудную Голгофу, и вот по [ее] примеру соорудили и в Гарнизонном Соборе. К Кресту надо было справа подняться по трем ступенькам, перед Крестом — площадка, чтобы можно было стать на колени, и выход слева по трем ступенькам. Ступеньки огорожены перилами, а внизу перед Крестом стоял большой подсвечник. Крест стоял в нише, в которой был нарисован Иерусалим ночью. Перед Крестом — Лампады от богомольцев. Дивное впечатление и дает молитвенное настроение.

Иконостасы на трех приделах были из орехового дерева и к Пасхе в каждом приделе я вверху Царских врат укрепил длинные ящики, обклеенные бумагой под цвет иконостасам. В них я вырезал «Христос Воскресе!», а внутри вставил электрические лампочки. Ящики задрапировали цветами и их вначале не было заметно. А когда на Св.[етлую] Заутреню первый раз запели «Христос Воск.[ресе]!», я сразу осветил. Эффект был большой и у многих на глазах были слезы. А потом некоторые мне говорили, что я испортил иконостас, вырезав в нем буквы.

А на крест самой высокой колокольни я укрепил электрическ.[ие] лампочки. Все это было освещено в один момент. Собор стоял на горе и крест, освещенный лампочками, был виден за 40–60 верст от Двинска и жители окружающих деревень думали, что этот крест с небес сошел.

Я часто ездил в Петроград и у Сытникова накупил крестиков, иконок, религиозных книжек. Прихожане охотно покупали.

Затем у Оловянникова я купил целый омот светло-голубой парчи, и вот у моей жены и ее приятельницы Лели Петуховой закипела работа. Хватило на полное облачение престолов, аналоев, облачения всем трем священникам и двум мальчикам. И все это было готово к Свет.[лому] Христову Воскресенью.

Вначале, когда я начал управлять в Церкви, я поставил большой ящик, сверху стекло и отверстие, в которое просил бросать всякий лом от золота и серебра, и к концу столько накопилось, что дали сделать два золотых венца на иконы Спасителя и Богоматери. Много я делал и на свой счет.

Ссора со священником

В собор приходили по очереди служить три священника от пехотных полков. Я всем распоряжался, в разных делах советовался с о. Дмитрием Митеревым. Однажды я прихожу к Литургии заранее, становлюсь у своей свечной конторки, вдруг вижу с правого клироса идет мой старенький регент со слезами на глазах.

Я к нему: «Куда уходите?».

— «Меня о. Николай прогнал».

Я бегу к алтарю, вижу у певчих стоит поручик и готовится регентировать. Я его прогнал и поставил моего старенького. А сам вскочил в алтарь и повышенным голосом говорю о. Николаю: «Вы не имеете права здесь распоряжаться, я приглашаю регента, плачу ему и певчим жалование и иду с жалобой в Петроград к Протопресвитеру»²⁰.

Я ездил к Протопресвитеру, [он] меня одобрил и о. Николая потребовал для объяснения. Но в конце концов мы с ним помирились и он у меня купил дом, правда очень дешево.

Мой старен.[ький] регент любил сольное пение, и в хоре была одна [дама] с чудным сопрано. Часто она пела «Отче наш» и «Господи, помилуй!» со слезами на глазах. И между молящимися многие плакали. Я ей давал наградные.

Восстановил благосклонность Начальника Гарнизона

Однажды у нас в поле было учение с орудиями и стрельбой холостыми патронами. По окончании ученья начал.[ьник] дивизии начал критиковать мои действия. И я посмел ему возразить, но возглас «капитан, Вы забываетесь!» мне закрыл уста. И я потерял его расположение и везде у меня было плохо. И в Церкви мало порядка и пр.[очее].

Но вот однажды мы с женой стоим в большом погребке с фруктами, конфетами, тянущками, марцепан.[овыми] огурчиками, пастилой, соломками, пряниками и т. д. И мы все покупаем ящиками. Входит Генерал и спрашивает, для кого я покупаю — для Офицер.[ского] собрания?

А я отвечаю: «Нет, для себя!».

— «А Вы что такой богатый?»

— «Я получаю от дедушки по 3 тыс.[ячи] в мес.[яц]!»

— «Ого, так это Вы богаче меня, а что же Ваш дедушка имеет?»

Я отвечаю: «Он имеет в Малороссии 25 тыс.[яч] десятин земли!».

Генерал так и присел: «И Вы говорите «не очень богат!»!».

С тех пор мы стали друзьями, и, когда он заходил в Церковь, все у меня было «прекрасно».

Два пророческих сна

Первый относится ко времени, когда я начал учить Закон Божий. В имении отца в доме была большая столовая и длинный стол. И мне снится будто бы на правом конце стола сидит Бог-Отец в облике дедушки. С правой Его руки сидит Бог-Сын на краю длинного стола, а я сижу с левой его руки — напротив Бога-Сына. Около Бога-Отца лежит большая куча денег, Он эти деньги подвинул направо Богу-Сыну. Бог-Сын поделил их на 3 кучи, одну подвинул мне, а две другие — направо кому-то. В это время я проснулся.

И вот, когда я был бригадным казначеем, подп.[олковник] Вержболович приносит мне «Правительственный Вестник» от 1896 года 14/26 июня, № 129, в котором объявлено об учреждении трех майоратов в имении дедушки — Николая Михайловича Павлова. Одно [имение. — В. Б.] дается прис.[яжному] пов.[еренному] Алек.[сандру] Александрову, другое — юнкеру Карцеву, а третье — мне (*У дедушки ближайший наследник был мой отец, потом у меня было два старших брата; два других наследника были внуки от двоюродных сестер дедушки. А моего отца он почему-то не любил): имение «Капнистовка» в шесть тысяч десятин земли при селе Павловка Александровского уезда Екатеринос.[лавской] губ.[ернии].

Дедушка потом мне говорил, что оно [имение. — В. Б.] хотя меньше других по количеству десятин, но в нем есть 4 тыс.[ячи] десятин земли никогда не паханной — для корма овцам. На такой земле овцы имеют лучшую шерсть. А их было больше шестнадцати тыс.[яч]. И в октябре ежегодно приезжали из Москвы специалисты и сортировали по сараям. Сарай были такие длинные, [что] когда станешь в одном конце, то в другом конце видна точка. Стручник становился у ворот одного сарая и впускали овец по одной; специалист пробовал шерсть и назначал, в какой сарай загонять. Потом имеется конский завод, коровий. Дедушка говорил, что это имение было самое богатое.

И мне Бог дал похозяйничать три мес.[яца], и за это время я только от аренды, и то не все, собрал три мил.[лиона] руб.[лей] и уже в Екатеринославе присмотрел три дома — два для дочерей, а один для себя. Маме в город я посылал возами муку, овощи, масло, арбузы,

сыр. Но, к сожалению, недолго. Мне крестьяне говорили: «Пока большевики из Москвы не пришли, можете сидеть спокойно».

Они пришли. В Екатеринославе же была объявлена Деникиным мобилизация, и я решил идти в Добровольческую Армию²¹.

Второй сон... Задолго до смерти дедушки мне снится, будто я хожу в имении дедушки по зале и вижу почему-то здесь стоит большой широкий комод. Я открываю один ящик и там лежит дедушка. Меня это очень удивило, и я ящик закрыл.

А через несколько лет в 19.. (не помню точно) я с женой и детьми был в Екатеринославе у родителей в Пасхальные дни. И вдруг на первый день Пасхи получаю телеграмму от бабушки: «Дедушка умер, приезжай без детей». Я поехал, и вот на третий или четвертый день дедушку понесли хоронить. Я думал, что его закопают около Церкви, а оказывается был открытый вход в подвал и как раз в продолжении Царских врат в земляной стене было две ниши.

Так как в селе никто не знал, [как] делать гробы, а в городе все лавки были закрыты, то пришлось дедушку положить в простой ящик и этот ящик с телом двинули в одну из ниш — точно как мне снилось.

Мне его верный лакей Никита рассказывал, как дедушка умирал. В субботу он причастился. Потом к заутрене он лег одетый отдохнуть. А целый день себя чувствовал хорошо. И сказал своему Никите: «Никитушка, как зазвонят к Заутрене, ты меня разбуди». Зазвонили. Никитушка его разбудил. Он перекрестился и сказал «слава Богу», повернулся на другой бок и умер. Был богатый человек, а очень добрый, и ему Господь дал легкую, спокойную смерть.

Офицерская Артиллерийская Школа

Когда подходило время получать батарею по старшинству, конечно, хорошо аттестованных, то мне посчастливилось попасть в Оф.[ицерскую] ар[тиллерийскую] школу в феврале 1913 года. Школа была в Царском Селе. Мне удалось с Вацетом, бывшим адъютантом Инспектора артиллерии, найти хорошую квартиру из двух комнат на той улице, в конце которой был Александровский Дворец. И я каждый день видел Наследника Алексея, ему тогда было 10 лет, он ездил к детям Вел.[икого] Кн.[язя] Констант.[ина] Константиновича — кажется, он жил в Петергофе²². А раз [я его] не заметил, так он сам несколько раз кланялся мне. Я ему, конечно, всегда становился «во фронт». Он всегда лобезно раскланивался.

А я, как только приехал, ничего не знал и никого. И однажды иду по этой улице Александровской и вижу на кабриолете (на двух

колесах и с одной лошадкой) — две молоденькие барышни, сами управляют лошадей и любезно мне кланяются.

Я и думаю: «Кто это? Я здесь никого не знаю».

А сзади идет офицер и говорит: «Да это Великие Княжны».

Я знал Императора еще Наследником, а за это время он женился и Князям было лет по 16–17.

Мне пришлось разговаривать с матросами, которые были во дворце на личной охране. Они рассказывали, что Наследник был очень живой мальчик, и, бывало, выскочит из внутренних покоев и заставляет солдат играть с ним — в чехарду и пр.[очее]. А когда Наследник выходил из дворца, то выстраивался караул и играла музыка. Ему это понравилось, и он начал выскакивать каждые 1/2 часа. Тогда Государь запретил. Приказал один раз только выходить.

Государь в Царском Селе построил хорошенькую Церковь. И в конце паперти, с правой стороны, [была] дверь, и он всегда входил этими дверями. Сначала он с Наследником, [затем —] Императрица и Княжны по старшинству. Их никого не было видно из-за колонн и больших икон. Не хватало места только Анастасии и она постоянно оборачивалась и раскланивалась с князьями, которые входили с главного входа и стояли между публикой. Каждую службу я ходил в Церковь. Но однажды я пришел, а меня полицейские не пускают.

«Почему? — спрашиваю я. — Я каждый праздник прихожу».

А мне отвечают: «Мы Вас прекрасно знаем, Вы — капитан Мартынов. Но прошлое воскресенье был такой случай: когда из Церкви выходил Государь, какая-то дама бросила муфту к ногам Государыни. Она хотела что-то просить. И потому было запрещено публике вход[ить] в Церковь».

Когда мы кончили школу, нас Государь принял во дворце, поздравлял с окончанием школы и угостил завтраком «a la furchet». У В.[еликого] К[нязя] Сергея Мих.[айловича]²³ [мы] тоже были на завтраке.

Получение батареи

Я три раза ездил в Петроград, хотел получить батарею в Екатеринославе, но в Главном Штабе мне сказали: «И не думайте попасть в Екатеринослав, туда и князья рады ехать». Тогда я пошел к Инспектору артил.[лерии] В.[еликому] К[нязю] Сергею Михайловичу. Он меня записал и я поехал в Двинск, как получаю запрос: «Хотите получить батарею в Чите?». Я отказался и опять поехал к Вел.[икому] Князю.

А он говорит: «Ах, я забыл, мне Карцев говорил, что у Вас там родные, майорат. Ну, хорошо, поезжайте спокойно».

Через некоторое время [пришел] опять запрос: «Хотите... (забыл, в каком-то городе)».

Я опять телеграмму: «Не хочу». Опять к Вел.[икому] Кн.[язю], и на этот раз я приезжаю в Двинск, а жена радостно сообщает о телеграмме с назначением меня командиром 5-й батареи 34-й арт.[иллерийской бригады] (*Батареею я получил очень рано, мне еще не было 39 лет, а до меня получали в 45–50 лет). На несколько месяцев я мог получить батарею раньше и быть произведенным в подполковники. Но меня Екатеринослав больше интересовал.

В феврале 1914 года я приехал в Екатеринослав и явился [к] команд.[иру] 34-й арт.[иллерийской] бригады. Оказалось, что все батареи были двойного состава (секретного). Орудия в сараях, обмундирование на людей, амуниция на лошадей — все это хранилось, и с объявлением мобилизации начали прибывать и люди, и лошади.

Офицеров по штату в батарею полагалось пять чел.[овек], а у меня было восемь: капит.[ан] Дроздовский, Радойчич Милан, младший Мокрицкий, де Лазари, Одынецкий, Имшенецкий, Орнатский, Васильев, Леонтьев и еще — хорошо не помню фамилию. Пришлось с мобилизацией 1/2 офицеров и 1/2 нижних чинов оставить, а получить на пополнение новых из запаса.

Во время боев ко мне прибыл один молодой [офицер], кончивший ускоренный курс училища, и я его послал для связи с пехотой при атаке Ушеровой Горы. Он, бедняга, не дойдя до места, получил пулю в лоб. Так мне жаль его, ему, вероятно, было 18 лет. А один, поручик Васильев, в первом же бою при неприят.[ельской] орудийной стрельбе так начал дрожать и нервничать, что я его послал далеко в тыл — к зарядным ящикам, которые доставляли снаряды на фронт.

Стрый–Перемышль

Меня, как молодого к-[оманди]ра, только что кончившего Артил.-[лерийскую] школу, ком.[андир] бригады всюду посылал вперед. Под Тарнополем генерал приказал поскорее открыть огонь. Времени выдирать закрытую позицию для батареи не было, и я на рысях, как на ученьи, выкатил все свои 8 орудий на открытое поле и открыл огонь по городу.

Первая очередь дала 8 шрап.[нельных] облачков, в начале хорошо стреляли, кучно — точно как по линии перед городом, а вторая оче-

редь попала как раз в неприятельскую батарею и много там бед натворила. Бедный ком.[андир] батареи был убит от пули в ухо. И мы вступили в город.

Наконец, добрались мы до Карпатских гор. Несколько раз гор.[од] Стрый переходил из рук в руки. Наконец, там подошли другие войска, а я привел свою батарею к месту стоянки всей бригады. Я дал распоряжение распрягать, а сам пошел с докладом к ком.[андиру] бригады Ген.[ералу] Нищенскому. Но не успел я все доложить, как получил приказание: немедленно идти с Симферопольским полком под Перемышль (из-под Стрыя я пришел с Таганрогским полком)²⁴.

Я взмолился, говорю: «Я 11 раз был в боях, остальные батареи — только два. Люди и лошади устали...!».

— «Не рассуждать», — был ответ! И мне пришлось идти всю ночь к Перемышлю. Я подсмотрел, [как] в другой комнате генерал играл в карты с другими ком-[андира]ми. Вот — причина!

Там моя батарея работала три дня и крепость Перемышль сдался. Потом начались жестокие бои.

Две добровольцы

Одно время, когда нашу бригаду перебрасывали с места на место, я сижу в комнате, вдруг являются два мальчика в солдатской форме, представляются и говорят, что ком.[андир] бригады назначил их ко мне в батарею. Вид их меня заинтересовал и я начал их расспрашивать, кто они и т. д. Они сразу признались, говорят: «Мы — девушки!».

Одна, Наталия Гринева, дочь докт.[ора] юриста. Говорит, что у них в семье нет мужчин и она решила сама идти на защиту Родины. Другая, Шура Лебедева, кажется, сирота. Они по частям покупали солдатскую одежду и в одну ночь переоделись и выпрыгнули из окна, и, где пешком, где на сельских подводах, добрались до штаба нашего корпуса. Говорят, забыли купить сапоги и было очень холодно спать на возу с сеном.

Я долго думал, куда их пристроить: к орудиям или лошадям. Они — слабые, и я их назначил к телефону. Были прекрасные телефонистки. В ночные дежурства сами не спали и телефонистам всего корпуса не давали задремать. Рассказывали солдатам сказочки, пели песни. Обе кончили гимназию. Но недолго они были у меня.

Отец Наташи разослал по штабам телеграммы с поиском их. И их штаб корпуса потребовал в штаб. Но они оттуда бежали опять ко мне, одна даже на пути потеряла один сапог (завяз в грязи) и пришла

в одном сапоге. Я тогда написал отцу Наташи, чтобы он не насиловал ее, [а то] опять убежит и попадет в пехоту, где служба тяжелее, и обещал ему уговорить Наташу идти в санитарный поезд, где она может больше принести пользы раненым. Она послушала меня и уехала в Санитарный поезд. И след ее потерялся. Но вот, будучи в Добровольческой Армии, я заболел тифом, и для поправления здоровья был отправлен в Ялту. Гуляя по набережной, я раз слышу приветствие: «Ваше Высокоблагородие!».

Я оглядываюсь, никого не вижу из военных, вдруг передо мной вырастает фигура на высоких каблуках в высокой красивой шляпе и говорит: «Не узнали своего телефониста Коло? Это — я. И сейчас — графиня Уварова».

В том санитарном вагоне, куда она попала, Начальником поезда был граф Уваров. Она и вышла за него замуж. Предлагала мне ехать во Францию, обещала устроить, но я не захотел.

Судьба другой, Шуры Лебедевой, была трагическая. Когда я получил высшее назначение — командира дивизиона и к-[оманди]ра бригады, командовать батареей остался кап.[итан] Мокрицкий. Он ее соблазнил, уверил, что он не женат и жил с ней. Я же очень старался их охранять. Часто им делались отдельные землянки и т. д. И вот уже в беженстве я узнал, что он с ней приехал в Россию, здесь она узнала, что он женат и имеет ребенка, и застрелилась.

Подвиг Шурочки

Мой наблюдательный пункт был на высокой горе, покрытой лесом. Я с телефонистами забрался глубо[ко] в яму (траншею) и мои только рожки бинокля выглядывали, и я мог своей батареей помогать пехоте вести атаку по неприятелю. Неприятель страшно обстреливал лес и мой наблюдательный пункт, деревья загорались и от дыма тяжело было дышать. Вдруг моя батарея замолчала, команд моих не слышала.

Я обращаюсь к одному: «Полезай, Михайло, поправь телефон!».

— «Ой, страшно!»

— «А ты, Петро?»

— «Мало переждать!»

Я тогда обращаюсь к Шурке. Перекрестил ее, и она полезла на коленях, и поправила проволоку, и связь с батареей была восстановлена.

Я ее представил к Георгиевскому кресту. Но Штаб Корпуса дал только Георгиев.[скую] медаль. Когда потом я выразил свое неудовольствие, то мне ответили: «Она же женщина!».

А я говорю: «Я представлял не женщину, а *канонира Александра Лебедева*, как она в списках и числится.

Подвиг поручика Одынецкого

Вызвал меня к-[оманди]р Симферопольского полка и просит помочь пехоте, занявшей опушку леса. Из соседней деревни неприятель не давал ей покоя, и много людей полегло. А лес стоял на кочковатом болоте и только одна проходила шоссированная дорога, которую неприятель сильно обстреливал.

Два орудия поруч.[ика] Одынецкого дошли до места, где пули уже не доставали, и вот Одынецкий открыл огонь из одного орудия, а другое перекатывалось на руках вперед, [когда] это останавливалось и открывало огонь, тогда первое орудие на руках перекатывалось вперед, и так докатили до опушки, и я выкатил направо на лужайку еще 4 орудия. Наша пехота подбодрилась и лес был удержан.

Пор.[учик] Одынецкий, большого роста, широкоплечий, и он сам как двинет плечом орудие, так оно и двинется на несколько шагов. Орудия имели щиты, которые пор.[учика] Одынецкого и прислугу прикрывали от пуль. За этот подвиг я представил поруч.[ика] Одынецкого к ордену Владимира 4 ст.[епени] И приятно было видеть молодого офицера с таким большим боевым орденом²⁵.

Евреи в батарее и на войне

При отправлении на войну в 1914 года у меня в батарее было много евреев. Были или очень хорошие, или плохие. Эти при наших отступлениях прятались в траншеях и сдавались немцам в плен.

1. Но раз был такой случай: мне нужно было поскорее добраться до своего наблюдательного пункта, но ближайший путь был мимо стоявшей на позиции моей батареи, потом лесок, сильно обстреливаемый. А я боялся быть убитым и раненым в лесу, где трудно было меня найти. Я дошел до батареи и обращаюсь к оружейной прислуге: «Кто меня проводит через лесок?»

Все жмутся, [а] один еврей: «Я пойду с Вами!».

Мы благополучно прошли лес. Я потом представил его к Георгиевскому кресту, и он его получил.

2. В передки попала бомба и убила лошадь у ездового-еврея, а ему перебила ногу. Все бросились кто куда, а он же начал всех страмить [стыдить. — В. Б.]: «Страмитесь, поскорее перемените лошадь и ездового вместо меня».

Он тоже получил от меня боевой орден, не помню, или крест или медаль.

3. А один еврей, Эдуард Контарович, подарил мне евангелие с трогательной надписью: *«Кротость Ваша будет известна всем чело-
векам. Господь близко! Славьте Господа, ибо Он благ, ибо во век
милость Его! Хвала Тебе Иисус Христ, что ради нас Ты смерть понес
и смертью смерти власть попрал, и к новой жизни нас призвал! Хвала
Тебе!»*.

4. Но вот настал 1917 год. Я уже ком-[анди]р дивизиона. У Ко-
мандира бригады не было адъютанта, а мой адъютант, поручик Хи-
мони, был знающий, и к-[оманди]р бригады взял его у меня. Он часто
по службе покидал бригаду и я его заменял. Я тогда начал выбирать
адъютанта из своих офицеров во всех трех батареях и не остановился
ни на ком.

А в одной батарее был вольноопределяющийся — еврей, архи-
тектор, инженер. Он имел Георгиевский крест за большое дело.

Наши войска все отступали, а начальник дивизии захотел знать,
какой силы противник против нас. Этот архитектор хорошо говорил
по-немецки и в одно наше отступление он с телефонистом остался у
противника, а когда наступила ночь, он с убитого немца снял костюм,
переделался и обходил ближайшиe деревни, спрашивал, какие немецкие
войска, сколько и пр.[очее] и по телефону передавал нашему на-
чал.[ьнику] дивизии. Нач.[альник] дивизии, узнав, что перед нами
немного противника, приказал внезапно наступать, и здесь наши войс-
ка много взяли пленных.

Потом этого инженера я видел в Добровольческой Армии. Я его
представлял к производству в первый офицерский чин прапорщика.
Вероятно, получил!²⁶

Нельзя перейти ручей

Не помню в каком месте и времени начальником дивизии был
Генер.[ал] Никол.[ай] Петр.[ович] Стремоухов. Он позвал меня на свой
наблюдательный пункт и просил помочь пехоте перейти ручей. Впе-
реди был небольшой горный гребешок, а перед ним ручей, и наша
пехота, что подходила к ручью, была уничтожена. И вот я направил
свою батарею на занятый гребешок. Начал бомбить этот гребешок
мелениловыми бомбами. Они подымали много черного земляного об-
лака и разрывались на мелкие кусочки. Под прикрытием этого огня

наша пехота овладела этим гребешком и мы далеко продвинулись вперед.

Проходя этот гребешок, я обратил внимание на одного [человека] с симпатичным интеллигентным лицом, в очках. Я остановился и начал его расспрашивать. Оказалось, он — чех, студент, женат. Я ему предложил, могу ли чем помочь, вынул из окопа и положил наверх, чтобы санитары видели и подобрали его, но он отвечал, что он ранен в трех местах. Я оставил при нем свою Шурку, дал ей денег. Она догнала меня через три дня, говорила, что все время покупала молоко и хлеб, а через три дня он умер.

Георгиевское Оружие

Это уже было в начале 1917 года. Мой бывший команд.[ир] дивизиона полков.[ник] Васильев был на обеде начал.[ьников] частей, по какому-то случаю собравшихся. И вот зашел разговор о разных боевых случаях.

А сидевший здесь капит.[ан] Черепов (*В беженстве он жил в Белграде в чине Генер.[ала]-Майора)²⁷ говорит: «Вот если бы все были такие батарейки, как вот под деревней Поликровы. Немцы прорвали наш фронт и уже появились перед батареей в нескольких шагах, уже можно было лица рассмотреть, а батарейка как ударила на картечь, так вся передовая неприятельская цепь и полегла. Неприятель насаждает, а батарейка все шрапнелью их угощает. Таким образом, эта батарея надолго задержала немцев и дала возможность нашей пехоте отступить и закрепиться на новой позиции».

А полков.[ник] Васильев начал расспрашивать, оказалось, это была моя батарея.

А до этого мы целую неделю отступали и я ничего не ел, не пил. Я все время грыз поджаренные тыквенные семечки в одном кармане и монпасье — в другом (*Семечки тетя Анюта прислала целый мешок, а мама — конфеты). Наконец, дошли до высокого места, на котором уже заранее были выкопаны окопы с ходами сообщения. Я свой наблюд.[ательный] пункт выбрал в передовых пехотных окопах. Оставил в нем своего разведчика пор.[учика] де Лазари и всех телефонистов. И думал теперь можно отдохнуть, переодеться и пообедать.

Дорога моя шла по ходам сообщения, потом полем, потом через лесок, за ним стояла моя батарея, а сзади, справа, деревня Поликровы. Было тихо, спокойно, как вдруг поднялась бешеная стрельба. Во дворе, где стояла наша офиц.[ерская] двуколка, одному денщику бомба со-

рвала голову. Я скорей иду на наблюд.[ательный] пункт, а, проходя через батарею, вызываю желающего проводить меня через лесок. Все жмутся, а один еврей благополучно проводил меня через обстреливаемый лес.

И я иду по ходам сообщений и вижу: мой де Лазари и разведчики во 2-й линии окопов. Я напустился на него: «Что Вы здесь видите? Пошли вперед».

И вот я открыл стрельбу по неприятелю, вижу в одном месте туча их идет и им все-таки удалось прорвать наш фронт. И я слышу стрельбу сначала вправо, потом мне Одынецкий передает, [что] неприятель занял деревню Поликровы, где были наши передки и офиц.[ерские] двуколки. Наконец, слышу стрельбу сзади.

Телефонирую генералу Леркаму, оттуда приказание: «Держитесь».

Я на батарею: «Открыть огонь картечью».

Из передовых окопов наша пехота по одному ушла и мои разведчики все меня оставили. Слышу я стрельбу «картечью». Тогда я думаю уходить, но [если] назад, попаду в лапы немцев. Я тогда далеко ушел по пустым окопам влево, тут, думаю, немцев нет, и я пошел назад, а уже было поздно и темно, и я иду наугад. Но вдруг различаю орудия.

«Наши или не наши?», — спрашиваю.

Отвечают, [что] 5-я батарея. Моя!

А генер.[ал] Леркам уже решил, [что] я или убит, или в плену, и назначил другого к-[оманди]ра батареи. В это время кто-то послал письмо своим в Екатеринослав с вестью, что я убит.

Так вот об этом деле капит.[ан] Черепов написал свою рецензию, ком.[андир] пех.[отного] батальона — свою, и ком.[андир] полка — свою. Все послали в Георгиевскую Думу при Ставке Главнокомандующего и мне Георгиев.[ская] Дума *единогласно* присудила Георгиев.[ское] оружие. И я получил из Ставки поздравление с указанием, что ни одного голоса [не] было против. А если бы не этот обед, то так все и прошло бы.

И вот я прихожу к заключению, что все случай, «Воля Божия». А многие и недостойно получали кресты. Вот из моего дела «у ручья» начал.[ьник] дивизии мог бы написать резолюцию для награждения меня крестом. Но на войне часто об этом не думают, и без того много дела, и он об этом не вспомнил.

Кто на войне не бывал, тот чудес не видал

Многие скажут, что все это случай, а я твердо верю, что все делается по воле Божией. *Везде Его Св. Воля.*

На войне о всех случаях посылал рапортчики с датумом, а сам числа не помню.

1. Только что ко мне явился в батарею молодой офицер — прапорщик ускоренного выпуска из артиллерийского училища, ему, вероятно, было 18 лет. В этот день я как-то себя очень плохо чувствовал и для связи с пехотой я его послал к к-[оманди]ру пехот.[ного] полка, а сам остался на наблюдат.[ельном] пункте. Но он, не дойдя до места, получил пулю в лоб. То было бы со мною.

2. Сидел я с коллегой в траншее, лицом к неприятелю, за спиной — земляная стена. Я что-то ему сказал, он не расслышал, я наклонил голову в его сторону, в это время около уха просвистел осколок от шрапнели и вонзился в стенку.

3. Стояли мы на позициях на высоких крутых Карпатских горах. Наши пушки были с плоской траекторией и снаряды через гору не могли перебрасывать. И ком-[анди]р бригады приказал мои орудия выкатить на руках на горный гребешок и открыть огонь по видимой цели. Неприятель тоже, конечно, видел наши пушки и сильно нас обстреливал. Прислуга и я спасались за орудийными щитами. Так зимою простояли мы три дня, и разведчики предложили мне выкопать поодаль за хребтом землянку, чтобы ночью я мог отдохнуть.

Построили... Доложили: «Готова!». Я же решил и эту ночь не отходить от орудий. На другой день утром разведчики потянули к землянке телефон, а через несколько минут пришли, доложили, что землянка разрушена бомбой. Рука Божия.

4. Ехал я верхом выбирать наблюдательный пункт. Близко разорвалась шрапнель и пулями лошади уши прострелила. Меня ни одна не задела.

5. Будучи к-[оманди]ром дивизиона я обходил наблюдат.[ельные] пункты моих трех батарей, и вот, подойдя к ком-[анди]ру гаубичной батареи кап.[итану] Иолкину, я ему указал район обстрела, и только что отошел от него, как бомба ему голову снесла. Задержись 3 секунды, и я бы пострадал.

На войне много таких случаев, что вот справа и слева люди падают, а ты стоишь. И случаев таких не перечесть. Особенно я видел Руку Божию в бою с Махновцами и большевиками, о чем я много рассказывал.

Добровольческая Армия

Услышав о призыве Генерала Деникина вступать в Доброармию, я явился в формирующийся Екатеринбургский Корпус²⁸, где был

начальником Штаба Генерал Коновалов²⁹. Он меня знал по 34 артил-[лерийской] бригаде. Так как батарея в этом отряде была уже сформирована и ею командовал явившийся ранее подполковник Немиро, то мне командной должности не нашлось и меня прикомандировали к этой батарее. Но во всех последующих боях командовать батареями заставляли меня, и я был как бы помощник младшего меня подполков.[ника] Немиро. Это мне не нравилось, и, дойдя до Перекопа и до соединения со всей Армией, я уехал в Штаб Армии³⁰.

На всем пути от Екатеринослава до Перекопа мы были окружены спереди махновцами, а сзади — большевиками. И мы с боем занимали на пути деревни и города. Тяжелое было путешествие. Интересно, что со стороны махновцев и большевиков командовал батареями тоже Мартынов — поручик, а я, полковник, командовал офицерской батареей (нижних чинов почти не было — все молодые офицеры). Главное, не знали, где свой, а где неприятель, и шпионы сновали всюду. Одна дама приезжала из Екатеринослава и через нее я посылал семье деньги почти каждый месяц.

Штаб Добровольческой Армии

В Штабе меня назначили помощником Начал.[ьника] снабжения Армии, но я там ничего не делал. А один раз меня удивило посещение Начальника артиллерии Добров.[ольческой] Армии Генерала Нищенского. Он мне предлагал сформировать батарею из Крымских татар, обещая дать новое обмундирование для людей и новые пушки и снаряжение для лошадей, но я отказался. Я видел, что в Добро[вольческой] Армии нет дисциплины. Молодежь ведет себя также, как и большевики, везде грабят, без вины людей убивают. И доверия у народа никакого не имели. Кроме того меня все время грызла мысль: что с моими детьми и Колей и Сережей? Я боялся, что их большевики насильно мобилизуют и я могу быть их убийцей.

Ранение и плен

Скоро Добров.[ольческая] Армия пошла вперед и освободила Екатеринослав, и я поехал навестить семью. Сыновья мои, Коля и Сережа, в то время, когда я покинул Екатеринослав, были в кадетском корпусе в гор.[оде] Сумы Харьковской губ.[ернии], и я о них ничего не знал. А приехав, застал Сережу дома, он уже поступил в Добров.[ольческую] Армию и тоже получил отпуск. Радость моя была большая, когда я

узнал, что они живы и здоровы, а я боялся, что их мобилизуют большевики.

В корпусе они были до прихода в Сумы большевиков из Москвы. Офицеры растерялись, бежали и кадеты тоже. Коля и Сережа, и Саня Лоренц, где можно, ехали поездом, а где пешком. На пути их несколько раз задерживали большевики, отобрали от них все вещи, а в одной деревне хотели расстрелять как «офицерское отродье». Но один из них поинтересовался, как же их фамилия, и, услышав, что они мои сыновья, запретил их убивать. Он говорил, что меня знает как хорошего начальника, часто видел меня в их окопах, а он был пехотный солдат, и что я им часто помогал своей артиллерией.

В другой раз их опять задержали и хотели расстрелять, но в этой деревне была учительницей школы Саша Степанова, приятельница жены. Этот раз они послали к ней Саню Лоренца и она их спасла. Я и Сережа приехали в Екатеринослав в субботу вечером, а утром пошли в Церковь (было воскресенье). Пришли домой в таком благодушном настроении и только собрались пить утренний чай, как слышим частую стрельбу.

Все отпускные должны были по требованию собираться у воинского начальника. Он нам дал винтовки и патроны и назначил охранять уголь через один квартал от нашей квартиры. Под мою команду он дал 20 чел.[овек] офицеров. Но, дошедши за один квартал до указанного места, мы увидели каких-то людей, перебежавших улицу с угла на другой угол. Связи никакой не было, и мы не знали, [кто] это были — наши или большевики. И мы решили идти в атаку. Но, добежавши в гору до середины улицы, нас встретили залпами. И мы залегли посреди улицы.

Один из-за угла выглядывал и все время целил в нас. А у меня была спокойная и твердая рука, я прицелился и думал: «Будет тебе конец». Но, спустив курок, оказалось, что винтовка одного образца, а патроны к другой винтовке. А Сережа все время стрелял на воздух, и я только хотел взять у него винтовку, как он говорит: «Папочка, меня что-то ударило в грудь».

В тоже время мне пуля пробила левую руку. И мы решили идти на перевязочный пункт. И в ранении я вижу руку Божию. Иначе, если бы мы остались, Махновцы закололи бы нас штыками.

Спустившись по левой стороне на один квартал, мы увидели группу матросов. У одного матроса я чуть не выбил винтовку из рук. Но им не было времени нами заниматься, так как на другом, на правом

углу стояла группа офицеров и вела с ними перестрелку (я заметил полков. [ника] Полторацкого), и мы выбежали как раз на нашу улицу (Гоголевскую).

Наш дворник стоял у ворот и звал нас, обещая спрятать. Это — опасное дело, и мы выбежали на Екатерининский проспект. Здесь девочки Юза задержали Сережу с распросами. И мы, когда пришли на перевязочный пункт, то его уже не было.

Незамеченный большевиками плен

Пошли мы на вокзал, а последний поезд, битком набитый людьми и лошадьми, постепенно начал отходить, нас на него не хотели пускать, а одна сестра начала кричать и Сережу, уже на носилках, втиснули в переднюю вагона.

Я чувствую, что поезд отходит и свободно вздохнул. Но вдруг остановка... И вагон идет назад, я думал, что меняем стрелку, как вижу вокзал и слышу возгласы: «А, золотопогонники, вылезай, вылезай!...»

Все засуетились и почему-то начали выходить из другого конца вагона, из притвора, а я сбоку вижу в окно, что большевики всех делят направо и налево, а кто в офицерской фуражке, [тех] они на месте из револьвера убивают.

Я и говорю Сереже: «Идем!».

А он отвечает: «Все равно, где умирать, папочка, здесь или там».

Я еще перекрестил его и говорю: «Прощай, деточка!».

А он улыбается и говорит: «Не прощай, а до свиданья, там сейчас увидимся!».

Я все время мысленно молился Николаю Чудотворцу и велик. [омученице] Варваре, чтобы не допустила нас умереть без причастия Св. Христовых тайн.

Кто-то с того конца вошел в вагон, прошел два купе и слышу шаги уходящие и голос: «Тут никого нет!».

Так мы и остались в притворе, когда совсем стемнело, я выглянул из вагона на другую сторону вокзала и вижу [, как] часовой удаляется налево, и мы быстро выскочили и под стенкой притаились. А совсем стемнело и ничего не видно, и мы рассуждаем, что нам делать: идти направо нет смысла — не пройдешь через мост, и мы, не давая себе отчета, пошли по колее налево.

Наконец, Сережа совсем ослабел и говорит: «Не могу дальше идти!». А вблизи мы увидели огонек в железнодорожной будке. Мы подошли, постучали, я и говорю: «Мы — белогвардейцы, делайте с

нами, что хотите!»). На нас отчаяние нашло, целый день куска хлеба не было во рту, голодные и замороженные.

Сторож оказался добрый человек, принял нас, подкормил, принес два рабочих замазанных костюма и два паспорта. Фельдшер нам перевязал раны, и мы сделались рабочими-малярами. Но, когда проходили по пути большевики, мы прятались в подвал. У сторожа была жена, она каждое утро ходила в город и читала грозные объявления о наказании всех, помогающих чем-либо белогвардейцам. И она приходила домой и все время понукала мужа прогнать нас.

Я тогда написал [моей] жене записку и сторож понес ее в город. Но, придя в город, [он по]думал, как же он найдет мою квартиру. Ведь его сейчас расстреляют, если узнают, что он ищет белогвардейца-полковника.

А на нашей улице, на углу, он видит мальчика и спрашивает, не знает ли он квартиру полковника Мартынова.

Мальчик отвечает: «Не знаю!».

Тогда сторож осторожно показывает мою записку. Мальчик (это был Андрюша) взглянул и говорит: «Да это мой папа!».

Здесь тоже рука Божия, которая привела Андрюшу в это время.

И вот Толя Вржосек, мой двоюродный брат, медицинского университета студент, устроил меня у маляра — отца его жены. Родители были очень недовольны его женитьбой, а вот как теперь пригодилось.

Теперь я сделался купцом из Харькова, приехавшим в Екатеринослав по делам. Толя начал приходить ко мне каждый день. Мы запирались в комнату и он делал мне перевязки. А один раз пришел, а у меня от раны пошли вверх черные жилки. Толя думал, что придется резать руки, но на другой день все исчезло.

Сестра Толиной жены, девочка 14 лет, все меня занимала разговорами. Хвасталась, что у ее сестры муж — медик, а что у него есть богатая, но скупая тетка, у которой два сына — негодные белогвардейцы, и ругала нас всю, не подозревая, что один из них с ней разговаривает. Боюсь я теперь, не предала ли [она] Толю в руки большевиков, когда узнала, кому Толя помогал.

А Сережу с помощью Толи спрятал у себя его знакомый доктор.

Назначение в 9-й Тыловой Артиллерийский Склад

Наконец, в Екатеринослав пришла белая Армия и я и Сережа отправились на службу. Меня прикомандировали к 9-му тыловому артилл[ерийскому] складу. Когда склад прибыл в Екатеринодар, то я

опять поехал в Екатеринослав и под выстрелы, орудийные и ружейные, схватил свою семью, и мы с мешками, набитыми чем попало под руку, отправились на вокзал и благополучно прибыли в Екатеринодар.

Капит.[ан] Тихонов, начальник склада, сначала относился высокомерно ко мне и другим прикомандированным полковникам, но, когда я приехал с женой и двумя молодыми барыньками Вавочкой и Зончкой, отношение сразу переменялось к лучшему. Но скоро было распоряжение семьи отправить в Новороссийск для эвакуации. Я отвез их туда, а сам вернулся в склад.

Через некоторое время я заболел сыпным тифом и один раз, когда врачи в больнице обходили койки больных, главный доктор, указывая на меня, говорил: «Ну, этот до завтра не доживет».

А вот Бог дал дожить, и после болезни был назначен на попечение здоровья в Ялту.

Проезжая Новороссийск, я узнал, что мою семью вывезли в Истанбул [Константинополь, Стамбул. — В. Б.]. А на другой день на набережной я встретил своего брата Мишу. Он здесь формировал из местных татар гвардейский эскадрон.

Персидский купец

Он [брат Миша], узнав, что я потерял след семьи, предложил мне ехать в Константинополь под видом персидского купца. А его бывший коллега по Крымскому конному Ее Величества полку — природный перс. Он был в Ялте персидским консулом. Быстро сфабриковали документы, и я отправился в Конст.[антинополь].

Приехав в Константинополь, я долго искал по всем штабам след своей семьи, и уже отчаялся (Рука Божия). Наконец, в одном штабе мне указали место семьи — остров Принкипо.

И я на пароходе отправился. Подъезжая к острову, на пристани я увидел какого-то мальчика, который проворно помогал пассажирам носить вещи и тем зарабатывать. Оказалось[, что] это был мой Андрияша. А семья моя питалась на то, что продадут, и как раз Вавочка собралась ехать в город продавать большую серебрянную ложку. А мне Миша, будучи в моем имении при отступлении, успел собрать с крестьян немного аренды (*Деньги все истратились еще в России, и мне вернули вещами, продавая которые, мы покупали хлеб).

Возвращение на Родину

Но вскоре наша белая Армия успешно продвинулась к Москве, и я решил возвращаться на Родину. В Севастополе я встретил Уртьева,

и он меня пригласил идти к нему на службу заведовать складом оружия в его Мастерской. Он был начальником Мастерской Добровольческой Армии. И мы несколько месяцев мирно прожили в Севастополе до эвакуации Доброармии в ноябре 1920 г.

Двойник—Шпион

Мы жили на квартире в Севастополе в Арт.[иллерийском] городке, однажды ко мне пришел дорогой гость — сослуживец по 25-й артиллерийской бригаде поручик Безан, и рассказал, что он меня второй день ищет.

Первый день ему дали адрес, по которому он пошел. Но, когда на его звонок вышел высокий офицер в бакенбардах, он его спросил обо мне. Тот отвечает, что он и есть полковник Сер.[гей] Пет.[рович] Мартынов. Безан быстро ретировался и пошел заявил в полицию.

На другой день в полиции ему дали мой точный адрес и говорили, что когда они пришли на квартиру моего двойника, то его уже там не было. Оказывается, когда мы с Сережей были в плену в вагоне, то я снял с себя погоны, шпоры и все документы личности оставил в вагоне. Вот он ими и хотел воспользоваться, рассчитывая, что я убит, когда они убивали всех офицеров, вылазивших из вагона.

Эвакуация Добровольческой Армии

Накануне эвакуации видна была в штабах какая-то суета, но на мой вопрос, как дела, мне ответили, что все спокойно и все должны продолжать работу. Даже Уртьев меня успокаивал (это чтобы им хватило места на пароходы и не показать паники в городе).

А на другой день я вижу все тянутся на пристань. Собрались и мы кое-как и пошли. По дороге заходили в Церковь. Она была полна. На пристани вижу я массу народа, а на рейде корабли и катера забирают с пристани людей и в корзинках поднимают на суда. Я полагался на Волю Божию и с корабля (дредноут «Алексеев») нас заметили и тоже взяли на катер, и в корзинках нас подняли на судно. Там уже не было места, где стоять. Но потом все уладилось и мы прибыли в Истанбул.

Необъяснимые явления

В дополнение к пророческим снам хочу прибавить явления, над которыми тоже надо задуматься, и многие тоже будут относить их к

случаю, я же везде вижу руку Божию, помощь святых и моего Ангела-Хранителя.

1. Я сидел в Церкви на левом клиросе, точно время не помню, или в 1961-м или 1962 году. Была вечерня и я задремал, открываю глаза и вижу передо мной какая-то тень в летнем офицерском пальто, только пуговицы застегнуты на левую сторону. Я думаю, что мне померещилось, закрываю глаза, открываю — опять вижу эту тень, но уже постепенно расплывающуюся. Лица я не видел, видел то, что на уровне глаз.

2. В ночь с 15 на 16 февраля в 2 1/2 ночи кто-то прозвонил три раза (1962 год).

3. Однажды я вышел из своей квартиры (Zagreb, Drankopanska, 20) в Церковь, посмотрел направо. Трамвай был еще далеко, но я скоро перехожу дорогу и направляюсь на другую сторону, как слышу неистовый звон трамвая, а я на рельсах и меня как мячиком кто-то толкнул в спину и я вылетел на тротуар. И ничего не ударил, встал, произнес «слава Богу», а трамвай остановился на длину вагона или больше, а я иду как ни в чем ни бывало. Пассажиры выскакивают и не понимают, почему трамвай остановился. Здесь я чувствую помощь святых или Ангела-Хранителя.

4. Я в Церковь хожу почти каждый день к вечерне, а раньше ходил и к утрене. И один раз покойный о. Лазарь усадил меня на левом клиросе, и я теперь всегда, когда не на службе в Алгаре, сижу на клиросе и по слабости своей дремлю. Я молось Богу, чтобы избавил меня от этой слабости, хотя бы в Церкви. И вот часто бывает, что я, когда засну, меня кто-то в бок толкнет, как мячиком, или потрясет меня за плечо, за руку. Что это? Я думаю, что это мой Ангел-Хранитель. Я теперь, когда ложусь спать, всегда молось Ему, и когда мне нужно рано вставать, я молось, чтобы Он меня разбудил. И я пробуждаюсь часто раньше будильника. И прошу Его, чтобы он не допустил лукавого навевать мне грешные сны и не покидал меня.

5. В Хабаровске жила сестра моего отца Прасковья Н. [иколаевна] Грудзинская. Ее два сына были воспитателями Хабаровского кадетского корпуса. Муж дочери (Анны Цезаревны) Мартьянов тоже был воспитателем.

И вот однажды, когда он был дежурный в корпусе и не смел выходить целые сутки, кузина Анна Ц. [езаревна] в 9 час. [ов] вечера, уложив своих милых деток спать, сама легла на отоман и начала читать роман. Вдруг какая-то тень легла на книгу, она протирает глаза, [но]

не помогает, повернула голову направо, а над ней стоит тень ее матери Прасковьи Н. [иколаевны], восемь лет как умершей. Она так перепугалась, спустила ноги, волосы дыбом стали, смотрит на мать, а та на нее. Она вскрикнула «мама», а тень развела руками и постепенно скрылась в углу в образах. В страшном волнении она не знала, что делать. Звать братьев? Но после 9 ч. [асов] вечера, как ворота закрываются, то нельзя достучаться. Звонить по телефону мужу не было смысла — только его взволнуешь, а прийти не смеет. И вот она целую ночь в волнении пробегала по зале, а когда утром собрались муж, братья с женами, то начали размышлять, что значит ее матери явление.

И вот вспомнили, что это был день смерти матери, а они каждый год восемь лет служили в этот день панихидки, а этот год забыли, она пришла напомнить. Господь не хочет смерти грешника и допустил мою тетю напомнить о себе.

А апостолы и святые говорят, что молитвы родственников очень помогают покойникам, особенно *бескровная жертва* (вынимание частиц из просфоры за проскодимией), *панихиды*, *милостыни* и пр. [очие] добрые дела.

Знакомство с родными

Не помню на каком острове в Турции мы жили в больших палатках, поделенных одеялами на несколько семей. Мы жили бок о бок с семьей Грудзинских: генерал Сергей Цезаревич, жена Вера Петровна и сын Сергей.

Но вот умирает генерал, и после похорон Вера Петровна заходит в нашу половину и начинает обычный разговор о покойнике. И В. [ера] П. [етровна] говорит: «Это он добрые качества приобрел от своей матери, урож. [денной] Мартыновой. Может быть, она Ваша родственница?».

Я вынул свое генеалогическое дерево и оказалось, что мать генерала была сестрой моего отца. Но [так] как раньше не было железных дорог, то часто родные разъезжались и связь прекращалась, а письма приходили раз в год, а чаще пропадали. И вот почти год прожили вместе и не знали, что мы братья (кузены).

Турция. Прибытие

По прибытии в Истанбул нас одних не выпускали с корабля и держали в карантине. Наконец нас высадили на Азиатском берегу в Гайдар-Паше. Нас жители встретили очень любезно. На больших под-

носах разносили чай, кофе и халву. Потом нас отвели в казармы «Селямие» и разместили по комнатам, отдельно мужчин и женщин с детьми.

Держали нас французы за проволокой с двумя часовыми и без разрешения не выпускали из казарм. Наши бывшие союзники издевались над нами и даже позволяли себе входить в баню в женскую половину, когда женщины купались.

Потом мы переехали на остров Халки, здесь мы жили сначала в разрушенном доме на 2-м этаже с большими щелями в полу, и Вавочка раз ногой провалилась в щель. А у Зоички под подушкой она нашла целый выводок мышат, еще слепых. С нами в одной комнате за перегородкой из одеял жил мой брат Миша с женой Алисой.

Здесь я очень заболел острым малокровием от последствия контузии, как нашел доктор Богданов. Я потерял всякую самостоятельность. Все у меня перед глазами вертелось что-то клетчатое разноцветное, розовое, я не мог подняться с постели (на полу). Меня подняли и с двух сторон под руки повели в походную больницу в палатках. Здесь я неделю пролежал без движения и наконец мог опять заняться сапожным ремеслом.

А сапожничать я научился в Земской сапожной мастерской, которой заведовал генерал Соколов. Когда он ушел, то поставили меня заведующим, а помощником у меня был Н. И. Попов. Он продолжал сапожничать до самой смерти. Уезжая в Югославию, я ему оставил машину и часть инструмента и колодок. А в Загреб довез две скамеечки, молоток, щипцы и ножницы. И в Загребе еще пошил три пары. Одной даме туфли, а девочке и себе — ботинки.

Жизнь в Турции

В казармах мы жили недолго, и нас перевели на остров Халки. Здесь Зоичка покинула нас. Чехия предложила дать возможность детям получить образование в Гимназии в гор.[оде] Пшебово. И она уехала. А Андрюша поступил в скаутский отряд, где его подкармливали. На Халках, не помню, сначала мы жили в палатках, а потом в Греческой семинарии, или наоборот. Однажды, когда мы жили в палатках, ночью поднялся сильный ветер и у кого палатка была слабо прикреплена, то ветер разбросал палатки, и вещи — рубашки, штанишки, чулки и пр.[очее] оказались на деревьях, как на елках в Рождественную ночь.

В одной из палаток одна предприимчивая особа устроила столовую, а рядом я имел свою сапожную мастерскую. И вот часто видишь,

как кто-либо идет с судками за обедом, не уплативши мне за починку обуви и до сего дня.

Потом мы жили в Греческой семинарии в комнатах, по несколько семейств в одной, и одеялами разгородившись. Там я продолжал сапожничать, а рядом за одеялом жила семья Столяровых, он тоже сапожничал и тоже звали Сергеем Петровичем.

И часто кто-либо входит в комнату и спрашивает: «Здесь сапожная мастерская, Сергей Петрович?». Мы оба отзывались и только по фамилии отличались. Но соревнования и зависти у нас не было, мы жили мирно.

Церковь. Семинария

В Греческой семинарии была Церковь и греки позволяли нашим священникам служить. Здесь был достойнейший Митрофорный протоиерей Дормидонт и другой — о. Михаил. О. Дормидонт здесь же умер и слышно было, что воры ночью разрыли его могилу и украли митру. А священников всегда хоронят в полном облачении. О. Михаил тоже умер, но уже в Истанбуле. В Церкви прислуживал в алтаре наш Андрюша, а также звонил, и о. Дормидонт его любил и без него не мог обходиться. Но, когда служили литургию греческие священники, то меня поражало их небрежное отношение к святыне. Они в алтаре читали газеты, разговаривали и даже курили.

В семинарию организовалось общество офицеров с председателем и членами, и даже с судом чести, в члены которого был избран и я. А был один офицер, который подлежал суду чести, но вовремя ускользнул.

Югославия

С радостью мы узнали, что Король Югославии Александр I приглашает 20 семейств в Югославию. Мы решили ехать в Загреб, так как здесь был наш Сережинька. С нами собрались Садыгины и Грузинские. Из Белграда я дал телеграмму Председателю Офицерского Общества, просил послать кого-либо, чтобы встретили нас и на первое время дали нам приют.

Но Загреб нас встретил недружелюбно, никто нас не встретил и моросил мелкий дождик. Я тогда маму и Андрюшу оставил на вокзале, а сам пошел разыскивать Сережу. Он мне раньше писал, что он живет в Александровских казармах. Вот я и пошел разыскивать их. По пути

я спросил одного человека, где Александр [овский] 34-й пех. [отный] полк, а он меня поправляет: «пук». Невольно это меня поразило, но с тех пор я знаю, как называется полк.

Наконец нашел я Сережу в казармах — в общежитии. Он чрезвычайно обрадовался. Вытащил из-под подушки чистую рубаху, но беда была, что у него не было запонок и он начал искать запонки у коллег. Наконец, все нашлось, и он всех нас повел к Ореховым. Орехова Софья Петровна жила с сыном Владимиром Николаевичем. Они были так добры, приютили нас за дверью и мы здесь разместились втроем. Она даже нас кормила, я всегда это вспоминаю и молюсь за нее.

Тяжело было и ей и нам. И мы нашли квартиру из двух комнат за 1000 динаров, но это было около сарай. Двери входные были прямо на улицу. Снег набивался в первую комнату и даже во вторую. Отхожее место с дверью на улицу было за несколько шагов. В дождь и слякоть набивалась грязь на ботинках. Ограды на улицу не было. Ужасная квартира. И здесь мамочка простудилась и заболела тифом в острой форме. Доктор уже отчаялся, перестал ходить. Но нашлись две добрые абсолювенты медицинского факультета, они не покидали ее и даже ночью спали около нее и выходили ее.

Оттуда мы перебрались на Трешковку, это за полотном железной дороги, потом переехали на Цветну Цесту в мансарду, квартира под крышей, очень холодная. Но хозяева были очень милые и иногда по праздникам приносили нам целый обед.

Наконец, в 1930 году мы перебрались на Франкоспанску улицу, платили за две комнаты и кухню тоже 1000 дин. [аров]. Но в 1935 году я остался без службы и заявил своей хозяйке, что платить за квартиру не могу и чтобы [она] нам позволила перебраться в дровяной сарайчик. Она же, такая добрая, переселила нас в другую квартиру — на улицу за 600 дин. [аров] в месяц, в которой живу до сего дня. И сказала, что когда я найду службу и заработок, тогда буду платить вдвойне пока не вышлачу долг — так оно и вышло.

В 1938 году я [получил службу] по рекомендации Елены Николаевны Воробьевой, ныне инокини Флавианы, а может быть уже игуменьи, кажется, в Хоповском монастыре, переселившемся во Францию.

Служба в Загребе

По прибытии в Загреб я с радостью узнал, что начальником артиллерии здесь был мой бывший старший офицер в 5-й батарее 34-й

артиллерийской бригады Милан Радойчик. Я пошел к нему и думал, что он меня устроит писарем в какую-либо канцелярию, но он меня устроил в Артиллерийскую мастерскую [по] починке снаряжения лошадей.

Неприятная была работа, пришлось смазывать амуницию и подметать пол. Но, так как я, будучи сапожником, научился шить кожу — ремни, то меня, по просьбе Милана Радойчика перевели в квалифицированные рабочие, где я начал шить ремни и начал получать немного большее жалование.

Здесь же в мастерской мне было разрешено пошить девочке — дочери Радойчика, зимние туфли (ботинки) из простой кожи, вроде бокса. За эту работу мне Милан прислал два кило кускового сахара. Но скоро в мастерской работа кончилась и меня редуцировали.

Тогда я поступил в сапожную мастерскую, где сшил пару солдатских сапог. Но кожа была очень грубая и толстая, мне с нею было трудно работать. А Коля пришел и позвал меня в обмундировательную мастерскую шить шинели.

Начальник этой мастерской, еврей — господин Бармапер, спрашивает меня: «Могу ли я шить?». Я ответил, что иголку я держал в руках и хочу попробовать.

Он меня назначил в отделение, где нужно было пришивать пуговицы, делать петли и пр.[очее] Заведующий этим отделением посадил меня между двумя бабами. Я посмотрел, как и что делают справа и слева соседки, и начал шить. Первые дни я зарабатывал по 5 дин.[аров] в сутки, а в конце начал зарабатывать по 50 дин.[аров] в сутки. Но здесь работа скоро была окончена и Бармопер устроил меня на службу к своему приятелю Маутнеру.

Здесь я был паковщик его товаров, а он имел дучан (магазин) завойной робы — это все, что нужно для аптек и больницы. Маутнер был очень добрый человек и на наши праздники сам напоминал и отпускал меня в Церковь. Кроме меня на такой же работе у него было три человека. Но у него, бедного, работа не пошла, он много имел товаров залежалых и не выплаченных. И я много делал ему неприятностей, не знал названий разных колбочек или лекарств, и часто, второпях, бил стекло. Все это подорвало его торговлю и он начал постепенно отпускать своих рабочих. Наконец из паковщиков я остался один и скоро и меня он уволил. А через два мес.[яца] он отравился.

Пришлось мне искать службу и мне удалось поступить рабочим по умноживанью и печатанью на желатинной ленте разных отчетов и

донесений в [неразборчиво. — В. Б.] общество. Здесь же служил за сторожа Седыгин, а за казначея — Липунский. Здесь директором был Серговский и у него служащие были почти все русские. А учреждение было в два этажа и подвал в несколько комнат.

Чиновник-бухгалтер

Однажды к нам в уред зашел Григорий Николаевич Глазков и обратился ко мне, не хочу ли я в его предприятии вести книговодство. Но я знаю только простое книговодство, а двойного и тройного не знаю. Он мне обещал дать книгу о тройном книговодстве. Я прочитал эту книгу и у меня дело пошло, и я стал настоящим торговачным бухгалтером.

Конечно, он платил мне вдвое меньше, нежели получали старые, знающие бухгалтеры, но я был доволен и усердно занялся этим делом. У него было несколько агентов, которые развозили образцы его товара по всей Югославии. Но так как Григорий Николаев.[ич] покупал все больше старый товар, то его торговля больше четырех лет не просуществовала, и он вышел в поравнанье — это по суду расплата со своими кредиторами со скидкой известного процента с его долга.

Потом он открыл на Николичевой улице маленькую лавку с продажей чулок и ремней. Ремни я делал (*Один из коммивояжеров Глазкова любил поухаживать за женщинами, когда ездил с товарами в провинцию, На одной станции гардеробщица ему очень отплатила за измену. Кто-то в гардеробе оставил коммунистическую литературу. И она указала на Чекунова. А здесь неожиданно полиция пришла в канцелярию Глазкова, все пересмотрела, а потом пошла по квартирам служащих. Мы тогда жили в Русском доме. Мамочка очень перепугалась, она даже упала в обморочное состояние и долго пролежала в постели. А между моими бумагами была вырезка из газет с изображением трех евреев-большевиков. Но старший детектив, зная, что я бежал от большевиков, формально только перелистал мои документы и письма, и скоро они ушли).

Отсюда в 1930 году я поступил книговодшей к далматинцу Мишкину. Он имел лавки на Йвканчевой ул.[ице], на углу Радишиной и Драшковичевой и третью лавку — на углу Медвещак и Григорьевичевой, кроме того он имел буфет и кугланку при этой лавке. (*Я работал за все эти лавки. Мишкин был очень хороший человек и много раздавал в долг приятелям, и это его и погубило. Бесплатно брали у него товары и не платили. Я у него прослужил три года. А кредиторы

начали требовать уплаты за взятые товары, он не мог уплатить и он просил поравнянья — так, как и у Глазкова. Но у Глазкова попался честный адвокат и от поравнянья кое-что оставил для него, потому он мог открыть маленькую лавку. А у Мишкина директором поравнянья был назначен такой адвокат, что дело тянул, а за каждый день себе отсчитывал жалованье, и мне за время поравнянья не доплатил жалования за отказный срок, то есть за три месяца, и дал судскую дозволу эти деньги взять у Мишкина, если он начнет зарабатывать. Он все товары продавал больше судским семьям, а когда я просил его продать мне кило сахара, он заявил, что весь товар испортился. А в одной своей сахар он продал за 4 дин.[ара] кило, когда сахар в то время продавался за 30 динар. Теперь я вижу, как, не нарушая закона, можно ограбить человека — все в затяжке разбора дела. И я, и продавщики-приказчики остались без работы).

Без службы

Я и семья моя остались на положении нищих. Но были добрые люди и нас кормили. Вот Подлипские открыли ресторан и я [получал еду] за то, что чистил у них в кухне ножи и следил, чтобы подающие барышни не забывали получать деньги и платить за обед. Потом г. Рябошапко некоторое время нам давал борщи. А Madame Елена Николаевна Воробьева с дочерью тоже часто приносила нам сыр, масло, раза два приносила на обед целую нежаренную птицу.

А я вспомнил, что в Истанбуле я познакомился с протоиереем Колчевым, который в Копенгагене был при Великой Княгине Ольге Александровне, которая была художница и издавала и продавала репродукции свои и других знаменитых художников русских. О. Леонид заведывал складом этих репродукций и он мне начал присылать эти репродукции. Вначале я, что получу, все продавал, а потом начал себе оставлять для альбома. На открытках я очень мало зарабатывал, и мамочка все мне говорила, что я больше изнашиваю обувь, чем зарабатываю на открытках. Так мы нищенствовали три года.

Standard Vacuum Oil K'

Добрый человек Елена Николаевна Воробьева — обе имеют одно и тоже имя и отчество, и обе очень добрые. Дочь-Воробьева служила в Standard Vacuum Oil K' секретарем у директора-англичанина. И вот, когда из этой фирмы ушел один чиновник, то Елена Н.[иколаевна]

сейчас вспомнила обо мне и предложила директору взять меня. Меня приняли с 1 сентября 1938 г., сначала я только раскладывал бумаги по папкам и покупателям. А потом меня назначили вести статистику проданного товара. Но в 1941 году мамочка серьезно заболела и [я] часто без разрешения бегал навещать мамочку и дать попить молочка. Один раз от директора получил выговор. Но я, конечно, не обиделся и говорю причину моего поступка. Он говорит: «Я хорошо понимаю, но для примера другим я должен был сделать Вам замечание».

Хорошо мне жилось в этой фирме, меня никто не трогал, месяц кончался, я сдавал отчеты и принимал соединенный отчет на новый месяц. Но по приходу влады Тито все иностранные фирмы были ликвидированы и в 1946 году фирма закрылась.

Пенсионер–Иподьякон

По окончании службы в «Штандард Вакум» я подал прошение на выдачу мне пенсии. За время службы в Югославии мне насчитали только 17 лет службы, но так как у меня сохранялся мой послужной список в России, то из него прибавили еще. По смерти мамочки часто моей спутницей была Наталья Ивановна Волкова, она меня приучила ходить в Церковь и также чаще причащаться. Часто посещал Церковь генерал Николай Николаевич Епихов. Митрополит Дамаскин обратил внимание и однажды предложил нам посвятить нас в иподьяконы, а затем в дьяконы и священники. Но от посвящения в дьяконы и священники мы отказались, считая себя неспособными и недостойными. А в иподьяконы я согласился, а Н. И. Епихов не рещался сразу, хотел посмотреть.

Как-то странно было видеть старика в роли рабочего в алтаре, какими привыкли видеть детей и юношей. И первое время я очень стеснялся и дети подтрунивали, подсмеивались. Но я себя убедил, что это же служба Богу. Потом и Епихов был посвящен — сначала в чтецы, а потом в иподьяконы, и вот мы уже больше 10 лет служим Богу в наинижнем сане церковного причта духовного, и я благодарю Бога, что Он сподобил меня приблизиться к Нему и служить Ему.

Комментарии

¹ *Гиацинтова Зоя Сергеевна* (1900–1972) — жена Эраста Николаевича Гиацинтова, похоронена на кладбище Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилл, штат Нью-Йорк, США). См.: Гиацинтов Эраст. Записки белого офицера / Вступ.

статья, подгот. текста и коммент. В. Г. Бортневского. СПб., 1992. С. 7, 11, 89, 218, 224.

² *Отец Иоанн Кронштадтский* (Сергиев) (19 октября 1829 — 20 декабря 1908), протоиерей Андреевского собора в Кронштадте, позднее канонизированный Русской Православной Церковью, был широко известен своими блестящими проповедями и глубокими религиозными сочинениями.

³ Дворянский род Пржевальских был занесен во II и VI части родословных книг Витебской, Екатеринославской, Смоленской и Тверской губерний, он вел свое начало от ротмистра Корнилия Анисимовича Пржевальского, польского шляхтича. Генерал-майор Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888) совершил 4 путешествия в Среднюю Азию, Приамурье и на Тибет. Российская Академия наук удостоила его почетной медали с надписью «Первому исследователю природы Центральной Азии».

⁴ Царские Дни — дни восшествия на престол и коронации Государя Императора, дни рождения и тезоименитства Императора, Императрицы, Наследника-Цесаревича и его супруги, дни рождения и тезоименитства прочих членов Императорской Фамилии.

⁵ *Кочубей Василий Леонтьевич* (1640–1708) — сын войскового товарища Запорожского казачьего войска, стольник при гетмане Мазепе.

⁶ Полтавская битва — ключевое по своей значимости сражение Северной войны, состоявшееся 9 июля 1709 г. (н. ст.). Шведские войска потеряли в нем более 9 тыс. человек убитыми и около 3 тыс. ранеными, русские — 1350 убитыми и 3300 ранеными.

⁷ Речь идет о военном учебном заведении, учрежденном в 1859 г. под названием Дворянского полка, позднее преобразованном во 2-е Военное и Константиновское военное училище. В 1894 г., в год производства автора в офицеры, это учебное заведение стало именоваться Константиновским артиллерийским училищем.

⁸ *Великий Князь Михаил Николаевич* (1832–1909) с 1852 г. занимал должность генерал-фельдцейхмейстера Императорской армии, в ведение его входила вся артиллерия. В 1878 г. был произведен в генерал-фельдмаршалы, в 1881 г. — назначен председателем Государственного Совета. Он являлся шефом шестнадцати воинских частей и военно-учебных заведений.

⁹ *Великий Князь Борис Владимирович* (1877–1943) — сын Великого Князя Владимира Александровича, внук Императора Николая I.

¹⁰ *Великая Княгиня Мария Павловна* — супруга Великого Князя Владимира Александровича. От этого брака родилось четыре сына и одна дочь — Великая Княжна Елена Владимировна (1882–1937).

¹¹ В Варшаве располагались части 3-й гвардейской пехотной дивизии, а также лейб-гвардии Уланский Его Величества и лейб-гвардии Гродненский гусарский полки.

¹² Аксельбанты в русской армии носили офицеры, занимавшие должности адъютантов командиров воинских частей и соединений, а также офицеры Генерального Штаба и корпуса топографов, жандармы и фельдъегеря.

¹³ В мирное время такими орденами были ордена Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, Святого Владимира 4-й степени.

¹⁴ За боевые заслуги офицеры награждались теми же орденами, но с перекрещенными мечами на них, а, если они ранее имели эти ордена, — то Высочайшим приказом «мечи» добавлялись к орденам. Крест Ордена Святой Анны 4-й степени давался только за боевые заслуги и прикреплялся к эфесу холодного оружия с нанесением на нем надписи «За храбрость». В большинстве случаев он являлся первой боевой офицерской наградой. Георгиевское оружие присуждалось Георгиевской Думой, им награждались преимущественно штаб-офицеры. На эфесе холодного оружия крепился Георгиевский крест и наносилась надпись «За храбрость». Кроме того, на оружие полагался темляк из Георгиевской ленты.

¹⁵ Высочайшие благоволения были почетнейшими наградами русского офицерства, они заносились в послужные списки и особо учитывались при представлении к производству в следующие чины.

¹⁶ О действиях японской разведки в эту войну подробнее см.: Тайны русско-японской войны. М., 1993.

¹⁷ *Серафим Саровский* (1760–1833) — преподобный монах Саровской пустыни, канонизирован Русской Православной Церковью в 1903 г.

¹⁸ *Генерал-адъютант Оскар Казимирович Гриппенберг* во время войны занимал должность Командующего 2-й Маньчжурской армией, был освобожден от должности после Мукденского сражения. *Генерал Ивао Ояма* (1842–1910) был главнокомандующим сухопутными войсками Японии, а *генерал Алексей Николаевич Куропаткин* — командующим Маньчжурской армией (с февраля 1904 г.) и главнокомандующим Вооруженными силами России на Дальнем Востоке (с октября 1904 по март 1905 гг.).

¹⁹ Ктитор — лицо, ведавшее хозяйством и внешним порядком в церквах военного ведомства. В отличие от церковных старост ктитору не избирались прихожанами, а назначались воинскими начальниками. В церквах же военного ведомства, где были приходы из гражданского населения, имелись как ктитору, так и выбранные церковные старосты.

²⁰ Протопресвитер (зд.) — высший духовный чин военного и морского духовенства, избирался Синодом и утверждался Императором. В Русской Православной Церкви имелся также сан протопресвитера, в который возводились за особые заслуги лучшие представители белого духовенства. По значимости в Церковной иерархии сан это стоял сразу же за архиерейским.

²¹ Советские войска вошли в Екатеринослав 28 декабря 1918 г. (по н. ст.). 28 июня 1919 г. город был освобожден Добровольческой Армией. Большевики снова заняли Екатеринослав 24 декабря 1919 г.

²² *Великий Князь Константин Константинович* (1858–1915), Августейший начальник военно-учебных заведений, Президент Академии наук и замечательный поэт («К. Р.»), проживал вместе с семьей не в Петергофе, а в Павловске, рядом с Царским Селом.

²³ *Великий Князь Сергей (Сергий) Михайлович* (1869–1918) занимал, как и его отец, Великий Князь Михаил Николаевич, должность генерал-фельдцейхмейстера Императорской армии.

²⁴ Оба полка были сформированы в 1863 г. 133-й пехотный Симферопольский — из резерва Модлинского пехотного полка, от коего ему перешло Георгиевское знамя за оборону Севастополя в 1854–1855 гг. 136-й пехотный Таганрогский полк — из резерва Замосцкого пехотного полка, получив от него Георгиевские знамена за усмирение Трансильвании в 1849 г. и Севастопольскую оборону 1854–1855 гг.

²⁵ Орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бангом был одной из почетнейших боевых наград и высшей (кроме ордена Святого Георгия) наградой для офицеров обер-офицерских чинов. Это был единственный орден (кроме Георгиевских наград), который офицер обязан был носить в любое время и при любой форме.

²⁶ В Императорской России ограничения в производстве в офицеры имели не национальный, а религиозный характер. Так, производство лиц иудейского вероисповедания в офицеры было запрещено по закону. После Февральской революции все ограничения были отменены. Формально их не существовало и в Добровольческой Армии, как и в других белых формированиях, однако такое производство, по многим причинам, либо вообще не практиковалось, либо носило единичный характер.

²⁷ *Генерал-майор Черепов Александр Николаевич* (17 августа 1877 — 15 февраля 1964) окончил Орловский Бахтина кадетский корпус и Одесское военное училище (1898), в 1898 г. выпущен в 136-й пехотный Таганрогский полк. В начале Великой войны командовал 1-й ротой и батальоном этого полка. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., Георгиевским оружием и Высочайшим благоволением. В 1917 г. в чине полковника был командиром 282-го пехотного Александрийского полка, в июле произведен в генерал-майоры и назначен бригадным командиром 155-й пехотной дивизии, а затем 4-й пехотной дивизии. С 5 декабря 1917 г. в Добровольческой Армии, командовал отрядом в боях под Ростовом. Прошел Ледяной поход, затем командовал бригадой в 1-й и 2-й пехотных дивизиях, был начальником 2-й пехотной дивизии и Черноморским военным губернатором. Участвовал в Кубанском десанте в августе 1920 г. В 1941–1945 гг. служил в Русском Корпусе в Югославии, командовал полком. Умер в Нью-Йорке.

²⁸ Осенью 1918 г. в Екатеринославе располагались кадры 8-го корпуса армии гетмана Скоропадского: два пехотных полка, артиллерийский полк, мотирный дивизион (без орудий), конный полк, бронедивизион и другие мелкие соединения. После падения гетманской власти большая часть корпуса приняла ориентацию на Добровольческую Армию. 23 ноября 1918 г. (ст. ст.) в Екатеринославе произошли ожесточенные вооруженные столкновения частей корпуса с петлюровскими войсками, закончившиеся отступлением последних. Через 4 дня сформированный генерал-майором Васильченко из частей 8-го корпуса отряд вышел из Екатеринослава в поход на соединение с Добровольческой Армией. В отряде насчитывалось около 1 тыс. человек, в большинстве офицеров: около 500 пехотинцев — из 43-го и 44-го пехотных полков, а также Добровольческой Дружины, сформированной городской управой для охраны правопорядка в Екатеринославе; 7-й Новоросский конный полк — около 150 сабель; броневой дивизион, радиочасть, инженерная часть и лазарет.

²⁹ *Герман Иванович Коновалов* (1882 — 31 марта 1936) окончил Одесское пехотное училище и два класса Николаевской Академии Генерального Штаба. В Великую войну находился на различных штабных должностях, подполковник. В Добровольческой армии с конца 1918 г. в качестве начальника штаба Екатеринославского отряда, а затем — начальника оперативного отдела штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии (корпуса), переименован в полковника. С весны 1920 г. — генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего ВСЮР, произведен в генерал-майоры. После Крымской эвакуации проживал в Болгарии и Румынии, умер и похоронен в румынском г. Клуж. Как отмечал в своих «Записках» П. Н. Врангель, «Коновалов даже его врагами признавался за выдающегося по способностям офицера» (Врангель П. Н. Записки. Ч. 2. М., 1992. С. 18).

³⁰ Участники Екатеринославского похода в течение месяца прошли около 500 верст, днем вели тяжелые бои, а ночью продвигались по 20–30 верст. Пройдя Армянск и Перекоп, корпус очутился в Крыму и вошел в состав Крымско-Азовской Добровольческой армии (составной части Вооруженных Сил на Юге России). Два пехотных полка и дружина отряда составили 34-ю пехотную дивизию, артиллерия — 34-ю артиллерийскую бригаду, а Новороссийский полк сохранил свое наименование. 6 июня 1920 г. приказом генерала П. Н. Врангеля для участников Екатеринославского похода был учрежден памятный крест, который носился на ленте национальных цветов на левой стороне груди и имел номер на оборотной стороне.

А. М. Рыкачев

Дневник 1898 г.

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии О. Н. Ансберг*

События, о которых идет речь в публикуемых ниже «Записях во время поездки в Тульскую губернию по заданию Комитета для помощи голодающим», связаны с голодом 1897–1898 гг., следствием неурожая 1897 г. Это было крупнейшее бедствие, обрушившееся на страну шесть лет спустя после катастрофического голода 1891–1892 гг. Пострадало от неурожая 12 губерний, в том числе губернии центральной черноземной полосы, включая Тульскую¹.

Как и в 1891–1892 гг., общественность, преодолевая бюрократические препоны, пыталась оказать посильную помощь голодающим крестьянам. Вольное экономическое общество неоднократно обсуждало проблему голода на своих заседаниях и создало специальный Комитет для оказания помощи пострадавшим от неурожая. Этот комитет взял на себя организацию сбора средств и их распределения, в ряде случаев направлял для этого на места специальных уполномоченных. Комитет начал работу 1 апреля 1898 г., собрал и распределил свыше 50 тыс. руб. Его деятельность вызывала активное неудовольствие Министерства внутренних дел и была вскоре запрещена. «Устройство без надлежащего распоряжения Комитета для сбора пожертвований в помощь голодающим» и «рассылка неподходящих лиц для раздачи пособий голодающим» стали непосредственным поводом для репрессий против ВЭО в конце 1890-х годов².

В числе первых откликнулись на призыв оказать помощь голодающим петербургские студенты. Они обратились в Комитет с предложением открыть на собранные ими деньги пять столовых для голодающих в Ставропольской, Тульской и Воронежской губерниях и послать туда студентов уполномоченными от ВЭО, на что дополнительно были собраны средства³. Всего поехали 10 студентов и курсисток⁴, в их числе был и А. М. Рыкачев, отправившийся вдвоем с А. А. Образцовым⁵ в Тульскую губернию.

«Записи о поездке в Тульскую губернию по поручению Комитета для оказания помощи пострадавшим от неурожая», хранящиеся в фонде А. М. Рыкачева в Архиве АН (Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 3), представляют собой две записные книжки в клетку формата 10×15,5 см. На обложке архивного дела и в описи указаны в качестве крайних дат 1897–1898 гг., что является ошибкой. В действительности все записи относятся к апрелю–маю 1898 г. Записи сделаны преимущественно карандашом, мелким неразборчивым почерком с обеих сторон листа. Большую часть записных книжек занимают списки нуждающихся в помощи крестьян, таблицы по учету выдачи продовольствия, денежные расчеты, списки расходов, черновики различных документов и писем и пр. Связные дневниковые записи находятся на л. 228 об., 79–81, 111–113 об. Публикуется также список вещей, которые А. М. Рыкачев брал в поездку (л. 68–69), представляющий, на наш взгляд, определенный историко-бытовой интерес.

По возвращении из поездки А. М. Рыкачев представил в Комитет подробнейший отчет на 70 страницах, сохранившийся в фондах ВЭО⁶. Отчет составлен на основе дневниковых записей, которые, в несколько отредактированном виде, включены в него целыми страницами. Отрывки из этого отчета, где описаны последние дни пребывания А. М. Рыкачева в Тульской губернии, не отраженные в «Записях», публикуются в качестве приложения.

¹ См.: Обсуждение продовольственного вопроса в Имп. Вольном экономическом обществе в 1897–1898 гг. // Тр. ВЭО. 1898. Т. 1. Кн. 3. С. 26.

² РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 674. См. также: Булдаков В. П. «Легальный марксизм» и Вольное экономическое общество // Проблемы отечественной истории: Сб. ст. М., 1973. С. 254–258.

³ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Ед. хр. 961. Книга заседаний Комитета для оказания помощи пострадавшим от неурожая. Л. 11.

⁴ Сохранился их список (см.: РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 674. Л. 112об.).

⁵ *Образцов Александр Адрианович* — студент Петербургского университета (окончил в 1899 г. по отделению естественных наук физико-математического факультета).

⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Ед. хр. 979. Материалы о помощи пострадавшим от неурожая 1897 г. в Тульской губернии. Л. 53–89 (далее — «Отчет»).

16 апреля

Вчера вечером было собрание уезжающих у Савенковых. Медик Сулима-Самуйло¹ давал медицинские советы. Оттуда пошли все в Вольное Экономическ[ое] общ[ество]². Там заседал комитет, нас посылающий. Зал имел сонный вид. Публики (вход свободен³) очень мало. Кетриц⁴ (председатель) читал разные письма, доклады. Один седой старик с чудовищными бакенами изображал нечто вроде корифея греческого хора: он подавал реплики председателю, и делал разнообразные замечания, большею частью пустые. Остальные почти все время безмолвствовали. Изредка вскакивал сердитый господин, имеющий касание к переселенческому делу. Все говорившие члены старались пересыщать свои замечания сообщениями автобиографического характера. По делу «студенческих отрядов»⁵ все имели очень смутное представление: поднимался вопрос о том, на сколько времени давать деньги, на что их тратить. Между тем все это уже давно решено. Больше всех смысла по этому вопросу студент Пичахчи⁶, — дельный малый должно быть. Он вообще чуть ли не самое нужное лицо в этом комитете: по крайней мере мне показалось, что он наиболее осведомлен. Нас представили потом Кетрицу. Я расписался в получении «Домашней медицины» Флоринского⁷ и «Общепонятного законоведения» Дружинина⁸. Снабдил нас этими книгами тот же Сулима-Самуйло.

Сегодня расходы:

калоши — 2 р. 50 к.

конверты 52 к.

уксусн[ая] эссенц[ия] 60 к.

19 апр[еля]

Сейчас были у кн[язя] Мышецкого⁹. К нам выпел седенький старичок в халате и стал извиняться: он болен и во время разговора закашливался. Он посоветовал ехать в Богородицк[ий] и Епифанск[ий] у[езды]. Нужда по его мнению в некоторых местах, например Веневском и Новосильском [уездах], еще больше. В Веневском [уезде] земство ничего не делает для облегчения бедствия, и конечно хорошо бы было подать там нек[от]орую помощь. Но там нет порядочных людей, а что можно сделать без сочувствия местных людей? Положение дел вообще в устах либерального старичка получало мрачную

окраску. Губернатор¹⁰, из лакейства* перед М[инистром] внутр[енних] дел¹¹ отрицает голод и тиф, а местные власти вторят и подтверждают «доказательствами» это мнение губернатора. Т[а]к недавно вернулся из Богородицкого уезда некий врач, к[о]т[ор]ый представил губернатору доклад о благополучном состоянии уезда, основываясь якобы на данных местных врачей; в докладе упоминается между прочим, что исхудалых лиц нет и что нек[о]т[ор]ые крыши заново перекрываются. Этот доклад, говорит князь, непременно будет положен в основание доклада губернатора самому государю. Губернатор на днях едет в Петерб[ург] и можно себе представить, как он изобразит положение голодающей губернии — ведь и государь профан в этом деле. Враждебное отношение губернатора к голодающим

20 апр[еля]

сказалось и в других мероприятиях: губернатор не утвердил ассигновки богородицкого земства на особого уполномоченного, к[о]т[ор]ого земство хотело посылать по продовольственным делам; далее, он к[а]к-то нехорошо распорядился насчет того, кто должен вести деньги, ассигнуемые Красным Крестом¹². Вообще кн[язь] М[ышецкий] глядит на дело мрачно. И нас он пугал: на нас дескать в 20 глаз смотреть будут. Впрочем насчет возможности обыска он, кажется, усомнился.

Тула — город, похожий и на Ярославль и на Псков и должно быть на многие другие губерн[ские] города. Кремль с тонкими и высокими зубцами. Большие площади. Двухэтажные домики. Плохи городовые (Один на мой вопрос, где Петровск[ая] ул[ица], сказал: а черт ее знает).

Родственники Шимкевича пригласили нас на вечерний чай. Он — фабрикант, с заплывшим неинтеллигентным лицом, человек неинтересный (смешивает оперу с опереткой). Вся семья — тоже. Просили нас на рояле сыграть. Сам Шимкевич из тех к[о]т[ор]ые насмешечкой и здравым смыслом отнекиваются от всякого затруднения. Но человек, по мнению Обр[азцова] «по всем вероятностям честный». Вечером — у Немолодышевой¹³. Там собралось человек 7–8 интеллигенции. Нового они ничего, кажется не сообщили, но приятная атмосфера, царящая в

* Горемыкин по слов[ам] кн[язя] М[ышецкого] (Это между нами) выразился т[а]к: «стоит ли кормить этих скотов!».

этом либеральном кружке учительниц и земских деятелей (впрочем последние были представлены кажется, лишь одним статистиком) припод[ня]ли несколько наше настроение, упавшее от бессонницы и какой-то бестолочи, опускаемой мною в эти дни. Дали они нам два зимних пальто, уверив, что холодно будет в деревне. Статистик пожертвовал свое совсем — продать его потом и вырученные деньги употребить на дело.

Сегодня 20 явились в Богородицкую Управу к гр[афу] Бобринскому¹⁴, председателю упр[авы]. Это еще молодой человек, рослый и грузный, породистый, с аристократическим должно быть выговором, с лицом гвардейского офицера (в красной офицерской фуражке ходит¹⁵). Гр[аф] познакомил нас с наличным составом Управы и продолжал свои занятия. Только заявил, что трудно будет нас пристроить: начальство уже очень косо посмотрит. Он принимал уполномоченных от разных сельских обществ и размечал с ними нуждающихся в ссуде на обсеменение. За другим столом делали то же относительно ссуды на продовольствие. Затем приходили разные мужики и бабы с просьбами и жалобами, что их обошли, чтоб им прибавили. Одна пара даже на колени встала. Но гр[аф] сурово приказал встать. Иные жалобно рассказывали, что нечего есть. Пришел один земский начальник¹⁶, к[о]т[ор]ый обращался с мужиками гораздо суровее, прикрикивал иногда, но зато держался более уверенно. Затем пошли к графу обедать. Живет он с большим комфортом¹⁷. Старинная мебель с гербами. Обстановка солидная, выдержанная. Он еще раз заявил, что при нынешнем положении вещей мы можем ожидать со стороны администрации самого худшего. Может случиться даже высылка. В прошлый голод губернатор отставил от дела и официально велел выехать одной курсистке без объяснения причин. Во всяком случае о том, чтобы встать в официальное положение к земству, нечего и думать. Мы можем быть полезны земству только своими сообщениями о положении дел. Ибо у них в управе сведения и дела начинают приобретать официальный бумажный характер. Посоветовал ехать в Малевку¹⁸ причем сказал характерную вещь: что посылая туда, вступает в открытый разрыв с тамошним земск[им] начальн[иком]. Губернатор предписал управе советоваться по выдаче ссуд с земскими начальниками. А земский начальник в Малевке голода не признавал. Вообще же гр[аф] и упр[ава] ладят с земскими начальниками и выдают ссуды по соглашению с ними. Земские начальники — здесь среднего качества. Тот к[о]т[ор]ый приходил в управу — хорош: хотя и не работник, но не мешает, а даже помогает.

22 апр[еля]

Губернатор — деск[ать] всячески мешает земству. И министерство внутренних дел не мало вредит. Напр[имер] сперва назначили продовольственную норму в 30 ф[унтов], всего пособия давать до 15 апр[еля] а потом позволили продолжить и выдавать по 50 ф[унтов] но с тем, чтобы общей суммы не увеличивать. Таким образом если бы земство стало жаловаться, что дали только по 30 ф[унтов], министерство могло бы показать бумагу, что выдается больше — по 50 ф[унтов]. Граф провел с нами почти весь день — должно быть с леншой, и не т[а]к уж много у него дела, а то не стал бы тратить понапрасну целый день, тем более, что разговор большею частью не отличался оживленностью. Вечером к нему пришел священник один, потом земский начальник. Свящ[енник] выразился о голоде т[а]к: бедные крестьяне голодают, богатые — проживаются. Земский начальник — болтливый старикашка, из тех, к[о]т[ор]ые мало обращают внимания на собеседников, обреченных выслушивать их длинные разговоры. Но он говорил и интересные вещи. Напр[имер] как он относится к (волостному?) сходу¹⁹. Губернатор пожелал, чтобы произвести засыпку (овса?). Сам старик земский н[ачальник] в этом не видел толку. Но когда на сходе стали возражать против предложенной им засыпки, он счел это оскорблени[ем] своей власти, и начал расправу: кто говорит против, выходи, ты говоришь, — я тебя посажу. А они закричали: Всех сажай, всех сажай: а! кто говорит: всех сажай? — выходи и т. д. По его мнению власть земских начальников куда меньше власти мирового посредника: у этого полиция была в распоряжении, он мог давать до 20 розог. Сам он, будучи земским начальником 2 раза применял розги: один раз при размежевании кр[естьян] земель, другой — при выселении на новые места. Во втором случае едва не вышел большой бунт.

Вчера приехали в Малевку. Малевка селение — до 8000 душ. Была сначала довольно богата. Сильно поддерживал ее сахарный завод²⁰ и угольные копи²¹. Крестьяне обрабатывали свеклу и сдавали ее на завод гр[афов] Бобринских²². Эти графы — единственные крупные владельцы. Прижимают крестьян страшно. Года 2–3 назад закрылась соседняя копь и завод сахарный,

25 апр[еля].

и с тех пор пошло разорение. Аренда земли под свеклу оказывала крестьянам серьезную помощь. Лишившись этой помощи Мал[евка]

стала голодать: голодает она и в урожайные годы, а в неурожайные тем более. Большая часть обрабатываемой земли арендуется у графов Бобринских (около 4000 десят[ин]) и лишь меньшая представляет из себя надельную землю. Из-за этой аренды население находится в настоящей кабале у графов: оно задолжало им тысяч 150. Взыскивание долгов производится конторою жестоко: по приговору суда происходят постоянно продажи имущества, скота. Зависимость населения от этих богатейших помещиков выражается конечно и в найме рабочих: плата очень низка (чуть ли не 15 к[опеек] в день). Что касается продовольственного вопроса, то отсутствие земской ссуды объясняется отказом села. Состоялся приговор о выдаче этой ссуды, а отказ объясняется тем, что ссуда обусловлена круговой порукой: крестьяне побогаче отказались ручаться за беднейших: и действительно, в селе масса нищих, убогих, к[о]т[ор]ые все равно никогда не отдадут: какое право имели бы мы требовать, чтобы бедный, но еще не разоренный крестьянин платил за чужих ему нищих. Впрочем, земство не выдает ссуды вдовам, николаевским солдатам²³, вообще безнадельным, и поэтому часть аргумента отпадает. С другой стороны нек[о]т[ор]ые крестьяне говорят, что отклонение ссуды было проведено на сходе насилем старшины: чуть кто говорил за ссуду, его сейчас в кутузку.

Но хотя таким образом в Мал[евке] — как и везде — есть богатые и бедные, дифференциация подвинулась мало: все приблизительно равны. Есть 2–3 тысячника (по 1–2 тысячи), сперва было больше: богатство это объясняют тем, что они не делились²⁴. Бедность объясняют большей частью к[а]к следствие усиленных дележей, несчастных обстоятельств: хозяин помер, детей много и т. д. Многие побираются. Голодный год только несколько обострил нужду: нищие говорят, что никто ничего не дает: сами терпят. Волостной писарь полагает, что в Малевке вообще не голодают. Я думаю, он хотел этим сказать, что в этом году не хуже других лет. Вообще Малевка это темное царство ленивой нужды, голодного молчаливого прозябания, царство теней. Мужики — какие-то никчемные и беспомощные, не видно блеска и огня в глазах, не слышно горячих речей; бабы, к к[о]т[ор]ым относятся довольно презрительно, говорят много, но бестолковы, и вообще ниже мужиков по общему развитию — на первый взгляд. Дети — большею частью живые, красивые. Волостной писарь говорит, что мужики бо-ятся друг друга больше, чем начальства: если кто-н[ибудь] покажет, что просящий пособия — не стоит его, не беден, — тогда показавший это рисковал бы поджогом. Поджоги этого рода, по словам того же

писаря очень часты, и потому на сходе мужики боятся говорить друг против друга.

Доктора и фельдшера нет, и никогда здесь не бывает: ближайший врач в 7 верстах. Земский нач[альни]к приезжает редко.

---

26 апр[еля].

Мораль. А. А. Образц[ов] говорит, что они мало тревожатся о своих родственниках и больных, жестоки к лишним рта́м. Я не особенно это заметил. Впрочем и он обратил внимание, к[а]к один мужик своего брата чахоточного жалел и любовно об нем говорил. Мы посетили этого чахоточного. Он был жалок. Красивое продолговатое лицо, грустные горящие глаза.

До голодных годов Малевка была богата: не имела нисколько недоимки — теперь масса недоимок.

Сегодня бабы страшно надоели с своими болезнями, весь день после раздачи хлеба²⁵, мы лечим²⁶.

---

27 апр[еля].

В Михайловское сегодня поехали за пособием. Это верстах в 15 отсюда. Велено из конторы являться всем лично. Выдавать по 1 пуду на душу. Подвода стоит 50 к[опеек]. Мы сказали, что они ведь могут пешком идти, а хлеб потом сложить по 25 п[удов]. Пекарь говорит: а вот станут класть на телегу [нрзб] и хозяин подводы и скажет: давай 2 рубля, а то не повезу.

Один мужик — брат того чахоточного — жаловался на большие траты на попов (см. расписание треб) и говорил, что истратил за этот год 17 1/2 р. на одни требы.

На счет продовольствия: попечительство церковно-приходское²⁷ еще в декабре начало составлять список нуждающихся, и в январе

роздало беднейшим 20 р., собранных в собственном приходе. Перед пасхой гр[аф] Вл. Бобринский прислал в попечительство 50 р. от Красного Креста, к[о]т[ор]ые были розданы по тому же списку. Одновременно с нашим приездом гр[аф] из денег, ему лично присланных после его письма в «Нов[ое] Вр[емя]» и «С.-Петербур[ургские] Вед[омости]»²⁸, послал попечительству 300 р. За несколько дней из Михайловского, из конторы гр[аф]ов Бобринских (других, к[о]т[ор]ые не в ладах даже с гр[афом] Вл. Бобринским), прислали запрос о том, сколько голодающих. Попы, когда мы приехали, были заняты составлением этого списка.

22 апр[еля].

А. А. Обр[азцов] ездил в Михайловское с целью узнать, что именно намерена сделать контора для голодающих. Управляющего не застали. Другой какой-то служащий стал ругать мужиков и говорить, что голода нет, что список слишком велик и т. д.

23 апр[еля]

был сход церковно-приходского попечительства. Небольшая комната волостного правления была вся полна народом — попечителями, избранными от каждых 10 дворов. За решеткой помещался старшина, 3 священника, диакон, брат старшины (бывший старшина) и мы. На сходе решили не уменьшать список, а еще несколько добавить его и перейти к составлению нового списка, к[о]т[ор]ый приняли бы на свой счет мы и попечительство.

Мужики на сходке вообще говорили мало, руководящую роль играли священники, но никакого внешнего признака насилия над большинством не было. Напротив были столкновения уполномоченных со старшиной. О. Василий²⁹ пожелал внести в список одного крестьянина и приглашал пожалеть его. Тогда из толпы раздалось: «Так ты бы сам и пожалел его, и не брал бы с него». О. Василий страшно рассердился. Застучал по столу, закричал. Потом пустили на голоса и предложение о. Василия было провалено 5-ю против 4. Голосовали только уполномоченные данного участка, поднятием руки. Поднимали руки очень робко и нерешительно. Нам рассказывали тут, что мужики страшно боятся друг друга. Бабы постоянно жаловались на власть и на священников.

Вчера были в Никитском, слушали экзамен церковно-приходской школы. Отправили письмо в комитет, где извещаем о намерении переместить местопребывание и просим еще 300 руб. Вечером у о. Семена³⁰ читал нам одну свою проповедь насчет воскресных школ. Вообще он в проповедях касается общественных вопросов.

Вчера же приезжал становой: он выспрашивал о. Семена об нас, ходил в пекарню и смотрел наш хлеб: ему показали не тот, к[о]т[ор]ый мы раздавали, а другой — выпеченный без формы³¹. Явившись к нам, он сразу заговорил быстро, как человек к[о]т[ор]ому много есть порассказать. Он оказывался человеком довольно либеральным: смеялся над дворянами, над земскими начальниками; рассказывал про голодающих, к[о]т[ор]ые пропивали даваемый им хлеб, про то, что в 91–92 гг. был настоящий голод, а теперь — только т[а]к. Образц[ов] полагает, что в разговоре я был недостаточно настроже, но ничего лишнего кажется не сказал.

Сегодня Обр[азцов] был в мрачном настроении, объявил, что в Черняевку во всяком случае не поедет, что он окончательно разочаровался, что наша помощь или нуль или отрицательная величина.

Сегодня обходил несколько изб, из тех, к[о]т[ор]ым мы давали пособия. Довольно бесцелен был этот обход: я хотел узнать положение тех, кому мы помогаем. В одной избе мне сказали, что хлеб едят все, что больше одного дня человек на картофеле не проживет. В другой, что здесь в Малевке есть случаи, что на одном картофеле сидят 1–2 недели. На Великом Посту умерла одна баба от употребления одного картофеля. Там же баба рассказывала мне, что недавно встретила человека, к[о]т[ор]ый остановился оперся на палку и не мог двигаться; когда она спросила, что с ним он ответил, что три дня на одном картофеле и ослаб.

Становой рассказывал, что попы не могут отказывать состоятельным (т. е. средним) мужикам в пособии, иначе последние не будут им платить. Говорят также, что священники вписывают тех, у кого свадьба скоро. Вообще много недовольных списком. Говорят, что и волостной старшина и священники пишут по пристрастию. Сегодня, когда я ходил, несколько мужиков говорили, что я их не провижу: не могу узнать кому — нужны помощи, кому нет, но враждебного отношения ни в них, ни в ком вообще из крестьян к нам я не замечал. Зато к начальству все относятся враждебно. Наша помощь вообще не ощутительна в Малевке, она слишком мала.

2 мая.

Третьего дня мы сидели довольно унылые за чаем, когда вдруг подъехала тройка с бубенчиками и к нам в комнату влетел молодой человек с манерами Аркашки Несчастливцева³² с фигурой рецензента как его выводят в водевилях. Он отрекомендовал себя корреспондентом «Бирж[евых] Вед[омостей]»³³ Иноземцевым³⁴, командированным для исследования голода, гр[аф] Бобр[инский] направил его в Малевку. Он привез нам несколько новостей, быстро рассказал нам характер своего путешествия и сразу стал расспрашивать о голоде, на накопившемся у нас материале. Мы рассказывали все, что могли. Решительно каждое сообщение приводило его в неописуемый восторг. Он ерошил себе волосы, хлопал себя по ляжкам, нервно ходил по комнате и поднимая брови выкрикивал: превосходно! Это удивительно! Скажите! Побывали у отца Семена. Тот ему порассказал порядочно. О. Семен любит рассказывать. После этого посещения Иноземцев стал говорить, что он напишет о Малевке сенсационную корреспонденцию. Вернувшись мы еще немного поговорили, причем я вступил с ним в спор. Он говорил с авторитетом, но без весу. Он ночевал у нас две ночи. Вчера я с ним ездил в Никитское. Там слушали уроки на курсах, устроенных графом Бобр[инским] и составляющих его *idée fixe*³⁵: 2-летние курсы для женщин окончивших воскресную школу с целью выработать из них учительниц³⁶. Я определенного мнения еще не составил об этой идее. В ней чувствуется конечно барская затея: граф непременно хочет, чтобы эти учительницы ходили в своих серяках³⁷ и поневах³⁸, и это кажется наиболее и забавляет и привлекает. Другой недостаток — монастырский дух курсов: зак[ону] Божию придается первое и решительно подавляющее значение. Курсистки отличаются бесстрастным выражением лица, иноческими движениями — потуплением глаз долу. О. Петр накормил нас обедом. Он рассказывал к[а]к нажился никитский старшина в голодные годы: взял в аренду на 9 лет земли с 80 наделов по 4 р. 1 десят[ина], по кускам и теперь, опять таки по кусочкам отдает их по 11 р. 1 десят[ина]. Вообще совершенно отрицательные отношения к волостному старшине. Выборы этого лица — пародия на самоуправление. Ибо против старшины никто пикнуть не смеет: у него слишком большая власть. Поэтому на выборах в волостной сход он проводит беспрепятственно своих кандидатов, к[о]т[ор]ые потому и выбирают его старшиной. Самоуправление для крестьян о. Петр вообще считает невозможным, и полагает наиболее

целесообразным сделать из волостного старшины чиновника по назначению. Только чужой для деревни человек с сильной властью может принести ей пользу, но такой человек, по словам о. Петра, может в 3 года застраховать село от всякой возможности голодовки. Голодовки — не от неурожая, а от дурного управления: нужно запасы делать. Не даром гр[аф] Бобринский назвал его Бисмарком во время голодовки 91–92 гг. когда о. Петр был первым почти лицом в уездном попечительстве. А про себя самого, к[а]к он-то сам нажился, он не рассказывал. Нам говорил много на следующий день о. Семен. И, конечно словоохотливый о. Семен не замедлил пополнить мои сведения об этой стороне в характеристике о. Петра. Во-первых о. Петр взял из Красного Креста из сумм, ассигнованных на голод в уезде, 1000 р. к себе в попечительство Никитское. Во-вторых в голодные годы выдал двух дочерей и каждой [дал] в приданое по 1000 р. Наживались они тогда здорово по мнению о. Семена. Кр[асный] Крест прямо поручал на их собственное усмотрение выбирать, кому выдавать хлеб даром, кому по дешевой цене: они мужику продадут по дешевой цене, а в отчете занесут его в графу получающих даром. Их никто не проверял. Конечно о. Семен и завидует немного о. Петру. Но с другой стороны... Недавно я слышал от старосты мнение его о попах наших малевских. Всех добрее будто бы о. Иван (а Обр[азцов] слышал, что и этот жесток, не уйдет из избы, пока не получит последнего пятака). Всех деловитее о. Василий, но и всех больше берет. О. Семен больше всего принимает к сердцу дело продовольствия, но тоже жаден. По словам старосты, так же к[а]к и станового, священники боятся отказать иному мужику в пособии. Тот же староста высказывал мнение, что хотя нынешнее положение дел несравненно лучше, чем в 91–92 гг., но и теперь без небольшой помощи, оказываемой попечительством и т. д. были бы случаи голодной смерти. Один мужик всю зиму питался т[а]к: брал 1/3 мякины, 1/3 сырого картофеля, 1/3 муки и так пек себе хлеб. Зато ему хватает до сих пор: ему и пособия не выдали. С лебедой едят многие.

Вообще все говорят, что в виду огромных размеров выдачи в 91–92 гг. (тогда помощи не получали менее 1/3 душ), теперешнее положение хуже. Штейгер³⁹ Моховской шахты, где мы сегодня были, решительно это отрицал. В те годы по его мнению, почти весь скот был продан. Поэтому тогда весной были огромные цены на скот (напр[имер] корова — рублей 60) точно также и на другие предметы, напр[имер] на солому. Штейгер говорил также, [что] заработки с тех

пор не уменьшились, а скорее увеличились. О. Семен и о. Василий порассказали Ино[земцев]у порядочно интересных вещей: они рады были, что есть кому пожаловаться. Интересно было про земского начальника здешнего: он оказывается совсем не живет в своем районе⁴⁰, камера⁴¹ его в другом уезде, он гоняет крестьян к себе за 100 верст, в Малевке ни разу не был в этот неурожайный год. Он состоит почти на жаловании у Михайловской конторы, последняя платит его долги, поставляет корм для скота с своего сахарного завода, разный другой материал и т. д. Понятно, к[а]к решаются споры между крестьянами и конторой. О. Семен рассказывал, что бывают случаи недельного и даже 2-недельного сидения на одном картофеле. Сегодня утром И[ноземцев] уехал. Мы почти весь день посвятили на путешествие в шахты в Левенках, принадлежащей какому-то англичанину Миллеру. Последний выплатил собственникам земли — огромные суммы. Левенские крестьяне получили около 200 тысяч рублей за землю, и с пуда угля. Но все это прошло незаметно, получалось понемногу и пропивалось помногу. Теперь у них осталось только 11 тысяч, полученных сразу по суду с Миллера за колчедан, за к[о]т[ор]ый тоже нужно было платить с пуда, а на самом деле не выплачивалось. Эта сумма не может быть ник[а]к использована без воли земского начальника. Они мечтают купить на это земли. В этом году просили на продовольствие выдать 1 тысячу. Земский не разрешил. В прошлом году граф Бобр[инский] приезжал молить их пожертвовать 1 тысячу на школу. Они не согласились, хотя он даже расплакался на сходе. В шахте было интересно. Гадко и жестоко там. Сырость, тьма и копать, копать. Из этих коптилок лампочек, к[о]т[ор]ые наполняются каким-то дрянным парафином, в легкие проникает должно быть великая мерзость.

3 мая

Сегодня раздача хлеба была. Опять не все пришли. Погода чудная. Я чувствовал себя немного слабым, и главное немного не по себе. Ужасно редко бываю совсем доволен. Малевка с каждым днем хорошеет. Прелесть здесь к[а]к красиво. Вечером приходил брат того чухоточного. Разговорились о податях (он платит 6 рублей податей, а его несчастная десятина дает ему, к[а]к мы вычислили, 10 рублей, если бы он продавал весь ее продукт) и о прочем, и очень быстро разговор принял весьма мятежный характер. Он все говорил о незначительности

надела, о переселении в Сибирь, о господах, к[о]т[ор]ые живут на счет мужиков. Когда А. О[бразцов] напомнил о возможности взять землю у помещиков, он весь оживился, и стал весьма откровенен. Взять землю у помещиков — его лучшая мечта. А. О[бразцов] напомнил о Пугач[еве] и о невозможности победить господ, если прямо просто востать. Но он еще раньше сказал, что смерти все равно не миновать, что уж пойти бы прямо... Конечно, сейчас же на счет царя, что дескать ничего ему не сказывают. Но мы не встретили никакого недоверия и возражения с его стороны, когда стали говорить, что царь все знает, да не хочет, что он заодно с помещ[иками] и т. д., что он не признает голода, не велит говорить правды — и т. д. Он очень враждебно отзывался о земских начальниках, и вообще о всем начальстве. Потом, шепотом рассказал, что прошлым летом у Богородицкого графа вышло с крестьянами столкновение: мятеж, для усмирения к[о]т[оро]го был вызван полк солдат⁴². Крестьяне провели будто бы, что земля, к[о]т[ор]ую гр[аф] считал свою, может принадлежать им и стали на ней косить и пахать. Мужик пашет, а солдат стоит и не пускает; так и не пустили. Но судиться они еще кажется не кончили. 30 человек за мятеж посажены в острог. Вообще этот мужик прямо таки горячий материал. По его словам, старшина имеет здесь в Мал[евке], помимо жалованья, рублей 300 незаконного дохода. И как он решительно высказывался про безусловный антагонизм между господами и мужиками: ведь во всех судах только господа сидят, мужиков никого нет. К[а]к он хорошо понимает, что губернатор не хочет голода и что господа должны отрицать голод. Он между прочим закинул удочку, что дескать почему бы нам, напр[имер] не доставить грамотку Его Величеству, о тяжелой жизни крестьян. Рассказывал, что один из бывших солдат, долго тягавшийся с помещиком из-за земли, подал грамотку в руки самому царю — был удовлетворен. Наш разговор был прерван вошедшими к нам бабами, к[о]т[ор]ые принесли ребенка, раненого в голову лошадьё. Рана глубокая, но череп кажется не проломлен. Мы, т. е. главным образом А. О[бразцов] долго возились с ребенком. Потом у нас долго сидел писарь. Рассказывал, между прочим, что в Малевке, в противоположность другим деревням, почти нет никаких забав, кроме качелей по нек[о]т[ор]ым праздникам, да безнравственных игрищ, на к[о]т[ор]ые собираются молодые люди всего участка (и женатые) и на к[о]т[ор]ых он никогда не бывал (к[а]к человек хорошего тона и поведения). В других же деревнях кругом, и хороводы бывают, и игры в мяч, и городки и бросание венков в

реку на Троице. Потом рассказывал про ужасные нравы дьячков здешних, к[о]т[ор]ые в церкви на клиросе всенародно показывают друг другу сороковки⁴³ и разбивают в кровь носы.

4 мая

Чернов говорил еще про ополчение⁴⁴, высказывал неудовольствие на это учреждение. Говорил, что много от него неудобств, отрывает от работы, а пользы от него не видно никакой. — Сегодня приехал к нам становой⁴⁵ и передал две бумаги. В одной исправник⁴⁶, ссылаясь на распоряжение губернатора за № ..., «секретно» предписывает становому приставу обязать студентов СПб Унив[ерситета], А. А. Образцова и А. М. Рыкачева подпискою прекратить их деятельность по оказанию помощи пострадавшим от неурожая. В другой «мы нижеподписавшиеся, студ[енты] СПбУ А[лекс]андр Адр[иа]н[ович] Обр[азцов] и А[ндрей] М[ихайлович] Р[ыкачев] обязуемся прекратить нашу деятельность по оказанию помощи пострадавшим от неурожая, в чем и подписываемся». Я поколебался было подписать, но Обр[азцов] сразу решил подписать и мы подписали свое отречение. Становой был очень любезен, говорил, что, конечно, мы можем передать дело священникам, и можем еще побыть в Малевке; «эту выдачу еще произведете, а потом уже попросим священников», «ну а без дела вам и самим в Малевке не захочется жить». Рассказывал опять про голод 91–92 гг., что тогда будто бы давали пособие зря, крестьяне чувствовали себя прекрасно, что видно уже из того, что больше браков было чем обыкновенно (о. Семен объяснял это потом тем, что за свадьбу тогда меньше брали, а также тем, что крестьяне справляли свадьбу дешево, не считая своим долгом делать большое угощение) и пьяных было больше. Говорил также с сожалением и с снисходительностью о гр[афе] Вл[адимире] Ал[ексеевиче] Бобринском, — что к[а]к это он такой опрометчивый поступок совершил (открытое письмо о голоде), что его теперь везде чистят и т. д.! После его ухода мы чувствовали себя довольно скверно. Пошли на выдачу. Там встретили Чернова, от к[о]т[ор]ого Обр[азцов] кое-как постарался отделаться. Мне было его немного жаль: ему видимо опять хотелось поговорить. Но нам было не до того. Вернувшись мы стали обдумывать, хорошо ли мы поступили, что подписали и в конце концов пришли к заключению, что поступили скверно. Обр[азцов] от злости кулаком по столу жестоко стучал. Потом

мы принялись за чтение и успокоились. Я полагаю все-таки, что лучше было не подписываться.

5 мая

Сегодня Обр[азцов] совсем как-то расклеился точно; говорит: если бы не вы, я бы сейчас уехал, он очень расстроен вчерашним появлением станового и считает, что нам после этого нечего делать. Ездили сегодня в Никитское покупать пшено. Т[а]к к[а]к лавочник не уступил по 1 р. 5 к.⁴⁷ то купили не 25, а только 6 1/2 [пудов], на первую выдачу. По пути интересное мнение нашего возницы: что им от молитвы, с к[о]т[ор]ой обходят село священники, никакой пользы, а только убыток, и что вообще лучше бы было если бы попы не собирали денег с паствы, а получали определенное жалованье. Вечером ходил к Чернову. Т[а]к к[а]к там были незнакомые лица, то решительно говорить не решился, но начальство вообще поругали. Возвращаясь, слышу, зовет пономарь с деловым видом: попросил, чтоб я вышел у него чаю и стал расспрашивать про корреспондента, говоря, что очень много бы можно было написать ему, и к[а]к ему писать, и когда мы уедем. Мне это показалось подозрительно, и я был настороже. Посидели не долго.

6 мая

Сегодня получил письма. Между прочим от Пичахчи, вследствие к[о]т[оро]го решили завтра выехать в Богородицк и предложить свои услуги гр[афу] Бобринскому. Ездили в Непрядву для переговоров с заведующим земским складом⁴⁸. Опять толковали про народ, про голод и т. д. Все его мысли витали на прирезке земли, и на царя все-таки надеется, но когда я утверждал противное, он не возражал. П[р]о Екатерину II он передавал слова одного мужика ихнего «она всех нас мужиков про...» Спрашивал между прочим правда ли что студенты иные в Бога не верят. Говорил что царя у них часто и много ругают («и матюгом иной раз ругнет»), и что это ничего. Про Сибирь много мечтает.

К[а]к рассказывал о. Василий становой ходил по избам, в к[о]т[ор]ых мы были и расспрашивал крестьян про нашу деятельность.

Пономарь взял у меня сегодня карточку и обещал писать.

8 мая

Вчера выбрались из Малевки. На прощанье о. Василий угостил нас яичницей и разговором. Он говорит, что о. Иван с самого начала был против нас и боялся нас пускать опасаясь пропаганды. Ехали из Малевки на двух телегах. Трясло порядочно. Обр[азцов] все говорил: неужели поедем в Черняевку, ему не хочется. По дороге Чернов (он нас и вез) рассказывал опять в том же духе, но явился нам с другой стороны. Этот раз затрагивал больше вопросы религиозные: не отнимает ли учеба веры? (он приводил примеры отказа от веры вследствие учебы из своей крестьянской жизни) и что такое по вашему, «по студентски» чудеса и вещие сны. У него года 3 тому назад мальчик утонул в бочке и с тех пор по его словам он без слез не уходит из церкви. С глубоким чувством приводил он притчу о мытаре и фарисее, о том, что возвышающиеся будут унижены, а унижающиеся возвышены. Граф посоветовал нам обратиться к исправнику и объясниться с ним. Вчера мы направились к исправнику но не застали его дома. Переночевали у графа. Утром за чаем какой-то господин рассказывал про возмутительный случай в Туле. Какие-то мелкие чиновники громко сказали про станового, что это первый взяточник. Через несколько времени этих несчастных потащили в кутузку и высекли. Пошли к исправнику. Обр[азцов] придумал прекрасный предлог для разговора. Наше дело было собственно заявить, что мы отrekliсь от деятельности только к[а]к уполномоченные В.Э.О. а не от всякой деятельности. Обр[азцов] начал с того, что пожелал узнать о причине нашего устранения: направлено ли распоряжение губернатора лично против нас или лишь против уполномоченных общества. Исправник премило нас успокоил, заявил, что это направлено только против В.Э.О. Ответил утвердительно на мой вопрос: итак мы устранены от деятельности только к[а]к уполномоченные В.Э.О.! Спросил нас, уезжаем ли мы в Петербург. Обр[азцов] сказал — в Тулу. Он посоветовал нам явиться к губернатору и рассказать наши впечатления губернатор дескать тоже подтвердит, что против нас лично ничего не имеет. Вообще исправник порешил должно быть, что мы просто струсили. Обр[азцов] говорит, что чувствует себя скверно.

Чернов еще рассказывал, что их земский начальник сильно дерется. Прочел письмо Нацвалова в СПб. Ведомостях⁴⁹ и позавидовал: вот молодец! Письмо чрезвычайно смелое и сильное.

Чернов говорил также, что он слышал вообще, что студенты часто в Бога не верят. Интересовался 1-ым марта. По слухам, дошедшим до

него, если бы Ал[ександр] П еще несколько прожил, то «ему вышли бы такие лета и дали бы ему Белого царя и стал бы он превыше синода» тогда к[а]к теперь он против синода идти не может.

10 мая

Вчера земский доктор Петкевич⁵⁰ говорил, что человек может примениться к картофельной пище и жить на одном картофеле на-пр[имер] целый месяц.

Третьего дня выехали из Богородицка. Графиня Ю. А. Бобринская⁵¹ рассказывала, что нек[ото]рые попы относятся отрицательно к излишнему усердию по отношению к Закону Божию на Никитинских курсах: из этого дескать легко сектанство выйдет, это замечательное явление: ведь действительно подробное изучение сект и ересей должно будить мысль и отталкивать от мертвящего православия. Граф мыслями весь в Петербурге он думает т[а]к: или я или губернатор и ждет телеграммы, чтобы ехать представляться Его Величеству. Его опровержение на заявление губернатора об отсутствии голода⁵² очень интересно. Но насчет тифа он кажется все-таки увлекся. Здешний черняевский доктор говорит, что тифа голодного нет, но он сам знает, что был заявлен один случай тифа от голода. Уехали мы нарочно не прямой дорогой, а через завод [таким] образом, чтобы наш отъезд не был замечен в городе. Все это очень забавляет графа по-видимому: он гордится своей борьбой. Здесь в Черняевке мы не застали о. Александра⁵³, но встретили его еще раньше, на пути. Здесь же нашли весьма милое его семейство: семинарист, собирающийся в университет, девочка-сорванец лет 15 (племянница), теща — бывшая попадьа, много рассказывавшая нам о злоключениях Черняевки, о голодовке, и сама матушка, к[ото]рая не любит, чтобы ее называли матушкой. Семинарист — славный, добрый должно быть: открытый вид, умные глаза, веселый нрав. Сначала было заявил, что никакой помощи не нужно, но потом под влиянием других, сознался, что помощь нужна. Но вообще на счет благотворительности высказался отрицательно: дескать портит это мужика: в 91–92 гг. мужику было лучше, чем в урожайные годы, т[ак] к[ак] его много даром кормили; тогда гр[аф] Л. Н. Толстой прямо заявил, что в Богородицком уезде голода нет и помогать не нужно⁵⁴, а помощь была очень обильная. «Это все-таки полумерь». Для поднятия благосостояния нужны по его мнению настоящие большие реформы и прежде всего увеличение наделов. «Ну вот вы и

постарайтесь это дело провести», — сказал я. «Ну нет, я бы если меня и просили отказался, разве тут такую голову нужно иметь. С меня довольно и простым работником быть». Он сказал это серьезно и просто. Рассказывал он про мрачные стороны здешней жизни: земский начальник напр[имер] «берет в долг», т. е. попросту состоит на жалованьи у волостного старшины. Крестьяне иногда бунтуют, к[а]к напр[имер] в борьбе между гр[афом] Вл. А. Бобр[инск]им и И[е]влевом, к[ото]рая закончилась призыванием целого полка солдат. И другие крестьяне постоянно ссорятся за землю с господами.

О. Александр рассказывал, что однажды из-за податей черняевские крестьяне пошли с кольями на исправника. Про Никитянок семинарист и вся семья отзывались с насмешкой и считали все это забавой. Но о. Александр одобряет. Я чувствовал себя очень хорошо в этот вечер, проведенный в семье о. Александра: все они казались мне и милыми и добрыми. Семинарист вообще с каким-то презрением говорил о графе и о его теперешней борьбе: дескать прокладывает себе путь в Петербург, на высшее назначение. Вчера утром ходили по избам. Обр[азцов] сразу, со второго мужика заявил, что здесь помогать не стоит. По-моему это не основательно. Но я согласен, что наши 500 р. были бы полезнее в другом уезде. Однако и здесь они будут полезны. Правда в Малевке теперь положение, пожалуй, хуже. Но когда земская помощь будет съедена, здесь будет скверно. Потом я ходил в Исаевку. Эта деревня указывалась нам как пример голодающей деревни. Она прихода И[е]влева, а в И[е]влеве 9 мая — престольный праздник⁵⁵. Поэтому в Исаевке мужики были подвыпивши а девки большой толпой ходили кругом деревни, пели песни, водили хоровод. Красивые у них костюмы: черный, красный, золотой цвет т[а]к и пестреют в живой, трепещущей куче. Староста сказал мне, что в настоящую минуту помощь и вовсе не нужна: а вот после выборов земского съезда, тогда будет плохо. Сам староста получает ссуду, хотя и самый богатый мужик, не получило ссуды всего человека 4. Сегодня Обр[азцов] познакомился с живущим здесь поднадзорным, бывшим студентом⁵⁶. Он сказал, что о. Александр не надежен — испуган.

Были вечером у управляющего: управляющий — отец этого поднадзорного. Сам поднадзор[ный] ничего интересного не говорил. Отец и еще какой-то служащий в конторе страстно говорили про крестьян, что крестьяне — лентяи и никакого голода нет, что земство ничего не понимает и делает глупость раздавая хлеб всем без разбора. Главная же его вина в том, что оно не разьясняет, что выдаваемый хлеб —

ссуда, а не пособие, что следует его возвратить. Из-за этого пособия крестьяне ленятся, не идут на работы, мало того, ленятся и на своей собственной земле. На одной и той же земле, при одном и том же удобрении и одновременном сеянии, у одного получается 26 копен⁵⁷ на десятину, у другого 7 исключительно потому, что один пахал лучше чем другой. Крестьяне дескать убеждены, что их кормит царь, потому что царю нужны солдаты, и что кормят их даром, убеждены, что им дадут еще земли. Добром это не кончится. Он уверен в возможности и неизбежности бунта.

Взял с собой.

- 1) письменные принадлежности с градусником и щетки зубн[ые] нов[ые]
- 2) Геркулес
- 3) коробка мела зубного
- 4) мыло
- 5) борная кислота
- 6) вата гигроскопическая
- 7) чай
- 8) уксусн[ая] эссенция в башлыке.
- 9) две баночки с Геркулес.
- 10) красн[ого] вина бутылка
- 11) подсвечник с розеткой.
- 12) спиртовая лампочка
- 13) гребенка и щетка
- 14) щетка платяная
- 15) порошок на дорогу
- 16) мыло на дорогу
- 17) полотенце
- 18) книги

<u>Белье</u>	Новых простынь больш[их]	3
	Простынь старых	3
	Наволочек	3
	Полотенец личн[ых]	6
	Тряпок	5
	Салфеток больш[их]	2

Салфеточек	7
Простынь маленьк[их]	1
Коломянковых ⁵⁸ рубашек	1
Рубашек ночных	6
Рубашек денных	6
Носков	12
Платков	6

Тужурки 2, сюртук новый, пальто старое, башлык, брюк 2.
 Кашне, печатки белые (в сюртуке), перчатки теплые.
 Подушка, 1/2 пледа.
 Матрац, ремни, 2 одеяла.

Тарелки, блюдечко с чашкой.

Два ножа, две вилки серебряные, ложка, [нрзб], кастрюлька

[конец первой книжки]

В Черняевке осенью было очень скверно. Все страшно боялись зимы и спешили продавать скот. Около 2/3 всего скота было продано. Лошадь, в обычное время стоившая 30 р., продавалась за 2 р.50 к. Коровы были несколько дороже, потому что шли на мясо. Хлеб ели с лебедой и осенью и зимой до земской ссуды; лебеды иногда клали 2/3. Теперь хлеб едят чистый, благодаря ссуде (1 п[уд] на душу в месяц). Но в одном дворе не получающем ссуды нам попался хлеб с примесью лебеды, хотя и незначительною. Нам сказали, что [нрзб] будто теперь меньше лебеды в виду рабочего времени: если бы хлеб был так же скверен, к[а]к зимой, то мужики не могли бы работать к[а]к следует. Покамест земская ссуда поддержит население, но даже до конца июня ее не хватит, а на июль т[а]к и не будет выдаваться, к[а]к говорит граф. Не хватит ее на июнь отчасти потому что выдают не на всех, на работник[ов] не дают, отчасти потому что подсыпают муку скотине, отчасти потому что полученная рожь идет на уплату долгов; напр[имер] одна баба говорила, что из 2 п[удов], ею полученных, она 1 п[уд] сейчас же отдала за долг. Топливо и корм скотине особенно пагубно отозвались на населении. Крыши у риг разбирали, у дворов, у задворков. Один мужик и у избы крышу снял. Теперь хлеб у всех есть. Обсеялись почти все. Очень немного осталось необсеянной земли. Податей в этом году нужно было собрать — 6000 р., а собрано 600. Осенью один мужик хлеба не ел дня 3, а старуха его должно

быть дня четыре; батюшка спрашивает ее, что она делает. Она говорит: обедаю, а сама ботушки⁵⁹ ест (листья от редьки).

мая 11

Сегодня день прошел без дела. Ходили в лес гулять. В лесу чудно хорошо. Цветочки, листочки, солнышко... пчелки жужжат. Но я устал, ибо проснулся слабый, разбитый. Живот болит. Говорили мало интересного. У батюшки рассказывали к[а]к один семинарист сватался к дочке здешнего попа и уж благословили их и целовались они, и взял жених 100 р. взаймы, да вдруг и улепетнул, а теперь женится на дочери Малевского отца Ивана. О. Александр говорит, что лучше осматривать амбары у всех, кто хлеб получать будет; сделать обход. Завтра собираемся в Щегловку. Вспоминали они к[а]к в голодные годы в Малевке крестьяне получили ссуду из одного источника, а потом свезли ее в лошину, когда пришли из другого источника амбары обыскивать. И в Исаевке то же было: прямо в веретях⁶⁰ сложили куда-то в лошину свой хлеб, когда их осматривать пришли.

мая 12 утром.

Сейчас был граф, проездом в школу на экзамен. Весь в восторге, что его опровержение напечатано в СПб. ведомостях⁶¹. Он спит и бредит своей борьбой и кажется немного преувеличивает. Про корреспонденцию⁶² он говорит, что много он приврал. Напр[имер] граф никогда не говорил крестьянам при Ин[оземцеве], что дай Бог только полумирающих с голоду накормить⁶³.

2 часа дня.

Сейчас ходил по Щегловке со старостой. Он по-видимому страшно боится мужиков, при них ни одного слова из него не выжмешь. Да и вообще все время обхода ничего не говорил, и когда я спрашивал его мнения, отматчивался. Но должно быть отношения у них не наилучшие: с одной бабой здорово сцепились. Она его стала упрекать, дескать кто дает выпить, тот и получит пособие. Когда мы вернулись к старосте, он был очень зол: им, нехристям, ничего не нужно давать; бьешься, бьешься для них, а они вместо того...

Потом мужик, к[о]т[ор]ый вез меня в Мшищи говорил, что прежде старостой был брат нынешнего старосты и что этот брат сильно порасстроил хозяйство в бытность свою старостой: [нрзб] и проч. (Это говорят от пьянства: старосты иной раз шибко гуляют.)

Кто-то говорил мне, что становой сам говорил, что И[е]влевские крестьяне в споре с гр[афом] Вл. А. Бобринским (когда полк вызывали) совершенно правы и что он одолел только на основании давности.

---

13 мая

Староста в Щегловке сначала сказал, что это неправда, будто бабы все за долг много отдают, а потом оказалось, что все вперед заедают. Сам староста роздал четвертей 9 в долг. Говорят без процентов это они получают. Однако с другой стороны я слышал, что отдают хлеб, а сам процент берут работой, да водкой.

Егор Петров: поэт

бабы его высекли и он все стоял, потому что больно сидеть и лежать
впрягся в дрожки земского начальника повез с горы и сломал себе что-то
Бороду вымазал благочинному⁶⁴ яйцами

в конторе не дают хлеба собрать пока не заплатят: хлеб гниет

Приложение

Из «Предварительного отчета о поездке в Тульскую губернию уполномоченных Комитета помощи пострадавшим от неурожая Императорского ВЭО А. А. Образцова и А. М. Рыкачева, составленного А. М. Рыкачевым»⁶⁵

<...>

Становой⁶⁶ 12 мая был становой пристав (тот же, с которым мы имели дело в Малевке), и расспрашивал нас о наших целях, а чернявцев о нашем поведении.

Наша деятельность опять пресекается. Утром 14 мая он опять явился к нам и предложил подписать бумагу, в которой мы, А. А. Образцов и А. М. Рыкачев удостоверяем, что через станowego пристава нам объявлено, чтобы мы прекратили всякую деятельность по оказанию помощи пострадавшим от неурожая впредь до получения разрешения от губернатора, и обязуемся поступить согласно этому распоряжению. Мы согласились подписать, но с тем, чтобы была уничтожена последняя фраза — об наших обязательствах. Становой против этого не возражал, и в таком виде бумага была нами подписана. Вместе с тем становой сообщил нам, что, по распоряжению начальства, он приказал старшине и старостам, при малейшей нашей попытке продолжать свою деятельность — в виде ли собирания сведений или как-нибудь иначе — тотчас дать знать об этом в Богородицк, после чего уж «будут приняты соответствующие меры». Далее, он сказал нам, что старшинам и старостам вообще будет приказано не давать никаких сведений и не оказывать никакого содействия никому, кто интересуется голодом, не имея от губернатора «открытого листа», и в случае появления таких лиц — будь это уполномоченные от графа, или сам граф, или священники, как частные лица, всякая их деятельность будет немедленно пресекаться. <...> — Приходилось бросать дело в самом начале...

Передача дел в Черняевке. К печению хлеба мы так и не приступали. 20 п[удов] забранной муки мы решили распределить между 5 беднейшими дворами, чтобы обеспечить их до некоторой степени уже на все время: 2 семьям мы назначили по 3 пуда, 2^м — по 4 п[уда], и одной — 6 пудов. О. Александр не взялся произвести эту раздачу, говоря, что на него пойдут слишком большие нарекания со стороны крестьян, которые ожидали большей помощи и сочтут выбор 5 дворов (сделанный по указанию о. Александра) произвольным и несправедливым. Тогда мы попросили раздать муку местного земского врача Эдмунда Федоровича Петкевича, который и согласился на это. О. Александру мы оставили 7 р. 40 к., а именно 5 р. на поправку крыши крестьянину Митрофану Николаеву, разобравшему крышу у избы на топливо (в Черняевке разобрано много крыш у риг, амбаров, «дворов»), но изба с разобранной крышей там при нас была только одна) и 2 р. 40 к. на покупку — для обсеменения — 3 п[удов] гречихи Ивану Гаврилову Пушкину (по 80 к. пуд). Оставить все наши деньги о. Александру или черняевскому попечительству мы не решились, все еще не зная, будет ли Обществом послан к нам на смену заместитель и какие ему будут даны инструкции.

Богородицк. 15 мая мы тронулись в обратный путь. В Богородицке гр[аф] Бобринский был занят приехавшей из Тулы Комиссией, в лице вице-губернатора, секретаря от дворянства и еще кого-то, на которую было возложено произвести ревизию уездной управы и расследование о продовольственной нужде. Поэтому самого графа нам видеть не удалось. Мы просили графиню Софью Алексеевну Бобринскую⁶⁷ препроводить в Управу 15 р. за взятые нами от земства 20 п[удов] ржаной муки по 75 к. пуд. За вычетом этих 15 р. мы оставили у гр[афа] Вл. Ал. Бобринского всего 473 р.10 к., которые и просили передать нашему заместителю, если таковой объявится.

<...>

Губернатор. В Туле мы побывали у наших новых знакомых С. А. Немолодышевой и С. М. Блэклова⁶⁸, который, как оказалось, ездил в качестве уполномоченного от Вольн[ого] Экон[омического] Общ[ества] по Новосильскому уезду. С. М. Блэклов посоветовал нам явиться к губернатору и спросить разрешения продолжать нашу деятельность. Он полагал, что есть некоторая надежда на такое разрешение ввиду будто бы переменчивого настроения мыслей г. Шлиппе, и что окончательно выяснить его отношение к нашему делу важно в особенности для нашего заместителя. Хотя мы и не надеялись на сколько-нибудь благоприятный результат, но все-таки решили поговорить с губернатором, так сказать для очищения совести. Так как А. А. Образцову необходимо было ехать в Москву, то остался в Туле я один, и утром 16 мая предстал пред начальником губернии. Я сообщил ему свою просьбу позволить мне продолжать начатое дело. Губернатор осведомился, в каком университете я состою и в каком уезде действовал; затем сказал, что исполнить моей просьбы не может, потому что для помощи населению есть местные органы и чужим людям делать нечего. Он припомнил, что я послан в качестве уполномоченного В.Э.О. и что было бы нелогично желать действовать от себя лично, если запрещено действовать от Общества. Я постарался разъяснить Его Превосходительству, что нелогичности тут нет, что полномочие может быть признано законным или незаконным, тогда как частная благотворительность, насколько мне известно, законом никому не воспрещена. Его Превосходительство сказал далее, что мне гораздо лучше было бы присоединиться к церковно-приходским попечительствам. На это я ответил, что мы все время и действовали заодно с попечительствами, и что именно для продолжения такой

совместной деятельности и потребовалось специальное разрешение губернатора. Но г. Шлиппе тотчас же разъяснил, что под присоединением к попечительствам он подразумевал исключительно пожертвование денег в пользу попечительства и что он не желает допускать в этом деле никакого участия личным трудом со стороны «чужих людей». На этом и кончилась наша краткая беседа, которую граф вел стоя, не приглашая садиться и не протягивая руки. Во время разговора я поостерегся называть имя гр[афа] Бобринского и не упоминал, что мы хотим действовать от его имени.

Передача 200 р. попечительству Черняевскому. Так как после этого визита к губернатору уже окончательно выяснилось, что в Тульской губ[ернии] и в особенности в Богородицком у[езде] уполномоченные В.Э.Об. не могут участвовать в непосредственной выдаче и распределении пособия, то я уже из Тулы написал гр[афу] Вл. Ал. Бобринскому, чтобы он передал из наших денег 200 р. черняевскому церковно-приходскому попечительству, остальные же 273 р. 10 к. должны были поступить в распоряжение нашего заместителя, который мог бы уже по своему усмотрению выбрать в какое село, и даже какой уезд их направить.

18 мая я простился в Москве с А. А. Образцовым, который на следующий день хотел выехать в Красноярск, а 19 мая я вернулся в Петербург. 20 мая я вкратце рассказал об нашей поездке в заседании Комитета для оказания помощи пострадавшим от неурожая. <...>

Комментарии

¹ Возможно, *Сулима-Самуйло Антон Станиславович* — врач, доктор медицины.

² Собственное здание ВЭО по адресу: 3-я Красноармейская ул., д. 36 (ныне Дом Плеханова — филиал Отдела рукописей РНБ).

³ Комитет объявил свои заседания открытыми для публики, что противоречило уставу ВЭО и было вскоре пресечено Министерством внутренних дел.

⁴ *Кетриц Бернгард Эрнестович* — юрист, общественный деятель. Член правления ВЭО, председатель Комитета для помощи пострадавшим от неурожая.

⁵ Посылки студентов уполномоченными ВЭО.

⁶ *Пичахчи Иван Яковлевич* — студент юридического факультета университета (выпуск 1899 г.), впоследствии присяжный поверенный, юрисконсульт нескольких железных дорог. В 1898 г. активно участвовал в работе Комитета, собирал деньги, поддерживал связь с уехавшими студентами.

⁷ Флоринский В. М. Домашняя медицина. Лечебник для народного употребления. СПб., 1837 (всего популярная книга Флоринского выдержала 9 изданий).

⁸ Дружинин Н. П. Общепонятное законоведение. Научно-практическое пособие с приложением образцов и форм деловых бумаг: прошений, заявлений, жалоб, договоров, завещаний, приговоров сельских и волостных сходов и т. п. М., 1898.

⁹ *Мышецкий Александр Дмитриевич* — князь, председатель Тульской губернской земской управы. Описываемый визит происходил в Туле, куда А. А. Образцов и А. М. Рыкачев прибыли ночью 18 апреля.

¹⁰ Шлиппе Владимир Карлович.

¹¹ *Горемыкин Иван Логгинович* (1839–1917) — государственный деятель, в 1895–1899 гг. — министр внутренних дел.

¹² Российское общество Красного Креста, основанное в 1867 г., одной из задач имело оказание помощи «пострадавшим при общественных бедствиях (пожары, наводнения, голод, повальные болезни и пр.)». Средства общества складывались из сборов и пожертвований и постоянных членских взносов. Местные отделения общества были в большинстве губернских городов.

¹³ *Немолодышева С. А.* — заведующая воскресной школой. Во второй половине 1890-х годов принимала активное участие в общественной жизни Тулы — была членом общества народных чтений, общественной библиотеки, помогала организовывать праздники и развлечения для рабочих (см.: Серебровский С. М. Об участии интеллигенции в революционном движении // Революционное былое: Орган Тульского истпарта. 1923. № 2. С. 36–37).

¹⁴ *Бобринский Владимир Алексеевич* (1867–1927) — граф, крупный помещик (более 12 тыс. дес. земли), земский деятель. В 1895–1898 гг. — председатель Богородицкой уездной земской управы. Впоследствии член II, III и IV Государственной думы, националист. Эмигрант.

¹⁵ В. А. Бобринский после окончания Московского университета прослужил год корнетом в Лейб-гвардии Гусарском полку.

¹⁶ Земские участковые начальники, согласно положению 1889 г., осуществляли административную и судебно-полицейскую власть над крестьянскими обществами; назначались из местных потомственных дворян.

¹⁷ В Богородицке находился родовой дворец, построенный в 1773–1784 гг. для первого графа Бобринского по проекту И. Е. Старова (разрушен во время Великой Отечественной войны), и большой парк, созданный А. Т. Болотовым.

¹⁸ Малевка и упоминаемые ниже Михайловское, Никитское, Черняевка, Левенки, Иевлево, Исаевка, Щегловка, Мшищи, Непрядва — деревни в Богородицком уезде.

¹⁹ *Волость* — низшая административная единица крестьянского самоуправления. Возглавлялась волостным старшиной и волостным правлением, которые избирались на волостном сходе — собрании сельских выборных и должностных лиц и представителей крестьян (1 от 10 дворов).

²⁰ Сахарный завод в Малевке основан А. А. Бобринским (1800–1868) в начале 1830-х годов.

²¹ Угольная шахта в Малевке, также принадлежавшая графам Бобринским, начала работать в 1855 г. — первой в Подмосковном угольном бассейне. Снабжала топливом сахарный завод.

²² Род *графов Бобринских* состоял из трех ветвей — потомков трех сыновей А. Г. Бобринского (сына Екатерины II и Г. А. Орлова). Упомянутый выше В. А. Бобринский происходил от Павла Алексеевича, а владельца сахарного завода и шахты в Малевке — от Алексея Алексеевича, крупнейшего российского сахарозаводчика. В «Записях» и «Отчете» А. М. Рыкачев называет их «Смелянскими» (по владениям в местечке Смела на Украине) или «Михайловскими» (по с. Михайловскому, где находилась контора, управлявшая тульскими имениями) графами, а В. А. Бобринского — «Богородицким» графом (См.: Бобринской А. А. Родословная графов Бобринских. Смела, 1901).

²³ Николаевский солдат — тот, кто отслужил в армии по рекрутскому набору (до военной реформы 1874 г.), когда срок службы мог доходить до 20 лет. При отсутствии родственников их должна была содержать крестьянская община.

²⁴ Не осуществляли внутрисемейных разделов.

²⁵ А. М. Рыкачев и А. А. Образцов произвели две раздачи хлеба — 26 апреля и 3 мая. «Каждому из помещенных в нашем списке дворов мы выдали по билету, с которым крестьяне и должны были являться к нам в день раздачи. Во время раздачи один из нас следил за правильностью развески, другой отмечал в билетике и в общем списке количество выданного хлеба» («Отчет». Л. 59 об.). Раздавали из расчета по 2 фунта хлеба на душу в день и по 2 фунга пшена на душу в неделю (Там же. Л. 58 об.).

²⁶ Ср. в «Отчете» А. М. Рыкачева: «..При полном отсутствии специальных знаний, у нас было только несколько самых простых средств: хина, касторка, эфирно-валериановые капли, гофманские к[апли], борная кислота и т[ому] под[обное]. Руководством для нас служила книга Флоринского: “Домашняя медицина”» («Отчет». Л. 61).

²⁷ Церковно-приходские попечительства были открыты в Тульской губернии в октябре 1897 г. на основании правил, утвержденных еще в 1864 г. В них входили местный священник, земский начальник, волостной старшина, церковный староста и избранные члены из местных прихожан. Предполагалось, что попечительства должны оказывать помощь нуждающимся за счет добровольных пожертвований и сбора с прихожан. В неурожайный год этих средств было, разумеется, недостаточно, и попечительства распространяли помощь, получаемую от Красного Креста или из других источников (см.: Биржев. ведомости. 1898. 1 мая).

²⁸ В этом письме В. А. Бобринский сообщал о неурожае и голоде в Богородицком уезде и просил о помощи (Нов. время. 1898. 9 апр.; С.-Петербург. ведомости. 1898. 10 апр.).

²⁹ *О. Василий Лятидевский* — священник с. Малевки.

³⁰ *О. Симеон Ивановский* — священник с. Малевки.

³¹ От того, в форме или без выпекался хлеб, зависело его качество и величина припека. Первый раз нанятый пекарь пек хлеб в формах, второй раз — без («Отчет». Л. 60 об.).

³² Имеется в виду Аркашка Счастливец, безработный актер-комик, персонаж пьесы А. И. Островского «Лес».

³³ «Биржевые ведомости» (1880–1917) — ежедневная газета либерального направления.

³⁴ *Иноземцев Иван Григорьевич*. В апреле–июне 1898 г. выезжал по поручению редакции в пострадавшие от неурожая местности Тульской, Орловской и Курской губерний и опубликовал цикл путевых очерков под названием «По России»

(Биржев. ведомости. 1898. 28 апр. — 8 июня). Малевке посвящены очерки VII–X (8–11 мая). В очерке от 11 мая корреспондент упоминает «двух приезжих из Петербурга благотворителей, молодых людей» (назвать их уполномоченными ВЭО он не мог, так как о деятельности общества по борьбе с голодом упоминать в печати запрещалось) и рисует живые сцены их деятельности. По отзыву А. М. Рыкачева, «корреспонденции эти не отличаются совершенной точностью, но в общем верно изображают действительность» («Отчет». Л. 62).

³⁵ *Idée fixe* (фр.) — здесь: конек, любимое занятие.

³⁶ Подробно о никитских курсах см.: Биржев. ведомости. 1898. 12 мая.

³⁷ Серяк — верхняя одежда из некрашеного сукна.

³⁸ Понева — юбка из прямых разноцветных полотнищ.

³⁹ Штейгер — горный мастер.

⁴⁰ Правильное название территории, подведомственной земскому начальнику, — участок.

⁴¹ Камера — вышедшее из употребления название помещения должностных лиц, облеченных единоличной властью.

⁴² 4 мая 1897 г. крестьяне с. Иевлево, не имевшие пастбищ для скота, захватили принадлежавшие Бобринским луга и стали пасти на них свой скот. В село было направлено два батальона солдат, но крестьяне не подчинились. По распоряжению прибывшего из Тулы губернатора 46 человек были арестованы, из них 28 отправлены в тульскую тюрьму (см.: Бынкина В. Н. Из истории возникновения большевистской организации Тулы. 1894–1904 гг. Тула, 1963. С. 37).

⁴³ Сороковка — бутылка водки емкостью 1/40 ведра (примерно 0,3 л).

⁴⁴ Ополчение — резерв вооруженных сил, призывавшийся в случае войны. В него входило все мужское население в возрасте до 43 лет, способное носить оружие и не числящееся в постоянных войсках. Резервистов, называвшихся ратниками, могли призывать на сборы сроком до 2 недель.

⁴⁵ Становой пристав — полицейская должность, подведомственная уездному полицейскому управлению. Приставом 3-го стана, куда входили Малевская и Черняевская волости, в описываемое время был коллежский ассессор Иван Федотович Соколов.

⁴⁶ Уездный исправник — высшая полицейская должность в уезде. В Богородицком уезде ее занимал капитан артиллерии Александр Александрович Шараров.

⁴⁷ За пуд.

⁴⁸ Очевидно, имеется в виду так называемый хлебозапасный магазин. В ведении земства находилось создание и хранение резервных запасов хлеба.

⁴⁹ *Нацвалов Леонид Иосифович* — студент Горного института. В письме говорилось о голоде в Ефремовском уезде Тульской губернии, куда он был направлен в качестве уполномоченного ВЭО: «Жалкие обтрепанные избы, несчастные лошади, с которых едва не валится кожа, и жалкие истощенные лица, без малейшего отпечатка жалобы и ропота на свою судьбу» (С.-Петербург. ведомости. 1898. 6 мая).

⁵⁰ *Петкевич Эдмунд Федорович* — земский врач.

⁵¹ *Бобринская Юлия Алексеевна* (1867–?) — графиня, сестра В. А. Бобринского.

⁵² В. К. Шлиппе опубликовал свое представление в адрес министра внутренних дел с приложением врачебного отчета, настаивая на отсутствии голода и тифа и

угверждая, что В. А. Бобринский неправомерно обобщает отдельные случаи «народной нужды» (Тул. губерн. ведомости. 1898. № 81).

⁵³ *О. Александр Архангельский* — священник с. Черняевки.

⁵⁴ В статье «О голоде» Л. Н. Толстой характеризовал положение в Богородицком уезде как более благополучное по сравнению с другими уездами Тульской губернии. См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Репр. воспроизв. изд. 1928–1958 гг.) Т. 29. М., 1992. С. 91.

⁵⁵ В Иевлеве была церковь во имя св. Чудотворца Николая, а 9 мая праздновалось перенесение его мощей (см.: Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895. С. 135).

⁵⁶ «Бывший студент Московского технического училища, высланный за участие в рабочих беспорядках впредь до окончания разбирательства» («Отчет». Л. 66 об.).

⁵⁷ Копна как мера урожая содержала фиксированное количество снопов (от 50 до 100 в разных местностях) сжатого хлеба или сена.

⁵⁸ Коломянка — пестрая или полосатая домотканая шерстяная ткань.

⁵⁹ Ботушки — ботва.

⁶⁰ Веретье — полотнище из грубой ткани, которое подстилали под зерновой хлеб при сушке и перевозке.

⁶¹ Бобринский В. А. Открытое письмо В. К. Шлиппе // С.-Петербург. ведомости. 1898. 11 мая.

⁶² И. Г. Иноземцева.

⁶³ См. у Иноземцева: «Дай Бог уже совсем полуумирающих накормить» (Биржев. ведомости. 1898. 8 мая).

⁶⁴ Благочинный — должностное лицо православного духовенства. Смотрению благочинного подлежало 10–30 соседних церквей, составлявших благочиннический округ.

⁶⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Ед. хр. 979. Л. 67–70.

⁶⁶ В оригинале выделенные слова написаны на полях, рядом с соответствующим местом текста.

⁶⁷ *Бобринская Софья Алексеевна* (1866–?) — графиня, сестра В. А. Бобринского.

⁶⁸ *Блэклов Степан Михайлович* (1860–1913) — земский статистик, публицист, участник революционного движения.

Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г.

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии С. В. Куликова*

Основные государственные законы 1906 г. — первая действующая российская конституция, утверждение которой царем ознаменовало окончательный переход от неограниченной монархии к новому политическому режиму, основанному на сотрудничестве исторической власти с народным представительством. Именно Основные законы 1906 г. создали правовые предпосылки для того могучего подъема в духовной и материальной сферах русской жизни, который пришелся на начало уходящего столетия. И тем не менее, первая отечественная конституция, выдающийся памятник истории и права, по удачному выражению Н. Н. Рутыча — «забытая конституция». Действительно, обстоятельства ее создания до сих пор еще не получили должного освещения. И дело здесь не только в отсутствии специальных монографий и статей на данную тему¹. Главная причина подобной ситуации, сложившейся к настоящему моменту как в отечественной, так и в зарубежной историографии, заключается в очевидной немногочисленности опубликованных, а значит — и введенных в научный оборот, источников, которые бы позволили восстановить историю создания конституции 1906 г. с наибольшей степенью адекватности². Публикация документов, предваряемых настоящей статьей, как раз и нацелена на то, чтобы хоть отчасти приблизиться к расширению круга источников по указанной теме.

Первый из публикуемых документов, не только по порядку, но и по своей значимости — воспоминания П. А. Харитоновна. Значимость их, явно контрастирующая с их небольшим размером, объясняется, прежде всего, тем, что они позволяют, наконец, бесспорно, установить

имя автора первой российской конституции. Проблема ее авторства долгое время оставалась неразрешенной. Выдающийся отечественный государствовед Н. И. Лазаревский к началу 1917 г. знал только то, что проект Основных законов был составлен «кем-то»³. Особой ясности не внесли в эту проблему и опубликованные в 1920-е гг. воспоминания графа С. Ю. Витте, который принимал активное участие в обсуждении проекта конституции в марте–апреле 1906 г., но не имел никакого отношения к выработке самой первой редакции этого проекта. Впрочем, в воспоминаниях Витте содержится брошенное мимоходом указание на то, что к созданию первоначального проекта Основных законов были причастны государственный секретарь барон Ю. А. Икскуль-фон-Гильденбандт и его товарищ Харитонов⁴. Однако, поскольку осведомленность Витте относительно проблемы авторства Основных законов оставляла, в конце концов, желать лучшего, упоминание им этих двух лиц, без определения реального вклада каждого из них в создание новых Основных законов, не только не прояснило ситуацию, но, наоборот, навело некоторых исследователей на совершенно ошибочный вывод о составлении первоначального проекта конституции бароном Икскулем, который, на самом деле, решительно никакого реального вклада в создание первоначального проекта Основных законов не внес. Так, у В. В. Леонтовича, автора фундаментального труда по истории либерализма в России, можно найти констатацию того, что представленный председателю Государственного совета графу Д. М. Сольскому проект Основных законов был выработан государственным секретарем⁵. Только такой выдающийся и тонкий знаток политической истории России начала XX в., как покойный В. С. Дякин, если и не решил проблему авторства Основных законов окончательно, то, по крайней мере, нашел верный путь к ее решению, придя к выводу, что главный их проект «был подготовлен в Государственной канцелярии под руководством товарища государственного секретаря П. А. Харитонова». Более того, как установил Дякин, в одном из своих писем за 1907 г. Витте прямо «называл Харитонова автором первоначального проекта Основных законов»⁶. Однако эта находка Дякина, к сожалению — совершенно проигнорированная некоторыми позднейшими исследователями, все же не могла подвести черту поискам автора Основных законов 1906 г., поскольку сам Витте, несмотря на всю свою сверхосведомленность, о причастности Харитонова к составлению первоначального проекта конституции не знал наверняка. Именно поэтому впоследствии, в своих мемуарах, он и примешал, ничтоже сумняшеся,

к выработке Основных законов барона Иксуля, а о Харитонове отозвался не как об их авторе, а как о чиновнике, который принимал лишь «ближайшее участие» в их редактировании⁷. И только воспоминаниями самого Харитонova предположение о его причастности к созданию первоначального проекта конституции возводится на уровень бесспорного факта, подтверждаемого не только содержанием этого источника, отмеченного налетом неизбежной в таких случаях субъективности, но и двумя обстоятельствами, так сказать, объективного порядка: вопреки бюрократическому этикету именно Харитонов, а не его непосредственный начальник барон Иксуль, 19 апреля 1906 г. представил Николаю II окончательно выработанный проект Основных законов; наконец, именно Харитонов, не будучи министром (то есть не имея соответствующего служебного ценза), 23 апреля того же года, день в день с «высочайшим» утверждением новых Основных законов, был назначен царем, очевидно — в награду за составление только что подписанного акта, членом Государственного совета.

Воспоминания Харитонova, отмеченные печатью чисто чиновничьей пунктуальности, иногда доходящей до настоящей сухости, впервые дают четкое и целостное представление не только о фактической канве всего процесса создания Основных законов 1906 г., но и о его наиболее важных этапах, один из которых, а именно — начальный, в отличие от этапов, связанных с обсуждением проекта Основных законов в Совете министров и апрельском Совещании под председательством царя, по сей день остается наименее освещенным. Конкретизации представлений о данном этапе истории первой российской конституции, помимо воспоминаний Харитонova, способствуют и публикуемые далее проекты Основных законов, которые неоднократно упоминаются в тексте воспоминаний. Проекты эти являются бесценными источниками не только по узкой проблеме истории Основных законов, но и по несравненно более широкой проблеме идеологии правительственного либерализма начала XX в. Последняя проблема, долгое время игнорировавшаяся отечественными исследователями, обоснование своей научной значимости и подробное рассмотрение, применительно к периоду Первой российской революции, получила сравнительно недавно, в работах Р. Ш. Ганелина⁸.

Не вызывает никакого сомнения, что, создавая проекты конституционных актов, их авторы, убежденные монархисты, имели в виду сведение к наивозможному минимуму издержек, неизбежно возникающих во время перехода от казавшейся незыблемой старой полити-

ческой системы к новому порядку вещей. Их цель состояла, естественно, не в ниспровержении традиционного монархического устройства, а в его гармоническом сочетании с новыми политическими институтами. Отсюда — сближающее все три проекта сохранение в составе новых Основных законов большого числа статей тех глав из старых Основных законов, которые посвящены порядку престолонаследия, совершеннолетию императора и регентству, вступлению императора на престол и присяге подданства, священному коронованию и миропомазанию, императорскому титулу и государственному гербу. Харитонов и Гейден оставили в составе Основных законов, помимо перечисленных статей, и статьи из главы прежних Основных законов о вере, а также все статьи Учреждения о Императорской фамилии. В проекте Саломона в главы о вере и Императорской фамилии вошли лишь отдельные положения Свода основных законов 1892 г. Коренной переделке во всех трех проектах подверглись главы этого Свода о верховной власти и законах. Общим для всех трех проектов является и введение в них особой главы о правах российских подданных.

Сопоставление содержания проектов показывает, что их авторы при разработке новых Основных законов довольно активно использовали одни и те же источники: уже упоминавшийся Свод основных государственных законов 1892 г., конституционные проекты, исходившие из кругов оппозиционной общественности, иностранные конституции. В связи с этим обстоятельством возникает вопрос о том, насколько вообще позволительно говорить об авторстве тогда, когда налицо создание не абсолютно нового текста Основных законов, но лишь такого их варианта, который если не полностью, то, во всяком случае, во многом имеет компилятивный характер. При ответе на данный вопрос необходимо иметь в виду, что, по весьма распространенному в начале XX в. взгляду, к этому времени европейская наука конституционного права была разработана настолько изощренно, что привнесение в нее каких-либо принципиально новых положений считалось, по сути дела, нецелесообразным. Именно поэтому в начале XX в. оригинальное творчество на поприще создания конституционных актов полагали возможным только в плоскости сведения в одно целое уже известных и проверенных на практике положений, а не конструирования неизвестных ранее норм. Вот почему в случае с проектами Харитонова, Саломона и Гейдена правомерно говорить именно об авторстве, хотя целый ряд их статей подчас дословно воспроизводят положения того или иного памятника конституционно-правовой мысли⁹.

Все три проекта — своего рода манифесты главных политических течений, наличествовавших в начале XX в. в среде высшей царской бюрократии. Самый либеральный из этих манифестов — конституция Саломона, самый консервативный — конституция Гейдена. Проект Харитонов, в свою очередь, как бы пытается наметить некую золотую середину.

Пожалуй, наиболее примечательная черта конституций Саломона и Харитонина — это то, что в них достаточно последовательно, хотя и с разной степенью очевидности, проводится идея парламентарной монархии, то есть такой разновидности монархии конституционной, при которой народное представительство ограничивает полномочия монарха не только в законодательстве и сфере государственного бюджета, но и в области управления (в том числе — и при назначении министров). В статье 5 конституции Саломона и в пункте 30 приложения к ней (явно вопреки верноподданнической оговорке, выдающей желаемое за действительное и находящейся в пункте 10 предисловия к этому проекту) ответственность министров перед палатами устанавливается напрямую, в конституции же Харитонина принципы парламентаризма проводятся завуалированно. В частности, в последней главе его проекта статья 63 постановляет, что министры «ответствуют за общий ход государственного управления», не конкретизируя — перед кем (или чем) именно. Однако, как признавали даже оппозиционные специалисты по конституционному праву, парламентарная система «не может быть формально предписана конституцией», которой достаточно «лишь способствовать развитию парламентарного режима путем постановлений, создающих для него благоприятную почву»¹⁰. Между тем, содержащиеся в проекте Харитонина статьи 60 (о назначении подавляющего большинства министров по представлению главы правительства), 61 (о совместимости должностей министров со званием члена Государственного совета и Думы) и 65 (о политической ответственности министров перед палатами за нарушение Основных законов) как раз и являются теми самыми постановлениями, которые создали бы для парламентаризма, будь они введены в действие, «благоприятную почву». Резкую противоположность проектам Саломона и Харитонина представляет в этом смысле конституция Гейдена, основанная на идее монархии не парламентарной, но дуалистической, отличающейся тем, что в ней разделяемая с монархом компетенция народного представительства распространяется только на законодательную сферу и государственный бюджет. Резко консервативная тен-

денция проекта Гейдена проявляется также в статьях 78–81, присваивающих целому комплексу правовых ограничений для евреев силу Основных государственных законов.

У каждого из публикуемых проектов была своя судьба. Проект Харитонова, созданный по личному заказу императора, сразу занял среди них лидирующее положение. Этому способствовали и его несомненные стилистические и смысловые достоинства, и его равноудаленность от крайних политических тенденций, воплощенных в проектах Саломона и Гейдена. Вместе с тем, на начальном этапе создания Основных законов на судьбу проекта Харитонова определенное влияние оказала и всегдашняя корпоративная конкуренция, существовавшая между выпускниками Училища правоведения и Александровского лицея. Правоведы (Э. В. Фриш и П. А. Харитонов) на этот раз одержали победу над лицеистами (граф Д. М. Сольский и А. П. Саломон). Однако очень скоро, уже в марте 1906 г., и те, и другие оказались побежденными графом С. Ю. Витте, неожиданно выступившим в роли ревностного защитника державных прерогатив императора. Именно по инициативе председателя Совета министров принципы парламентарной монархии, в результате изменения проекта Харитонова в совещании высших чинов Государственной канцелярии проводившиеся в этом проекте еще более осторожно, были не только загнаны в его самый дальний угол, но и заслонены идеей дуалистической монархии. Однако и после виттевской чистки три пятых статей новых Основных законов генетически были связаны с проектом Харитонова, которого по праву должно признать отцом первой российской конституции.

¹ Статьями, специально посвященными созданию Основных законов 1906 г., с большой натяжкой могут быть названы две работы Б. Б. Глинского (Глинский Б. Б. 1) К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации основных законов в 1906 г.) // Исторический вестник. СПб., 1913. Февраль. С. 567–603; 2) К истории составления Основных законов в 1906 г. (Ответ на запрос читателей) // Там же. Март. С. 977–987). Статьи Глинского были инспирированы, как это доказано Б. В. Ананьичем и Р. Ш. Ганелиным, не кем иным, как С. Ю. Витте, пытавшимся, с помощью этих статей, напомнить императору о своей «охранительной» роли, с нарочитой демонстративностью сыгранной им во время обсуждений проекта конституции в марте–апреле 1906 г. Если не считать работ отечественных государствоведов начала XX в. (С. А. Котляревский, Н. И. Палиенко), единственная монография, посвященная Основным законам 1906 г. — работа, изданная более 20-ти лет назад (Szeftel M. The Russian Constitution of April 23 1906; Political Institutions of the Duma Monarchy. Brussels, 1976).

² По сути дела, единственная крупная публикация, полностью посвященная одному из этапов создания Основных законов 1906 г. — появившиеся в печати

более 70-ти лет назад протоколы заседаний апрельского Совещания под председательством царя. См.: Царскосельские совещания. Протоколы секретного Совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов (Публикация В. В. Водовозова) // Былое. Пг., 1917. № 4 (26). С. 18–45.

³ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. Вып. 1. Пг., 1917. С. 162.

⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 294–295. Строго говоря, впервые версия о совокупном участии барона Икскуля и Харитонова в создании первоначальной редакции Основных законов была выдвинута Витте, посредством упоминавшихся статей Б. Б. Глинского, еще в 1913 г. Не исключено, что именно эти статьи и подвинули Харитонова на написание публикуемых ниже воспоминаний.

⁵ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 442.

⁶ Дзякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. Л., 1976. С. 244, 245.

⁷ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 460.

⁸ Ганелин Р. Ш. 1) Царизм и 1905 г. // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 157–324; 2) Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991; 3) Реформы в период революции. Шаг к конституционной монархии // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 455–546.

⁹ Хотя Витте на страницах своих воспоминаний и упрекает Харитонова в компиляторстве, сам он, когда возник вопрос об обсуждении проекта Основных законов в Совете министров, первым делом рекомендовал управляющему делами Комитета министров барону Э. Ю. Нольде привнести в проект «полезные консервативные начала» из прусской, австрийской, японской и английской конституций (при том, что в Англии до сих пор никакой писаной конституции нет). Весьма показательно также, что в конце 1905 г. П. Н. Милюков, едва ли не на полном серьезе, советовал Витте «перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию» и, не мудрствуя лукаво, поднести ее для подписи царю (Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 330).

¹⁰ Основной закон Российской империи. Проект русской конституции, разработанный группой членов «Союза освобождения». Paris, 1905. С. 22. П. А. Харитонов, как будет видно из дальнейшего, оказался в высшей степени внимательным читателем этой брошюры.

ХАРИТОНОВ П. А. К ИСТОРИИ ПЕРЕСМОТРА ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ¹

В начале ноября 1905 г[ода] Н. П. Гарин² (сенатор), по поручению Д. Ф. Трепова³ (дворцового тогда коменданта), обратился ко мне с вопросом — не возьмусь ли я пересмотреть Основные законы и составить новый их проект в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г[ода]. Вместе с тем, Н. П. Гарин заявил мне, что предлагаемый вопрос делается по Высочайшему повелению. Приняв к исполнению Монаршую волю изъявлением своего согласия принять на себя совместно с Н. П. Гариным труд по пересмотру Основных законов, я приступил к собиранию материалов, которые могли бы послужить путеводною нитью при составлении проекта новых Основных законов. Я добыл от А. Г. Тимрота⁴ (ст[атс]-сек[ретаря] Гос[ударственного] сов[ета]) привезенный им из-за границы «Проект русской конституции, выработанный группою членов «Союза Освобождения»⁵ (Струве)⁶, а затем распорядился опечатать в Государственной типографии проект (конституции), напечатанный в «Русских Ведомостях» 6 июля 1905 г[ода] (№ 180)⁷, а также программу конституционно-демократической партии, выработанную учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г[ода]⁸.

Иностраннных конституций сборники уже у меня были; я их себе купил ранее для работ по составлению проектов Учреждений Государственной думы и Государственного совета; эти проекты разрабатывались мною для Совещания графа Д. М. Сольского⁹, где я состоял членом-делопроизводителем. Экземпляры проекта «Русских Ведомостей» и программы к[онституционно]-д[емократической] партии, для сведения, по поводу пересмотра Учреждений Думы и [Государственного] совета (узак[оненных] 20 февраля 1906 г[ода])¹⁰, были мною переданы гр[афу] Д. М. Сольскому, Э. В. Фришу¹¹ и И. Я. Голубеву¹²; по поручению гр[афа] Д[митрия] М[артыновича] экземпляры мною посланы были также гр[афу] С. Ю. Витте¹³. Работа по Основным законам была мною несколько задержана, в виду спешных занятий по Совещаниям для выработки дополнительных к Положению 6 августа 1905 г[ода] о выборах узаконений, где я также был членом-делопроизводителем¹⁴. Между тем, во время происходившего 5 декабря 1905 г[ода] в Царском Селе заседания Совещания, под личным председательством Государя Императора, созванного для обсуждения про-

ектов, выработанных Советом министров, о дополнительных в Думу выборах (ук[аз] 11 декабря 1905 г[ода]) во исполнение 2 пункта Манифеста 17 октября 1905 г[ода], — во время перерыва, — Д. Ф. Трепов объявил мне, что Государь Император ожидает от меня проект Основных законов. Вследствие сего, предварительно уже набросанный мною проект я сообщил Н. П. Гарину; затем мы совместно его пересмотрели, после чего в исправленном виде Н. П. Гарин передал проект Д. Ф. Трепову.

18 декабря 1905 г[ода] графом Д. М. Сольским получены были от Государя Императора три проекта Основных законов: № 1 составленный мною совместно с Н. П. Гариным, № 2 — составленный директором Императорского Александровского лицея А. П. Салоном¹⁵ (близким человеком Д. М. Сольскому и товарищем по выпуску из Лицея В. Н. Коковцова¹⁶) и № 3 — неизвестно кем составленный. По слухам последний № 3 проект — проект А. П. Саломона, видоизмененный совместно с ним флигель-адъютантом гр[афом] Гейденем¹⁷ (морьяком). Э. В. Фриш, которому я показывал проекты № 2 и № 3, назвал их «любительскими». Все три проекта переданы были Государем графу Д[митрию] М[артыновичу] для представления по ним его заключения. Гр[аф] Д[митрий] М[артынович] в декабре (или в начале января — не помню) представил всеподданнейший доклад о разрешении обменяться мыслями по проектам с гос[ударственным] секретарем, его товарищем (мною)¹⁸ и старшими членами Государственной канцелярии, а также некоторыми общественными деятелями (кажется, Гучковым¹⁹ и Шиповым²⁰), А. П. Салоном, С. Е. Крыжановским²¹ (принимавшим ближайшее участие в трудах Бульгинского совещания²²), с приглашением в совещание некоторых профессоров (Сергеевича²³ и Ивановского²⁴). Какая последовала Высочайшая резолюция на этом докладе — осталось неизвестным ни мне, ни госуд[арственному] секретарю барону Ю. А. Иксулю²⁵, так как граф Д[митрий] М[артынович] доклад оставил у себя. Но вслед за тем последовало объявленное бароном Ю[лием] А[лександровичем] Иксулем распоряжение графа Д[митрия] М[артыновича] — рассмотреть проект № 1 в совещании, в составе тов[арища] гос[ударственного] секретаря (меня), статс-секретарей Государственного совета Д. А. Коптева²⁶, Н. Ф. Дерюжинского²⁷, барона Р. А. Дистерло²⁸, А. Г. Тимрота, А. И. Кобеляцкого²⁹ и С. Ф. Раселли³⁰, помощника статс-секретаря Гос[ударственного] совета А. Ф. Трепова³¹, при участии сенатора Н. П. Гарина.

Совещание состоялось 14 января 1906 г[ода] на квартире госуд[арственного] секретаря барона Ю. А. Иксуля под его председательст-

вом³². Пересмотренный и измененный проект Основных законов был представлен бароном Ю[лием] А[лександровичем] графу Д[митрию] М[аргьнови]чу 22 января 1906 года³³. Затем 10 февраля граф Д. М. Сольский представил всеподданнейший доклад³⁴, в коем испрашивал разрешение Государя под личным его, графа, руководством обсудить проект Государственной канцелярии³⁵ в особом совещании, в которое граф предполагал призвать, кроме госуд[арственного] секретаря, его товарища и статс-секретарей Гос[ударственного] совета, профессоров Сергеевича и Ивановского, А. П. Саломона и С. Е. Крыжановского. На докладе этом Государь изволил написать: «Представьте мне теперь же проект, изготовленный Государственной канцеляриею». По представлении 11 (или 12) февраля 1906 г[ода] графом Д[митрием] М[аргьнови]чем проекта Е[го] И[мператорскому] В[еличеству]³⁶, 22 того же февраля граф представил (по соглашению с гр[афом] С. Ю. Витте) всеподданнейший доклад³⁷ следующего содержания: «Председатель Совета министров сообщил мне, что желательнее было бы ныне же направить дело о пересмотре Законов основных, дабы оно могло быть рассмотрено в Общем собрании Государственного совета в середине наступающего марта месяца. О сем вмняю себе в обязанность всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству». Записка эта вернулась от Государя 5 марта 1906 г[ода] с надписью: «Я приказал председателю Совета министров рассмотреть проект Основных законов».

По рассмотрении в Совещании под личным Е[го] И[мператорско-го] В[еличества] председательством проекта осн[овных] зак[онов]³⁸, измененного Советом министров (в заседаниях коего я принимал участие по приглашению гр[афа] С. Ю. Витте)³⁹, установление окончательной редакции этих Законов по указаниям, Высочайше преподанным Государем в Совещании, несколько замедлилось, за неразрешением в особом великокняжеском Совещании (стр[аница] 17 и 18 протоколов) вопросов, касавшихся Учреждения Императорской фамилии и уделных земель⁴⁰. Вопросы эти были разрешены, по мемории Совещания, 19 апреля 1906 г[ода]. В этот же день вечером проект Основных законов был представлен Государю при всеподданнейшей моей записке. 22 апреля проект передан был Государем вновь назначенному председателем Совета министров И. Л. Горемыкину⁴¹ с собственноручными Е[го] И[мператорского] В[еличества] исправлениями и повелением установить окончательную редакцию по Высочайшим отметкам при участии И. Я. Голубева, министра юстиции М. Г. Акимова⁴², барона

Иксуля и меня, с тем, чтобы проект мог быть подписан 23 апреля. Исправления касались статьи о верховном управлении (ст[атья] 11), скрепы указов министрами (что Сов[ет] министров исключил), исключения статей об Опекунском совете и о заключении займов⁴³.

В 4 часа 22 апреля состоялось на квартире И. Л. Горемыкина совещание, окончившееся около 5 1/2 часов. В этот же день проект был перепечатан в исправленном виде и, по скрепе его графом Д. М. Сольским, доставлен мною в 11 часов вечера И. Л. Горемыкину и немедленно отправлен к Государю.

Судя по редакционным приемам в исправлениях отдельных статей, можно предположить с уверенностью, что в этих исправлениях принимал участие Н. П. Гарин.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 245. Л. 83–85об.

2

ПРОЕКТ ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ, СОСТАВЛЕННЫЙ ТАЙНЫМ СОВЕТНИКОМ П. А. ХАРИТОНОВЫМ ПРИ УЧАСТИИ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА Н. П. ГАРИНА

(ПРОЕКТ № 1)

ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ

Глава первая⁴⁴

ПОЛОЖЕНИЯ ОБЩИЕ

Ст[атья] 1. Российская империя состоит из всех, находящихся в державном ее обладании, владений и составляет единое и нераздельное государство.

Ст[атья] 2. Великое княжество Финляндское неразрывно соединено с Российской империею, но в своих внутренних делах управляется на особых основаниях.

Ст[атья] 3. Государственные границы могут быть изменены не иначе, как на основании особого о том закона.

Ст[атья] 4. Русский язык есть язык общегосударственный и обязательен в высших и центральных учреждениях, а также в армии и во флоте. Употребление, наряду с общегосударственным, местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях, равно

как в учебных заведениях, содержание коих отнесено на средства государственные, либо общественные, определяется особыми законами.

Глава вторая⁴⁵

ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Ст[атья] 5. Верховная власть в Российской империи принадлежит Государю Императору.

Ст[атья] 6. Особа Государя Императора священна и неприкосновенна.

Ст[атья] 7. Та же (ст[атья] 5) власть и те же (ст[атья] 6) преимущества принадлежат Государыне Императрице, когда наследство престола, в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского пола, но супруг Ее не почитается Государем: он пользуется почестями и преимуществами, наравне с супругами Государей, кроме титула.

Ст[атья] 8. Законодательная власть осуществляется Государем Императором совместно с Государственною думою и Государственным советом.

Ст[атья] 9. Законодательный почин принадлежит Государю Императору. Государственной думе и Государственному совету законодательный почин предоставляется на основаниях, в статье 51 указанных.

Ст[атья] 10. Государь Император утверждает законы и издает указы, необходимые для приведения законов в исполнение. Указы эти не могут приостанавливать действия законов или делать из них изъятия. Законы могут быть дополняемы указами, если издание их предусмотрено теми законами.

Ст[атья] 11. Государю Императору принадлежит власть верховного управления. Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами. Договоры, кои сопряжены с обязательствами для государственной казны или исполнение которых требует изменения либо дополнения действующих законов, воспринимают силу не прежде, как по одобрении их Государственною думою и Государственным советом.

Ст[атья] 12. Государь Император назначает и увольняет министров, а равно всех прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения.

Ст[атья] 13. Государь Император есть Державный Вождь российской армии и флота: Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами.

Ст[атья] 14. Исходящие от Государя Императора акты по управлению государством скрепляются подлежащим министром, который тем самым принимает на себя за них ответственность.

Ст[атья] 15. Судебная власть осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся в исполнение именем Его Императорского Величества.

Ст[атья] 16. Государю Императору принадлежит право помилования и смягчения наказаний.

Ст[атья] 17. На расходы по Министерству Императорского двора отпускается ежегодно из государственных средств особая сумма в размере ассигнования по государственной росписи на 1906 год. Вопрос об изменении размера этой суммы не может быть возбуждаем ни Государственной думою, ни Государственным советом без соизволения Государя Императора.

Ст[атья] 18. Постановления Свода законов (т[ом] 1, ч[асть] 1, изд[ание] 1892 г[ода]) о порядке наследия престола (ст[атьи] 3–17), о совершеннолети Государя Императора, о правительстве и опеке (ст[атьи] 18–30), о вступлении на престол и о присяге подданства (ст[атьи] 31–34), о священном короновании и миропомазании (ст[атьи] 35 и 36), о титуле Его Императорского Величества и о государственном гербе (ст[атьи] 37–39), о вере (ст[атьи] 40–46) и об Императорской фамилии (ст[атьи] 82–179) сохраняют свою силу.

Глава третья⁴⁶

О ПРАВАХ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ

Ст[атья] 19. Все российские подданные, не взирая на различие их происхождения и вероисповедания, равны перед законом.

Ст[атья] 20. Никто не может подлежать судебному преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом определенном.

Ст[атья] 21. Никто не может быть ни задержан под стражею иначе, как в случаях, законами определенных, ни содержим в помещениях, не установленных на то законом.

Ст[атья] 22. Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение двадцати четырех часов, а в прочих местностях — не позднее, как в течение трех суток со времени задержания, должно быть или освобождено, или представлено судебной власти, которая, по немедленном рассмотрении обстоятельств задержания, или освобождает задержанного, или постановляет, с объяв-

лением оснований, о дальнейшем его задержании. Для отдаленных сельских местностей, где соблюдение вышеуказанного срока представится невозможным, он должен быть продлен особым законом.

Ст[атья] 23. Никто не может быть ни судим иным судом, кроме того, которому его деяние, во время учинения, было по закону подсудно, ни подвергнут другому наказанию, кроме того, которое за его деяние, во время учинения, было законом установлено.

Ст[атья] 24. Никакие кары, взыскания или ограничения в пользовании правами не могут быть налагаемы иною, кроме судебною, властью, за исключением случаев, особо законом определенных.

Ст[атья] 25. Вход в помещение, без согласия его хозяина, а равно производство в помещении, без такового же согласия, обыска или выемки, допускаются не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных.

Ст[атья] 26. Частная переписка не подлежит задержанию и вскрытию за исключением случаев, законом определенных.

Ст[атья] 27. Каждый российский подданный волен свободно избирать и менять место жительства и занятие, приобретать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Изъятия в сем отношении устанавливаются особыми законами. Существующие ограничительные постановления по отношению к свободе передвижения и приобретения имущества сохраняют свою силу впредь до пересмотра таких постановлений в установленном порядке.

Ст[атья] 28. Все российские подданные вольны собираться как в закрытых помещениях, так и под открытым небом, мирно и без оружия. Условия, при которых могут происходить собрания, присутствия местных властей на собраниях и обязательного их закрытия, а также ограничения мест для собраний определяются законом.

Ст[атья] 29. Каждый волен, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

Ст[атья] 30. Все российские подданные вольны образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов и их обязательного закрытия определяются законом.

Ст[атья] 31. Условия и порядок сообщения обществам и союзам прав юридического лица определяются законом.

Ст[атья] 32. Все российские подданные вольны обращаться к государственным властям с ходатайствами по предметам общественных и государственных нужд.

Ст[атья] 33. Иностранцы пользуются правами, предоставленными российским подданным, с соблюдением ограничений, установленных законом.

Ст[атья] 34. Законом могут быть установлены изъятия из действия общих, в сей главе изложенных, постановлений для лиц, состоящих на действительной военной службе, а также для местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном. Порядок объявления местностей в положении военном или исключительном, а равно ограничения в применении указанных общих постановлений, определяются законом. Существующие в сем отношении особые постановления сохраняют свою силу впредь до пересмотра их в установленном порядке.

Глава четвертая⁴⁷

О ЗАКОНАХ

Ст[атья] 35. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, издаваемых в порядке, сими Основными законами установленном.

Ст[атья] 36. Законы суть общие, когда действие их распространяется на все пространство Империи, и местные, когда действие их ограничивается пределами отдельных местностей. Законы местные новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено.

Ст[атья] 37. Каждый закон имеет силу только на будущее время, кроме того случая, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее.

Ст[атья] 38. Законы обнародываются во всеобщее сведение Правительствующим сенатом в установленном порядке и прежде обнародования в действие не приводятся.

Ст[атья] 39. Законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям сих Основных законов.

Ст[атья] 40. По обнародовании, закон получает обязательную силу со времени назначенного для того в самом законе срока, при неустановлении же такового — со дня получения на месте номера «Собрания узаконений и распоряжений правительства», в коем закон напечатан.

Ст[атья] 41. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона.

Ст[атья] 42. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком.

Глава пятая⁴⁸

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

Ст[атья] 43. Государственная дума и Государственный совет ежегодно созываются и закрываются указами Государя Императора.

Ст[атья] 44. Государственная дума до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов может быть распущена указом Государя Императора с тем, чтобы новые выборы были произведены в течение четырех месяцев и чтобы Дума в новом составе была созвана не позднее, как чрез шесть месяцев со дня ее распускания. Сроки выборов и созыва Думы должны быть обозначены в том же указе, коим распускается Дума.

Ст[атья] 45. Сессии Государственной думы и Государственного совета открываются и закрываются одновременно.

Ст[атья] 46. Законодательные предположения вносятся сперва в Государственную думу, а затем передаются в Государственный совет, в коих рассматриваются порядком, в учреждении сих установлений определенным. Законодательные предположения по вопросам, возбужденным Государственным советом, вносятся сперва в Совет, а затем передаются в Думу.

Ст[атья] 47. Законопроект, одобренный Государственною думою и Государственным советом, воспримлет силу закона не иначе, как по утверждении его Государем Императором за Собственноручным Его Императорского Величества подписанием.

Ст[атья] 48. Законопроекты, не удостоившиеся Высочайшего утверждения, равно как отклоненные Государственною думою или Государственным советом, если такие законопроекты внесены были в Думу или Совет по почину одного из сих установлений, не могут быть вновь внесены в течение той же сессии.

Ст[атья] 49. Когда в перерыв сессий Государственной думы и Государственного совета чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения ее в законодательном порядке, мера сия может быть принята по Именному Высочайшему указу с тем, однако, чтобы она не вносила изменений в Основные государственные законы и не влекла за собою отчуждения государственных имуществ. Такие указы должны быть скреплены

председателем Совета министров. Указы эти теряют силу закона, если в течение первых двух месяцев после возобновления сессий Государственной думы и Государственного совета они не будут в оные внесены и если, затем, Государственная дума или Государственный совет откажут в одобрении таковых указов.

Ст[атья] 50. Воспрещается представлять лично заявления о нуждах (петиции) в Государственную думу или в Государственный совет. Обращенные в сии установления заявления направляются ими к подлежащим министрам, от которых Государственная дума и Государственный совет вправе требовать разъяснений по содержанию передаваемых заявлений.

Ст[атья] 51. Государственной думе и Государственному совету предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов. Основные государственные законы об Императорской Власти (ст[атьи] 5–17), равно как постановления, упомянутые в статье 18, могут быть предметом законодательного пересмотра не иначе, как с соизволения Его Императорского Величества.

Ст[атья] 52. Государственной думе и Государственному совету предоставляется делать министрам запросы по всем, входящим в их полномочия, предметам.

Ст[атья] 53. Государственная дума и Государственный совет участвуют в осуществлении и надзоре за закономерностью действий правительственных властей.

Ст[атья] 54. Государственная дума и Государственный совет имеют право производить повсеместно расследование чрез посредство избранных ими для того из своей среды комиссий.

Ст[атья] 55. Государственная дума и Государственный совет могут требовать от министров как присутствия их в заседаниях Думы и Совета, так и сообщения сведений и разъяснений. Министрам предоставляется давать сии сведения как лично, так равно чрез своих товарищей.

Ст[атья] 56. Государственная дума проверяет полномочия своих членов. Равным образом Государственный совет проверяет полномочия выборных членов Совета.

Ст[атья] 57. Одно и то же лицо не может быть одновременно членом Государственной думы и членом Государственного совета. Состоящий членом одного из сих установлений, вступая в состав другого установления, тем самым слагает с себя прежние полномочия.

Ст[атья] 58. Члены Государственной думы, равно как выборные члены Государственного совета, не могут быть жалуеты чинами либо орденами, а также денежными выдачами, за исключением суточного от казны довольствия, которое они получают на время сессии.

Ст[атья] 59. Во время сессии члены Государственной думы, равно как члены Государственного совета, не могут быть, без предварительного разрешения Думы или Совета, ни привлечены к уголовному следствию, ни взяты под стражу по подозрению в совершении преступного деяния, ни задержаны за долги. Из сего исключается лишь тот случай, когда член Государственной думы или Государственного совета будет застигнут при совершении преступного деяния. Но и в этих случаях Государственная дума и Государственный совет должны быть немедленно уведомлены о последовавшем распоряжении.

Глава шестая⁴⁹

О ПРЕДСЕДАТЕЛЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ, МИНИСТРАХ И ДРУГИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦАХ

Ст[атья] 60. К кругу обязанностей председателя Совета министров относится представление Государю Императору кандидатов для замещения должностей министров, кроме министров военного, морского и Императорского двора и уделов.

Ст[атья] 61. Должности министров совместимы с званием члена Государственной думы и Государственного совета.

Ст[атья] 62. Министры имеют право голосования в Государственной думе и в Государственном совете только в том случае, если они состоят членами сих установлений.

Ст[атья] 63. Председатель Совета министров и прочие министры в совокупности ответственуют за общий ход государственного управления.

Ст[атья] 64. Каждый министр в отдельности ответственует: 1) за свои личные действия и распоряжения; 2) за действия и распоряжения подчиненных ему властей, и 3) за скрепленные его подписью указы и иные акты, от Государя Императора исходящие.

Ст[атья] 65. За совершенные при отправлении должности нарушения законов или прав частных лиц министры подлежат гражданской и уголовной ответственности. За умышленные нарушения постановлений сих Основных законов и за нанесение тяжкого ущерба интересам государства превышением, бездействием или злоупотреблением власти министры могут быть привлекаемы Государственною думою или Го-

сударственным советом к ответственности с преданием Верховному уголовному суду.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 2–10 (Подлинник, машинопись).

3

ПРОЕКТ ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ, СОСТАВЛЕННЫЙ ШТАЛМЕЙСТЕРОМ ВЫСОЧАЙШЕГО ДВОРА А. П. САЛОМОНОМ

(ПРОЕКТ № 2)

Предисловие

Высочайший Манифест 17 октября сего года возложил на правительство обязанность выполнения Монаршей воли о даровании населению Российской империи основ гражданской свободы, о расширении круга избирателей в Государственную думу и о предоставлении Думе участия в осуществлении законодательной власти и в надзоре за закономерностью действий правительственных властей.

Так как Манифестом устанавливается, как незыблемое правило, что никакой закон не может воспринять силу без одобрения Государственной думы, то, по весьма распространенному мнению, впредь до созыва Думы законодательная деятельность, в собственном смысле слова, не возможна, и Совет министров, в порядке исполнения Высочайших предубаждений, вынужден ограничиться представлением на благоволение Государя Императора таких проектов правил, которыми устанавливались бы лишь временные нормы пользования дарованными населению свободами и временные же основания и порядок производства выборов в Думу, в расширенных, сравнительно с Учреждением 6 Августа, размерах.

Обращение этих временных норм в постоянные законы, согласно приведенному мнению, должно составить задачу Государственной думы; на ней же должна будет лежать и законодательная формулировка дарованной ей Манифестом 17 октября новой компетенции.

По-видимому, такого взгляда держится и правительство; иначе трудно объяснить ту медленность, с которою оно исполняет объявленное ему Манифестом 17 октября Высочайшее повеление.

Нельзя, однако, не видеть, что определение существа гражданских свобод, определение отношений представительного учреждения к законодательству и верховному управлению принадлежат к категории

тех законодательных норм, которые именуются Основными законами и устанавливаются не обыкновенною законодательною властью, а властью учредительною. Предстоящие решению Думы вопросы почти исчерпывают содержание Основных законов; для полноты недостает лишь определения формы правления.

Но какие же есть основания для предоставления Государственной думе учредительных полномочий?

Монархическая форма правления, исторически сложившаяся, понятная и дорогая народу, возвышенная в его сознании религиозным освящением, существует в нашем Отечестве. Если Монарху было угодно дать законодательной и исполнительной власти иную, чем прежде, организацию, возложив на народ часть державного бремени — которое доселе Он нес один, то из этого еще не следует, чтобы монархическое устройство Российской империи поколебалось и из факта вдруг стало вопросом.

Коль скоро Монарх даровал населению гражданскую свободу, или, что то же, политические права, то возможно ли допустить, что Он не сознавал, в чем сущность и пределы этой свободы и вытекающих из нее прав, а нуждался в указаниях народных представителей?

Приняв решение расширить прерогативы народного представительства, Монарх вносил изменения в Им же созданное Учреждение Государственной думы. Возможность этих изменений была предвидена и предугазана Монархом в Манифесте 6 августа, и осуществление этих изменений сохранено Монархом за собою. Почему же вдруг воля Монарха должна измениться, и Государственной думе предоставлено самой предложить способы обращения ее из законосовещательного в законодательное собрание?

В настоящее время, по Высочайшему повелению, разрабатывается в Особом совещании преобразование Государственного совета. Последовательность требовала бы передачи и этой работы Государственной думе, в видах достижения стройности и единства идеи в организации народного представительства. Но не было ли бы это окончательным обращением Государственной думы первого призыва в учредительное собрание, т. е. актом прямо революционным?

Все эти мысли привели автора настоящей работы к убеждению в безусловной необходимости издать, особым Высочайшим манифестом до созыва Государственной думы во всяком случае, если же возможно, то даже до приступа к выборам в оную, Основные законы, определяющие существо не подлежащего изменению монархического устрой-

ства Российской империи, начала даруемого стране правового порядка, политические права российских граждан и Учреждение народного представительства. Утвержденные на незыблемых устоях этих Основных законов, новые Государственные палаты приступили бы к творческой законодательной деятельности в спокойном сознании, что им предстоит не непосильная задача создания нового русского государства, а благодарный труд обновления жизненных сил страны, утомленной годами войны и смуты.

В своей попытке изложить Основные законы Российской империи, автор руководствовался следующими, главным образом, соображениями:

1. Исходной точкой проекта должны служить действующие Основные законы, из коих следует сохранить все то, что, не противореча букве и духу Манифеста 17 октября, имеет действительно характер законов основных, а также не является историческим пережитком веков минувших.

2. В Основные законы должны входить как Учреждение Государственных палат, так равно и положение о выборах в оные. Но эти части Основных законов не могут быть разработаны ранее, чем будет проектирована реформа Государственного совета. Необходимо, однако, наметить те изменения, которым, в силу Манифеста 17 октября, должно подвергнуться Учреждение Государственной думы 6 августа. Это исполнено автором в особом приложении.

3. Верховная власть Российского Императора по действующим Основным законам определяется как «самодержавная» и «неограниченная». Второй из этих терминов несовместим с предрешенным Манифестом 17 октября участием Государственной думы в осуществлении законодательной власти. Иной характер имеет термин «самодержавная», указывая скорее на источник верховной власти, чем на образ действия ее. Однако, во избежание недоразумений, термин этот в форме имени прилагательного не следует вводить в Основные законы, имя же существительное «Самодержец» непременно должно быть сохранено, как драгоценное наследие исторического прошлого России и неотъемлемая принадлежность Императорского титула.

4. Было бы весьма желательно, в виду агитации в пользу политической автономии Польши, исключить из основных законов упоминание о «престол» Царства Польского. Но автор не решился это сделать, ибо рядом с престолом Царства Польского упоминается о престоле Великого княжества Финляндского, исключение же этого

упоминания могло бы быть истолковано в смысле полного отделения Финляндии от России.

5. По действующим Основным законам Император или Императрица обязуются свято наблюдать законы о наследии престола. С дарованием Российской империи народного представительства объем этого обещания должен расшириться и охватить все Основные законы, самое же обещание — получить торжественный характер. Само собою разумеется, что это не может касаться Императора, даровавшего Основные законы, Который самым их изданием ручается за их нерушимость.

6. Действующими Основными законами не предвиден случай, когда у малолетнего Императора совсем нет родственников, могущих принять на себя правительство и опеку, или же когда наличные родственники находятся в болезненном состоянии, устраниющем или ограничивающем дееспособность. Надлежит, поэтому, проектировать порядок учреждения в подобных случаях правительства и опеки.

7. В состав действующих Основных законов входит Учреждение о Императорской фамилии. По содержанию своему закон этот, содержащий многие, второстепенного характера, подробности, не подходит под понятие Основного закона. Между прочим он содержит распоряжения финансового свойства, связанные с расходами из государственной казны и входящие поэтому в компетенцию Государственных палат.

С другой стороны, Императорский дом есть учреждение чрезвычайной государственной важности при монархической форме правления вообще и при существовании династии, сохранение коей до отдаленнейших веков должно быть прочно обеспечено.

В-третьих, Императорский дом, по идее своей, есть единая патриархальная семья, Глава коей — царствующий Император должен обладать по отношению к Членам Дома не только верховною государственною властью, но и полною неограниченной родительской властью.

Особенное положение Императорского дома и его Членов должно быть, поэтому, точно определено Основными законами; относящиеся же сюда постановления заимствованы из действующего Учреждения о Императорской фамилии.

В только что упомянутом Учреждении довольно ясно выражено двойственное положение Членов Императорского дома, как таковых (напр[имер,] ст. ст. 139, 144, 157, 158, 161) и положение их как российских подданных вообще (напр[имер,] ст. ст. 170, 171, 173, 174). Но

с представлением российским подданным гражданских свобод возникает вопрос, которыми из этих свобод и в каких пределах уместно пользоваться Членам Императорского дома. Суждение об этом должно всецело и исключительно принадлежать Императору, как Главе Императорского дома. Дискреционный, в этом отношении, характер Императорской власти оттенен в ст[атье] 46 настоящего проекта Основных законов указанием на права Императора отрешить от прав и преимуществ, предоставленных Членам Императорского дома, того из сих Членов, который совершит действие, несовместимое «с положением и достоинством» Члена Императорского дома. Самая оценка этих действий должна всецело зависеть от усмотрения Императора.

8. В отделе «О законах» настоящий проект, пользуясь, где возможно, терминами и редакцией действующего законодательства, во многих случаях должен с ним расходиться. Надлежит, однако, заметить, что разноречие здесь не в принципах, а в той форме, в которую эти принципы облакаются, в зависимости от старой и новой организации законодательной власти. В виде более ярких примеров можно указать на принципы, выраженные в статьях действующих Основных законов: [статья] 66 — «Никакой закон, за Собственноручным Высочайшим подписанием изданный, не может быть отменен указом объявленным», или [статья] 73 — «Отмена закона существующего совершается тем же порядком, какой выше означен для составления законов». Вообще новые постановления «О законах» имеют характер не отрицания, а естественной эволюции старых постановлений.

9. Отдел о правах российских граждан должен, по необходимости, быть совершенно новым. В изложении его автор руководствовался западноевропейскими образцами и некоторыми русскими работами. Особое внимание автор уделил точной формулировке начал полной свободы веры, неприкосновенности собственности и значения государственного языка. Далее, автор стремился к последовательному проведению принципа закономерности и авторитета судебной власти. Наконец, автор считал необходимым распространить ограничения в пользовании гражданскими свободами, устанавливаемые обычно для военнослужащих (гарантия личного задержания, неприкосновенность жилища, тайна частной переписки, свобода передвижения, свобода изустного слова и печати, свобода собраний и союзов, право петиций) — и на гражданских чиновников.

10. Настоящий проект заканчивается заголовками двух последних отделов, полную разработку которых автор признавал в настоящий

момент неисполнимой, а именно «Об устройстве Государственных палат» и «О выборах в Государственные палаты». Термин «Государственные палаты» предлагается автором для наименования совокупности законодательных учреждений: «Государственного совета» и «Государственной думы». Какое либо общее наименование совершенно необходимо как потому, что при двухпалатной системе народного представительства неизбежно будут случаи совместных заседаний обеих палат, так и потому, что употребление общего термина значительно упростит редакцию Учреждения Палат.

Наименование «Парламент» автором решительно отвергается, как не русское, во-первых, а, во-вторых, как заключающее в себе намек на парламентарную систему, вводить которую, очевидно, не предполагается. Предлагавшееся в печати название «Земский собор» представляется автору неудобным потому, что прилагательное «земский» утратило свое древнерусское значение и вошло в сознание народа, как обозначение учреждений, вопросов и дел, относящихся к области местного самоуправления. Против предлагаемого автором названия «Государственные палаты» можно возразить указанием на множественное число. Но употребление в подобных случаях множественного, вернее, собирательного числа не есть что либо новое. Совокупность обеих палат носит в Голландии название «Генеральные штаты», в Испании — «Кортесь». Затем, предлагаемое название вполне русское и с полной точностью обозначает предмет, к которому относится.

Настоящий проект неизбежно имеет характер компилятивной работы. Автору предстояло возможно крепко спаять в одно целое старое и новое, заимствуя это новое из чужестранной практики. В своей попытке разрешить эту трудную задачу автор допускал позаимствование лишь таких положений, которые проверены долголетним опытом и составляют бесспорное и надежное достояние общечеловеческой культуры, он руководствовался при этом глубоким убеждением, что в жизни государственной, как в природе, действительно прочно и жизнеспособно не то, что искусственно составлено, а только то, что естественно выросло, питая свои корни в глубоких слоях родной почвы.

Декабрь 1905 г[ода]

Ал[ександр] Саломон

Проект [Высочайшего Манифеста]

Божиею Милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верным подданным:

Всевышнему Промыслу, управляющему судьбами народов, не раз на пространстве тысячелетней истории России, угодно было ниспослать Отечеству Нашему великие и тяжкие испытания. Но, перенеся их, искушенная в горниле бедствий, окрепшая духом, Русская земля всегда возрождалась к новой жизни, к новому могуществу и славе.

Так и ныне, среди постигшей Россию смуты, в борьбе с темными силами, стремящимися разрушить Русское государство, не должна ослабевать вера народа в близкую победу правды над ложью, закона и порядка над насилием необузданных страстей.

К новому, светлому будущему поведет Россию, при помощи Божией, надежный путь дружного и неустанного труда, направленного к укреплению нравственных начал жизни, к развитию просвещения и к мирному, закономерному приобретению благ материальных.

В твердом убеждении, что успешное достижение сих целей во многом зависит от государственного устройства страны, повелели Мы правительству Нашему пересмотреть, на основании преподанных Нами указаний, действующие Основные законы и Учреждения высших государственных установлений Империи, для приведения их в соответствие с современными потребностями Русского государства, из коих обращает на себя особое внимание Наше обеспечение народу широкой самостоятельности, в пределах, полагаемых, равным для всех, законом, и привлечение народа, чрез избранных им представителей, к участию в издании законов и в распоряжении государственною казною.

Ныне дело сие окончено. С пламенной молитвой к Господу Богу, да осенит Всемогущий благословением Своим державу Нашу и возлюбленный Наш народ, утвердили Мы в сей день и даровали Российской империи новые Основные законы, в нерушимости коих, за Себя и Своих потомков, поручаемся Императорским Нашим словом.

Дан в ..., в ... день ... месяца, в лета от Рождества Христова ... , Царствования же Нашего... .

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

І. О верховной власти⁵⁰

Ст[атья] 1. Император и Самодержец Всероссийский есть Монарх Божию милостию. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает.

[Статья] 2. Та же власть верховная принадлежит и Императрице, когда наследство престола, в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского; но супруг Ее не почитается Государем: он пользуется почестями и преимуществом наравне с супругами Государей, кроме титула.

[Статья] 3. Император или Императрица, престолом всероссийским обладающие, не могут исповедывать иной веры, кроме Христианской, Православной, Кафолической, Восточного исповедания.

[Статья] 4. Власть законодательная принадлежит Императору и осуществляется Им не иначе, как чрез Государственные палаты, в порядке, Основными законами установленном.

[Статья] 5. Власть управления принадлежит Императору. Он назначает и увольняет министров, Совет министров составляющих, а также дипломатических представителей Российской империи в иностранных государствах. Министры ответственны пред Императором и Государственными палатами.

[Статья] 6. Правосудие совершается в Империи именем Императорского Величества. Императору принадлежит право помилования.

[Статья] 7. Император есть Глава и Верховный Вождь всех сухопутных и морских сил Российской империи. Император объявляет войну и заключает мир.

ІІ. О порядке наследия престола⁵¹

[Статья] 8. Императорский всероссийский престол есть наследственный в ныне благополучно царствующем Императорском доме.

[Статья] 9. С Императорским всероссийским престолом нераздельны суть престолы: Царства Польского и Великого княжества Финляндского.

[Статья] 10. Оба пола имеют право к наследию престола; но преимущественно принадлежит сие право полу мужескому по порядку первородства; за пресечением же последнего мужеского поколения, наследие престола поступает к поколению женскому по праву заступления.

[Статья] 11. Посему, наследие престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего Императора. а по нем всему его мужескому поколению.

[Статья] 12. По пресечении сего мужеского поколения, наследство переходит в род второго сына Императора и в его мужеское поколение; по пресечении же второго мужеского поколения, наследство переходит в род третьего сына, и так далее.

[Статья] 13. Когда пресечется последнее мужеское поколение сыновей Императора, наследство остается в сем же роде, но в женском поколении последне-царствовавшего, как в ближайшем к престолу, и в оном следует тому же порядку, предпочитая лицо мужеское женскому; но при сем не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно пришло.

[Статья] 14. По пресечении сего рода, наследство переходит в род старшего сына Императора-Родоначальника, в женское поколение, в котором наследует ближняя родственница последне-царствовавшего рода сего сына, по нисходящей от него или сына его старшей, или же, за неимением нисходящих, по боковой линии, а в недостатке сей родственницы, то лицо мужеское или женское, которое заступает ее место, с предпочтением, как и выше, мужеского пола женскому.

[Статья] 15. По пресечении и сих родов, наследство переходит в женский род прочих сыновей Императора-Родоначальника, следуя тому же порядку, а потом в род старшей дочери Императора-Родоначальника, в мужеское ее поколение; по пресечении же оно, в женское ее поколение, следуя порядку, установленному в женских поколениях сыновей Императора.

[Статья] 16. По пресечении поколений мужеского и женского старшей дочери Императора-Родоначальника, наследство переходит к поколению мужескому, а потом к женскому второй дочери Императора-Родоначальника, и так далее.

[Статья] 17. Младшая сестра, хотя бы и сыновей имела, не отъемлет права у старшей, хотя бы и не замужней; брат же младший наследует прежде старших своих сестер.

[Статья] 18. Когда наследство дойдет до такого поколения женского, которое царствует уже на другом престоле, тогда наследующему лицу предоставляется избрать веру и престол, и отречься вместе с Наследником от другой веры и престола, если таковой престол связан с законом, когда же отрицания от веры не будет, то наследует то лицо, которое за сим ближе по порядку.

[Статья] 19. Дети, происшедшие от брачного союза Лица Императорской фамилии, с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, на наследование престола права не имеют.

[Статья] 20. При действии правил, выше изображенных о порядке наследия престола, лицу, имеющему на оный право, предоставляется свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании престола.

[Статья] 21. Отречение таковое, когда оно будет обнародовано и обращено в закон, признается потом уже невозвратным.

[Статья] 22. Император или Императрица, престол наследующие, при вступлении на оный торжественно обязуются свято наблюдать Основные законы Империи.

III. О совершеннолетиим императора, правительстве и опеке⁵²

[Статья] 23. Совершеннолетие Государям обоого пола и Наследнику Императорского престола полагается в шестнадцать лет.

[Статья] 24. При вступлении на престол Императора прежде сего возраста, до совершеннолетия Его, учреждаются правительство и опека.

[Статья] 25. Правительство и опека учреждаются или в одном лице совокупно, или же раздельно, так, что одному поручается правительство, а другому опека.

[Статья] 26. Назначение правителя и опекуна, как в одном лице совокупно, так и в двух лицах раздельно, зависит от воли и усмотрения Царствующего Императора, которому, для лучшей безопасности, следует учинить выбор сей на случай Его кончины.

[Статья] 27. Когда при жизни Императора такового назначения не последовало, то, по кончине Его, правительство государства и опека над лицом Императора в малолетстве принадлежат отцу или матери; вочтим же и мачеха исключаются.

[Статья] 28. Когда нет отца и матери, то правительство и опека принадлежит ближнему к наследию престола из совершеннолетних обоого пола родственников малолетнего Императора.

[Статья] 29. Когда у малолетнего Императора совсем нет совершеннолетних родственников, или же наличные родственники находятся в таком болезненном состоянии, которое, по российским гражданским законам, устраниает или ограничивает дееспособность, правитель

и опекун избирается Государственными палатами в Общем их присутствии, созываемом нарочито для сей цели Советом министров, немедленно по восшествии на престол малолетнего Императора.

[Статья] 30. Государственные палаты в Общем присутствии избирают сперва закрытыми записками, относительным большинством голосов, десять кандидатов. Засим каждый из кандидатов баллотируется шарами. Избранным считается получивший абсолютное большинство голосов.

[Статья] 31. Немедленно по избрании правитель дает в Общем присутствии Государственных палат торжественное обещание свято наблюдать Основные законы Империи. До принесения таковой присяги государством управляет Совет министров.

[Статья] 32. Правитель управляет властью Императора и от Его имени. С наступлением совершеннолетия Императора полномочия правителя прекращаются. О наступлении Своего совершеннолетия Император возвещает манифестом.

IV. О вступлении на престол и о присяге подданства⁵³

[Статья] 33. По кончине Императора, Наследник Его вступает на престол силою самого закона о наследии, присвоющего Ему сие право. Вступление на престол Императора считается со дня кончины Его Предшественника.

[Статья] 34. В Манифесте о восшествии на престол возвещается вместе и законный Наследник престола, если лицо, коему по закону принадлежит наследие, существует.

[Статья] 35. Верность подданства воцарившемуся Императору и законному Его Наследнику, хотя бы он и не был поименован в Манифесте, утверждается всенародною присягою. К сей присяге приводятся все вообще подданные мужского пола, достигшие двенадцатилетнего возраста. Каждый присягает по своей вере и закону.

V. О священном короновании и миропомазании⁵⁴

[Статья] 36. По вступлении на престол, совершается священное коронование и миропомазание по чину Православной Кафолической Церкви. Время для торжественного сего обряда назначается по Высочайшему благоусмотрению и возвещается предварительно во всенародное известие.

[Статья] 37. Совокупно с Императором, по изволению Его, приобщается сему священнодействию и Августейшая Его Супруга. Но если бы коронование Императора последовало прежде вступления Его

в брак, то коронование супруги Его совершается впоследствии не иначе, как по особенному Его соизволению.

[Статья] 38. Священный обряд коронования и миропомазания совершается в московском Успенском соборе в присутствии Государственных палат, а также высших гражданских и военных чинов Империи, сословий и лиц, по Высочайшему назначению к сему призываемых. Коронование Императоров Всероссийских, как Царей Польских, заключается в одном и том же священном обряде.

VI. О титуле Императорского Величества и о государственном гербе⁵⁵

[Статья] 39. Полный титул Императорского Величества есть следующий: «Божиею поспешествующею милостию, Мы, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и вся северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая».

[Статья] 40. В некоторых, законом определенных, случаях сей титул Императорского Величества изображается сокращенно: «Божиею поспешествующею милостию, Мы, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая».

В других, также законом определенных, случаях употребляется титул Императорского Величества краткий, в следующем виде: «Божиею милостию, Мы, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая».

[Статья] 41. Российский государственный герб есть в золотом щите черный, двоголовый орел, коронованный двумя Императорскими коронами, над которыми третья, такая же, в большом виде, корона с двумя развешивающимися концами ленты ордена Святого Апостола Андрея Первозванного. Государственный орел держит золотые скипетр и державу. На груди орла герб московский: в червленом щите Святой Великомученик и Победоносец Георгий, на коне, поражающий дракона золотым копьем.

В большой государственной печати щит, с вышеописанным двоголовым орлом, увенчан шлемом Святого Великого Князя Александра Невского, и окружен цепью ордена Святого Апостола Андрея Первозванного; по сторонам его изображения Святых Архистратига Михаила и Архангела Гавриила; над всем золотая усеянная двоголовыми орлами и подложенная горностаем сень с надписью: С нами Бог; над сению Императорская корона и государственная хоругвь. Вокруг щита изображаются родовой Его Императорского Величества герб, и гербы Царств Казанского, Астраханского, Польского, Сибирского, Херсониса Таврического, и Грузинского, и Великих княжеств Киевского, Владимирского, Новгородского и Финляндского; над сению соединенные, на шести щитах, гербы всех прочих княжеств и областей, упоминаемых в полном Императорском титуле (ст[атья] 39). Сей полный Императорского Величества титул помещается на краях печати.

В средней государственной печати помещаются те же, как и на большой, изображения, кроме лишь государственной хоругви и шести верхних над сению щитов с соединенными гербами княжеств и областей. На краях Императорский титул в сокращенном виде.

Малая государственная печать вообще сходствует с среднюю, но в ней нет изображений Святых Архангелов и родового герба Его Императорского Величества, а окружающие главный щит гербы царств и великих княжеств помещаются на крыльях орла. На краях печати Императорский титул в кратком виде (ст[атья] 40, п[ункт] 2). Подробное описание государственного герба и государственной печати во всех видах и правила о употреблении их устанавливаются законом.

VII. О Императорском доме⁵⁶

[Статья] 42. Императорский дом составляют и Членами оного почитаются те родственники Императора, кои произошли от Императорской крови в законных, дозволенных царствующими Императорами, браках, с лицами соответственного по происхождению достоинства.

[Статья] 43. Царствующий Император есть Глава всего Императорского дома, попечитель и покровитель оного.

[Статья] 44. Каждый Член Императорского дома обязуется к лицу Царствующего, яко к Главе Дома и Самодержцу, совершенным почтением, повиновением, послушанием и подданством.

[Статья] 45. Права и обязанности Членов Императорского дома определяются Учреждением о Императорской фамилии.

[Статья] 46. В случае нарушения содержащихся в сем Учреждении постановлений, или совершения действий, не совместимых с положением и достоинством Члена Императорского дома, Император имеет власть отрешить виновного в таковых нарушениях и действиях от присвоенных ему по Учреждению о Императорской фамилии прав и преимуществ.

VIII. О вере⁵⁷

[Статья] 47. Первенствующая в Российской империи вера есть Христианская, Православная, Кафолическая, Восточного исповедания. Православной Церкви принадлежит преимущество почета и право на особое попечение о ее нуждах Императора, Государственных палат и правительства.

[Статья] 48. Первенствующее положение Православной Церкви не может служить основанием для стеснения или ограничения церквей, общин и лиц других вероисповеданий в отправлении ими богослужения и религиозных обрядов, а также в распространении ими своего вероучения, если, однако, совершаемые при сем действия не нарушают общих законов.

IX. О законах⁵⁸

[Статья] 49. Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, издаваемых в порядке, Основными законами установленном.

[Статья] 50. Предначертания законов составляются по Высочайшему повелению, или же приемлют начало от Государственных палат, и не иначе получают силу закона, как по одобрении их Государственными палатами и по утверждении Императором, за Собственноручным Его Императорского Величества подписанием.

[Статья] 51. Все издаваемые законы не должны противоречить положениям сих Основных законов.

[Статья] 52. Законы Империи суть общие, когда действие их распространяется на все пространство Империи, и местные, когда

действие оных ограничивается пределами отдельных местностей. Законы местные новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой замены не постановлено.

[Статья] 53. Закон действует токмо на будущее время. Никакой закон не имеет обратного действия за исключением того случая, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется на время, предшествующее его обнародованию.

[Статья] 54. Законы обнародываются во всеобщее известие Правительствующим сенатом посредством напечатания в установленном порядке и, прежде обнародования, в действие не приводятся.

[Статья] 55. По обнародовании закон получает обязательную силу со времени назначенного в нем срока, при неустановлении же такового — по истечении двух месяцев со дня напечатания закона.

[Статья] 56. Сила закона равно для всех обязательна. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком.

[Статья] 57. Законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям сих Основных законов, или если таковые постановления нарушают в чем либо точный смысл Основных законов.

[Статья] 58. Судебные установления отказывают в применении законодательных постановлений, хотя бы обнародованных в виде законов, когда таковые постановления нарушают в чем либо точный смысл Основных законов.

[Статья] 59. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона.

[Статья] 60. Императорские законы и другие акты, издаваемые Императором в порядке верховного управления, обращаются к исполнению не иначе, как по скрепе оных или министром, к ведомству коего относятся предметы сих указов и актов, или председателем Совета министров. Сею скрепою подлежащий министр или председатель Совета министров принимает на себя за них ответственность.

[Статья] 61. В порядке, для законов определенном, обнародуются Императорские указы, устанавливающие образ исполнения законов, поскольку оный не предопределен самим законом, а также указы, дополняющие закон, если издание таковых указов предусмотрено законами, которые означенным указом дополняются.

[Статья] 62. Распоряжение правительственного места или лица, нарушающее законы, или Императорские указы и другие акты, издаваемые Императором в порядке верховного управления, не имеет ни

для кого обязательной силы. Не приемлется ссылка должностного лица на то, что действие его, нарушившее закон или Императорский указ, или другой, упомянутый в настоящей статье акт Императора, а также действие, нарушившее право отдельных лиц, совершено сим должностным лицом по приказанию начальства.

Х. О правах российских граждан⁵⁹

[Статья] 63. Условия и порядок приобретения и утрата прав российского гражданства определяются законом.

[Статья] 64. Все российские граждане равны перед законом.

[Статья] 65. Все российские граждане свободны в исповедании веры.

[Статья] 66. Никто не может быть побуждаем гражданским правительством или судом к исполнению церковных правил и соблюдению религиозных обрядов; никому не возбраняется оставлять свое вероисповедание, или переходить из одного вероисповедания в другое.

[Статья] 67. Никто не может подлежать преследованию иначе, как в порядке, законом определенном.

[Статья] 68. Никто не может быть задержан иначе, как по основаниям, определенным в законе.

[Статья] 69. Всякое задержанное лицо, в местах пребывания судебной власти в течение 24 часов, а в прочих местностях Империи в сроки, определенные законом, должно быть или освобождено, или представлено судебной власти, которая, по немедленном рассмотрении обстоятельств задержания, или освобождает задержанного, или постановляет, с объявлением оснований, о дальнейшем его задержании.

[Статья] 70. Каждый, кому станет известно о задержании кого либо другого, имеет право заявить о том ближайшему судье, который по такому заявлению исследует наличность законных оснований к задержанию или его продолжению.

[Статья] 71. Никто не может быть судим иным судом, кроме того, которому законопротивное деяние во время учинения его было по закону подсудно, и подвергнут другому наказанию, кроме того, которое за это деяние во время учинения его было законом установлено.

[Статья] 72. Никакие кары, взыскания или ограничения в пользовании правами не могут быть налагаемы на частных лиц какою либо иною властью, кроме судебной.

[Статья] 73. Жилище неприкосновенно. Вход в оное без согласия хозяина, а равно производство в нем обыска или выемка допускается не иначе, как в случаях и порядке, законом определенных.

[Статья] 74. Частная переписка и иная всякого рода корреспонденция не подлежит задержанию, вскрытию и прочтению, иначе, как по постановлению судебной власти, в случаях и порядке, законом определенных.

[Статья] 75. Никто не обязан, кроме случаев, в законе указанных, снабжать себя паспортом или иным удостоверением личности. Каждый волен, в пределах, законом установленных, свободно избирать и менять свое местожительство и занятия, приобретать повсюду движимое и недвижимое имущество, беспрепятственно перемещаться внутри государства и выезжать за его пределы. Право выезда за границу может быть ограничено законом только в видах предупреждения уклонения от отбывания воинской повинности, или от следствия суда.

[Статья] 76. Каждый волен, в пределах и под ответственностью, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародывать их и распространять путем печати или иным способом. Цензура введена быть не может.

[Статья] 77. Все российские граждане вольны собираться мирно и без оружия, не испрашивая на то предварительного разрешения, в закрытых помещениях, с разрешения же указанных в законе властей и под открытым небом. Порядок предведомления подлежащих властей о предстоящих собраниях в закрытых помещениях, условия присутствия сих властей на собраниях и основания обязательного закрытия ими сих последних, а также условия и порядок разрешения собраний под открытым небом и их закрытия — определяются законом.

[Статья] 78. Все российские граждане вольны составлять общества и союзы в целях, не противных уголовным законам, не испрашивая на то предварительного разрешения. Условия осведомления власти о составлении обществ и союзов, а также условия и порядок обязательного их закрытия в случае нарушения ими уголовного закона, определяются законом. Равным образом законом же определяются условия и порядок сообщения обществам и союзам прав юридического лица.

[Статья] 79. Все российские граждане имеют право обращаться к государственным властям с ходатайствами по предметам общественных и государственных нужд.

[Статья] 80. Собственность неприкосновенна. Отнятие или ограничение собственности в интересах общественного блага может последовать лишь в случаях, указанных в законе, и не иначе, как за справедливое вознаграждение, определяемое на основаниях, законом же установленных.

[Статья] 81. Наука и ее преподавание свободны. Каждый волен заниматься преподаванием, открывать учебные заведения и управлять ими, если докажет, в порядке, законом установленном, свою нравственную, научную и техническую подготовку.

[Статья] 82. Каждый российский гражданин имеет право на бесплатное обучение его детей в начальной народной школе. Законом может быть установлено всеобщее обязательное обучение.

[Статья] 83. Порядок обязательного правительственного надзора за государственными и частными учебными и воспитательными заведениями устанавливается законом.

[Статья] 84. Государственный язык Российской империи есть язык великорусский. В своих частных делах и сношениях, равно как в обществах и союзах, допускающих это по своим уставам, каждый волен пользоваться любым языком по своему усмотрению. Условия пользования иными языками, кроме государственного, в сношениях с правительственными и судебными местами и лицами и в преподавании определяются законом.

[Статья] 85. Законом могут быть установлены изъятия из действия статей 69, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79 настоящих Основных законов для лиц, состоящих на действительной военной и гражданской службе и для местностей, объявленных на военном положении.

[Статья] 86. Вне района военных действий, военное положение может быть введено не иначе как посредством издания о том особого каждый раз закона и на срок не более шести месяцев.

[Статья] 87. Никто не может быть казнен смертию за преступление, совершенное в местности, не находящейся на военном положении.

[Статья] 88. Иностранцы пользуются правами, предоставленными российским гражданам, с соблюдением ограничений, установленных в законах.

XI. Об устройстве Государственных палат

XII. О выборах в Государственные палаты

Приложение

О Государственных палатах⁶⁰

В нижеследующих статьях содержатся, главным образом, только те постановления, которые, по мнению автора, следовало бы внести в Учреждение Государственной думы 6 августа, для приведения в исполнение Высочайших предначертаний, возвещенных в Манифесте

17 октября. Но так как новый законодательный порядок может быть осуществлен только при двухпалатной системе, то надлежит наметить также, хотя в самых общих чертах, сущность этой системы. Однако, таких важных вопросов, как внутреннее устройство Палат, организация их делопроизводства и канцелярий и др[угое] совсем нельзя было затронуть. Отсюда отрывочность и неполнота проектированных правил, которые следует рассматривать не как точно сформулированные статьи закона, а как руководящие, принципиальные указания, на основании которых надлежит пересмотреть Учреждение Государственной думы 6 августа; притом не иначе, как в связи с будущим учреждением Государственного совета.

1. Государственные палаты учреждаются для участия в осуществлении законодательной власти и в делах высшего государственного управления.

2. Государственные палаты суть: Государственный совет и Государственная дума. Каждая из сих Палат заседает отдельно, кроме некоторых, указанных законом, случаев, когда обе Палаты соединяются в Общее присутствие.

3. Государственный совет состоит из членов по должности, каковы суть: митрополиты С[анкт]-Петербургский, Московский и Киевский и экзарх Грузии, митрополит Римско-католических Церквей, Евангелический лютеранский епископ и католик армян; членов пожизненных, назначаемых по непосредственному усмотрению Императорского Величества и членов по выбору, избираемых губернскими земскими собраниями, городскими думами некоторых крупнейших городов, советами некоторых высших ученых учреждений Империи и некоторыми главнейшими биржевыми комитетами.

4. Государственная дума состоит из государственных гласных, избираемых населением Российской империи.

5. Одно и то же лицо не может быть одновременно членом обеих Государственных палат. Кто, состоя членом одной из Палат, принимает избрание или назначение в состав другой Палаты, тот, тем самым, слагает с себя прежнее полномочие.

6. Член которой либо из Палат, будучи назначен министром, не выбывает из числа членов той Палаты и по увольнении от должности министра ранее истечения срока своих полномочий, не нуждается в переизбрании, но в занятиях Палаты он принимает участие не как член оной, а исключительно как министр.

7. Число членов Государственных палат по Высочайшему назначению и по выбору, сроки полномочий выборных членов, основы

избирательного права, обязанность, права и преимущества членов Государственных палат, внутреннее устройство сих Палат, порядок их созыва, занятий и распушения, продолжительность их собраний (сессий), наименование, служебные обязанности и права состоящих при Государственных палатах должностных лиц, состав и устройство канцелярий Палат определяются Учреждением Государственных палат.

8. Отведенные Палатам за счет государственной казны для занятий здания с прилегающею к ним местностью до черты, установленной особым законом, состоят в исключительном распоряжении самих Палат. Предназначенная для охраны внутреннего порядка в палатских зданиях особая стража подчинена председателям Палат, по принадлежности.

9. Условия и порядок производства выборов государственных гласных и членов Государственного совета определяются Положением о выборах в Государственные палаты.

10. Учреждение Государственных палат и Положение о выборах в оные причисляются к Основным законам и имеют одинаковую с ними законную силу (ст[атьи] 21–25).

11. Ведению Государственных палат подлежат:

а) предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены;

б) финансовые сметы министерств, главных управлений и государственная роспись доходов и расходов, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные;

в) все отчеты по исполнению государственной росписи;

г) установление податей, налогов, пошлин и иных сборов;

д) заключение государственных займов и принятие государством гарантий;

е) государственные договоры мирные и торговые, а равно все те, кои связаны с установлением для государственной казны обязательств, с изменением границ государственной территории, или же исполнение которых требует изменения или дополнения действующих законов;

ж) отчуждение части государственных доходов или имуществ;

з) разрешение государственных сооружений;

и) сложение недоимок и казенных взысканий;

й) дела об учреждении компаний на акциях, когда при сем испрашиваются изъятия из действующих законов;

к) дела, вносимые на рассмотрение Государственных палат, или же не удостоившиеся утверждения Императора, не могут быть предлагаемы вновь в течение того же собрания Государственных палат.

12. Проекты законов по всем перечисленным в предшедшей статье предметам и делам, кроме финансовых смет, государственной росписи и не предусмотренных росписью ассигнований (п[ункт] б)), предлагаются министрами, по Высочайшему повелению, одной из Государственных палат по ближайшему усмотрению Императора. Сметы, роспись и не предусмотренные ассигнования предлагаются сначала Государственной думе.

13. Каждой из Государственных палат предоставляется, по предложению не менее чем 30 членов в Государственной думе и 15 членов в Государственном совете, возбуждать предположения об отмене, изменении и дополнении действующих и об издании новых законов.

14. Каждый проект (ст. ст. 93 и 94) в том виде, в каком он принят в одной из Государственных палат, передается в другую. В случае предложения этого последней, он возвращается на рассмотрение Палаты, обсуждавшей его первоначально.

15. Одобренные обеими Палатами проекты представляются председателем Совета министров Императору, располагающему их утверждением.

16. Проекты законов, отклоненные одною из Государственных палат, или же не удостоившиеся утверждения Императором, не могут быть предлагаемы вновь в течение того же собрания Государственных палат.

17. В случае, если проект, принятый одною из Государственных палат, будет отклонен другою, или же Палата, первоначально рассматривавшая проект, не примет поправок, предложенных другою Палатою (ст[атья] 14), Совету министров, с соизволения Императора, когда проект был предложен правительством, или же Палате, возбудившей законодательные предположения, предоставляется потребовать рассмотрения проекта учреждаемой для сего особой комиссии, под председательством председателя Государственного совета из равного числа членов от обеих Палат, по избранию каждой из них.

18. Выработанное комиссиею (ст[атья] 17) согласительное заключение предлагается на рассмотрение каждой из Палат, и если будет принято ими, то исправленный на основании сего заключения проект представляется на утверждение Императора. Если согласительное заключение не состоится, или состоявшееся заключение не будет принято хотя бы одною из Палат, от Императора будет зависеть или отложить новое обсуждение вопроса, вызвавшего разногласие, до возобновления полномочий членов Государственных палат, или же распустить Палаты.

19. Если разногласие между Государственными палатами (ст[атья] 17) возникнет при обсуждении государственной росписи, и соглашения между Палатами (ст[атья] 18) не последует, Государственные палаты распускаются.

20. Государственная роспись доходов и расходов устанавливается не более чем на годичный срок. Но сумма, ежегодно отпускаемая из государственной казны в личное распоряжение Императора и на содержание Императорского двора, определяется Государственными палатами в начале каждого царствования, и в течение его не может быть изменяема без согласия Императора.

21. Предположения о пересмотре Основных законов могут исходить как от Совета министров, с соизволения Императора, так и от Государственных палат, но ни в каком случае не могут касаться тех из сих законов (ст. ст. 1–41), коими определяется монархическое устройство Российской империи. Пересмотр основных законов о Императорском доме (ст. ст. 42–46), а также Учреждения о Императорской фамилии, за исключением частей сего учреждения, касающихся содержания Членов Императорского дома (ст[атья] 20), может последовать не иначе, как по указанию Императора.

22. Возникшее в одной из Государственных палат предположение об отмене, изменении или дополнении которого либо из Основных законов, пересмотр коих вообще допускается, или об издании нового основного закона (ст[атья] 21), должно быть поддержано: в Государственной думе — не менее чем 60 государственными гласными, в Государственном совете — не менее чем 30 членами. Такое предположение рассматривается последовательно в обеих Палатах и почитается принятым, если в каждой Палате за него выскажется большинство 2/3 голосов при наличности 2/3 членов Палаты.

23. Если хотя одною из Палат предположение о пересмотре основного закона будет отклонено, оно не может быть возбуждено вновь до возобновления полномочий государственных гласных и выборных членов Государственного совета. В случае принятия обеими Палатами (ст[атья] 22) предположения о пересмотре основного закона Палаты соединяются в Общее присутствие для разрешения вопроса о том, следует ли ожидать возобновления полномочий Палат, или же распустить Палаты и произвести новые выборы.

24. По созыве новых Палат, они соединяются в Общее присутствие и рассматривают предположение основного закона по существу. Предположение считается принятым, если при трех, следующих одно за

другим через месяц, голосованиях за него выскажется большинство 2/3 голосов при наличии 2/3 членов.

25. Тем же порядком (ст[атьи] 13–17) рассматривается предположение о пересмотре основного закона, если оно возбуждено Советом министров с соизволения Императора.

26. Государственные палаты могут принимать обращенные к ним письменные ходатайства; личное представление таких ходатайств возбраняется.

27. Каждая из Государственных палат имеет право производить повсеместно расследования чрез посредство избранных ею для того из своей среды комиссий.

28. Во время собраний Государственных палат члены их имеют право обращаться с запросами как к отдельным министрам, так и к Совету министров в целом по предмету образа действий правительства или отдельных правительственных учреждений и должностных лиц. Объяснения по таким вопросам представляются министрами лично подлежащей Палате в одном из ее заседаний не позднее определенного Палатою срока.

29. Каждый министр в отдельности отвечает: 1) за свои личные действия или распоряжения; 2) за действия и распоряжения подчиненных ему властей, основанные на его указаниях; 3) за скрепленные его подписью указы и иные акты Императора.

30. Председатель Совета министров и прочие министры в совокупности отвечают перед Государственными палатами за общий ход государственного управления.

31. За совершенные при отправлении должности нарушения законов или прав граждан министры подлежат гражданской и уголовной ответственности. За умышленное нарушение постановлений сих Основных законов и за нанесение важного ущерба интересам государства превышением, бездействием или злоупотреблением власти министры могут быть привлекаемы каждою из Государственных палат к ответственности, с преданием суду в особом, законом установленном, порядке.

32. Ходатайство о помиловании осужденного министра может исходить только от той Государственной палаты, постановлением коей он предан суду.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 13–50 (Подлинник, машинопись).

**ВАРИАНТ ПРОЕКТА ВЫСОЧАЙШЕГО МАНИФЕСТА,
СОСТАВЛЕННЫЙ ШТАЛМЕЙСТЕРОМ
ВЫСОЧАЙШЕГО ДВОРА А. П. САЛОМОНОМ⁶¹**

Божиею Милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Высочайшим Манифестом от 17 октября сего года повелели Мы Правительству Нашему безотлагательно вышолнить непреклонную Государеву Нашу волю о даровании всему населению Империи гражданских прав, обеспечивающих законом личную неприкосновенность и свободу веры, слова, собраний и союзов.

Внемля голосу земств и городов Русской земли, Мы тем же Манифестом возвестили о расширении избирательных прав населения в Государственную думу и о признании за нею не только совещательного, но и решающего голоса в делах издания законов и государственного хозяйства.

Высочайшими указами Нашими, Правительствующему сенату с того времени Нами данными, Мы утвердили временные узаконения, позволяющие немедля ввести в действие возведенные и даруемые Нами населению права, не ожидая времени созыва Государственной думы, который не мог еще состояться вследствие охвативших почти повсеместно Империю Нашу смуты и мятежного движения.

Сие движение, угрожающее целости государства, препятствует мирной созидательной работе правительства и вызывает до сих пор необходимое применение законов и мер исключительных для обеспечения безопасности государственной и свободы общественной.

Всею душою болея о сей великой государственной невзгоде и почерпая в заветах и примерах прошлого живые начала крепкого единения Государя с Своим народом для спасения и возрождения Отечества, Мы признали за благо, следуя внушениям совести Нашей и честности Государевой, исполнить слово Наше и объявить ныне же и ввести в действие, по праву, Нам принадлежащему, как Всероссийскому Самодержцу — измененный, соответственно Манифесту Нашему 17 октября, Основной закон Российской империи, государственное устройство определяющий.

Сей государственный Основной закон Мы перед лицом Всевышнего обещаем словом Нашим за Себя, за Наследника и Преемников наших соблюдать навсегда свято и ненарушимо.

Государственной думе повелеваем собраться ... сего года в С[анкт]-Петербурге.

Призывая благословение Божие на Нас и всех верных подданных наших, под сению Державы Нашей пребывающих, да дарует Он, по тяжких днях испытаний, мир и благословение дорогому Отечеству нашему и да ниспошлет силы Нам, в служении Нашем России и в единении со всеми любящими сынами ее, высоко и грозно держать Русской земле великое имя и честь.

Дан в ..., в ... день ... месяца, в лето от Рождества Христова ... , Царствования же Нашего... .

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 80–81 (Подлинник, машинопись).

5

ПРОЕКТ ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ, СОСТАВЛЕННЫЙ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТОМ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КАПИТАНОМ 1 РАНГА ГРАФом А. Ф. ГЕЙДЕНОМ ПРИ УЧАСТИИ ШТАЛМЕЙСТЕРА ВЫСОЧАЙШЕГО ДВОРА А. П. САЛОМОНА

(ПРОЕКТ № 3)⁶²

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

І. О верховной власти⁶³

Ст[атья] 1. Император Всероссийский есть Монарх Самодержавный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает.

Ст[атья] 2. Законодательная власть принадлежит Императору и осуществляется Им через Государственную думу, в порядке, Основными законами и Учреждением Государственной думы установленном.

Ст[атья] 3. Власть управления во всем ее пространстве принадлежит Императору. В управлении верховном власть Его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него местам и лицам, действующим Его Именем и по Его повелению.

Пределы управления подчиненного, образ его действия, степень и пределы власти ономуверяемой, во всех вообще установлениях, как высших государственных, так и низших, им подведомых, определяются подробно в учреждениях и уставах сих установлений.

Ст[атья] 4. Императору принадлежит верховное право миловать и смягчать наказание. Правосудие осуществляется, Именем Императорского Величества, законом установленными судами.

Ст[атья] 5. Императору принадлежит верховное начальствование над сухопутными и морскими вооруженными силами Российской империи. Император объявляет войну и заключает мир.

Ст[атья] 6. Та же власть верховная принадлежит и Императрице, когда наследство престола, в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского; но Супруг Ее не почитается Государем: Он пользуется почестями и преимуществом наравне с супругами Государей, кроме титула.

II. О порядке наследия престола⁶⁴

[Статьи 7–19]

Ст[атья] 20. Император или Императрица, престол наследующие, при вступлении на оный и миропомазании, обязуются свято наблюдать Основные государственные законы Империи.

III. О совершеннолетиИ Императора, о правительстве и опеке⁶⁵

[Статьи 21–26]

Ст[атья] 27. Законные причины неспособности к правительству и опеке суть: 1) безумие, хотя бы оно было временное; 2) вступление вдовых, во время правительства и опеки, во второй брак.

Ст[атья] 28. Правителю государства полагается Совет правительства, и как правитель без Совета, так и Совет без правителя существовать не могут.

Ст[атья] 29. Совет составляют шесть особ первых двух классов, по выбору правителя, который назначает и других, при случающихся переменах.

Ст[атья] 30. Мужеского пола Особы Императорской фамилии могут заседать в сем Совете по выбору правителя, но не прежде своего совершеннолетия и не в числе шести особ, оный составляющих.

Ст[атья] 31. В Совет правительства входят все без изъятия дела, подлежащие решению Самого Императора, и все те, которые как к Нему, так и в Совет Его вступают; но опеки Совет не касается.

Ст[атья] 32. Правитель имеет голос решительный.

Ст[атья] 33. Назначение Совета и выбор членов оного полагается в недостатке другого распоряжения скончавшегося Государя, ибо оно-му должны быть известны обстоятельства и люди.

IV. О вступлении на престол и о присяге подданства⁶⁶

[Статьи 34–35]

Ст[атья] 36. Верность подданства воцарившемуся Императору и законному Его Наследнику, хотя бы Он и не был наименован в Манифесте, утверждается всенародною присягою.

Ст[атья] 37. Каждый присягает по своей вере и закону.

Примечания 1 и 2.

V. О священном короновании и миропомазании⁶⁷

[Статьи 38–39 (Примечания 1 и 2)]

VI. О титуле Императорского Величества и о государственном гербе⁶⁸

[Статьи 40–42]

VII. О вере⁶⁹

Ст[атья] 43. Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская, Православная, Кафолическая, Восточного исповедания.

Ст[атья] 44. Император, престолом всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме православной.

Ст[атья] 45. Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник господствующей веры.

Ст[атья] 46. В управлении церковном власть верховная действует на основании соборных постановлений Православной Церкви.

Ст[атья] 47. Все, не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в российской службе или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной.

Ст[атья] 48. Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца Вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи.

Ст[атья] 49. Дела церковные христиан иностранных исповеданий и иноверцев в Империи Российской ведаются их духовными властями и особенными правительствами, верховною властью к сему предназначенными.

VIII. О законах⁷⁰

Ст[атья] 50. Российская империя управляется на твердых основаниях положительных законов, от верховной власти исходящих и в порядке, установленном Основными законами, издаваемых.

Ст[атья] 51. Законы Империи суть общие, когда действие их распространяется на все пространство Империи, и местные, когда действие их ограничивается пределами отдельных местностей. Связь местных законов с законами общими определяется в особенный закон. Законы местные новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой замены не постановлено.

О составлении, пояснении и дополнении законов

Ст[атья] 52. Предначертания законов, а равно их изменение, дополнение и пояснение составляются подлежащими государственными учреждениями по Высочайшему повелению или же приемлют начало от Государственной думы и не иначе получают силу закона, как по одобрении их Государственной думою и по утверждении их Императором за Собственноручным Его Императорского Величества подписанием.

Ст[атья] 53. Основные государственные законы Империи, а также Учреждение Государственной думы и Положение о выборах в Государственную думу могут быть предметом законодательного пересмотра не иначе, как по указанию или с соизволения Императора.

Ст[атья] 54. Все законодательные предположения рассматриваются сперва в Государственной думе, а затем в Государственном совете порядком, в Учреждении сих установлений определенным.

Ст[атья] 55. В случае неясности или недостатка существующего закона каждое место и правительство имеет право и обязанность представлять о том по порядку своему начальству. Если встреченное сомнение не разрешается прямым смыслом закона, тогда начальство обязано представить Правительствующему сенату или министру по принадлежности.

Примечания 1 и 2.

О форме законов и хранении их

Ст[атья] 56. Законы издаются в виде Уложения, Уставов, Учреждений, Грамот, Положений, Наказов (Инструкций), Манифестов и Указов.

Ст[атья] 57. Императорские указы и другие акты, подаваемые в порядке верховного управления, обращаются к исполнению не иначе, как по скрепе оных или министром, к ведомству коего относятся предметы сих указов и актов, или председателем Совета министров. Сею скрепою подлежащий министр или председатель Совета министров принимает на себя за них ответственность.

Ст[атья] 58. Образ исполнения законов может быть устанавливаем Высочайшими повелениями, издаваемыми в порядке верховного управления.

Ст[атья] 59. Общее хранение законов полагается в Правительствующем сенате. Посему все законы, хотя бы они содержались в именных повелениях, данных особенно какому-либо лицу или месту, должны быть от тех мест и лиц вносимы в списках в Правительствующий сенат.

Примечание.

Об обнародовании законов

Ст[атья] 60. Законы обнародуются во всеобщее сведение Правительствующим сенатом посредством напечатания в установленном порядке и прежде обнародования их в действие не приводятся.

Ст[атья] 61. Законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям Основных законов, или если таковые постановления нарушают в чем либо точный смысл Основных законов.

О сроке, с коего начинается действие закона

Ст[атья] 62. Закон получает обязательную силу не прежде, как со дня его объявления. В присутственных местах каждый закон воспримлет свою силу и должен быть прилагам к делам не прежде, как со дня получения его в том месте, к исполнению коего оный подлежит.

Примечание.

Ст[атья] 63. Закон действует токмо на будущее время. Никакой закон не имеет обратного действия и сила одного не распространяется на деяния, совершившиеся прежде его обнародования.

Ст[атья] 64. Из сего общего правила изъемяются следующие случаи: 1) Когда в законе именно сказано, что он есть токмо подтверж-

дение и изъяснение смысла закона прежнего. 2) Когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на времена, предшествовавшие его обнаружению.

Об исполнении и применении законов

Ст[атья] 65. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнаружен установленным порядком.

Ст[атья] 66. Закон, в надлежащем порядке обнаруженный, должен быть свято и ненарушимо исполняем всеми и каждым, как подданными, так и иностранцами, в России пребывающими, поелику то до них принадлежать может, без различия званий, чина и пола.

Ст[атья] 67. Законы должны быть исполняемы беспристрастно, не смотря на лица и не вникая ничьим требованиям и предложениям.

Ст[атья] 68. Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оных, без всякого изменения или распространения. Все без изъятия места, не исключая и высших правительств, во всяком случае должны утверждать определения свои на точных словах закона, не переменяя в них без доклада Императорскому Величеству ни единой буквы и не допуская обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований. Но если бы где либо по различию буквального смысла узаконений встретилось затруднение в избрании и приложении закона к рассматриваемому делу, в таком случае по невозможности согласить буквальный смысл одного закона с таковым же другого, самая необходимость предписывает, особенно в высших местах, следовать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболее оному соответствующего.

Ст[атья] 69. Судебные установления отказывают в применении законодательных постановлений, хотя бы обнаруженных в виде законов, когда таковые постановления нарушают в чем либо точный смысл Основных законов.

Об отмене законов

Ст[атья] 70. Закон сохраняет свое действие, доколе не будет отменен силою нового закона.

Ст[атья] 71. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона.

Ст[атья] 72. Если бы предписанием министра, содержащим в себе объявление Высочайшего повеления, отменялся закон или учреждение, за Собственноручным Высочайшим подписанием изданные, тогда начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня исполнения, представить

о сем министру. Если же и за сим представлением предписание будет подтверждено в той же силе, то начальство обязано случай сей представить Правительствующему сенату на окончательное разрешение.

Ст[атья] 73. Если бы в предписании, непосредственно от власти министра исходящем, начальство, ему подчиненное, усмотрело отмену закона, учреждения или объявленного прежде Высочайшего повеления, то оно обязано представить о сем министру. Если же и за сим предписание будет подтверждено от лица министра в той же силе, то начальство обязано случай сей представить на окончательное разрешение Правительствующему сенату.

Ст[атья] 74. Законы, особенно для какой-либо губернии или для какого-либо рода людей изданные, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено. Сие же разумеется и о личных привилегиях.

IX. О составе государства и государственном языке⁷¹

Ст[атья] 75. Все окраины Российской империи, в державном обладании ее находящиеся, хотя бы и пользовались особым местным законодательством и самоуправлением, составляют с Империею единое нераздельное государство.

Ст[атья] 76. Пространство Российской империи составляют земли: государственные, удельные, общественные и частновладельческие. Земли могут быть отчуждаемы верховною властью для целей государственных в порядке, установленном для сего законом.

Ст[атья] 77. Господствующее коренное население Российского государства есть племя русское православное. Посему государственным языком служит язык русский как во всех государственных, административных и судебных учреждениях, так и в школах, содержимых на счет государства.

Ст[атья] 78. На сем же основании число российских подданных иностранных исповеданий, евреев и инородцев, состоящих в пределах Империи на государственной службе в различных ведомствах, не должно превышать определенной для каждой местности для сего законом соразмерной с составом населения Империи части всех служащих в ведомствах.

Ст[атья] 79. То же ограничение, законом установленное, соблюдается и в отношении учащихся, поступающих в школы, содержимыя на счет государства в пределах собственно Империи, за исключением губерний Царства Польского и Кавказа.

Ст[атья] 80. Равным образом количество общественной и частной недвижимой собственности, принадлежащей российским подданным иностранных исповеданий, евреям и инородцам в пределах Империи, за исключением губерний Царства Польского, не должно превышать определенной законом для каждой местности соразмерной с прочим населением части всей общественной и частной недвижимой собственности.

Ст[атья] 81. Крестьянские надельные и благоприобретенные земли не могут быть приобретаемы лицами иностранных исповеданий, евреями и инородцами.

Х. О правах российских граждан⁷²

Ст[атья] 82. Условия и порядок приобретения и утраты прав российского гражданства определяется законом.

Ст[атья] 83. Все российские подданные, не взирая на различие их происхождения и вероисповедания, равны перед законом.

Ст[атья] 84. Все российские граждане свободны в исповедании веры.

Ст[атья] 85. Никто не может быть побуждаем гражданским правительством или судом к исполнению церковных правил и соблюдению религиозных обрядностей, никому не возбраняется переходить из одного вероисповедания в другое.

Ст[атья] 86. Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом определенном.

Ст[атья] 87. Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законами определенных, ни содержим в помещениях, не установленных на то законом.

Ст[атья] 88. Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение 24-х часов, а в прочих местностях не позднее, как в течение 3-х суток со времени задержания, должно быть или освобождено, или представлено судебной власти, которая по немедленном рассмотрении обстоятельств задержания или освобождает задержанного, или постановляет, с объявлением оснований, о дальнейшем его задержании. Для отдаленных сельских местностей, где соблюдение вышесказанного срока представится невозможным, он может быть продлен особым законом.

Ст[атья] 89. Никто не может быть ни судим иным судом, кроме того, которому его деяние во время учинения было по закону подсудно, ни подвергнут другому наказанию, кроме того, которое за его деяние во время учинения было законом установлено.

Ст[атья] 90. Никакие кары, взыскания или ограничения в пользовании правами не могут быть налагаемы иному, кроме судебной, властью, за исключением случаев, особо законом определенных.

Ст[атья] 91. Жилище неприкосновенно, вход в оное без согласия хозяина, а равно производство в нем обысков или выемки, допускается не иначе, как в случаях и порядке, законом определенных.

Ст[атья] 92. Частная переписка и иная всякого рода корреспонденция не подлежит задержанию, вскрытию и прочтению, иначе, как по постановлению судебной власти, в случаях и порядке, законом определенных.

Ст[атья] 93. Каждый волен, в пределах, законом установленных, свободно избирать и менять свое местожительство и занятие, приобретать повсюду движимое имущество, беспрепятственно перемещаться внутри государства и выезжать за его пределы. Право выезда за границу может быть ограничено законом только в видах предупреждения уклонения от отбывания воинской повинности или от следствия суда.

Ст[атья] 94. Каждый волен, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

Ст[атья] 95. Все российские подданные вольны собираться мирно и без оружия как в закрытых помещениях, так и под открытым небом. Условия, при которых могут происходить собрания, присутствия местных властей на собраниях и обязательного их закрытия, а также ограничения мест для собраний, определяются законом.

Ст[атья] 96. Все российские подданные вольны образовать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов и их обязательного закрытия определяются законом.

Ст[атья] 97. Условия и порядок сообщения обществам и союзам прав юридического лица определяются законом.

Ст[атья] 98. Все российские подданные вольны обращаться к государственным властям с ходатайствами по предметам общественных и государственных нужд.

Ст[атья] 99. Иностранцы пользуются правами, предоставленными российским подданным, с соблюдением ограничений, установленных законом.

Ст[атья] 100. Законом устанавливаются изъятия из действия общих постановлений о правах российских подданных — для лиц, состоящих на действительной военной и гражданской службе, а также для местностей, объявленных на военном положении или в положении

исключительном. Порядок объявления местностей в положении военном или исключительном, а равно ограничения в применении указанных общих постановлений, определяются законом. Существующие в сем отношении особые постановления сохраняют свою силу до пересмотра их в установленном порядке.

XI. О Великом княжестве Финляндском⁷³

Ст[атья] 101. Губернии: Або-Бьёрнеборгская, Ньюландская, Тавастгустская, Вазаская, Улеаборгская, Куопиоская, С[ент]-Михельская и Выборгская, именуясь в общем их составе Великим княжеством Финляндии, составляют часть Российского государства, нераздельную с ним.

Ст[атья] 102. Верховная власть Императора Всероссийского, Великого Князя Финляндского действует в Великом княжестве с теми же державными правами, кои принадлежат Монарху по Основным государственным законам Империи.

Ст[атья] 103. Законодательная власть Императора Всероссийского, Великого Князя Финляндского осуществляется через Сейм земских чинов Финляндии в порядке, установленном местным финляндским законодательством.

Ст[атья] 104. Постановления Основных государственных законов Империи о порядке наследия престола, о совершеннолетиИ Императора, правительстве и опеке, о вступлении на престол и о присяге подданства, о священном короновании и миропомазании, о титуле и о гербе, а также о Императорской фамилии действуют единообразно в общей их силе в Великом княжестве Финляндском.

Ст[атья] 105. Великое княжество Финляндское имеет отдельные от прочих частей Империи:

1. Местные административные и судебные установления, действующие на основании издаваемых верховною властью для Великого княжества узаконений, уставов, положений и учреждений, и

2. Высочайше дарованное Финляндии земское, для участия в деле внутреннего законодательства, представительство, органом коего служит Сейм земских чинов, созываемый и действующий на основании особого Сеймового устава.

Дела международных сношений, высшей государственной полиции, почтового и телеграфного ведомств, а также дела по организации и командной части войск подчиняются, на основании особых правил, подлежащим министерствам Империи.

Дела Греко-Российской Православной Церкви состоят в ведении Святейшего Синода.

Ст[атья] 106. По делам об имеющих последовать общих по Империи распоряжениях или постановлениях, кои могут относиться и до Финляндии, подлежащие министры и главноуправляющие входят в предварительное сношение с министром статс-секретарем Великого княжества.

Ст[атья] 107. Дела по внутреннему управлению и местному законодательству в Финляндии докладываются Его Императорскому Величеству министром статс-секретарем Великого княжества.

Ст[атья] 108. Генерал-губернатор Финляндии есть главноначальствующий гражданскою частью в крае.

По делам местного управления Финляндии, соприкасающимся с вопросами общего управления Империи, генерал-губернатор, когда признает сие нужным, представляет записки с своими соображениями в Совет министров, если по сим делам не требуется изменения действующих в крае узаконений, и сносится с подлежащими министрами и установлениями Империи.

Ст[атья] 109. Главное управление краем состоит в заведывании Императорского Финляндского сената, состав коего, предметы ведомства и порядок действий определяются в местных узаконениях.

Равным образом теми же местными узаконениями определяются состав, предметы ведомства и порядок действий подчиненных Сенату судебных и административных установлений Великого княжества.

Ст[атья] 110. Все российские подданные, имеющие право на вступление в гражданскую службу на основании законов Империи, могут быть назначаемы на должности гражданских чинов в Финляндии.

Ст[атья] 111. Земским представительством и прочими правами и преимуществами, в местных узаконениях Финляндии определенными, пользуются все российские подданные христианского вероисповедания, пользующиеся правами местного гражданства.

Ст[атья] 112. Органом земского представительства Финляндии для участия в делах местного законодательства служит Сейм земских чинов Великого княжества. Порядок избрания земских представителей, созыва их на Сейм, открытия и закрытия последнего и производства на оном дел определяется в Сеймовом уставе Великого княжества Финляндского.

Ст[атья] 113. Предварительно всеподданнейшего доклада предначертаний новых местных узаконений, а также правительственных предположений Сейму, министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского сообщает означенные предположения на заключение подлежащих министров в тех случаях, когда дело касается их ведомства, и затем представляет упомянутые предположения на благоусмотрение Императорского Величества вместе с мнением генерал-губернатора края и заключениями министров.

Ст[атья] 114. Все местные узаконения края и акты верховной власти излагаются на государственном русском языке и при обнаружении их сопровождаются официальными переводами на местные финский и шведский языки.

Ст[атья] 115. Узаконения Великого княжества Финляндского могут быть приостанавливаемы верховною властью в тех местностях края, которые объявлены на военном положении.

Военное положение объявляется только во время войны или при вооруженном восстании.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Учреждение о Императорской фамилии

(Ст[атьи] 82–179 действующего Основного государственного закона).

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 53–78об (Подлинник, машинопись).

Комментарии

¹ Неподписанный машинописный экземпляр воспоминаний П. А. Харитонов был обнаружен нами в 1994 г. в личном фонде статс-секретаря Его Величества А. В. Кривошеина (РГИА. Ф. 1571), в 1908–1915 гг. являвшегося, по должности главноуправляющего землеустройством и земледелием, коллегой Харитонов по Совету министров. Сокращенный текст этих воспоминаний, в 90-ю годовщину издания Основных государственных законов 1906 г., впервые опубликован в еженедельной газете «Час Пик». См.: Час Пик. СПб., 1996. № 93 (598). С. 14.

Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916) — тайный советник, товарищ государственного секретаря. Сын сенатора, действительного тайного советника А. А. Харитонova (1816–1896). В 1873 г., по окончании Училища правоведения, поступил на службу в Министерство юстиции. В 1883 г. назначен юрисконсультом этого министерства, через три года — старшим чиновником Кодификационного отдела при Государственном совете. Последнее назначение состоялось вследствие всеподданнейшего доклада главноуправляющего Кодификационным отделом

Э. В. Фриша, который характеризовал Харитонову перед Александром III как «лично известного мне, по прежней службе моей в Министерстве юстиции, своими способностями и особым усердием к исполнению служебного долга» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1176. Л. 16). В Кодификационном отделе руководил изданием XIII тома Свода законов (Уставы врачебный, общественного призрения и продовольственный), редактировал разделы Свода законов, посвященные счетной, кассовой и ревизионной части (Том VIII, часть 2). В 1889 г. временно прикомандирован к Государственной канцелярии для участия в работах по пересмотру Земского положения (так называемая «земская контрреформа»), в связи с чем написал «Историческую записку о ходе работ по составлению Положения о земских учреждениях 1864 г.». Одновременно привлекался к разработке вопросов, касавшихся упорочения зависимости Финляндии от Российской империи. В 1893 г., после слияния Кодификационного отдела с Государственной канцелярией, занял пост помощника статс-секретаря Государственного совета по Департаменту законов. В 1897 г. назначен исправляющим должность статс-секретаря Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных дел, через год — утверждён в этой должности, за время нахождения в которой принимал непосредственное участие в трудах по изданию нового Уголовного уложения, Вексельного устава, а также законов об отмене ссылки и о внебрачных детях. В начале 1899 г., по предложению Фриша, одобренному императором, Харитонов составил текст официального сообщения по поводу Манифеста 3 февраля того же года о порядке издания законов, одновременно относящихся до Империи и Финляндии (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 25. Л. 341, 343). Судя по всему, именно с этого времени он стал известен царю как чиновник, умеющий быстро и безукоризненно выполнять поручения, связанные с написанием особо важных официальных документов. В феврале 1904 г. назначен товарищем государственного секретаря. Пребывая на этом посту, заведовал делопроизводством всех четырех Совещаний, проходивших под личным председательством императора и занимавшихся обсуждением проекта законосовещательной Думы (июль 1905 г.), изменений закона о выборах в Думу (декабрь 1905 г.), а также пересмотром Учреждений законодательных палат и Основных законов (февраль и апрель 1906 г.). Во второй половине 1905 г. входил в группу сановников (барон А. А. Будберг, Н. А. Зиновьев, барон Ю. А. Икскуль-фон-Гильденбрандт, князь В. С. Кочубей, П. Х. Шванебах), которые, критикуя С. Ю. Витте за недостаточно либеральную политику, только провоцировавшую еще большее недовольство общества, выступили за введение института ответственности правительства перед Государственной думой, т. е. — за парламентарную монархию (Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 190). 1 января 1906 г. награжден званием сенатора, а 23 апреля того же года, в день утверждения царем новых Основных законов, стал членом Государственного совета. В сентябре 1907 г. вошел в состав кабинета П. А. Столыпина, получив министерский пост государственного контролера, на котором продержался вплоть до февраля 1916 г., когда, в связи с ухудшением состояния здоровья, незадолго до своей смерти был уволен в отставку. В кабинете Столыпина, как впрочем, и при его преемниках, пользовался, наряду с Коковцовым и Кривошеиным, «особым влиянием». По воспоминаниям министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, при возникновении в ходе заседания правительства наиболее деликатных и щекотливых вопросов министры всегда «обращались к испытанной мудрости П[этра] А[лексеевича], который обыкновенно находил выход из самых затруднительных положений»

(Тимашев С. И. Кабинет Столыпина. Из «Записок» министра торговли и промышленности. Вводная статья, подготовка текста и комментарии Л. Е. Шепелева // Русское прошлое. Кн. 6. СПб., 1996. С. 111). По свидетельству Тимашева, Харитонов «был человек необыкновенно тонкого ума, которого «называли в шутку мудрецом» (Там же). Умственные качества Харитонova обратили на себя внимание не только Тимашева, но и других мемуаристов. Так, согласно мнению И. И. Тхоржевского, Харитонов — «умный и талантливый бюрократ» (Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Из воспоминаний камергера // Нева. СПб., 1991. № 4. С. 195). С точки зрения С. Ю. Витте, Харитонов — «человек умный, отличный чиновник, благодушный, культурный», но «не принципиальный» (Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 294). С упреком в «непринципиальности», да еще — исходящем со стороны Витте, согласиться никак нельзя, поскольку и через десять лет после 1905 г. в своей государственной деятельности Харитонов продолжал, насколько это позволяли обстоятельства, руководствоваться тем же самым символом веры. В 1915 г. он, наряду с А. В. Кривошеиным, — один из лидеров либеральной бюрократии, прочивший обществу с помощью премьеры правительства, опирающегося на народное представительство (Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С. В. Куликова // Русское прошлое. Кн. 6. СПб., 1996. С. 150). Именно на квартире Харитонova в августе 1915 г. происходили переговоры между либеральной группой кабинета и представителями Прогрессивного блока на предмет обсуждения программы Блока, настаивавшего на формировании «кабинета общественного доверия». Создание такого кабинета привело бы к фактическому установлению парламентной системы правления. Примечательно, однако, что введение этой системы подразумевала и харитоновская конституция.

² *Гарин Николай Павлович* (1861 — не ранее 1935) — тайный советник, сенатор. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Училище правоведения (с чином титулярного советника и серебряной медалью). В 1882 г. определен на службу в Министерство юстиции с откомандированием для занятий в 4-й Департамент Сената. В 1884 г. причислен к Кодификационному отделу при Государственном совете, где последовательно занимал посты младшего чиновника 8 и 7 кл., помощника старшего чиновника. В январе 1894 г., после слияния Кодификационного отдела с Государственной канцелярией, назначен ее старшим делопроизводителем. С марта 1897 по июль 1905 г. помощник статс-секретаря Государственного совета. В июне 1901 г., за участие в обеспечении делопроизводства Комиссии для пересмотра Устава о службе гражданской, пожалован, «в изъятие из правил», чином действительного статского советника. В 1903 г. — член Комиссии под председательством министра внутренних дел В. К. Плеве по преобразованию губернского управления. В апреле 1905 г. пожалован в камергеры Высочайшего двора. С июля этого года — директор Департамента полиции. Однако на данном посту пробыл недолго, и уже 9 ноября 1905 г., «несмотря на молодость и малую службу» (Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 558), назначен сенатором и произведен в тайные советники, пробыв в предыдущем чине чуть больше четырех, вместо положенных десяти, лет. В это время, по словам графа Витте, Гарин «сделался неофициальным статс-секретарем генерала Трепова» (там же), консультируя дворцового коменданта по широкому кругу вопросов государственного управления и составляя проекты пространных резо-

люций, передававшиеся Треповым царю. В ноябре 1915 г. становится членом Государственного совета (группа правых). С апреля 1916 по май 1917 г. занимал пост помощника военного министра (Формулярный список Н. П. Гарина см.: Из глубины времен. Вып. 7. СПб., 1996. С. 196–203). По воспоминаниям последнего царского министра финансов П. Л. Барка, Гарин «отличался своими блестящими юридическими познаниями», «был высоко честным администратором и пользовался превосходной репутацией и всеобщим уважением» (Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. Париж, 1966. № 177. С. 101). По-видимому, именно Гарин, хорошо зная П. А. Харитонову по 19-летней совместной службе сначала в Кодификационном отделе, а потом в Государственной канцелярии, и порекомендовал его Трепову на роль составителя новых Основных законов. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что мысль о привлечении Харитонова на эту роль могла принадлежать и самому царю, который знал Харитонову за отменного стилиста по меньшей мере с 1899 г.

³ *Трепов Дмитрий Федорович* (1855–1906) — генерал-майор Свиты Его Величества, дворцовый комендант. Сын генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова (1812–1889), происходившего из обер-офицерских детей. Выпускник Пажеского корпуса. С 1896 по начало 1905 г. — московский обер-полицейстер. В 1905 г. Санкт-петербургский генерал-губернатор (январь–октябрь), товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов (апрель–октябрь), с 26 октября — дворцовый комендант. В период Первой русской революции политическое мироощущение Трепова причудливо сочетало неколебимую преданность «историческим началам» и личности монарха со столь же неколебимой приверженностью курсу на проведение либеральных реформ. По воспоминаниям его шурина, начальника Канцелярии Министерства Императорского двора и уделов генерала А. А. Мосолова, Трепов считал «необходимым систематическую строгость восстановить порядок в России, но, одновременно с этим, вводить постепенно и последовательно либеральные мероприятия, клонящиеся к установлению конституционного порядка». После опубликования Манифеста 17 октября, встреченного им не без искреннего энтузиазма, Трепов говорил начальнику Петербургского охранного отделения А. В. Герасимову «о начинающейся новой жизни» «со слезами на глазах» (Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 41). В это время «основная мысль Трепова была та, что, раз император дал известные свободы и их узаконил, всякое с его стороны отступление от них явилось бы опасностью для династии» (Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 37, 47). Именно тогда, по сведениям графа С. Ю. Витге, Трепов и выступил «инициатором вопроса о необходимости Основных законов» (Витге С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 296). Летом 1906 г. из всех приближенных царя Трепов был наиболее ревностным сторонником формирования Совета министров из представителей партии думского большинства (кадетов), а значит — и сторонником парламентарной монархии (Мосолов А. А. Указ. соч. С. 46).

⁴ *Тимрот Александр Григорьевич* (1865–1946) — действительный статский советник, статс-секретарь Государственного совета, управляющий Отделением промышленности, наук и торговли Государственной канцелярии. Из дворян Курляндской губернии, лютеранин. В 1886 г., по окончании Училища правоведения (с чином титулярного советника), причислен к Министерству юстиции с откомандированием для занятий в Канцелярию 1 Департамента Сената, служа в

которой, последовательно исправлял должности помощника обер-секретаря, обер-секретаря и редактора «Сенатских ведомостей» и «Собрания узаконений и распоряжений правительства». В 1893 г. перевелся в Канцелярию Комитета министров, на пост старшего помощника начальника Отделения Канцелярии. С 1894 г. — начальник Отделения. В январе 1896 г., благодаря ходатайству перед Николаем II государственного секретаря В. К. Плеве (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1100. Л. 8–8об.), становится помощником статс-секретаря Государственного совета. В 1902–1905 гг. участвовал в делопроизводстве Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В январе 1904 г., по представлению государственного секретаря В. Н. Коковцова (Там же. Л. 56–56об.), назначен исправляющим должность статс-секретаря Государственного совета по Департаменту промышленности, наук и торговли (утвержден в ней в апреле 1905 г.). Через год, «за выдающиеся отличия» (как и в случаях с пожалованием двух предыдущих чинов), произведен в чин действительного статского советника. В июле и декабре 1905 и в феврале 1906 г. участвовал в обеспечении делопроизводства Особых совещаний, проходивших под председательством Николая II и обсуждавших проекты Учреждения Государственной думы, закона о выборах в Думу и новые Учреждения законодательных палат. В 1907 г. пожалован в должность гофмейстера Высочайшего двора, в 1913 — в гофмейстеры. С января 1916 г. — сенатор. Умер в эмиграции.

⁵ Имеется в виду брошюра под заголовком: «Основной закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов “Союза освобождения”. Paris, 1905». Из 80 статей этого проекта так или иначе востребованными П. А. Харитоновым оказались 41 (51,3%).

⁶ *Струве Петр Бернгардович* (1870–1944) — редактор эмигрантского журнала «Освобождение» (1902–1905), один из организаторов и лидер «Союза освобождения», предшественника кадетской партии.

⁷ Из 113 статей проекта «Русских ведомостей» Харитонов использовал 44. Таким образом, этот проект был мобилизован им на 39%.

⁸ Особое внимание, выказанное П. А. Харитоновым именно программе кадетской партии, а также близкому ей по духу проекту «Союза освобождения», вряд ли является случайным. Судя по всему, оно находится в прямой связи с про-кадетскими симпатиями генерала Д. Ф. Трепова и сановников типа барона А. А. Будберга. В высшей степени примечательно, что репутацией кадета Харитонов пользовался в бюрократических кругах и у черносотенцев до самой смерти. Так, в начале 1916 г., в связи с его отставкой, чиновник Министерства внутренних дел Н. Д. Тальберг сообщал волынскому губернатору П. В. Скаржинскому: «ушел к[а]д[ет] Харитонов» (Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. (Публикация Ю. И. Кирьянова) // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 138). Правый член Государственной думы Г. А. Щечков, в письме А. А. Тихомирову за 1915 г., относил Харитонова к числу левых министров, которые «могут гнуть в сторону Милюкова и Шингарева» (Там же. № 1. С. 125).

⁹ *Граф Сольский Дмитрий Мартынович* (1833–1910) — статс-секретарь Его Величества, действительный тайный советник, председатель Государственного совета. Сын чиновника, получившего потомственное дворянство. Окончив Александровский лицей, служил во II-м Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1867 г. назначен государственным секретарем, в

1878 — государственным контролером и членом Государственного совета. В 1880–1881 гг. являлся одним из ближайших соратников министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова, выступавшего за введение умеренной конституции. С 1889 г. — председатель Департамента законов Государственного совета, с 1893 — председатель Департамента государственной экономии. В 1905–1906 гг. — председатель Государственного совета, руководитель Совещаний по выработке Учреждения Совета министров и новых Учреждений Государственного совета и Думы. В начале XX в., по воспоминаниям графа В. Н. Коковцова, Сольский «пользовался огромным авторитетом среди всего чиновничьего мира», занимая «исключительно влиятельное положение» в Комитете министров (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 33, 59). По несколько саркастической оценке графа С. Ю. Витте, Сольский, сторонник «так называемого либерального направления», «вообще был человек очень порядочный, очень честный, благородный человек, очень культурный и умный, но он представлял собою тип чиновника, который никогда не мог бы ни на что твердо решиться, не мог бы провести в своей жизни никакой реформы» (Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 163–164). Тем не менее, в другом месте своих мемуаров, изменяя столь характерной для него манере награждать современников уничижительными характеристиками, Витте наделил Сольского аттестацией «образованнейшего, благодушно-либерального, талантливого иерарха русской петербургской аристократо-бюрократии» (Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 300). Витте вторит А. П. Извольский, относивший Сольского к сановникам, отличавшимся «широким кругозором, обширными знаниями и большим опытом в государственных делах» (Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989. С. 74). Своей незаурядной личностью Сольский символизировал живую преемственную связь между либеральным царствованием Александра II и правительственным либерализмом начала XX в. По свидетельству кадетского журналиста Л. М. Львова (Клячко), вплоть до своей смерти граф Сольский «считался одним из самых либеральных бюрократов» (Львов (Клячко) Л. М. Звездная палата // Минувшие годы. Л., 1928. № 3. С. 29).

¹⁰ Манифестом 20 февраля 1906 г. были возведены ключевые положения статуты законодательной Государственной думы и реформированного Государственного совета.

¹¹ *Фриш Эдуард Васильевич* (1833–1907) — статс-секретарь Его Величества, действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор. Из дворян, лютеранин. По окончании в 1853 г. с золотой медалью Училища правоведения служил в Сенате. В 1876 г. назначен товарищем министра юстиции, в 1883 — членом Государственного совета и главноуправляющим Кодификационным отделом при Совете, на должности которого находился до 1893 г. С 1897 по 1899 г. — председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, с 1900 по 1906 г. — председатель Департамента законов. В 1906–1907 гг. — председатель Государственного совета. Как и граф Д. М. Сольский, принадлежал к числу столпов правительственного либерализма.

¹² *Голубев Иван Яковлевич* (1841–1918) — действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор. Сын чиновника, возведенного в потомственное дворянство. В 1860 г., после окончания Училища правоведения, поступил на службу в Сенат. Затем, с 1866 г., последовательно занимал должности товарища прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, его члена и товарища его председателя, товарища обер-прокурора и обер-прокурора Гражданского кас-

сационного департамента Сената, товарища директора Департамента Министерства юстиции. В 1881 г. назначен сенатором, в 1895 — членом Государственного совета, в 1906 г. — его вице-председателем, каковым пробыл до 1 января 1917 г., когда, в виду своей близости к Прогрессивному блоку, не только лишен вице-председательства, но и переведен в разряд неприсутствующих членов верхней палаты. В знак протеста против этого сложил с себя звание члена Государственного совета. Подобно графу Сольскому и Фришу, принадлежал к числу «так называемых безупречных бюрократов», весь кругозор которых «заклучался в одном слове: “закон»» (Львов (Клячко) Л. М. Указ. соч. С. 18). Характеризуя Голубева, А. Ф. Кони называл его «выдающимся цивилистом, пользовавшимся в этой области непререкаемым авторитетом» и оставившим «видный след своего ума и знаний во всех работах по гражданскому праву и процессу» (Кони А. Ф. Из недавнего прошлого (Иван Яковлевич Голубев) // Прошлое и настоящее. Вып. 1. Л., 1924. С. 4).

¹³ *Граф Витте Сергей Юльевич* (1849–1915) — статс-секретарь Его Величества, действительный тайный советник, член Государственного совета. Из дворян. Окончил Новороссийский университет. В 1892 г. — министр путей сообщения, затем, до 1903 г. — министр финансов. В 1903–1905 гг. — председатель Комитета министров, в октябре 1905 — апреле 1906 — первый председатель нового Совета министров. В марте–апреле 1906 г. принимал самое активное участие в обсуждении первоначального проекта Основных законов на заседаниях Совета министров, а затем — в Совещании под августейшим председательством. И в том, и в другом случае Витте, выбрав амплуа непреклонного представителя наиболее консервативной тенденции, всячески способствовал выхолащиванию широкого либерализма первоначального проекта, впоследствии объясняя свою позицию тем, что если бы этот проект он «пропустил, то оказалось бы, что государь вторично после 17 октября добровольно, или, вернее, бессознательно ограничил свою власть не только до степени несравненно ниже власти микадо, но ниже власти французского, а в некотором отношении даже швейцарского президента республики». В случае принятия проекта Харитонов, по мнению Витте, «государство и его правительство было бы политически кастрировано» (Витте С. Ю. Указ. соч. С. 301).

¹⁴ Пункт 2 Манифеста 17 октября подразумевал дарование избирательного права некоторым категориям городского населения, и прежде всего — рабочим, которые и получили это право на основании Указа 11 декабря 1905 г., подготовленного Совещанием под председательством царя по обсуждению изменения закона о выборах в Государственную думу. На одном из заседаний именно этого Совещания и имел место упоминаемый далее разговор Харитонов с генералом Треповым.

¹⁵ *Саломон Александр Петрович* (1855–1908) — шталмейстер Высочайшего двора, директор Александровского лицея, член Консультации, при Министерстве юстиции учрежденной. Потомок шведского дворянского рода, сын члена Государственного совета и сенатора П. И. Саломона (1819–1905), родной племянник министра народного просвещения царствования Александра II А. В. Головинина (1821–1886). По окончании Александровского лицея служил в Лейб-Гвардии Гренадерском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на которой был ранен (лишился обеих мизинцев). По воспоминаниям князя Э. Э. Ухтомского, император Александр II навещал Саломона в госпитале и «кормил его из своих рук, а он плакал от умиления» (Материалы к биографии В. С. Соловьева (Из архива С. М. Лукьянова) // Российский архив. Т. 2–3. М., 1992. С. 400 (Далее — «Материаль»)). Входил в круг «самых близких друзей» выдающегося отечест-

венного философа В. С. Соловьева (1853–1900) (Волконский С. М. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1992. С. 72), знакомство с которым относится к 1877 г. Соловьев «часто навещал» Саломона, «обедал у него». В свою очередь, Саломон относился к Соловьеву «с большим уважением» (Материалы. С. 400). В год 20-летия их дружбы Соловьев посвятил «старому другу» одно из своих самых душевных стихотворений:

Двадцатый год — веселье и тревоги
Делить вдвоем велел нам вышний рок.
Ужель теперь для остальной дороги
Житейский нас разъединит поток?

Заключены в темнице мира тленной
И дань платя царящей суете,
Свободны мы в божнице сокровенной
Не изменять возвышенной мечте.

Пусть гибнет все, что правды не выносит,
Но сохраним же вечности залог —
Того, что дух бессмертный тайно просит,
Что явно обещал бессмертный Бог.

В 1880-е гг. XIX в. Саломон числился по Министерству внутренних дел на постах секретаря Совета по тюремным делам и инспектора 6 класса Главного тюремного управления. В первой половине 1890-х гг. — в звании камергера Высочайшего двора, секретарь при принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской (жене принца Александра Петровича Ольденбургского) и, по совместительству, член Совета Дворянского земельного банка. В 1896–1900 гг. — начальник Главного тюремного управления. С 1900 по 1908 г. — директор Александровского лицея. По воспоминаниям Н. Н. Кареева, долгое время преподававшего в Лицее, при Саломоне в этом учебном заведении «была страшная распушенность, делавшая неприятным чтение в нем лекций» (Кареев Н. Н. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 181). В начале XX в. Саломон пользовался исключительным расположением графа Д. М. Сольского, всячески выдвигавшего своего протеже. Так, в марте 1906 г., явно в воздаяние разработки проекта Основных государственных законов, Сольский предлагал назначить Саломона в Государственный совет (Дневник А. А. Половцова // Красный архив. Т. 4. М.; Пг., 1923. С. 97), членом которого, однако, он стал лишь незадолго до смерти, 6 мая 1908 г. По воспоминаниям князя Волконского, Саломон был человеком «глубокого философского образования, тонкого литературного вкуса» (Волконский С. М. Указ. соч. С. 72). Почти так же характеризовал его и князь Ухтомский: «Вообще, это был человек разносторонний, очень начитанный, способный к длительным ночным беседам» (Материалы. С. 400). Сразу после смерти Саломона хорошо его знавший принц А. П. Ольденбургский в письме к председателю Государственного совета М. Г. Акимову особо отмечал «выдающиеся природные дарования» и «редкую степень эрудиции» покойного (Lieven Dominic. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; London, 1989. P. 324). Интеллектуальный уровень Саломона достаточно красноречиво характеризует его неформальный интерес к арабскому и итальянскому языкам, которые он знал настолько, что мог свободно переводить с них не только прозу, но и поэзию. В частности, после Саломона остался «замечательный, к сожалению не конченный, перевод “Божественной комедии”, прямо жуткий по приближению к подлиннику» (Волконский С. М. Указ. соч. С. 72).

¹⁶ *Ковцов Владимир Николаевич* (1853–1943) — статс-секретарь Его Величества, тайный советник, член Государственного совета, сенатор. С 1902 по 1904 г. — государственный секретарь. В 1904–1905 и 1906–1914 гг. — министр финансов, в 1911–1914 гг. — председатель Совета министров, с 1914 г. — граф. Умер в эмиграции.

¹⁷ *Граф Гейден Александр Федорович* (1859–1919) — флигель-адъютант Его Величества, капитан 1 ранга, начальник Военно-походной канцелярии царя. Потомок голландского дворянского рода, сын генерал-адъютанта графа Ф. Л. Гейдена (1821–1900), финляндского генерал-губернатора (1888–1897) и члена Государственного совета. Друг детства Николая II, «был особенно доверенным лицом государя» (Мосолов А. А. Указ. соч. С. 169). Учился на Историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, в пору преподавания в нем В. С. Соловьева, с которым с этого времени находился в дружеских отношениях. По воспоминаниям князя Э. Э. Ухтомского, Соловьев «очень любил» Гейдена и его родителей и «они высоко ценили его». Граф Гейден-младший «до конца своих дней оставался верен памяти Соловьева» (Материалы. С. 394, 395). После окончания Университета, прослужив короткое время в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, перешел на службу во флот. Уже в 1885 г. произведен в мичманы, а через три года, «за отличие» — в лейтенанты. С 1900 г. — начальник Канцелярии Императорской главной квартиры, после ее реорганизации, с 1904 по 1906 г. — начальник Военно-походной канцелярии Николая II, затем, до 1908 г. — начальник Морской походной канцелярии царя. Находясь на втором посту, принимал деятельное участие в подготовке целого ряда либеральных акций: встречи императора в июне 1905 г. с депутацией оппозиционной общест-венности (Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 356), Манифеста 6 августа о законосовещательной Государственной думе, скомпонованного из проектов Гейдена и Н. С. Таганцева (Ганелин Р. III. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 182), наконец, Манифеста 17 октября (Мосолов А. А. Указ. соч. С. 55). Причастность Гейдена к созданию новых государственных законов выразилась не только в составлении их проекта, но и в участии в позднейшем обсуждении этой проблемы в узком кругу наиболее близких к императору лиц. Это видно, в частности, из царского дневника, в котором под 2 марта 1906 г. имеется следующая запись: «Вечером у меня были Трепов, Гейден и Орлов (Владимир Николаевич, князь, помощник начальника Военно-походной канцелярии царя, т. е. Гейдена. — С. К.) по вопросу Основных законов. Разговорились до 12 часов» (Дневник Императора Николая II. М., 1991. С. 304). С апреля 1908 г. Гейден — контр-адмирал Свиты Его Величества. В декабре 1914 г. назначен помощником начальника Морского главного штаба, в июле 1916 г. — членом Адмиралтейств-совета, с производством в вице-адмиралы.

¹⁸ Указание на должность автора публикуемых воспоминаний с безошибочной точностью позволяет не только идентифицировать его с П. А. Харитоновым, но и установить имя автора первой российской конституции.

¹⁹ *Гучков Александр Иванович* (1862–1936) — видный общественный деятель начала XX в. Один из организаторов и руководителей партии октябристов («Союза 17 октября»).

²⁰ *Шипов Дмитрий Николаевич* (1851–1920) — в звании камергера Высочайшего двора, действительный статский советник. Крупный деятель земского движения. Один из основателей и лидеров партии октябристов.

²¹ *Крыжановский Сергей Ефимович* (1862–1935) — действительный статский советник, помощник начальника Главного управления по делам местного хозяй-

ства Министерства внутренних дел (1904–1906). Впоследствии — товарищ министра внутренних дел (1906–1911), сенатор (с 1907 г.), государственный секретарь (1911–1917), член Государственного совета (с января 1917 г.). Умер в эмиграции.

²² Имеется в виду возглавлявшееся А. Г. Булыгиным Собрание для разработки проекта Учреждения законосовещательной Государственной думы. *Булыгин Александр Григорьевич* (1851–1919) — гофмейстер Высочайшего двора, член Государственного совета. В январе–октябре 1905 г. министр внутренних дел.

²³ *Сергеевич Василий Иванович* (1832–1910) — тайный советник, заслуженный ординарный профессор по Кафедре истории русского права Юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Выдающийся специалист по истории русского права.

²⁴ *Ивановский Игнатий Александрович* (1858–?) — действительный статский советник, декан Юридического факультета Санкт-Петербургского университета, ординарный профессор государственного права. Крупный знаток в области русского государственного права.

²⁵ *Барон Икскуль-фон-Гильденбандт Юлий Александрович* (1852–1918) — статс-секретарь Его Величества, тайный советник, государственный секретарь. Из дворян, лютеранин. Окончил Санкт-Петербургский университет. С 1875 г. служил в Сенате, затем — Государственной канцелярии (на постах секретаря при председателе Департамента законов Государственного совета, делопроизводителя, помощника статс-секретаря, исправляющего должность статс-секретаря и статс-секретаря Государственного совета по Департаменту законов). В 1896 г., «вне правил», произведен в тайные советники, прослужив в предыдущем чине в два раза меньше положенного срока. С 1899 г. — товарищ министра земледелия и государственных имуществ, с 1903 — сенатор. В 1904–1909 гг. государственный секретарь. С 1909 г. — член Государственного совета (кружок внепартийного объединения). По характеристике С. Ю. Витте, Икскуль — «благонамеренный либерал», «человек весьма порядочный, принципиальный, культурный, несколько ядовитый, с большою бюрократическою опытностью, но не с большими идеями» (Витте С. Ю. Указ. соч. С. 300, 294). В работе над Основными законами барон Икскуль участвовал без особого рвения. Уже 19 февраля 1906 г. он сообщил П. А. Харитонову: «От Основных законов я вообще намерен устранились» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 389). Более того, на экземпляре проекта Основных законов, рассылавшегося высшим чинам Государственной канцелярии в середине января 1906 г. Икскуль, в отличие от остальных своих коллег, не сделал ни одной существенной правки.

²⁶ *Котев Дмитрий Алексеевич* (1852 — не ранее 1918) — тайный советник, статс-секретарь Государственного совета, управляющий Отделением гражданских и духовных дел Государственной канцелярии. Из дворян. В 1873 г., по окончании Училища правоведения, определен на службу в Министерство юстиции. В 1876 г. назначен товарищем прокурора Симферопольского окружного суда, затем последовательно занимал должности прокурора Луцкого (с 1882), Тамбовского (с 1884) и Киевского (с 1888) окружных судов, товарища обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената (с 1895), председателя департамента Санкт-Петербургской судебной палаты (с 1900). В феврале 1904 г., вследствие всеподданнейшего доклада государственного секретаря барона Ю. А. Икскуля-фон-Гильденбандта (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 532. Л. 1–10б.), становится статс-секретарем Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных дел, заменив на этом посту П. А. Харитонova (назначенного товарищем государст-

венного секретаря). 1 января 1906 г., «за выдающиеся отличия», как и в случае пожалованием в предыдущий чин, произведен в тайные советники. На должности статс-секретаря Государственного совета числился вплоть до 16 октября 1917 г., когда указом Временного правительства был сделан сенатором.

²⁷ *Дерюжинский Николай Федорович* (1855–?) — тайный советник, статс-секретарь Государственного совета, управляющий Отделением дел государственного секретаря Государственной канцелярии. Из дворян. Окончил Московский университет со степенью кандидата прав. В 1878 г. определен на службу в Канцелярию прокурора Ярославского окружного суда. В 1883 г. перешел в Кодификационный отдел при Государственном совете, где служил на постах младшего чиновника и помощника старшего чиновника. С ноября 1892 г. помощник статс-секретаря Государственного совета, с июля 1903 — исправляющий должность статс-секретаря Совета, управляющий Отделением дел государственного секретаря Государственной канцелярии. Утверждение в этой должности последовало в марте 1904 г. В 1905 г. заведовал делопроизводством Особого совещания А. А. Сабурова для пересмотра Учреждения Правительствующего сената, председательствовал в Особой комиссии, образованной для направления работ по приспособлению Таврического дворца для помещения в нем Государственной думы. 1 января 1906 г., как и при пожаловании в предыдущий чин — «за выдающиеся отличия», произведен в тайные советники. В мае 1906 г., вслед за П. А. Харитоновым, стал товарищем государственного секретаря, на посту которого оставался вплоть до Февральской революции. В 1910 г. награжден званием сенатора.

²⁸ *Барон Дистерло Роман Александрович* (1859–?) — действительный статский советник, статс-секретарь Государственного совета, управляющий Отделением законов Государственной канцелярии. Из дворян. В 1886 г., окончив Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата прав, поступил на службу в Министерство юстиции. С 1892 г. — член Рижского окружного суда, с 1894 — состоящий за обер-прокурорским столом (сверх комплекта) во 2 Департаменте Сената, с января 1897 — юрисконсульт Министерства юстиции. С февраля этого года, вследствие всеподданнейшего доклада государственного секретаря В. К. Плеве (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 326. Л. 3–3об.), исправлял должность помощника статс-секретаря Государственного совета, утверждение в которой состоялось в апреле следующего года. В январе 1902 г., по ходатайству того же Плеве (Там же. Л. 71), назначен исправляющим должность статс-секретаря Государственного совета (утвержден в ней через год). С июля 1903 г. числился по Департаменту законов. «За выдающиеся отличия», как и при пожаловании в статские советники, 1 января 1905 г. произведен в действительные статские советники. Впоследствии — сенатор (с 1912), член Государственного совета (с 1914). Входил в правую группу верхней палаты.

²⁹ *Кобеляцкий Алексей Иванович* (1862–1907) — действительный статский советник, статс-секретарь Государственного совета, управляющий Отделением государственной экономики Государственной канцелярии. Из дворян. В 1885 г., сударе окончания, со степенью кандидата и золотой медалью, Киевского университета, определен в Министерство финансов, в Департамент торговли и мануфактур, где служил помощником столоначальника, столоначальником, исправляющим должность начальника отделения этого Департамента. В 1893 г. командирован в США для устройства русского павильона на Всемирной выставке в Чикаго. В 1897 г. являлся членом и делопроизводителем Комиссии для составления проекта закона о нормировании рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности. Через год перевелся в Государственную канцелярию.

В декабре 1899 г., по инициативе государственного секретаря В. К. Плеве (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 501. Л. 80–80об.), назначен исправляющим должность помощника статс-секретаря Государственного совета, утверждение в которой произошло в марте 1901 г. С декабря 1904 г. исправлял должность статс-секретаря Государственного совета по Департаменту государственной экономии (утвержден в ней через год). 1 января 1905 г. пожалован «за выдающиеся отличия» чином действительного статского советника. Участвовал в обеспечении делопроизводства Совещений под августейшим председательством по обсуждению проекта Учреждения Государственной думы (июль 1905) и пересмотру Учреждений Думы и Государственного совета (февраль 1906). Незадолго до смерти, 6 апреля 1907 г., назначен товарищем министра путей сообщения.

³⁰ *Раселли Станислав Францевич* (1852–1907) — действительный статский советник, статс-секретарь Государственного совета, управляющий Отделением Свода законов Государственной канцелярии. Из дворян, католик. В 1874 г., окончив Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата прав, определился в Министерство финансов, в котором прослужил на посту чиновника особых поручений 8 класса до 1882 г. В этом году назначен младшим чиновником Кодификационного отдела при Государственном совете, затем — помощник старшего чиновника (с 1883) и старший чиновник Отдела (с 1891). В 1893 г., после слияния Кодификационного отдела с Государственной канцелярией, перемещен на пост помощника статс-секретаря Государственного совета. 1 января следующего года произведен, «за отличие», в действительные статские советники. С октября 1904 г. — исправлял должность статс-секретаря Государственного совета, управляя Отделением свода законов Государственной канцелярии. В декабре 1905 г. — утвержден в этой должности. Накануне смерти, 1 января 1907 г., произведен в тайные советники.

³¹ *Трепов Александр Федорович* (1862–1928) — егермейстер Высочайшего двора, помощник статс-секретаря Государственного совета. Брат генерал-майора Д. Ф. Трепова. По окончании Пажеского корпуса служил в Лейб-Гвардии Егерском полку (1880–1889). После зачисления в запас армейской пехоты, в 1889 г. избран скви́рским уездным предводителем дворянства, затем, в декабре того же года, назначен чиновником особых поручений 6 класса при министре внутренних дел. В 1892 г. избран переяславским уездным предводителем дворянства, через два года — пожалован в звание камер-юнкера Высочайшего двора. В 1896 г. — причислен к Государственной канцелярии. В 1899 г., благодаря представлению перед императором государственного секретаря В. К. Плеве (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1118. Л. 27), назначен помощником статс-секретаря Государственного совета: сначала — сверхштатным, но уже через год, в 1900 г. — состоящим в штате. В 1901 г. пожалован в звание камергера Высочайшего двора. В следующем году, за участие в работах по делопроизводству Особого совещания по делам дворянского сословия, «всемилостивейше» награжден чином действительного статского советника. В июне 1905 г. назначен, с оставлением помощником статс-секретаря, управляющим делами Алексеевского главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. В июле того же года привлечался к участию в обеспечении делопроизводства Совещения, разрабатывавшего проект Учреждения законосовещательной Думы. Впоследствии, в декабре 1905 г. и феврале и апреле 1906, участвовал в делопроизводстве Совещений, занимавшихся, под личным председательством монарха, обсуждением измененного проекта закона о выборах в Думу, новых Учреждений законодательных палат и проекта новых Основных государственных законов. В декабре 1905 г., вне правил, пожалован в егермейстеры Высочайшего двора, прослужив в предыдущем чине вместо

положенных десяти лет — менее четырех. В феврале 1906 г. находился в заграничной командировке, цель которой состояла в собирании «точных данных о применяемых на практике правилах внутреннего распорядка в законодательных установлениях главнейших европейских государств» (Там же. Л. 113об–114). В апреле того же года назначен сенатором. С 1914 г. — член Государственного совета (группа правых). Предпоследний царский министр путей сообщения (ноябрь 1915 — декабрь 1916) и председатель Совета министров (ноябрь–декабрь 1916). Последний председатель группы правых Государственного совета (январь–февраль 1917). Умер в эмиграции.

³² Сохранилось официальное приглашение (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 160), адресованное П. А. Харитонову и датированное 12 января 1906 г.: «Государственный секретарь покорнейше просит пожаловать к нему (Лигейный, 44) в субботу, 14 сего января, в 8 1/2 ч[асов] вечера, для обмена мнений по прилагаемому проекту № 1. Проекты №№ 2–4 препровождаются для соображений». Под проектом № 4 подразумевался корректурный оттиск прежних Основных законов 1892 г., в которые были внесены все узаконения, последовавшие вплоть до 1 августа 1905 г.

На Совещании 14 января проект Харитонова подвергся некоторой переработке. Так, статья 4, в особенности — ее первое предложение, получила более широкую трактовку: русский язык признавался обязательным не только в высших и центральных, но вообще в «государственных и общественных установлениях». В статью 5 добавлен из проекта А. П. Саломона титул «Самодержец Всероссийский». В статье 8 слово «совместно» заменено выражением «в единении». В статье 10 оставлено только первое предложение, в статье 11 — первые два предложения. Внесена статья о праве императора жаловать титулы, ордена и другие государственные отличия. В статье 14 удалена фраза об ответственности министров за императорские акты, скрепленные их подписью. В статье 17 возбуждение вопроса об изменении суммы расходов на Министерство Императорского двора обусловлено не просто «соизволением», но «почином Государя Императора».

В главу 3 («О правах российских подданных») добавлены две статьи об обязанностях (защищать престол и Отечество и платить налоги), в результате чего изменилось название этой главы («Об основных правах и обязанностях российских подданных»). Кроме того, в главу 3 внесены статьи: об условиях приобретения и утраты российского подданства (заимствована из проектов Саломона и А. Ф. Гейдена) и о неприкосновенности собственности (взята из проекта Саломона). В статье 34 (в соответствии с проектами Саломона и Гейдена) возможность изъятия из действия постановлений о правах российских подданных распространена на лиц, находящихся и на гражданской службе.

В главу «О законах» добавлены 4 новых статьи: о пересмотре Основных законов («не иначе, как по почину Государя Императора»), об общем хранении законов» в Сенате (обе заимствованы из проекта Гейдена), перенесенная из предыдущей главы проекта Харитонова статья о равенстве всех перед законом и несколько измененная статья 47 из следующей главы этого проекта.

В названии главы и статьях о законодательных палатах первенство отдано Государственному совету. В статье 44 данной главы опущена фраза о выборах в новую Думу в продолжение 4 месяцев со дня роспуска старой, время же созыва новой Думы определено не до истечения, а после шести месяцев со дня прекращения занятий ее предшественницы. В этой же главе опущена статья 45. Внесена

статья о признании законопроекта отклоненным в случае непринятия его Государственным советом и Думой и неутверждения императором. Из статьи 49 устранена оговорка о том, что императорские указы законодательного характера, изданные «в перерыв сессии» Государственного совета и Думы, не должны влечь за собою «отчуждение государственных имуществ». Помимо этого, устранено положение о скрепе таких указов председателем Совета министров. Кабинет получил право вносить в Думу не сам указ, а соответствующий ему законопроект. Опущено второе предложение статьи 50. То же самое сделано и относительно статьи 51, в результате чего законодательные палаты теряли право инициативы на пересмотр не только статей об императорской власти, но и всех вообще статей Основных законов. Содержание статьи 52 расширено, за счет удаления следующей за ней, статьи же 54, 55 и 59 были опущены вовсе. В статье 58 устранена оговорка о том, что выборные члены законодательных палат «не могут быть жалуемы чинами либо орденами, а также денежными выдачами».

Из последней главы выбыла статья 60, замененная статьёй, которая возлагала на Совет министров «направление и объединение действий начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления».

В общем же, из 67 статей проекта Основных законов, выработанного на Совещании высших чинов Государственной канцелярии (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 332–336об.), 57 (или 85,1%) либо дословно, либо весьма близко к оригиналу воспроизводили соответствующие статьи проекта Основных законов П. А. Харитонов.

³³ Между 14 и 22 января 1906 г. участниками Совещания 14 января на печатных экземплярах пересмотренного проекта Основных законов были сделаны письменные поправки, в основном — редакционного свойства. А. Ф. Трепов и Н. П. Гарин сводки своих поправок представили в виде докладных записок. По завершении этого этапа разработки проекта Основных законов из его 65 статей («харитоновскими» оставались 56 (86,2%). Следовательно, так называемый проект Государственной канцелярии, представленный на обсуждение Совета министров в марте 1906 г., фактически являлся лишь модификацией первоначального проекта Основных законов, составленного П. А. Харитоновым. Необходимо также подчеркнуть, что и после пересмотра высшими чинами Государственной канцелярии первоначального проекта конституции, базировавшегося на идее парламентарной монархии, принципы данной политической системы хотя и подверглись еще большей вуалировке, не были устранены из него полностью. Б. Б. Глинский, поэтому, находился не так уж далеко от истины, когда утверждал, что, по сравнению со Сводом Основных законов 1892 г., в «новой, высшей степени либеральной кодификации» Основных законов «прерогативы верховной власти подверглись значительному умалению», сама же эта кодификация «могла до известной степени удовлетворить требованиям даже партии народной свободы (к[а]д[е]ты)» (Глинский Б. Б. К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации Основных законов в 1906 г.) // Исторический вестник. СПб., 1913. Февраль. С. 577).

³⁴ «Сообщенный мне Вашим императорским Величеством проект Основных государственных Законов, вместе с двумя другими по тому же предмету проектами, с Высочайшего Вашего Величества соизволения, был передан мною государственному секретарю и им обсужден совместно с товарищем государственного секретаря и старшими чинами Государственной канцелярии, при участии сенатора Гарина. Рассмотренный таким образом проект Основных законов, по важности его предмета, я признаю необходимым подвергнуть дальнейшему еще соображе-

нию в совершенно частного характера собрания под личным своим руководством. К участию в этом собрании я полагаю привлечь государственного секретаря, его товарища и статс-секретарей Государственного совета. Кроме того, для обмена мнений по настоящему делу, я предполагаю пригласить заслуженного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета по Кафедре истории русского права, тайного советника Сергеевича, исправляющего должность ординарного профессора того же Университета по Кафедре государственного права, действительного статского советника Ивановского, члена Консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, директора Императорского Александровского лицея, шталмейстера Двора Вашего Императорского Величества Саломона, составителя одного из упомянутых проектов, и помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства, действительного статского советника Крыжановского, принимавшего участие в работах по составлению узаконений 6 августа 1905 года о Государственной думе. О таком предположении приемлю долг всеподданнейше довести до сведения Вашего Императорского Величества» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 385–387об.).

³⁵ Так П. А. Харитонов называет свой собственный проект, переработанный 14 января 1906 г. на Советании старших чинов Государственной канцелярии.

³⁶ Проект Основных законов, как явствует из собственноручной памятной записки П. А. Харитонова от 12 февраля 1906 г., был представлен графом Д. М. Сольским «лично от себя» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 387).

³⁷ В начале января 1906 г. граф Сольский (явно надеясь на отказ Витте) предлагал премьеру принять участие в обсуждении харитоновского проекта в особом совещании на правах рядового члена, от чего Витте, естественно, отказался (Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 331 (Далее — «Совет министров»)). Однако уже в феврале того же года председатель Государственного совета представил Витте удобный повод для вмешательства в решение вопроса об Основных законах. Повод этот явился вследствие намерения Сольского представить императору всеподданнейший доклад об установлении 1 марта 1906 г., ввиду близости начала занятий Государственной думы, в качестве предельного срока внесения в Государственный совет законодательных дел (См. машинописный проект всеподданнейшего доклада Сольского, датированного февралем 1906 г. — РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 388–388об.). Витте, которому Сольский неосторожно показал этот проект (очевидно — только для осведомления), оставил на нем карандашную резолюцию: «Главное дело, которое предстоит обсуждать [в Государственном совете. — С. К.] — “Основные Законы”. Т[ак] к[ак] до сих пор Совет министров их не получил, то он ни коим (*sic!*) образом не может [дать — ?] свое мнение к 1-му марту (*sic!*). Вообще следовало бы выждать этим решением хотя недели две» (Там же. Л. 388об.). 18 февраля 1906 г. граф Сольский наружно солидаризировался с Витте: «Согласен с мнением председателя Сов[ета] ми[н]истров». В ближайшем времени нужно будет испросить указаний Государя Императора относительно проекта Основных законов» (Там же. Л. 388). Однако, на другой же день, чувствуя, что инициатива уходит из его рук безвозвратно, Сольский потребовал от Икскуля «безотлагательно» прислать ему проекты 1 и 3, проект А. П. Саломона, а также тот всеподданнейший доклад императору, в котором Сольский (в конце декабря 1905 или в начале января 1906 г.) первый раз писал о необходимости образования под его, Сольского, председательством совещание по поводу Основных законов, намереваясь, по-видимому, опять пустить этот доклад в ход. «Прошу до времени, — умолял Сольский Икскуля, — не оглашать обстоятельств этого дела» (Там же. Л. 390). Но было уже поздно, и во всеподданнейшем докладе от 22 февраля

Сольский обращался к царю уже не от своего имени, а как выразитель точки зрения Витге. Отголосок их борьбы можно найти в цигрировавшейся работе Глинского: «Проект... был санкционирован председателем Государственного совета графом Сольским, но, несмотря на это, был передан на рассмотрение Совета министров под председательством графа С. Ю. Витге» (Глинский Б. Б. Указ соч. С. 577).

³⁸ Заседания Совещания под председательством Николая II по обсуждению проекта Основных государственных законов имели место 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 г. Важнейшими итогами этого Совещания являлись:

— принципиальное решение об издании новых Основных государственных законов, а не сводки дополнений к старым;

— окончательное устранение из статьи о Финляндии появившейся еще в начале января 1906 г., по почину Н. П. Гарина, фразы о «державном обладании»;

— окончательное исключение из статьи о сущности власти императора прилагательного «неограниченный»;

— дополнение статьи о праве императора на законодательную инициативу предложением о том, что пересмотр Основных Законов может происходить «единолично по его почину»;

— сохранение института несменяемости судей;

— исключение из статьи о судебной власти внесенной по инициативе правительства фразы о праве монарха утверждать судебные приговоры, а также возбуждать и прекращать судебные преследования;

— удаление статьи о департаментах в составе Государственного совета.

Подробнее см.: Царскоесельские совещания. Протоколы секретного Совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. Пг., 1917 № 4 (26). См. также соответствующие места работ Р. III. Ганелина, указанных в прим. к вводной статье.

³⁹ На состоявшихся 10, 12, 14, 18 и 19 марта 1906 г. заседаниях Совета министров (Совет министров. С. 360) проект П. А. Харитонова, при самом активном участии С. Ю. Витге, подвергся весьма существенной переработке, в результате которой либеральная суть этого проекта сильно умалилась. Идея парламентарной монархии, заложенная в первоначальный проект Основных государственных законов, была заменена идеей монархии дуалистической, хотя в некоторых статьях Основных законов отдельные проблески принципов парламентаризма сохранились даже после вмешательства Витге. Удалению подверглись нижеследующие статьи:

— об изменении государственных границ «не иначе, как на основании особого о том закона» (дабы не давать Думе, без которой формально нельзя было принять ни одного закона, повода для вмешательства во внешнюю политику, оставленную исключительно в ведении короны);

— о скрепе исходящих от императора актов подписью председателя Совета министров или подлежащего министра (чтобы не было намека даже на косвенную ответственность членов правительства перед палатами);

— о гарантии представления задержанного лица судебной власти, в течение 24 часов в местах ее пребывания, в течение трех суток — в прочих местностях;

— о запрете наложения кар иною, кроме судебной, властью;

— о тайне частной переписки;

— о праве российских подданных обращаться к властям с ходатайствами по предметам общественных и государственных нужд;

- о представлении императору председателем Государственного совета законов, одобренных Советом и Думой;
- о запрете внесения, «в течение той же сессии», законопроектов, не утвержденных царем, и разрешении вносить таковые в законодательные палаты, «в течение той же сессии», в случае согласия на то царя;
- о восприятии прихода в Думу и Государственный совет депутатов;
- о проверке Государственным советом и Думой полномочий своих членов;
- о невозможности одновременного членства в Думе и Государственном совете;
- о совместимости министерской должности со званием члена Думы и Государственного совета.

Помимо удаления перечисленных статей, по результатам обсуждения в Совете министров проект Основных законов пополнился следующими статьями:

- о праве императора издавать указы и повеления «в порядке верховного управления»;
- о верховном руководстве императора внешней политикой;
- о принадлежности императору права чеканки монеты;
- о полномочии императора определять пространство и свойство своих прав относительно кабинетских и удельных нмуществ;
- о праве императора объявлять местности на военном или исключительном положении;
- о свободе совести;
- об особом порядке издания постановлений по строевой, технической, хозяйственной, военно-судебной и военно-морской судебной частям;
- о равенстве прав в законодательстве Государственного совета и Думы;
- о департаментах в составе Государственного совета;
- о численности назначенных членов Государственного совета и праве императора заменять личный состав членов Совета по выборам до истечения их полномочий;
- о делах, подлежащих ведению законодательных палат;
- о порядке обсуждения палатами проекта государственной росписи;
- о платежах по государственным долгам;
- о действительности прошлогдней государственной росписи, в случае неутверждения палатами новой;
- о порядке пополнения армии и флота в случае, если соответствующие законы не будут утверждены палатами к положенному сроку;
- о чрезвычайных сверхсметных кредитах на потребности военного времени;
- о соответствии законам обязательных постановлений, издаваемых министрами.

Кроме того, на заседаниях Совета министров были дополнены, либо сильно изменены (в сторону расширения прерогатив монарха) статьи:

- о верховной власти (путем привнесения прилагательного «самодержавная» и предложения из прежних Основных законов о том, что власти императора «повиноваться не за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»);
- о принадлежности императору власти управления;
- о руководстве императора армией и флотом;
- о праве императора назначать и увольнять министров и прочих должностных лиц (вплоть до судей, с 1864 г. пользовавшихся правом несменяемости);
- о судебной власти;
- о принадлежащем императору праве помилования;

- о неприкосновенности собственности;
- о свободе собраний;
- об ответственности министров «за общий ход государственного управления» (путем привнесения оговорки о таковой ответственности «пред Его Императорским Величеством»);
- об ответственности министров за нарушение закона.

Тем не менее, и после состоявшейся в Совете министров чистки проекта П. А. Харитонова, из 70 статей переработанного проекта (Основных законов (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 444об.—459) «харитоновскими» по своему происхождению оставались 47 (или 67,1%).

⁴⁰ Речь идет о Совещании, в работе которого участвовали великие князья Владимир Александрович (председатель), Андрей Владимирович, Константин Константинович, Николай Николаевич, Александр Михайлович, а также министр Императорского двора В. Б. Фредерикс и государственный секретарь барон Ю. А. Икскуль-фон-Гильденбандт. В ходе работы этого Совещания были спротестированы две статьи:

- об изменении, либо пополнении, Учреждения о Императорской фамилии только лично императором, если предполагаемые изменения и дополнения не касаются общих законов и не влекут нового расхода из государственной казны;
- о принадлежности императору права распоряжаться удельными имуществами.

⁴¹ *Горемыкин Иван Логгинович* (1839–1917) — действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор. Из дворян. Окончив Училище правоведения, служил в Сенате, затем — по ведомству Министерства внутренних дел, с 1882 по 1891 г. — снова в Сенате. С 1891 г. — товарищ министра юстиции, с 1894 — сенатор, с 1895 г. — товарищ министра внутренних дел, с 1896 — министр внутренних дел (до 1899) и член Государственного совета. С апреля по июль 1906 г. — председатель Совета министров. Вторично занимал этот пост с января 1914 по январь 1916 г. По характеристике такого либерального деятеля, как А. Н. Наумов, Горемыкин «являлся носителем определенной твердой государственной идеи; это был настоящий муж совета, умудренный долгим опытом и знанием государственной жизни и управления». «С ним можно было не соглашаться, — добавляет Наумов, — но не уважать его было грешно» (Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 87).

⁴² *Акимов Михаил Григорьевич* (1847–1914) — тайный советник, министр юстиции, сенатор. Из дворян. По окончании Московского университета служил по Министерству юстиции. С 1899 г. — сенатор, с декабря 1905 по апрель 1906 г. — министр юстиции. Затем — член Государственного совета и его председатель (с 1907).

⁴³ Принимая во внимание переданную через Д. Ф. Трепова записку кадетских правоведов об Основных законах, Николай II внес в них опущенную по инициативе С. Ю. Вигте статью о скреплении подписями министров актов, исходящих от императора, а также, несколько сузив собственные прерогативы, изменил редакцию статьи 11 о праве монарха, «в порядке верховного управления», издавать указы и повеления. В данном случае удаленной оказалась фраза о том, что эти указы и повеления могут издаваться «для ограждения государственной и общественной безопасности» и «для обеспечения народного благосостояния». Кроме того, царь удалил статью об особом порядке издания (не через Думу, а

через Опекунский совет Ведомства учреждений императрицы Марии) постановлений, относящихся до этого ведомства, и статью, обеспечивавшую за монархом исключительные права при заключении займов. Все эти изменения имели своей целью придание Основным законам более либерального оттенка.

После утверждения Основных государственных законов императором из их 82 статей «харитоновскими» были 51 (62,2%).

⁴⁴ Статьи 1–3 переключаются со статьями 3 и 4 проекта «Союза Освобождения», статья 4 — с соответствующим положением кадетской программы.

⁴⁵ Статьи 5, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17 и 18 созвучны со статьями 28, 31, 30, 33, 56, 34, 29, 35, 27 и 24 проекта «Союза освобождения». Статьи 10, 11, 14 и 17 переключаются со статьями 13, 86, 12 и 87 проекта «Русских ведомостей». Статья 7 воспроизводит статью 2 Свода основных законов 1892 г.

⁴⁶ Статьи 19, 21–27, 29–31 и 34 подчас дословно воспроизводят статьи 6–8, 10, 12, 11, 9, 13, 16, 14, 17 и 22 проекта «Союза освобождения». Статьи 19–34 корреспондируют со статьями 10 и 16, 19–12, 23–27, 30, 28, 31, 15 и 32, 33–35 проекта «Русских ведомостей». Положениям кадетской программы созвучны статьи 19, 22, 24, 25, 27–30 и 32.

⁴⁷ В настоящей главе все статьи, кроме последней, дословно воспроизводят статьи 1–3, 6, 7, 9 и 11 проекта «Русских ведомостей».

⁴⁸ Статьи 43–47, 52 и 57–59 созвучны статьям 32, 47, 53, 55, 58, 59, 43, 44 и 46 проекта «Союза освобождения». Статьи 43–45, 47, 48, 50, 52, 54 и 57–59 сходятся со статьями 66, 47, 65, 5, 85, 91–93, 52, 56 и 63 проекта «Русских ведомостей».

⁴⁹ Все статьи данной главы (кроме 62) переключаются со статьями 57, 45, 61, 60 и 62 проекта «Союза освобождения». Статьи 60 и 63–65 аналогичны статьям 98, 101, 100 и 102 проекта «Русских ведомостей».

⁵⁰ Статьи 2 и 3 воспроизводят статьи 2 и 42 Свода Основных законов 1892 г.

⁵¹ Вся вторая глава проекта А. П. Саломона полностью взята из прежних Основных законов.

⁵² Статьи 23–28 дословно воспроизводят статьи 18–23 Основных законов 1892 г. Статьи 29–32 являются новацией Саломона.

⁵³ Статьи 33–35 дословно воспроизводят статьи 31–34 прежних Основных законов и примечание 2 к последней статье.

⁵⁴ Содержание статей 36–38, за исключением упоминания о Государственных палатах, аналогично содержанию статей 35 и 36 старых Основных законов и примечаний 1 и 2 к последней из указанных статей.

⁵⁵ Настоящая глава дословно воспроизводит соответствующую главу Основных законов 1892 г.

⁵⁶ Данная глава является новацией Саломона. Однако, статьи 42–44 и 46 явно навеяны статьями 82, 175, 176 и 178 прежних Основных государственных законов.

⁵⁷ В этой главе первое предложение статьи 47 скалькировано со статьи 40 старых Основных законов.

⁵⁸ Статьи 49, 52–54, 56 и 59 сходны со статьями 47, 79, 60, 61, 57, 63 и 72 Основных законов 1892 г.

⁵⁹ Истоки предпоследней статьи настоящей главы (о запрете смертной казни) коренятся в юности Саломона, освещенной общением с В. С. Соловьевым. Саломон «горячо упрекал» Соловьева за его публичное обращение к Александру III

с просьбой о помиловании, в соответствии с идеалами христианского всепрощения, убийц его отца. Тем не менее, тот же Саломон, уже на другой день после выступления Соловьева, чтобы поблагодарить его за «мужественное слово», отправился к нему вместе с князем Э. Э. Ухтомским (Материалы. С. 400).

⁶⁰ Раздел о Государственных палатах имеет огромный интерес не только как выражение личного мнения по этому вопросу автора проекта № 2, но и как сумма взглядов на народное представительство стоявшего за А. П. Саломоном графа Сольского, который как раз в это время руководил работой Совещания по изменению Учреждений Думы и Государственного совета.

⁶¹ Это один из двух вариантов Высочайшего манифеста, который, по мысли А. П. Саломона, должен был предварять сам текст Основных государственных законов. Первый вариант — в тексте Проекта № 2.

⁶² В соответствии с собственноручной памятной запиской П. А. Харитоновой проект № 3 «составлен (по слухам) флигель-адъютантом графом Гейденом при участии А. П. Саломона — автора проекта № 2» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 184 «Б»).

Так как в оригинальном экземпляре проекта № 3 дается сравнительное сопоставление статей старых Основных законов со статьями проекта, составленного Гейденом, на четных страницах оригинального экземпляра воспроизводятся положения свода основных законов 1892 г. Те части Проекта № 3, в которых, параллельно положениям собственно гейденовского проекта, помещены положения свода основных законов 1892 г., в настоящей публикации опускаются.

⁶³ Статьи 1 (за исключением прилагательного «неограниченный»), 3 и 6 воспроизводят статьи 1, 80, 81 и 2 свода основных законов 1892 г.

⁶⁴ Статьи 3 и 5–16 Основных законов 1892 г. в этой главе воспроизводятся дословно. Статья же 4 старых Основных законов (о нераздельности с всероссийским престолом престолов Царства Польского и Великого княжества Финляндского) в проекте А. Ф. Гейдена выпущена совсем. Статьи 7–19 проекта Гейдена здесь не даются, поскольку они аналогичны опубликованным выше статьям 8–21 проекта Саломона.

⁶⁵ Эта глава целиком воспроизводит соответствующую главу прежних Основных законов. Статьи 21–26 не приводятся, так как они аналогичны статьям 23–28 проекта Саломона.

⁶⁶ Данная глава полностью аналогична главе 4 Основных законов 1892 г. Статьи 34–35 здесь не приводятся, поскольку они сходны со статьями 33–34 проекта Саломона.

⁶⁷ Эта глава является дословной копией главы 5 старых Основных Законов. Статьи 38–39, соответствующие статьям 36–38 проекта Саломона, не публикуются.

⁶⁸ Содержание этой главы — дословное воспроизведение главы 6 Основных Законов 1892 г. Все статьи этой главы опущены, так как им соответствуют статьи 39–41 проекта Саломона.

⁶⁹ Статьи 43–44 и 47–49 корреспондируют со статьями 40, 41 и 44–46 старых Основных законов. Статья 45 воспроизводит статью 42 этих законов, опуская определение императора как «хранителя догматов и блюстителя правоправия и вскокого в Церкви Святой благочиния». В статье 46 опущено прежнее упоминание о Святейшем Синоде.

⁷⁰ Статьи 55, 59, 62–68, 70 и 72–74 дословно воспроизводят статьи 52, 56, 59–65, 72 и 77–79 свода основных законов 1892 г.

⁷¹ Относительно юдофобских статей 78–81 можно утверждать со всей определенностью, что они появились по инициативе Гейдена, а не Саломона, так как его отношение к евреям, по воспоминаниям князя Э. Э. Ухтомского, «было скорее всего безразличное». Впрочем, однажды, когда В. С. Соловьев «заметил, что он много бы дал за то, чтобы в его жилах была бы хоть капля еврейской крови», Саломон «выражал ему по этому поводу свое негодование» (Материалы. С. 401).

⁷² Данная глава, резко контрастирующая с общим консервативным духом конституции Гейдена, также, как и соответствующая глава проекта Саломона, явно навеяна конституционными проектами, исходившими из кругов оппозиции.

⁷³ Появление в проекте № 3 особого раздела о Финляндии находится в прямой связи не только с политическими реалиями начала XX в., но и с тем неформальным интересом к ее положению в составе Российской империи, который являлся своего рода семейной традицией Гейденов.

Военно-морская агентурная разведка в Первой мировой войне

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии В. А. Петрова*

Из всех государственных тайн те, что относятся к разведывательной службе, сохраняются едва ли не дольше всех. Сегодня у нас появилась возможность заглянуть в еще недавно секретные документы Архива Военно-морского флота, освещающие деятельность морской агентурной разведки России. В отличие, например, от радиоразведки она никогда не становилась предметом сколь-нибудь серьезного рассмотрения: имеющиеся публикации ограничиваются лишь эпизодическими упоминаниями о ней¹. Тем больше оснований выяснить, как обстояло дело в действительности.

Агентурная разведка существовала в российском флоте издавна, но лишь в период боевых действий и проводила отдельные, не связанные между собой операции. С 1857 г. в России существовал институт военно-морских агентов — официальных представителей государства за границей, в задачу которых входило сообщение сведений об иностранных флотах. Некоторые агенты добывали информацию с помощью закрытых источников, но никаких указаний в этом смысле от руководства Морским министерством они не получали. Все зависело от умения (и желания) агента наладить нужные связи.

Положение изменилось в середине 1900-х гг. Русско-японская война выявила необходимость всесторонней подготовки к вооруженному конфликту, в том числе и в разведывательном отношении. Встал вопрос о создании особой службы с центральным руководством, не стесненной легальным статусом. Это стало одной из приоритетных задач Морского генерального штаба (МГШ), образованного в 1906 г. Делами разведки ведала в нем Иностранная (с 1912 г. — Статистическая) часть, ответственная с 1911 г. как за добывание, так и за обработку необходимой информации. Начальником ее с 1909 г. являлся М. И. Дунин-Борковский — создатель и бессменный руководитель

русской морской разведки. Он же возглавил и Особое делопроизводство (ОД) МГШ, выделенное из Статистической части незадолго до Первой мировой войны и занимавшееся исключительно добытием агентурных данных², но ответственного до середины 1916 г. и за ведение контрразведки.

Формально возникновение морской разведки следует относить к 1907 г., когда Морское министерство впервые получило кредиты на ее устройство³. Однако до 1909 г. разведывательной работы не велось⁴, активно же она налаживалась лишь с начала 1910-х гг. По-видимому, в основу ее должна была лечь традиционная схема получения секретных документов путем вербовки агентов на местах, а впоследствии и засылки их из России. Удалось установить некоторые связи в Германии, в том числе с чиновником Морского генерального штаба в Берлине. Меньше внимания уделялось Турции, где ведущую роль в деле разведки играл морской агент А. Н. Щеглов, и Австро-Венгрии. Информация из других стран носила в целом случайный характер⁵. Однако рост напряженности в Европе заставил МГШ направить главную часть своих усилий не на совершенствование этой организации, а на создание новой, предназначенной для обслуживания потребностей флота в военное время.

Еще в 1908 г. в МГШ возникла идея существования двух независимых друг от друга разведывательных структур. Первая из них — разведка мирного времени, о которой говорилось выше, — ориентировалась на глубину и развернутость поставляемой информации. Во второй — «тайной полевой наблюдательной службе» — решающее значение имел временной фактор. Как видно из названия, обязанностью ее было своевременное извещение о передвижениях неприятельских флотов. Специальные наблюдатели, обученные основам морского дела, поселялись в заранее выбранных местах и начинали действовать только после объявления войны⁶. Денежные трудности, проистекавшие из отрицательной позиции Министерства финансов, позволили начать развертывание новой организации лишь в 1912 г.⁷ К 1914 г. ее схема приобрела законченный вид (док. № 1). Проектировалась сложная и многоступенчатая система, с 13 видами агентов различного профиля. Особое значение придавалось «агентам-контролерам» — руководителям разведки на каждом из двух театров. Они обладали большой самостоятельностью в принятии решений, а при утрате связи с центром брали на себя его функции⁸.

Несмотря на это, к июлю 1914 г. наблюдательная служба находилась еще в стадии формирования. В соответствии с графиком, составленным в ОД, организация наблюдения для Северного (Балтийского) театра приобретала законченный вид к 1915 г. К тому же с началом I мировой войны отказались от сотрудничества уже подобранные наблюдатели в Дании⁹. Несколько больших успехов ОД достигло на Южном театре, где работа велась в течение всего 1914 г. Для него были вполне подготовлены каналы передачи сведений через Египет, Португалию, Грецию, Францию и Великобританию. Но одновременно нельзя не отметить того, что агентурная сеть охватывала в основном побережье Италии и Австро-Венгрии, а важность ее распространения на Турцию явно недооценивалась (см. док. № 1, 9). Положение пришлось спешно исправлять уже после выступления Турции против России (док. № 8).

Таким образом, накануне I мировой войны морская разведка оказалась не в состоянии должным образом справиться со стоявшими перед ней задачами, и 13(26) июля 1914 г. начальник МГШ А. И. Русин потребовал срочного завершения намеченной программы¹⁰. Прежде всего это касалось Скандинавии: основные наблюдательные пункты на Балтике располагались в зоне датских проливов, откуда можно было контролировать передвижение немецких судов в районе их главной базы — Килия. Несколько пунктов находилось в Швеции¹¹. Центральное положение в системе русской разведки здесь заняли морской агент в Швеции, Норвегии и Дании В. А. Сташевский, проживавший в Стокгольме, и особенно его помощник Б. С. Бескровный, обосновавшийся в Копенгагене. В течение всей войны Дания служила основной базой для секретных операций против Германии. Этому способствовала не только территориальная близость двух стран, но и наличие сильных антирусских настроений в Швеции, выступления которой на стороне Германии серьезно опасались в МГШ. За короткий срок в Скандинавии образовалась сеть наблюдательных пунктов, в большинстве своем функционировавших вплоть до октября 1917 г. Имелись и агенты, постоянно проживавшие в немецких портах — например, в Киле. Помимо наблюдения, разведка практиковала засылку агентов в Германию для получения данных о дислокации кораблей в портах, береговой обороне, расположении минных заграждений и т. п. Такую же информацию передавали датские и шведские рыбаки, плававшие вблизи германского побережья. Часть сведений исходила от датской береговой охраны. Наконец, ценным источником являлся один из служащих германского

посольства в Копенгагене, поставлявший разнообразные данные — к примеру, о германских подводных лодках. К октябрю 1914 г. становление разведки на Балтике в целом закончилось¹². Недостатки службы наблюдения здесь компенсировались великолепно поставленной радио-разведкой Службы связи Балтийского флота, взаимоотношения командования которого с ОД сохраняли ровный характер в течение всей войны.

Иначе выглядела обстановка на Южном театре, где значение имела следующая информация: выходы в море наиболее опасного соперника русского Черноморского флота — линейного крейсера «Гебен»; движения прочих турецких военных судов и пароходов с углем на линии Зонгулдак–Стамбул; контрабанда морским путем из Румынии и Болгарии в Турцию. Как и на Севере, разведка во многом опиралась на морских агентов (в Греции, Болгарии, Румынии), выполнявших организационные и передаточные функции. Работа велась с территории противника, и крайняя сложность подачи телеграфных депеш почти не оставляла шансов на своевременное оповещение штаба флота в Севастополе. Кроме того, «Гебен» (а вместе с ним часто и другие суда военного флота) находился по большей части в бухте Стения (в 15 км к северу от Стамбула), откуда телеграфирование было вообще неосуществимо. Поэтому сообщение о выходе турецких судов в Черное море удавалось передать лишь в исключительных случаях, основные же усилия разведки направлялись на получение информации о готовящихся походах. Но эта система также обнаружила свою неэффективность, давая массу непроверенных — и не поддающихся проверке — сведений. Стоит отметить, что Служба связи Черного моря работала хуже балтийской, а кроме того, по условиям военных действий на театре противник значительно реже прибегал к радиотелеграфированию. Все это вызывало неоднократные нарекания командования Черноморским флотом — отчасти справедливые, а отчасти призванные прикрыть собственное слабое руководство боевыми операциями. Известны случаи, когда оно не смогло использовать своевременно полученные данные разведки¹³. Длительный конфликт МГШ с командованием флотом, начавшийся в 1914 г., привел к созданию автономной структуры — Разведывательного отделения штаба командующего Флотом Черного моря в составе Оперативной части штаба (14 октября 1915 г.; с 28 августа 1916 г. — самостоятельная Разведывательная часть)¹⁴. Ввиду неопытности входивших в нее офицеров это имело отрицательные последствия для разведки, но худшего удалось избежать благодаря назначению начальником отделения старого сотрудника МГШ А. А. Ни-

щенкова, с 1914 г. руководившего черноморской разведкой. Несмотря на все усилия, черноморские организации доставляли немало сведений, важных в принципе, но к ведению войны на море имевшие лишь косвенное отношение (например, о сухопутной контрабанде, расположении и перемещении войск и т. п.). Передавались и данные о турецких, а впоследствии также болгарских, минных заграждениях.

Оценить результативность русской морской разведки за период I мировой войны можно следующим образом. Главный ее элемент — служба наблюдения и связи — в целом не оправдала возлагавшихся на нее надежд, что проистекало из уровня развития техники того времени. Единственным оперативным средством связи являлся телеграф, и передача по нему сведений для Северного театра выглядела так: зона датских проливов—Копенгаген—Петроград—штаб Балтийского флота (на последнем этапе использовалось и радио). Все это — с неизбежным для каждого передаточного звена процессом кодирования или шифровки сообщения и обратного его перевода в открытый текст. Но и в таком виде схема почти не применялась: частое телеграфирование из малонаселенных пунктов Дании и Швеции о прохождении одиночных кораблей германского флота вызывало вполне естественные подозрения. В этих случаях информация передавалась через почту или курьеров и, конечно, запаздывала. Реальным было только оповещение о движении больших соединений судов, что случалось намного реже, но и здесь наблюдатели оказывались не на высоте. В начале войны командование Балтийского флота было буквально засыпано телеграммами о наличии на Балтике мифических эскадр немецких линейных кораблей¹⁵, а это сыграло отрицательную роль в оценке им обстановки. Местные жители, занимавшиеся наблюдением, часто оказывались неспособными усвоить различия в типах кораблей или простейшие приемы кодирования¹⁶. К тому же их надежность постоянно вызывала сомнения, хотя однозначного ответа здесь дать невозможно (несмотря на утверждение М. И. Дунина-Борковского о том, что все наблюдатели на Балтике «одновременно состояли на жаловании у немцев»). Схожими были и проблемы на Юге — с той разницей, что они вставали еще острее. За одним исключением: на Севере постоянно давало себя знать отсутствие крупных русских колоний за границей, а также развитой сети коммерческих и торговых предприятий. На Балканах же и в Турции одним из путей было использование направленного против турок недовольства местного христианского населения, в особенности армян и греков. Из последних в основном состояла

организация «Дельта» (см. док. № 11). О поддержке со стороны Болгарской православной церкви достаточно сказано в записке В. В. Яковлева (док. № 10); лобезность экзархата простиралась вплоть до подбора для русской разведки агентов в Константинополе¹⁷.

Наконец, одним из главных — а иногда и главным — препятствием были меры, принимавшиеся полицией и контрразведкой соответствующих стран. Аресты агентов на территории Германии происходили постоянно и рассматривались как неизбежное зло. Но и в нейтральных странах сложностей встречалось не меньше. Хорошее представление о них дает рапорт М. И. Дунина-Борковского (док. № 7). Характерно, что германская контрразведка проявляла чрезвычайно высокую активность за пределами самой Германии. По-видимому, именно она спровоцировала массовые аресты русских наблюдателей в Дании в октябре 1917 г.¹⁸ Аналогично складывалась ситуация на Балканах: в Румынии обладавший солидным опытом конспирации А. Н. Щеглов вообще не смог выполнить порученные ему задания по созданию тайной агентуры из-за противодействия германских и австрийских контрразведчиков¹⁹. Разумеется, ОД предпринимало необходимые шаги, подключая к работе новые организации и новые центры (в частности, в Норвегии), но это помогало мало. Контрразведка же МГШ серьезной помощи оказать не могла. Прибавим ко всему вышесказанному проблему нехватки личного состава: морских офицеров и вообще людей, сведущих в морском деле, со знанием иностранных языков и аналитическими способностями. ОД нуждалось даже в курьерах для передачи сообщений.

При всем том разведка — прежде всего на Балтике — имела заметные успехи в добывании информации, не требовавшей срочной доставки. Заблаговременно поступали сведения о готовящихся крупных наступлениях противника, к примеру, о будущей Моонзундской операции²⁰. Еще раз подчеркнем, что, говоря словами М. И. Дунина-Борковского, основная трудность для разведки заключалась «не в объекте, а в сроке». Средства связи того времени, вероятно, не позволяли рассчитывать на лучшие результаты по сравнению с достигнутыми ОД в ходе войны. Нет сомнения, что тщательный анализ сохранившихся агентурных донесений позволит дать более объективную картину деятельности морской разведки за 1914–1917 гг.

Между тем революционные потрясения 1917 г. не обошли ее стороной. Уже летом того же года ОД приступило к свертыванию своих организаций на Южном театре (хотя на Балтике, напротив,

планировало их расширение)²¹. Приход же к власти большевиков и последовавшее изменение внешнеполитического курса страны означали смертельную угрозу самому существованию разведки. 8(21) февраля 1918 г. последовал приказ о ликвидации зарубежных организаций МГШ и морских агентств за границей, вскоре подтвержденный специальным решением Коллегии Народного комиссариата по морским делам о ликвидации морской разведки²². Сохранить агентуру и обеспечить продолжение ее работы в интересах победы над Германией можно было только путем передачи союзникам. Переговоры по этому вопросу с британским Адмиралтейством начались еще в декабре 1917 г., но русская сторона категорически настаивала на автономности своих подразделений, отказываясь передать в руки англичан связи с агентами на местах²³. Насколько эти попытки оказались удачными, сказать сложно, но контакты с союзниками продолжались довольно долго. 30 апреля 1919 г. М. И. Дунин-Борковский подвергся аресту и был приговорен к заключению в концлагерь по обвинению «в недостаточном наблюдении за своими подчиненными ..., последствиями чего были шпионские сношения его подчиненных с иностранными агентами Антанты при бессознательном его, Дунина-Борковского, пособничестве»²⁴. Из имеющейся переписки видно, насколько неохотно русские офицеры расставались с делом, которому посвятили несколько лет жизни, до самого конца надеясь хотя бы на консервацию и последующее «оживление» руководимых ими агентур.

Подавляющее большинство документов русской морской разведки находится в фонде Морского Генерального штаба РГА ВМФ (ф. 418), некоторые из них — в фондах штабов флотов (ф. 479 и 609) и Ставки Морского Штаба (ф. 716). Следует иметь в виду, что большая часть дел ОД подверглась уничтожению в марте 1918 г., когда обозначилась угроза Петрограду со стороны германской армии, а перевозку документов в Москву посчитали слишком рискованной²⁵. Таким образом, полного представления о работе морской разведки составить невозможно. Многое в ней остается (и, скорее всего, останется) для нас неизвестным. Из сохранившихся документов отобраны те, которые содержат информацию сводного характера. Это по большей части рапорты начальника ОД и руководителей отдельных агентурных сетей. (док. № 7, 8, 10, 11). Представлена также часть переписки А. В. Колчака с М. И. Дуниным-Борковским, раскрывающая конкретные задачи разведки на Балтике в начале войны (док. № 2–6). Интересно и письмо А. А. Эбергарда А. И. Русину (док. № 9) с критической оценкой постановки разведывательного дела на Черноморском театре. Во всех

публикуемых документах сохранены стилистические особенности и синтаксис оригинала. Некоторые из них даются в сокращении. Все даты в публикации указаны по русскому (до календарной реформы 1918 г.) или двойному (русскому и европейскому) стилю.

¹ См. напр.: Морская историческая комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сб. 2. С. 149; Мягков П. О русской военно-морской агентурной службе в период мировой войны // Морской сборник. № 12. 1937. С. 95–99; Флот в первой мировой войне. Т. 1. М., 1964. С. 159, 261 и др.

² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5501. Л. 15–18об.; Д. 5523. Л. 3, 3об.; Д. 5540. Л. 5.; Д. 5568. Л. 21, 34 об.

³ Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 16об.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 22–23.

⁵ Там же. Д. 26; Д. 34; Д. 18. Л. 17. О деятельности А. Н. Щеглова см. работы В. И. Шеремета, в т. ч.: Босфор. М., 1995. С. 29–51.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 2. Л. 14об–17об.

⁷ Там же. Д. 4. Л. 40, 41, 49, 67.

⁸ Там же. Д. 63. Л. 2–11.

⁹ Там же. Л. 1об, 18; Д. 38. Л. 2; Оп. 1. Д. 3939. Л. 2.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 63. Л. 1об.

¹¹ Там же. Л. 18; Д. 38. Л. 3об., 10об.

¹² Там же. Д. 38. Л. 6, 12, 12об, 16об, 18, 57, 66, 71.

¹³ См. напр.: Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1934. С. 220–221.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 58. Л. 32, 33; Приказ начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего № 260 от 28 августа 1916 г.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 38.

¹⁶ Там же. Л. 18–18об.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 878. Л. 27.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 54. Л. 53, 54, 57, 58.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 3521. Л. 20–25.

²⁰ Там же. Д. 605. Л. 18об, 23, 27, 27об, 41.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 72. Л. 711; Оп. 1. Д. 2884. Л. 208–213.

²² Там же. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 901. Л. 40.

²³ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2884. Л. 208–208об.

²⁴ Там же. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 265. Л. 381.

²⁵ Там же. Ф. 418. Оп. 2. Д. 53. Л. 4, 4об.

№ 1

Схема организации разведывательной службы
морского ведомства

Июль 1914 г.*

Организация ВР** в предполагаемом полном, окончательном виде.

Предусмотрены пока 2 театра (Дальний Восток совместно с Р[осси-ей]): Северный — Швеция, Германия и Южный — Турция, Австрия, Италия, Греция.

Для Северного театра агенты-наблюдатели расположены в Киле, Данциге, Фленсбурге, Хольтенау, Экернферде, на Борнгольме, Рюгене, в Стокгольме, Карлскроне, на Аландских остр[овах] и т. д., всего в 20 пунктах.

Для Южного театра агенты-наблюдатели расположены в Константинополе, Афинах, Таранто, Венеции, Себенико, Фиуме, Поле, Триесте и т. д. — всего 10.

Каждый агент-наблюдатель телеграфирует по коду в нейтральный ближайший пункт агенту-передатчику данного театра; передатчик по своему усмотрению избирает маршрут передачи депеши. Агент-контролер театра (отставной или запасной морской офицер) имеет постоянное жительство в нейтральном месте, но совершает информационные поездки для проверки получаемых сведений, контроля агентов-наблюдателей и их замены или найма новых в случае необходимости нового места наблюдения. Он телеграфирует в СПб и лично, но не через передатчика.

Центральный пункт получает в СПб телеграммы и передает их в Д[обровольный] флот. Связь — 9 агентов-передатчиков связи передают поэтапно телеграммы.

Центральный пункт	7 000
Связь	6 000
2 Контролера	12 000
2 Передатчика	10 000

* Схема находится в числе документов, приложенных к рапорту старшего лейтенанта В. А. Виноградова¹ М. И. Дунину-Борковскому² от 12 июля 1914 г. (см.: РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 2. Д. 63. Л. 1-1об.).

** Военной разведки.

30 наблюдателей 30 000

Итого: 65 000 рублей.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 63. Л. 17.

БАЛТИЙСКИЙ ТЕАТР

№ 2

Из письма А. В. Колчака³ М. И. Дунину-Борковскому

№ 273

3 сентября 1914 г.

В[есьма] секретно. В собственные руки

Многоуважаемый Михаил Иосифович,

Барон Н. Гойнинген-Гюне⁴ вчера вечером передал мне Ваше письмо⁵, относительно которого я вчера же беседовал с бароном и передал ему некоторые из наших нужд и пожеланий, в отношении которых Вам, может быть, что-либо и удастся сделать.

Важнейшей стороной разведочной деятельности в настоящее время я считаю донесения о движении неприятельских сил, базирующихся, по всем данным, на Киль⁶, в Балтийском море и обратно.

Мы получаем, по-видимому, вполне надежные сведения, но, к сожалению, зачастую они запаздывают и мы не имеем возможности их использовать. Дело в том, что немцы взяли правилом подходить на вид наших наблюдательных постов и дозорных крейсеров всегда под вечер, часов около 4-х пополудни. От нашей стоянки в Ревеле⁷ до выхода из Финского залива около 100 миль, т. е. 6 часов хода (16-ти узловым). В силу этого, мы, выйдя немедленно по получении известия о появлении неприятеля, выходим в море ночью и можем что-либо предпринять с рассветом на другой день. Т. к. ночью плавание без определений и с тралами целой эскадрой крайне рискованно, то практически мы выходим с рассветом на другой день и никого уже не застаем. Держать же все время флот в море мы не можем уже из-за одного угольного вопроса. Отсюда Вы усмотрите всю важность своевременно получить извещение о проходе неприятельского флота к Ost'у* от Борнгольма, когда мы могли бы своевременно встретить его

* Востоку.

в северной части Балтики. До 24-го числа прошлого месяца ни одно из больших судов не появлялось у нас, но теперь, надо думать, они будут появляться чаще. По всем данным, они не намерены оперировать в Финском заливе и не ищут боя с нами, а потому надо нам самим встретиться с ними. В силу высказанного прошу Вас, Михаил Иосифович, в первую очередь ускорить и обеспечить всеми мерами передачу сообщений о движении неприятельских судов с датской территории, делая эти сообщения **срочными радио**, а не телеграфом. [...].

А. Колчак

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 69. Л. 38–39. Автограф.

№ 3

Письмо М. И. Дунина-Борковского А. В. Колчаку

13 октября 1914 г.

№ 120-с

Секретно

Многоуважаемый Александр Васильевич,

Насчет обеспокоившего Вас своим запозданием сведения о том, что «вся Данцигская бухта заминирована», считаю своим долгом сообщить, что это сведение было непроверенное, а потому и не было Вам протелеграфировано. После 18 августа, когда агенту удалось довольно точно определить местоположение и протяжение минного заграждения у Данцига, к нам не поступало дальнейших сведений об изменениях заграждения, а потому сказать что-нибудь определенное по этому вопросу трудно; особых причин для беспокойства за нашу лодку, по моему мнению, нет⁸.

По остальным пунктам Вашего задания — о сторожевом охранении — будут приняты меры и все результаты будут немедленно сообщаться⁹. Но нам непременно нужно знать несколько **заранее** — какие именно вопросы представляют для Вас **срочный** интерес. Так, зная, что сведения о передвижениях судов нужно было передавать срочно, я принял к этому меры, теперь также поступлю с вопросом о минном заграждении и охране. Насчет надзора за пароходами в Лулее¹⁰, меры принял, хотя я и не исключаю возможности, что они там останутся зимовать, но постараюсь своевременно Вас известить о времени их выхода в море.

Вполне соглашаясь с Вами насчет того, что должны быть приняты какие-нибудь решительные меры для пресечения болтовни офицеров, все же затрудняюсь определить, каким именно образом можно было бы учинить надзор за ними и думаю, что единственным выходом явилась бы передача важных сведений по радио таким шифром, которого бы не было в общем пользовании; только случайно можно рассчитывать узнать, что именно такой-то разглашает секретные сведения, а при злонамеренности передатчиков совершенно нельзя будет выследить виновного.

Всего лучшего. Искренне преданный Вам

Дунин-Борковский

РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 278. Л. 95–95об. Подлинник.

№ 4

Из письма М. И. Дунина-Борковского А. В. Колчаку

№ 152-с

9 ноября 1914 г.
Секр[етно].

Многоуважаемый Александр Васильевич,

Для пользы дела убедительно прошу Вас, если это только возможно, о следующем:

1. По возможности ранее сообщать нам о заданиях.
2. При заданиях указывать сроки выполнения, т. е. от какого до какого числа нужно данное уведомление.
3. По истечении срока указывать, насколько данный объект наблюдения сохраняет интерес в дальнейшем.

В объяснение необходимости этого приведу следующее. Мы, конечно, в работе должны основываться на деятельности кадра имеемых опытных и проверенных агентов, подбирая новых не по числу новых заданий, а только для постепенной подготовки замены старых и в крайних, срочных случаях. Поэтому нам необходимо знать о будущих заданиях, чтобы иметь возможность распределять рационально наши силы, т. к. в противном случае приходится держать в резерве людей на случай грядущих заданий и, таким образом, не работать полной силой по конкретным Вашим поручениям. Для этой же цели необходимы указания относительно сроков выполнения и указания относи-

тельно того, ликвидируют ли новые задания прежние или нет, т. к., конечно, желательно следить только за тем, что действительно необходимо; в военное время всякий лишний шпионаж только вреден, потому что может обратить внимание на наши орудия и методы и повести к контрмерам, которые затруднят работу и в других направлениях. По этой же причине нежелательно безграничное возрастание числа агентов [...]. Что касается Вашего задания, переданного Вашей вчерашней телеграммой¹¹, то, к сожалению, должен заметить, что ежедневное и срочное осведомление относительно востока Балтики почти невыполнимо, и вот по каким причинам:

1. Нет никакой гарантии отправки частных телеграмм из Германии даже в нейтральные страны.

2. Отправляющийся неизменно попадает под наблюдение.

3. Наблюдение таким образом приходится вести посылкой агентов, что требует нескольких дней, даже при посылке их из ближайших мест, что мы и делаем.

4. Для очень частого осведомления потребовалось бы чрезмерное количество агентов, что, как уже сказано, представляет опасность для дела же, но, несмотря на это, если Вы, считаясь со всеми этими соображениями, все-таки найдете необходимым давать такие задания, мы сделаем все возможное в этом направлении. Но я должен предупредить, что если слишком энергичное наблюдение поведет к ликвидации части нашего личного состава агентов, то это может выразиться задержкой представления сведений по новым заданиям, пока не будет найдена замена.

Опыт работы показал, трудности разведки не в ОБЪЕКТЕ, а в СРОКЕ. Что касается подробных сведений о минных заграждениях из непроверенного источника, сообщенных Вам за последнее время, то среди источников находятся нейтральные лоцмана, почему я считаю, что они были осведомлены немцами в таком направлении для урегулирования движения судов в более тесных рамках для облегчения немцам контроля над ними, но могут быть и другие, прямо провокационные, цели, например, навести наши суда на минную банку, поставленную в указанном будто бы проходе. Я надеюсь еще получить разъяснения и дополнения к этим сведениям. [...].

Дунин-Бор[ковский]

№ 5

Из письма А. В. Колчака М. И. Дунину-Борковскому

№ 377

Кр[ейсер] «Россия»

5 декабря 1914 г.

Секретно

[...] В ночь с 3 на 4-е декабря я телеграфировал Вам¹² об окончании операции¹³, имея в виду восстановление нормальной работы иностранной разведки. Вся операция эта была в значительной мере основана на данных разведки, которая совершенно точно и своевременно дала нам данные по обстановке. Эти данные подтверждаются и нашими наблюдениями за движением неприятельских судов, радиопеленгами и дают уверенность в оперативной работе. Командующий флотом* придает очень большое значение этой работе, принимая те или иные решения, иногда целиком основанные на данных, Вами сообщаемых. [...]

Прошу принять мои лучшие пожелания от искренне преданного Вам

А. Колчака.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 69. Л. 61–62об. Автограф.

№ 6

Письмо М. И. Дунина-Борковского А. В. Колчаку

№ 196-с

13 декабря 1914 г.

Секретно

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,

В приложениях к настоящему письму пересылаю Вам 20 экз. фотографических копий позывных германского флота и по 10 экз. карты квадратов в трех частях**. Еще 10 экз. карты смогу прислать примерно через неделю.

Возможные меры для выяснения возможной гибели немецкой подводной лодки (в связи с гибелью «Летучего»)¹⁵ уже приняты; что касается до указанного Вами срока для ближайшего периода срочных

* Н. О. Эссен¹⁴.

** В деле отсутствует.

уведомлений, то и это также принято во внимание при распределении работ.

За последние дни у нас попалась в руки полиции одна из наших организаций в Германии и в связи с этим в настоящее время нельзя рассчитывать на срочное осведомление (т. е. не позже 1–2 суток) о выходе судов из Данцига, т. к. это осведомление велось сложным телеграфным путем и именно телеграфирование-то и послужило причиной гибели агентов, хотя все меры маскировки были приняты; пожалуйста, сообщите: в какой мере важно такое осведомление из Данцига, чтобы теперь стараться восстановить его во что бы то ни стало? Тут принять во внимание, во-первых, что для этого придется рядить значительный личный состав, который будет лишен возможности при этой организаторской деятельности сам заниматься активным наблюдением, а во-вторых, лучше бы дать немного остыть полицейской деятельности в Данциге, взбудораженной этими арестами, а то новая организация может провалиться. Если Вы признаете возможность отказать от этого на некоторый срок (скажем, не менее месяца), то будьте любезны сообщить мне об этом. Также буду ждать сообщения мне и тех пунктов, которые Вы желаете еще осветить, как Вы упоминаете в Вашем письме от 11 декабря № 33¹⁶.

Прошу Вас, многоуважаемый Александр Васильевич, принять искренние пожелания всего самого лучшего от сердца Вам преданного

Дунина-Борковского

РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 278. Л. 115–115об. Подлинник.

№ 7

Рапорт М. И. Дунина-Борковского А. И. Русину¹⁷

№ 536-с

20 ноября 1916 г.

Совершенно секретно

Докладываю Вашему высокопревосходительству о состоянии тайной морской разведки на Балтийском театре в настоящее время и о ближайших нуждах ее.

Организация тайной морской разведки Балтийского театра такова: по получаемым от меня заданиям и общим директивам разведкой Балтийского театра управляет старший лейтенант Ожерлунд¹⁸, помощ-

ником его состоит лейтенант Шестаков¹⁹, а также два гражданских чиновника для письменных работ; ближайшими исполнителями разведки на местах являются: капитаны 2 ранга Бескровный²⁰, Георги-зон²¹, Сташевский²², лейтенант Веймарн²³, поручик по Адмиралтейству Спешнев²⁴ и мичман Романенко²⁵.

Каждый из поименованных исполнителей работает следующим образом: А. отыскивает лиц, имеющих какие-либо связи (теперь возможны только связи коммерческие) с Германией, или имеющих возможность под каким-либо видом проникать в Германию и оттуда сносятся с нами; Б. обучает этих лиц умению пользоваться различными приемами тайной разведки; В. обучает их умению разбираться в необходимых для морской разведки вопросах военно-морского характера; Г. заключает с ними словесное условие с определением размера вознаграждения; Д. разрабатывает план действий каждого отдельного лица и дает каждому определенную задачу; Е. определяет способ передачи собранных сведений, чтобы обеспечить секрет своих сношений с агентами и не подвести себя и агентов под подозрение нейтральной полиции в занятии шпионством; Ж. полученные сведения сообщает Особому делопроизводству; З. устраивает в нейтральных странах наблюдательные посты в тех пунктах на побережье, откуда можно непосредственно наблюдать за движением неприятельских судов, и организует, как сказано в п. Е., способ сношений с наблюдателями; И. тайная морская разведка в Швеции ведется на тех же основаниях, но не непосредственно из Швеции, а из соседних стран.

Главное затруднение для работы заключается в усиленном наблюдении и выслеживании наших агентов агентами германского контршпионажа, причем в случае обнаружения шпионской деятельности какого-нибудь лица, направленной против Германии, а также в случае обнаружения пребывания в нейтральной стране кого-либо из лиц, управляющих разведкой, соответствующая германская миссия немедленно предъявляет к правительству нейтральной страны требование об арестовании или выселении этого лица. Такого рода требования были уже неоднократно предъявляемы германской миссией в Копенгагене к датскому правительству (между прочим, такое требование было предъявлено по отношению к капитану 2 ранга Виноградову, бывшему весной 1915 года в Копенгагене по делам разведки и вынужденному вследствие этого спешно выехать из Дании). Для выполнения контршпионской работы Германия содержит в нейтральных странах большое количество агентов своей контрразведки, на что со стороны ней-

тральных правительств не встречается возражений. Так, например, в Копенгагене находятся около 120 агентов германской контрразведки.

В начале войны с этим затруднением хотя и приходилось считаться, но оно не было еще столь значительно, чтобы резко отражаться на работе разведки. В настоящее время, на третий год войны, наблюдение агентов германской контрразведки в нейтральных государствах настолько усилилось, что создались серьезные затруднения для работы нашей тайной морской разведки. Более всего это отразилось в Дании, где капитаны 2 р. Бескровный и Георгизон стали уже настолько постоянными и усиленными объектами наблюдения, что сами могут лишь руководить работой разведки и служить передатчиками сведений в Петроград (т. е. выполнять работу, упомянутую выше в пунктах Д, Е, Ж, З и И), но дальнейшего личного участия в работе по отысканию и обучению агентов (пункты А, Б, В и Г) принимать не могут. То же, в несколько меньшей степени, относится к непосредственным исполнителям в остальных нейтральных странах.

Между тем за первые два года войны состав наших тайных агентов в Германии переменялся уже несколько раз. Почти все старые организации агентов выслежены германской контрразведкой и ликвидированы. Большая часть попыток капитана 2 р. Бескровного устроить новые организации за последние полтора года не удалась вследствие раскрытия германской контрразведкой непосредственных сношений его с участниками организаций. Приобретенный же капитаном 2 р. Бескровным опыт и завоеванное им прочное положение в копенгагенском обществе создали ему во всех остальных отношениях столь благоприятную обстановку для работы по разведке, что она при умелом использовании может дать очень хорошие результаты.

Таким образом, для успешного продолжения работы тайной морской разведки приходится постепенно отказываться от применения пригодных в начале войны оснований разведки и переходить к новым методам. Непосредственным исполнителям на местах необходимо иметь надежных вербовщиков и обучающихся, знающих хорошо один из иностранных языков (немецкий, датский, шведский, норвежский или голландский) и необходимые для морской разведки элементы военно-морского дела, или хотя бы только одну «навигацию». Таких людей можно найти между русскими коммерческими моряками, но большая часть из них теперь находится в чине прапорщиков на действующем флоте, а потому получить их можно лишь с согласия командующего флотом. Лучшим же элементом для этой цели явились

бы, конечно, знающие (**отлично**) один из перечисленных выше языков флотские офицеры.

Кроме вербовщиков и обучающихся является надобность в надежных лицах для должностей: 1) передатчиков и 2) наблюдателей.

Передатчики необходимы для связи между непосредственными исполнителями, с одной стороны, и наблюдателями и вербовщиками, с другой. Необходимость иметь таких передатчиков вызывается невозможностью непосредственных сношений наблюдателей и вербовщиков с занимающими официальное положение нашими морскими офицерами.

Наблюдатели (см. выше п. 3) до сих пор были из числа нейтральных подданных и возлагавшихся на них задач не выполняли, так как одновременно состояли на жаловании у немцев. Поэтому необходимо назначить наблюдателями надежных русских подданных, умеющих хорошо различать типы военных судов. Лучшим элементом для этого были бы сигнальные унтер-офицеры или сигнальные кондукторы, предварительно обученные в необходимой мере датскому или шведскому языку.

Наконец, для успешной работы существенно необходимо поддержание тесной связи между центральным органом, управляющим разведкой — Особым делопроизводством — и непосредственными исполнителями. Эта тесная связь может поддерживаться единственно лишь личными свиданиями офицеров Особого делопроизводства с непосредственными исполнителями, т. к. работа последних настолько сложна и обстановка настолько быстро меняется, что излагать все детали письменно — и трудно, и вследствие редких курьеров не достигает цели. Для личных свиданий непосредственные исполнители не могут сами отрываться от работы для приездов в Россию, т. к. сейчас же нарушилась бы связь всей системы. Поэтому необходимо для этих свиданий ездить офицерам Особого делопроизводства, что на самом деле и практикуется. Для пользы дела желательно делать такие свидания не реже одного раза в два месяца, однако ездить каждый раз для этого одному и тому же офицеру не представляется возможным по той же причине усиленного наблюдения германской контрразведки (например, во время посещения старшим лейтенантом Окерлундом в октябре 1916 г. Копенгагена были получены сведения об установленном за ним наблюдении и ему теперь без большого риска для дела нельзя опять ехать в Данию, а между тем для пользы дела такая поездка в непродолжительном времени была бы необходима). Поэтому для

обеспечения успешной работы необходимо иметь в составе Особого делопроизводства для разведки по Балтийскому театру не менее четырех офицеров, могущих чередоваться в поездках в нейтральные страны. В настоящее время, как выше упомянуто, для разведки по Балтийскому театру в Особом делопроизводстве имеется всего два офицера.

В заключение необходимо еще сказать, что для облегчения и обеспечения работы разведки является крайне желательным командирование в Данию, Швецию, Норвегию и Нидерланды агентов нашей морской контрразведки для выслеживания агентов германской разведки и контрразведки, а также желательно со стороны Министерства иностранных дел указание императорским миссиям в поименованных странах о незамедлительном предъявлении к правительству соответствующей страны требования об арестовании или выселении обнаруженных нашими агентами германских шпионов.

Все вышеизложенное сводится к следующим нуждам:

1. Прикомандирование к вверенному мне Особому делопроизводству двух флотских офицеров по моему выбору, из числа знающих немецкий или один из скандинавских языков.

2. Назначение в распоряжение Особого делопроизводства нескольких (не менее 5) вполне надежных капитанов или штурманов коммерческого флота, знающих один из упомянутых языков, для посылки за границу в качестве вербовщиков и обучающихся.

3. Назначение в распоряжение Особого делопроизводства нескольких (не менее 12) вполне надежных и интеллигентных сигнальных кондукторов или сигнальных унтер-офицеров, для посылки в Данию и Швецию в качестве наблюдателей.

4. Сношение с Министерством иностранных дел по вопросу командирования в нейтральные страны агентов нашей контрразведки и приказание начальнику Морской регистрационной службы²⁶ подготовить таких агентов и командировать их в указанные выше нейтральные страны.

Что же касается передатчиков, упомянутых на стр. 4, то для этой цели с успехом применяются поправляющиеся после ранений офицеры армии и флота, о командировании коих во временное распоряжение Морского Генерального штаба делаются по мере надобности соответствующие сношения.

Капитан 1 ранга Дунин-Борковский

ЧЕРНОМОРСКИЙ ТЕАТР

№ 8

Рапорт М. И. Дунина-Борковского А. И. Русину

№ 160-с
Петроград

19 ноября 1914 г.
Секретно

Телеграммами от 1-го и 8 ноября с. г.²⁷ командующий Черноморским флотом*, сообщая о полной неосведомленности относительно турецкого флота, просит о принятии самых энергичных мер для получения о нем сведений.

По приказанию Вашего превосходительства по настоящее время в этом отношении сделано уже следующее:

1. Капитан 2 ранга Нищенков²⁹ организовал одну агентуру в Константинополе и устроил связь этой агентуры с командующим Черноморским флотом³⁰. Результаты работы можно ожидать на этих днях.

2. Капитан 1 ранга Щеглов³¹ отправился 15 ноября в Бухарест для организации новых агентур в Константинополе, для каковой цели ему отпущены необходимые денежные средства. Результаты его работы можно ожидать не ранее 10–15 декабря.

3. Капитану 1 ранга Макалинскому³² поручено организовать агентуру в Константинополе, для чего ему также отпущены необходимые денежные средства.

4. В одно из соседних государств послано лицо для организации агентур в Константинополе. Результаты работы можно ожидать через месяц.

Эти меры не обеспечивают, однако, полной и постоянной осведомленности о турецком флоте, так как, во-1-х, всегда можно ожидать появления непредвиденных препятствий, устранение которых может оказаться в пределах данной агентуры невозможным, а во-2-х, как показал опыт, никогда нельзя рассчитывать на продолжительное действие одной и той же агентуры, почему нужно все время безостановочно подыскивать новых агентов и организовывать новые агентуры. Посему, в случае провала агентур, упомянутых выше в п.п. 1 и 4, вся разведка на Южном театре окажется базирующейся лишь на двух морских агентах, не успевших еще приобрести необходимого в этой весьма специальной отрасли опыта и, таким образом, не будет никакой

* А. А. Эбергард²⁸.

гарантии удовлетворительного выполнения поставленных командующим Черноморским флотом к тайной разведке требований.

Поэтому считаю своим долгом донести Вашему превосходительству, что, по моему мнению, основанному на почти пятилетнем опыте ведения тайной разведки, является вполне возможным обеспечить полное и постоянное осведомление командующего Черноморским флотом о турецком флоте в продолжение всей войны, для чего мне представляются необходимыми следующие меры:

1. Поручить тайную разведку на Черном море отдельному офицеру, имеющему необходимый для сего опыт. В случае необходимости, дать этому офицеру в помощь одного офицера по его выбору.

2. Предоставить этому офицеру в полное его распоряжение нужную сумму денег, размер каковой выяснится в течение работы; для начала же работы, считая, примерно, на первые шесть месяцев, следует назначить не менее ста тысяч рублей.

3. Указав общую цель и дав лишь основную директиву для работы, следует дать этому офицеру полную самостоятельность как в его действиях, так и в расходовании денег, отчет в которых он должен представить после выполнения возложенного на него поручения.

Со своей стороны считаю долгом представить на благоусмотрение Вашего превосходительства и подходящего для достижения сказанного кандидата, а именно капитана 2 ранга Нищенко.

Капитан 2 ранга Дунин-Борковский

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 58. Л. 7-7об. Подлинник.

№ 9

Письмо А. А. Эбергарда А. И. Русину

№ 55
В море

Января 27 дня 1915 г.
Секретно

Милостивый государь Александр Иванович,

Письмо Вашего превосходительства от 12 января № 542/50³³, в котором оспаривается правильность моего донесения Верховному главнокомандующему по вопросу о морской разведке³⁴, в связи с некоторыми другими комментариями на те же донесения, меня чрезвычайно взволновало, так как, являясь результатом явного недоразумения, оно,

однако же, как бы указывает как на мое уклонение от фактов, так и на противоречие моих донесений теперь с тем, что я говорил раньше.

Я и теперь повторяю, что во время ожидания войны я верил только Вашим извещениям и получавшимся с пароходов Русского общества пароходства и торговли и руководствовался только ими.

Но это было в указанный короткий период, а затем все прекратилось, и, кроме противоречивых и сбивчивых фантазий безответственных агентов, я не имел ни одного верного указания.

Как на резкий пример сошлось на ближайший случай.

Телеграммой от 15 января № 181 Вы сообщали, а позднее телеграммой № 192 подтвердили³⁵, что 13 января «Гамидие» и «Бреслау» вернулись в Константинополь, тогда как в этот именно день «Бреслау» был обнаружен у Хопы, а на следующий день за ним и за «Меджидие» гнались наши крейсера от Самсуна к западу.

Выражения моего рапорта № 1043, что «к сожалению, во флоте принят не тот порядок, что в армии, где каждый округ ведет разведку на своем театре» и что «агентурная разведка наша неудовлетворительна» совсем не должны обозначать упрека чинам Особого делопроизводства «в бездеятельности или излишней ревности», как то значитя в Вашем письме.

Сожалею также о ряде упреков чинам Оперативной части моего штаба, делаемых с такою резкостью в Вашем письме.

Если вместо взаимных упреков обратиться к спокойному рассмотрению фактов, то выясняется следующее: в декабре 1913 года был выработан новый план операций Черноморского флота на 1914 год³⁶, тогда же представленный на утверждение морскому министру и переданный им в Морской Генеральный штаб.

С этого времени не могло быть никаких затруднений давать все нужные задания разведке.

И действительно, вслед за этим, в январе, они были переданы лично флаг-капитаном оперативной части капитаном 1 ранга Кетлинским³⁷ капитану 2 ранга Дунину-Борковскому в Морском Генеральном штабе.

Тогда же поставлен был вопрос, насколько желательно разделение разведки между Морским Генеральным штабом и штабом Черноморского флота, подобно порядку армий.

Капитан 1 ранга Кетлинский высказался решительно против этого, так как считал войну неминуемой в ближайшее время, почему несвоевременно менять организацию, требующую очень длительной и осторожной подготовки в мирное время.

Им, однако, тогда же было указано, что вместо существующей многочисленной сети агентов в Австрии следует обратить больше внимания на Турцию, где разведка поставлена очень слабо.

О совещании в Морском Генеральном штабе и о своем заявлении капитан 1 ранга Кетлинский доложил мне сейчас по приезде в Севастополь и я с ним согласился.

Поэтому, сетуя о современной постановке вопроса, я не считаю возможным винить в ней кого-либо из чинов Морского Генерального штаба.

Причину неудовлетворительности разведки на Черном море и сравнительно много лучшей разведки на Балтийском (о чем сужу по сводкам МГШ*) я вижу как в некотором пренебрежении к Черноморскому флоту, свойственном всем центральным учреждениям морского ведомства, переполненным балтийскими офицерами, так и в излишней экономии.

В доказательство этого приведу следующий пример.

После начала германской войны капитан 2 ранга Нищенков приехал в Севастополь, и я выразил ему удовольствие по поводу донесений Римма-бея, выделявшегося из всех других своею осведомленностью и толковостью (это был единственный хороший агент)³⁸. На вопрос, почему ему не поручают развить агентуру и ускорить доставку его донесений, капитан 2 ранга Нищенков объяснил недостаточностью денежных средств.

Считая недопустимым экономить какие-нибудь тысячи рублей в такое серьезное время для такой важной цели, я приказал телеграфировать об этом в Морской Генеральный штаб, прося не останавливаться перед затратами.

Что касается попыток разведки моего штаба, то они могли начаться с началом войны, когда обнаружилась неудовлетворительность разведки Морского Генерального штаба и когда у меня появились суммы, которыми я мог располагать, но во время войны было уже поздно организовать это сложное дело.

Единственной мерой, которую удалось провести и которая дала прекрасные результаты, явилась такая организация рейсов пароходов Русского общества, благодаря которой ежедневно один пароход входил в Босфор, другой выходил из него, и все берега были под постоянным наблюдением.

---

* Морского Генерального штаба.

Только благодаря этой организации я был своевременно осведомлен о движениях германо-турецкого флота до 16 октября.

Когда же эти рейсы прекратились, то я перестал получать какие бы то ни было сведения о неприятеле, которые имели бы хоть небольшое практическое значение для нашего флота.

Правда, за последнее время заметно улучшение разведки, но все же, как общее правило, следует сказать, что все сведения, которые оказывались, по-видимому, верными, приходили со значительным опозданием; те же, которые приходили своевременно, оказывались большей частью неверными.

При таких условиях агентурной разведки и при отсутствии крейсеров для разведки флот не мог вполне воспрепятствовать движению небольшого числа транспортов к Трапезунду. Получив за это резкий упрек Его Императорского Высочества Верховного главнокомандующего, в котором мне ставилась виной и неудовлетворительность разведки, я не мог не высказать действительного положения дел.

Присланные при письме Вашего Превосходительства списки телеграмм, посылавшихся мне Мор[ским] Ген[еральным] штабом или кап. 1 ранга Щегловым, начиная с 16 октября 1914 г., даже при самом беглом просмотре наглядно подтверждают правильность моих заявлений о неудовлетворительности разведки.

Так, например:

17 октября сообщается о нахождении «Гебена» в Черном море.

18 октября, уезжая из Константинополя и зная о приходе в этот день «Гебена» с моря, наш в[оенно]-м[орской] агент не считал нужным телеграфировать мне об этом важном обстоятельстве, хотя в ту же ночь проехал в Болгарию и затем в Румынию.

9 и 11 ноября сообщается о выходе не то 7-го, не то 10 ноября «Гебена» в море. В действительности он исправлялся до 24 ноября и только в этот день вышел в море (последующие телеграммы того же М. Г. Шт. косвенно подтверждают это).

24 ноября сообщается о выходе из Констанцы за ноябрь, по официальным румынским сведениям, 39 судов под турецким флагом. Такая телеграмма произвела самое неблагоприятное для флота впечатление — как в Ставке, так и в Петрограде. По проверке через посланника в Бухаресте оказалось, что это все мелкие парусники, из которых 38 ходили не дальше Балчика и Варны.

5 ноября сообщается о приходе «Гебена» 2 ноября в Константинополь для исправлений. Сомневаюсь в этом, раз 5 ноября утром он уже был у Севастополя.

22 ноября сообщается о посадке 40 000 чел. на транспорты в Килии. Нельзя не сомневаться в этом, зная Килию и что требуется для посадки 40 000 чел. в этом месте.

23 января мной получена через горничную парохода РОПиТ, отпущенную из Измида, записка от лейтенанта Четверухина³⁹, переданного 12 декабря с «Атоса» на «Гебен»⁴⁰. Возвращаясь в Босфор 13 декабря, «Гебен» наткнулся недалеко от входа на 2 наши мины, которые взорвались под ним. По мнению Четверухина, «Гебен» не утонул только потому, что было близко, и он успел дойти до Стении, где к нему сразу подошли 2 водоотливных парохода.

Между тем, М. Г. Шт. извещал о выходе «Гебена» в море 14, 18 и 23 декабря.

Этот один пример достаточен для того, чтобы убедиться, какое огромное значение для флота имеет неудовлетворительность нашей разведки.

Ведь будь она мало-мальски сносной, такого обстоятельства, как подрыв «Гебена» на двух минах и его плачевное состояние по меньшей мере в течение месяца, нельзя бы не знать наверное.

А зная наверное, я мог бы вместо крейсерства всем соединенным флотом посылать отдельные броненосцы и крейсера, что не растрепало бы машин в такой степени, как они истрепаны за этот месяц непрерывного крейсерства, или держать тесную блокаду Босфора, меняя флот по частям. Достаточно представить себе эту возможность, чтобы понять, в какой степени успех наших операций страдает не от чего иного, как от недостатков разведки.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в моем совершенном уважении и искренней преданности

А. Эбергарт

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 58. Л. 25–28об. Подлинник.

№ 10

Памятная записка капитана 2 ранга В. В. Яковлева⁴¹

20 апреля 1916 г.

17 февраля прошлого года я был назначен военно-морским агентом в Болгарию, с задачей развить разведочную службу по Черноморскому театру.

Осмотревшись и познакомившись со всей Софией, в чем мне чрезвычайно помог наш посланник гофмейстер Савинский и от которого я и в дальнейшей моей работе имел полную поддержку во всех моих начинаниях, я стал искать те круги, которые помогли бы мне ориентироваться в стране и найти подходящих людей для работы.

Наиболее подходящим мне показалось болгарское духовенство. Мне удалось снискать расположение покойного экзарха, неоднократно меня принимавшего. Такое любезное отношение главы болгарской церкви, естественно, облегчило мне создать близость с многими представителями духовенства, особенно же я сблизился с протосингелом* экзарха архимандритом Стефаном. Духовенству именно я обязан теми полезными знакомствами, которые дали мне возможность уже в марте послать агентов в Турцию, а также и тем, что мне предоставлен был кабинет в Синоде, где я мог свободно принимать нужных людей.

В Болгарии я застал две организации из Константинополя, созданные до войны и действовавшие в продолжении полутора месяцев моего там пребывания довольно исправно, хотя и дававшие сведения довольно запоздалые, ибо шли они исключительно почтою⁴². Поэтому я поставил себе целью создать наиболее быстрое получение сведений из Константинополя. Одному из посланных мною агентов удалось поселиться в Константинополе у болгарского консула, что дало ему возможность беспрепятственно бывать повсюду и давать мне наиболее важные сведения — выходы судов по телеграфу.

В течение тех двух месяцев, что этот агент смог там прожить, им дано было мне 13 сообщений о выходах судов, из коих некоторые были подтверждены потоплением транспортов в Черном море. К сожалению, турки начали подозревать болгарского консула и, придравшись к мелочи, потребовали отозвания его болгарским правительством. Около этого же времени поступил ко мне на службу один значительный константинопольский купец-болгарин, работавший до последнего времени, который периодически привозил мне собранные им подробные сведения по состоянию судов турецкого флота и дислокации армии. Выходы судов и важнейшие события, как, например, приход в Константинополь подводных лодок, сообщались им по телеграфу.

Отправление телеграмм из Константинополя — дело чрезвычайно трудное, ибо для того, чтобы отправить депешу, отправитель должен лично представить ее в полицейский участок, в центральную полицию

* Протосингел — заведующий канцелярией.

и, наконец, в цензуру военного министерства. Поэтому мне приходилось особенно ценить агента, имеющего возможность телеграфировать. В Софии мне дали разрешение трижды в сутки пользоваться радиостанцией и, таким образом, телеграмма из Константинополя, иногда получаемая мною через 6–7 часов после выхода судна из Золотого Рога, могла быть немедленно же переправлена по радио на Черноморский флот.

Кроме этих организаций, мною неоднократно посылались люди с определенными заданиями для освещения того или иного военно-морского вопроса в Турции. Командирами болгарских пароходов, ходивших в Конс[тантино]поль, доставлялись мне кроки* Босфорского фарватера и все ими там замеченное. На всякий случай я старался быть в курсе и военных приготовлений Болгарии, движения через ее территорию контрабанды в Турцию, а также и политического положения Болгарии. К моменту разрыва дипломатических сношений с Болгарией я мог дать минные заграждения Варны и Бургаса и наиболее уязвимые места для обстрела и пр., а также и дислокацию болгарской армии.

Что касается политической осведомленности, то мне кажется, что положения, выдвинутые мною в моих донесениях, не были ошибочны. Так, я указывал, что единственно лишь может удержать Болгарию от окончательного ухода в сферу германского влияния, это активное выступление России в виде высадки войск на болгарскую территорию. В постоянных докладах посланнику я представлял о необходимости пользоваться всяким случаем для показания болгарам фактической мощи России. Так, например, после Валандовского инцидента⁴³ я указывал на желательность демонстрации флотом у болгарских берегов. Наконец, 1 сентября в докладной записке посланнику, когда посланники держав Согласия собрались в третий по счету раз за одно лето делать предложения Болгарии, я, указывая на все признаки наступления предмобилизационного периода, указывал на желательность вместо предложения представить ультиматум, не дожидаясь того времени, когда Болгария начнет мобилизацию. Текст же деланных ранее предложений и ультиматума предать самой широкой огласке, что тогда еще можно было сделать.

Не мог я в своих донесениях умолчать о тех сомнениях в солидарности с нами в политике наших союзников англичан. Эти сомнения зародились у меня под влиянием целого ряда мелких фактов. Так,

* Кроки — план местности, выполненный на основе визуального наблюдения.

английские представители во всех разговорах проводили самые широкие компенсации болгар — до владения ими Родосто включительно. Проскальзывало желание видеть Константинополь взятым болгарскими войсками. Накануне предъявления нами ультиматума⁴⁴, когда текст его уже был получен нашей миссией, английский и французский посланники, не получившие такового от своих кабинетов, едва не уговорили нашего представителя (посланник Савинский лежал тяжело больной) предложить болгарам новых, еще более широких компенсаций. Наконец, в день предъявления ультиматума, английский военный агент в разговоре с моей женой высказал предположение о разрыве Болгарии лишь с Россией, почему и просил довести его жену до Петрограда, сами же они останутся в Софии. После разрыва с Болгарией мне было приказано продолжать мою работу, оставаясь в Бухаресте. Официально я там числюсь прикомандированным к русской миссии.

Некоторые разведочные организации из Болгарии, которые я предполагал сохранить и в Румынии, оборвались вследствие тех исключительных мер против разведки, которые были приняты болгарами. Все же удалось сохранить из старого: широкую организацию по Турции и Болгарии, с которой сохранилась связь даже телеграфная, и другую организацию по Болгарии. В Румынии мне удалось укрепить мои отношения с представителями армянского комитета партии Дашнакцютюнъ, члены коего оказали мне ряд услуг. В будущем я ожидаю от них непосредственной работы по разведке, при помощи установления регулярных рейсов между Констанцей и Константинополем.

Далее, мне удалось привлечь на службу драгомана — испр[авляющего] должность секретаря румынской миссии в Константинополе. Последний присылает мне приблизительно каждые восемь дней с вализой подробное донесение — весьма подробные по части сухопутной и несколько более бледные по морской. Им же даются сведения по телеграфу о выходах судов. За два месяца его службы три таких телеграфных сообщения подтвердились трижды потоплением транспортов. На него же я предполагаю включить нашего консульского чиновника, оставшегося в Константинополе для охраны архивов.

Через армян мне удалось взять на службу доктора-турка, исключительно враждебного теперешнему режиму и готового на любое рискованное предприятие. Для испытания я посылал его разведать Варну, что и было исполнено им вполне удовлетворительно. Его я предполагаю использовать для установления рейсов на шхуне в Константино-

поль, а также для крейсерской разведки у Босфора в известный, нужный флоту момент. Кроме этого, я пользуюсь услугами нескольких агентов для посылки на болгарскую границу; для собирания сведений от постоянно приезжающих в Бухарест болгарских и турецких купцов; для наблюдения за представителями болгарской и турецкой миссий в Бухаресте, а также для известной охраны меня самого. С разрешения посланника мною даются подробные директивы и средства нашим консулам в Констанце и Журжеве для ведения разведки по Турции и Болгарии. Многие мелкие поручения, например, добывание мне адресов и пр., исполняют некоторые русские скопцы, в большом числе проживающие в Румынии.

Опытom я пришел к заключению, что серьезных работников нельзя искать среди тех полугодных личностей, которые во множестве предлагают всегда свои услуги. Агент должен сам занимать известное положение и должен быть рекомендован вполне солидными лицами. В этом отношении Румыния, как центр для развития разведочной деятельности, представляет весьма удобную почву. Верхние слои чрезвычайно падки к роскоши, к легкой наживе, при отсутствии какой-либо щепетильности в способе получения денег. Удобная маска франкофильства прикрывает принятие платы за всевозможные услуги. Эти именно круги и должны были бы дать контингент вполне серьезных людей. До сих пор же в Румынии мне приходилось пользоваться услугами более или менее случайных лиц благодаря удачно сложившимся обстоятельствам. В банковские, депутатские и клубные круги доступ для меня является пока закрытым, и, если существующие организации почему-либо оборвутся, то я предвижу перерыв в моей разведочной работе.

На случай выступления Румынии на той или другой стороне я обратился к Морскому Генеральному Штабу с просьбой организовать в Голландии прием донесений из Турции и Болгарии, если будет возможно сохранить тогда что-либо из работающих для нас организаций.

Капитан 2 ранга Яковлев

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 58. Л. 50–52об. Подлинник.

Рапорт А. Л. Мендриноса А. А. Нищенкову⁴⁵№ 108
Одесса

22 июля 1917 г.

Подтверждая получение удостоверения от 15 июня с. г. за № 918, имею честь сообщить, что г-н Б. В. Жданов⁴⁶ в общих чертах ознакомил меня с содержанием Вашего письма на его имя относительно необходимости, в виду изменившихся обстоятельств, представления Вам мотивированного доклада деятельности организации «Дельта» для того, чтобы дать возможность объяснить предстоящий расход, предусмотренный письмом г-на начальника Разведывательной части от 22 марта 1916 г. за № 13223⁴⁷.

Исполняя означенное распоряжение, позволяю себе обратить Ваше внимание на то, что по интересующим Вас вопросам я представил своевременно целый ряд докладов, из числа коих я ссылаюсь на мои письма от 10 февр[аля] 1916 г. № 59, 23 марта 1916 г. № 4/69, 3 июня 1916 г. № 70, 2 сентября 1916 г. № 88⁴⁸.

Резюмируя изложенное в означенных письмах, имею честь сообщить, что лично «Дельта» состоит на службе еще с августа месяца 1914 г., т. е. до объявления войны Турцией, и работал в Константинополе. К сожалению, поздний приезд в Константинополь А. А. Нищенкова] в момент, когда немецкое влияние чувствовалось с каждым днем все сильнее и сильнее, не дал возможности мне до выезда из Константинополя оставить там правильно организованную агентуру для регулярного получения письменных и телеграфных сведений. Когда, по объявлении войны, сразу стала очевидной необходимость получения сведений из Константинополя, я был приглашен в Петроград и получил предписание срочно организовать разведывательную службу в Константинополе.

К сожалению, в то время, т. е. в ноябре 1914 г., разведывательная служба в Турции, как мне помнится, только начиналась и ни в Штабе, ни у меня не было определенной системы работы касательно способа сношений и передачи сведений. Ввиду этого приходилось буквально творить и изобретать разные системы, которые удалось усовершенствовать только лишь с течением времени и по приобретении опыта. Несмотря на отсутствие всякой инструкции относительно способа работы, все-таки удалось переслать в Константинополь полученные из

Морского Генерального штаба задания и начать работу хотя и примитивным способом, но тем не менее довольно практически. Сведения поступали аккуратно в Софию к бывшему морскому агенту В. В. Я[ковле]ву. Кроме того, удалось установить условное телеграфное сношение о движении турецкого флота, и в течение почти года штаб Черноморского флота имел почти всегда точные сведения о выходе в море «Гебена» и «Бреслау», причем несколько раз удалось предупредить штаб в тот же день радиотелегр[афом] из Одессы. До апреля месяца 1915 г. торговый флот Турции беспрепятственно плавал по Анатолийскому побережью и доставлял в Константинополь уголь и провизию из Малой Азии. В апреле 1915 г. я отправился в Константинополь и успел завязать правильные телеграфные сношения о движении торгового флота. Тогда я начал ежедневно срочно телеграфировать Одегенмору* и наперу** о числе выходящих в море торговых судов, о местах их стоянки днем и вообще давать все верные сведения, необходимые для активной службы нашего флота. На восьмой день после начала этой службы наконец была получена официальная телеграмма, что наш флот впервые потопил несколько пароходов турецкого флота. С этих именно пор и началось систематическое преследование турецкого торгового флота, которое впоследствии приняло более широкий размах, но первый импульс к этому, несомненно, был дан организацией «Дельта».

Заведующий в Одегенморе этой службой капитан 2-го ранга г-н А. А. Н[ищенков] считал, и, надеюсь, и теперь считает меня человеком, руководившимся прежде всего желанием принести пользу отечеству, а потому убедительно просил меня принимать все меры к тому, чтобы казенные деньги расходовались по возможности бережно, и чтобы служба эта обходилась казне насколько возможно дешевле. Беспрекословно следуя его указаниям, я прилагал все свои старания к тому, чтобы платить насколько возможно меньше и на первое время — смешно сказать — были служащие верные и преданные, получавшие 50–60 рублей в месяц. По мере, однако, развития службы, мои люди начали оценивать свои услуги и, сравнивая свое вознаграждение с тем вознаграждением, которое получали другие за подобные услуги лица не только от немцев, но и от других русских штабов, начали сильно роптать. К концу 1915 г. и в 1916 г. число сотрудников в Конс[тан-

* Особое делопроизводство Морского Генерального штаба.

** Флаг-капитан по Оперативной части штаба командующего Флотом Черного моря.

тино]поле было доведено до 4 человек: Ахмед, Мехмед, Роберт, Жорж, причем Мехмед, обученный и подготовленный мною, перешел на службу другого нашего штаба, уплатившего ему сразу двойное вознаграждение и обещавшего ему в будущем большие кредиты.

За это время были доставлены многие планы Босфорных* укреплений и масса других письменных и телеграфных сведений, копии коих у меня хранятся. По ликвидации службы я отправляю в штаб весь имеющийся у меня архив, и тогда можно будет оценить работу организации «Дельта» в ее целом. Кроме обыкновенной, почти ежедневной работы — получения и передачи сведений из Конс[тантино]поля, организация «Дельта» предприняла энергичные меры к поимке или уничтожению турецкого торгового флота, систематически доставлявшего контрабанду из Румынии и Германии через Констанцу в Конс[тантино]поль. Было сделано по этому поводу много предложений, но, к сожалению, таковые были отклонены Генеральным штабом. Наконец, решено предупреждать флот о выходе судов из Констанцы и этим дать ему возможность ловить или топить эти суда. Была организована правильная служба, и о выходе судов неоднократно в тот же день, а иногда и днем раньше, что было крайне затруднительным, мне удавалось предупреждать наопера радиотелеграммами из Одессы. В общем, и эта система не дала никаких практических результатов. Тогда организация «Дельта» приступила к иному способу и с согласия наопера начала переговоры с капитанами судов — греками и турками. В этом отношении организация «Дельта» успела привлечь 3 парохода, которые, помимо морального престижа, дали бы казне материальные выгоды — около 3 500 000 фр[анков] или 1 750 000 руб. Первый пароход «Барлета» вышел из Констанцы с полным грузом в Конс[тантино]поль. Капитан согласился идти указанным нами курсом, держать условные огни и при встрече с нашим флотом последовать за ним немедленно в Севастополь или в Одессу. О выходе парохода наопер был своевременно предупрежден, но, по неизвестным причинам, нашего флота не встретил пароход в указанном месте и пароход проследовал в Конс[тантино]поль. Стоимость парохода и груза составляла 1 000 000 рублей, а мы имели заплатить в случае поимки не свыше 100 000 рублей. Второй пароход «Эсперанца» также вышел по тому же направлению и курсу, и капитан ожидал встречи нашего флота. На этот раз контрминоносцы прибыли, но почему-то нашли нужным по-

* Так в документе.

топить пароход⁴⁹. После захвата капитана и экипажа парохода, администрация контрминоносцев спрашивала: где пароход «Эсперанца»? Капитан, конечно, ответил, что он и есть капитан парохода «Эсперанца». Таким образом, и второй пароход, стоимость которого составляла тогда 600 000 рублей, пропал не по вине организации «Дельта». Так как нашему флоту не удавалось поймать хотя бы один турецкий пароход и доставить его в Россию, лично «Дельта» днем и ночью обдумывал планы для подобного захвата. Наконец, удалось склонить капитана турецкого парохода «Иттихад» (принадлежащего к младотурецкому комитету «Единение и Прогресс» турка) пойти на встречу нашего флота и после долгих телеграфных сношений, наконец, на этот раз удалось впервые за все время войны поймать и доставить в Одессу довольно презентабельный и с полным грузом турецкий пароход⁵⁰. Приход парохода «Иттихад» в Одессу был событием и, помимо моральной стороны, материальная стоимость парохода с грузом составляла около 900 000 рублей. Насколько мне известно, ни одна другая организация не дала таких осязательных результатов, между тем как члены организации «Дельта» в смысле денежного вознаграждения занимали чуть не последнее место, и это отчасти по моей личной вине.

В марте месяце, однако, дела приняли такой оборот, что, при всем моем желании отстаивать интересы казны, пришлось уступить. Произошел обмен большой переписки между мной и г-ном А. А. Н[ищенковым], который, наконец, написал мне письмо от 22 марта 1916 г. за № 13223. В силу означенного письма я выдал моему главному агенту в Румынии обязательство уплатить ему тотчас же по окончании службы 30 000 фр[анков] французскими банкнотами с тем, чтобы он рассчитался со всеми служащими по окончании службы по его усмотрению, такие же обязательства я дал и одесскому персоналу, обещав им при этом, что это минимальное вознаграждение, на которое они могут рассчитывать, и что, помимо увеличенного материального вознаграждения, они получают и моральное таковое. Последнее, к сожалению, не могло последовать после произошедших событий, хотя я и представил доклад Одегенмору по этому делу.

За все время постоянно работали в Румынии от 4 до 6 человек, в Конс[тантино]поле от 1 до 3-х человек и, кроме того, нанимались и отправлялись в Конс[тантино]поль мной для доставления сведений. В Одессе, кроме Дельты, работали: секретарь, последний оклад которого составлял 500 руб. в месяц, 2 конторщика, получавшие незначительную сумму — 150 руб. в месяц, несмотря на весьма конфиденциальный

характер их службы. Секретарь закончил свою службу в Одессе и в настоящее время состоит независимым агентом Одегенмора в Швейцарии.

Обобщая вышеизложенное, считаю свои долгом пояснить, что со 2 ноября 1914 г. по 31 мая 1917 г., т. е. в течение 30 месяцев, велся полный и строгий отчет отпускаемым суммам и, как Вам известно из имеющихся у Вас выписок из кассовой книги, даже флакон чернил не обходился без оправдательного документа, в то время как другие организации, насколько мне известно, были совершенно освобождены от подобной отчетности, которая представляла опасность и для самой работы в случае поимки кем-нибудь расписок. Тем не менее, удалось дело довести до конца согласно желанию А. А. Н[ищенкова], причем с 2 ноября 1914 г. по 31 мая 1917 г. получено и израсходовано на организацию «Дельта» 157 736 рублей, все расписки на какую-либо сумму своевременно отправлены Одегенмору и помоперу*. В эту сумму не входили вознаграждения, уплаченные заинтересованным лицам по двум пароходам — «Эсперанца» и «Иттихад».

Оставляя в стороне всю огромную разведывательную работу организации «Дельта» за эти 30 месяцев и принимая во внимание, что в прошлый год напер соглашался уплачивать до 10 000 рублей за каждый потопленный после нашего предупреждения пароход, что составило бы на время апреля–мая месяцев 1915 г. несколько десятков тысяч рублей, я должен сказать, что организация «Дельта» не только не обошлась казне дорого, но она дала последней и прибыль. Даже в том случае, если не будем считать пропавшие для казны, не по вине организ[ации] «Дельта» 1 500 000 руб. стоимость двух пароходов «Барлета» и «Эсперанца», а примем во внимание захваченный пароход «Иттихад» с грузом, стоимость последнего около 900 000 руб. с избытком покрывает произведенные на организацию «Дельта» расходы, составляющие всего 157 736 рублей.

В виду вышеизложенного и принимая во внимание скудные условия, при которых работали члены организации «Дельта», я надеюсь, что Морской штаб Черноморского флота надлежаще оценит труды организации «Дельта» и признает возможным увеличить обещанную крайнюю сумму до размеров, какие он признает справедливыми, тем более, что обещанное мной моральное вознаграждение в настоящее время невыполнимо. В последней выписке кассовой книги за апрель

* Помощник флаг-капитана по Оперативной части штаба командующего Флотом Черного моря.

и май месяцы указан минимум предстоящего платежа, каковой я обещал произвести в течение июля или в начале августа месяца. К указанным суммам следует прибавить и годовой оклад бывшего секретаря, т. е. минимум 6 000 руб., не упоминаемых в означенной выписке.

Что же касается личного вознаграждения «Дельте», то А. А. Н[ищенков] указал минимум его вознаграждения в размере, превышающем годовой оклад, причем Штаб располагает всеми данными для назначения «Дельте» того вознаграждения, которого он заслуживает.

ДЕЛЬТА*

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 72. Л. 718–724. Заверенная копия.

Комментарии

¹ *Виноградов Виктор Андреевич* (1879–?) — капитан 2 ранга (1915). На службе в МГШ (1912–1917), заведующий Морской регистрационной службой (1916–1917). В отставке с 1917 г.

² *Дунин-Борковский Михаил Иосифович* (1878–?) — капитан 1 ранга (1916). В МГШ с 1906 г. Начальник Иностранной (1909–1912), Статистической (1912–1914) частей, Особого делопроизводства (1914–1917), Иностранного отдела (1918–1919) МГШ, Службы связи Народного комиссариата по морским делам (1919). Уволен в отставку (1919). Зачислен в резерв чинов флота для замещения командных должностей (1920).

³ *Колчак Александр Васильевич* (1874–1920) — адмирал (1918). Флаг-капитан по Оперативной части штаба командующего Морскими силами Балтийского моря (1913–1914), Флота Балтийского моря (1914–1915). Начальник Минной дивизии Флота Балтийского моря (1915–1916). Командующий Флотом Черного моря (1916–1917). В 1918–1920 гг. — один из вождей белого движения, провозгласил себя Верховным правителем России (1918). Расстрелян по приговору Иркутского ВРК.

⁴ *Гоццинген-Гюне Николай Николаевич* (1885–?) — старший лейтенант (1915). На службе в МГШ (1910–1916). Старший флаг-офицер при начальнике Разведывательной части штаба командующего Флотом Черного моря (1916–1917).

⁵ См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 69. Л. 7–7об. (письмо от 31 августа 1914 г.).

⁶ В начале I мировой войны немецкие силы на Балтике базировались на Киль, Данциг и Нейфарвассер.

⁷ Ревель служил в этот период главной оперативной базой Балтийского флота. Основной же базой являлся Гельсингфорс–Свеаборг.

⁸ 12 (25) октября 1914 г. английские подводные лодки «Е-1», «Е-9» и русская «Крокодил» вышли по направлению к Данцигской бухте, рассчитывая найти и атаковать там германские военные суда.

* «Дельта» — псевдоним А. Л. Мендриноса.

⁹ В своем письме от 12 октября 1914 г. (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 58. Л. 52–53об.) А. В. Колчак просил сообщать ему сведения о состоянии охраны побережья Германии.

¹⁰ Имеются в виду пароходы, вызволившие военную контрабанду (преимущественно железную руду) из Швеции в Германию.

¹¹ См.: РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 346. Л. 34об.

¹² Там же. Л. 66.

¹³ Речь идет о миннозаградительной операции в южной части Балтийского моря.

¹⁴ *Эссен Николай Оттович* (1860–1915) — адмирал (1913). Командующий Соединенным отрядом Балтийского моря (1908–1909), Действующим флотом Балтийского моря (1909–1911), Морскими силами Балтийского моря (1911–1914), Флотом Балтийского моря (1914–1915).

¹⁵ 12 (25) декабря 1914 г. русские эскадренные миноносцы «Исполнительный» и «Летучий» погибли в устье Финского залива по невыясненной причине. По словам свидетелей, около места гибели наблюдалась рубка подводной лодки, что не подтверждается немецкими источниками (РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 49. Л. 34об.; Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1. Л., 1926. С. 281).

¹⁶ См.: РГА ВМФ. Оп. 2. Д. 69. Л. 63–63об.

¹⁷ *Русин Александр Иванович* (1861–1956) — адмирал (1916). Начальник МГШ (1914–1917). Помощник морского министра (1915–1917), начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего (1916–1917). Впоследствии в эмиграции. С 1930 г. — председатель Всезарубежного объединения русских морских организаций.

¹⁸ *Окерлунд Рагнар Ансельмович* (1883–?) — старший лейтенант (1916). На службе в МГШ (1914–1918). В отставке с 1918 г.

¹⁹ *Шестаков Иван Ильич* (1883–?) — старший лейтенант (1916). На службе в МГШ (1916–1918). В отставке с 1918 г. Штатный преподаватель Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе (1925–1937). Уволен по болезни (1937).

²⁰ *Бескровный Борис Сергеевич* (1883–?) — капитан 2 ранга (1914). Помощник военно-морского агента в Швеции, Норвегии и Дании (1912–1916), военно-морской агент в Дании (1916–1917). За отказ вернуться в Россию лишен чина и уволен из флота 12 декабря 1917 г.

²¹ *Георгиезон Владимир Сергеевич* (1883–?) — инженер-механик капитан 2 ранга (1915). Наблюдающий по механической части за постройкой кораблей в Черном море (1912–1917). Выполнил поручения ОД МГШ.

²² *Сташевский Владимир Арсеньевич* (1879–?) — капитан 1 ранга (1916). Военно-морской агент в Швеции, Норвегии и Дании (1914–1916), в Швеции и Норвегии (1916–1918). В отставке с 1918 г.

²³ *Фон Веймарн Павел Петрович* (1882–?) — старший лейтенант (1916). Помощник военно-морского агента в Швеции и Норвегии (1916–1918), находился в Христиании. В отставке с 1918 г.

²⁴ *Шешнев Алексей Алексеевич* (1869–?) — поручик по Адмиралтейству (1916). Выполнил поручения ОД МГШ. Военно-морской агент в Нидерландах (1917–1918).

²⁵ *Романенко Василий Петрович* (1888–?) — мичман (1914). Заведующий Военно-метеорологическим отделением при штабе 12 армии (1916–1917). Руководил

разведывательной организацией, занимавшейся сбором сведений на оккупированной германскими войсками русской территории.

²⁶ Морская регистрационная служба — орган МГШ, ведавший контрразведкой.

²⁷ См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5332. Л. 6, 110–111.

²⁸ *Эбергарт Андрей Августович* (1856–1919) — адмирал (1913). Командующий Морскими силами Черного моря (1911–1914), Флотом Черного моря (1914–1916). В отставке с 1917 г.

²⁹ *Нищенков Алексей Аркадьевич* (1882–1934) — капитан 1 ранга (1917). На службе в МГШ (1908–1915). Начальник Разведывательного отделения штаба командующего Флотом Черного моря в составе Оперативной части (1915–1916), Разведывательной части штаба (1916–1917). Официально именовался помощником флаг-капитана по Оперативной части. Впоследствии в эмиграции.

³⁰ Результатом этого стало создание организации «Дельта» (см. док. № 11).

³¹ *Щеглов Александр Николаевич* (1875–1953) — капитан 1 ранга (1913). Автор проекта создания МГШ. На службе в МГШ (1906–1909). Военно-морской агент в Турции (1909–1914), в Румынии (1914–1917). Впоследствии в эмиграции.

³² *Макалинский Александр Александрович* (1867–?) — капитан 1 ранга (1913). Военно-морской агент в Греции (1914–1918). В отставке с 1918 г.

³³ См.: РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1 Д. 25. Л. 277–278об. В нем А. И. Русин, в частности, указывал на невыполнимость требования А. А. Эбергарда «давать знать о всех предполагаемых выходах турецких транспортов и крейсеров в море и безотлагательно сообщать о состоявшихся уже выходах».

³⁴ А. А. Эбергарт говорит о своем рапорте № 1043 от 29 декабря 1914 г. (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 25. Л. 194–199).

³⁵ См.: РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 779. Л. 27, 34.

³⁶ Там же. Д. 365. Л. 22–31об.

³⁷ *Кетлинский Казимир Филитович* (1875–1918) — контр-адмирал (1917). Исполняющий должность начальника Оперативного отделения штаба командующего Морскими силами Черного моря (1913–1915), одновременно преподаватель Николаевской морской академии. Флаг-капитан по Оперативной части Штаба командующего Флотом Черного моря (1915–1916). Командир крейсера «Аскольда» (1916–1917), после взрыва на крейсере 20 августа (2 сентября) 1916 г. утвердил смертный приговор 4 матросам. Главный начальник Мурманского укрепленного района и мурманского отряда судов (1917–1918). Убит в результате заговора бывших матросов «Аскольда».

³⁸ Этот агент принадлежал к организации «Дельта».

³⁹ *Четверухин Михаил Михайлович* (1884–?) — лейтенант (1911). Служил на Черноморском флоте. Командир парохода «Атос» (1914). Копию его письма см.: РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 25. Л. 288–289.

⁴⁰ Пароход «Атос» входил в состав отряда, посланного для заграждения входа в Зунгулдак — основной порт Угольного района Турции — и отстал от других судов в ночь с 10 на 11 (23–24) декабря 1914 г. После его обнаружения и обстрела крейсером «Бреслау» команда затопила пароход и была захвачена в плен, а затем пересажена на «Гебен», направлявшийся к Босфору.

⁴¹ *Яковлев Василий Васильевич* (1883 — после 1967) — капитан 2 ранга (1915). На службе в МГШ (1909–1915). Военно-морской агент в Болгарии (1915). Прикомандирован к русскому посольству в Румынии (1915–1917). Начальник Орга-

низационного (1917–1919) и Уставного (1919–1920) отделений МГШ. Впоследствии в эмиграции.

⁴² Возможно, речь идет о тех двух организациях в Константинополе, которые имелись в распоряжении МГШ накануне войны.

⁴³ Одно из наиболее крупных нападений болгарских вооруженных отрядов на территорию Сербии у Валандово, произошедшее 20 марта (2 апреля) 1915 г.

⁴⁴ 20 сентября (2 октября) 1915 г. Россия предъявила Болгарии ультиматум, требуя прекращения всех связей с державами германского блока под угрозой разрыва дипломатических отношений.

⁴⁵ Упоминание А. А. Нищенкова в третьем лице связано, по всей вероятности, с предполагавшейся его отставкой с поста начальника Разведывательной части, которая не состоялась.

⁴⁶ *Жданов Борис Владимирович* (1881–?) — инженер-механик капитан 2 ранга (1916). Флагманский инженер-механик командующего Транспортной флотилией Черного моря (1915–?).

⁴⁷ См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 72. Л. 669–672.

⁴⁸ Не обнаружены.

⁴⁹ Пароход «Эсперанца» («Эсперанс») был потоплен 4 (17) марта 1916 г. А. А. Нищенков излагал несколько иную версию события, согласно которой часть вины лежала на капитане парохода (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 72. Л. 671–672).

⁵⁰ Захват парохода «Иттихад» произошел в ночь с 27 на 28 июня (10–11 июля) 1916 г.

«Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности...»

**(Балтийские рыцарства и российское
правительство. Из истории
взаимоотношений. 1914–1917 гг.)**

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии Н. С. Андреевой*

С началом Первой мировой войны «прибалтийско-немецкий вопрос» превратился в одну из наиболее острых проблем внутренней политики российского правительства. Особенности административного устройства остзейских губерний, заключавшиеся в особой роли дворянства в решении основных вопросов местной жизни (в частности, оно руководило земским делом и участвовало в управлении лютеранской церковью), вызывали настороженно-пристальное внимание как со стороны правительственных кругов, так и определенной части общества.

Первые шаги по ограничению остзейских привилегий были приняты еще во времена Екатерины II: с изданием в 1785 г. Жалованной грамоты дворянству автономия прибалтийских дворянских учреждений ликвидировалась, однако Павел I в 1796 г. восстановил ее вновь. Преобразования 1880-х годов значительно сузили компетенцию рыцарств, изъяв из нее надзор за крестьянским волостным самоуправлением, школу, судебные дела. Их проведение вызывалось не только внутривластными, но и во многом внешнеполитическими соображениями: с образованием Германской империи остзейские немцы стали рассматриваться как форпост «германизма» в Прибалтике, в связи с чем правительство видело свою основную задачу в укреплении там «основ русской государственности».

Своего пика этот курс достиг в период Первой мировой войны: законом 2 февраля 1915 г. ликвидировалось право землевладения и землепользования австрийских и германских подданных, закон 13 де-

кабря аннулировал земельную собственность немецких колонистов. С марта 1915 г. Министерством внутренних дел разрабатывался проект реформы прибалтийских дворянских учреждений, унифицировавший их строй с организацией российского дворянства; в делопроизводство рыцарств и лютеранских консисторий был введен русский язык, воспрещалось употребление немецкого языка в общественных местах.

Несмотря на заявленную с думской трибуны представителями прибалтийских немцев поддержку внешнеполитической линии правительства, на них с первых же дней войны пало подозрение в нелояльности, симпатиях к врагу и шпионаже. Подобные настроения подогревались такими влиятельными газетами как «Новое время» и «Вечернее время», основными организаторами антинемецкой кампании в прессе, старательно создававшими образ русского немца как внутреннего врага. Появился целый ряд журналистов, специализировавшихся исключительно на «немецкой теме» и сделавших себе на ней имя — А. П. Тупин, А. Ренников (А. М. Селитренников), М. Чертван, Г. И. Симсон и др.

Это подготовило почву для роста доноительства, направленного в основном против прибалтийского дворянства и пасторов, принявшего катастрофические масштабы в районах, близких к театру боевых действий. П. Г. Курлов, исполнявший обязанности помощника главного начальника Двинского военного округа, лично производивший расследования по сообщавшимся фактам, отмечал в своих воспоминаниях, что из ста подобных дел лишь одно давало некоторые основания подозрению¹. Он был вынужден издать приказ, запрещающий местным властям рассматривать анонимные доносы, в котором говорилось: «такие заявления в большинстве случаев не только не подтверждаются, но расследованиями устанавливается, что таковые вызываются в большинстве случаев не патриотическим желанием содействовать военным властям, а побуждениями личными, мести или сведением личных счетов, что в военное время не только недопустимо, но особенно преступно»².

В августе 1914 г. чинами Отдельного корпуса жандармов производилось расследование, поводом к которому послужила целая серия статей, опубликованных рядом центральных газет, о якобы имевших место полетах и спусках летательных аппаратов в имениях прибалтийских баронов. Его результаты показали, что сведения подобного рода не имели под собой реальной почвы, как указывалось в рапорте начальнику отделения по охране общественной безопасности и порядка

в Петрограде, они: «базировались на народной молве, слухах, передаваемых из уст в уста... В каждом отдельном случае приходилось убеждаться, что таковые являлись плодом фантазии на почве массового психоза под влиянием переживаемых военных событий и следствием жажды мести туземного населения к немцам»³.

К такому же выводу пришел товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, предпринявший в сентябре 1914 г. поездку в Прибалтику для проверки сведений об изменнических действиях немецкой части ее населения. В его докладе отмечалось, что таковые являлись отчасти измышленными, отчасти возникшими на почве общей нервозности и подозрительности. Особо подчеркивалось, что наиболее верным России оставалось прибалтийское дворянство, связанное с ней не только долгом присяги, но и личными интересами⁴. В то же время местные военные власти данной точки зрения не разделяли.

С наступлением неприятеля обстановка в крае резко обострилась — начались высылки из района боевых действий этапным порядком в Сибирь или во внутренние губернии представителей дворянства и лютеранского духовенства, нередко без объяснения причин, на основании данных, полученных в ходе лишь предварительного расследования. Предъявляемые обвинения часто носили «фантастический» характер, что однако не смущало военную администрацию, не имевшую возможности вникать во все подробности каждого дела, к чему добавлялись также личные амбиции некоторых деятелей контрразведки, не гнушавшихся никакими средствами в карьерных целях. Показательно в этом отношении дело мичмана Рославца, уличенного в измышлении ложных фактов, чья перлострированная военной цензурой переписка с одним из сотрудников контрразведки штаба армии Северного фронта, по словам коменданта Ревельской морской крепости имени Петра Великого вице-адмирала А. М. Герасимова, продемонстрировала «сколько глупости, сплетен и лжи доносилось в штаб армии Северного фронта... и как низко пала дисциплина при принятой штабом фронта системе разведки»⁵. Вымышленные сведения сообщались Рославцем депутату Государственной думы С. П. Мансыреву — одному из активных участников борьбы с «немецким засильем», чьи выступления имели большой резонанс в обществе.

С протестом против произвола военных властей выступили губернские предводители дворянства. Они неоднократно обращались к министру внутренних дел и к председателю Совета Министров с всеподданнейшими записками, прося принять меры, которые облегчили

бы положение остзейцев. К их числу относится публикуемая записка графа В. Е. Рейтерна — барона Нолькена, представляющая собой ценный документ по истории прибалтийских немцев периода Первой мировой войны. Особый интерес, привлечший к ней внимание, представляет не только подробное хронологическое изложение событий, но и отражение настроений в среде остзейцев, в частности укоренение идеи репатриации, впервые высказанной в период революции 1905–1907 гг. и реализованной 24 года спустя.

¹ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 209.

² Цит. по: Мейендорф А. Ф. Разбор обвинений, заключающихся в книгах «Прибалтийский край и война» Ар. Тупина и «В стране чудес» А. Ренникова. Пг., 1915. С. 24.

³ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 109. Л. 12об.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 92. Л. 17об.–18.

⁵ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д. 60. Л. 17.

Его Высокопревосходительству
Господину Председателю Совета Министров
статс-секретарю И. Л. Горемыкину¹

Ваше Высокопревосходительство!

Обращаюсь к Вам, как к высшему представителю Правительственной власти, с просьбой о защите нас, жителей иностранного происхождения и дворян Курляндской губернии, или о предоставлении нам выхода из нетерпимого и недостойного положения, в котором мы находимся.

После того, как, по открытии военных действий, мы пользовались несколькими неделями спокойствия, когда наши администраторы даже отважились на издание обязательных постановлений, воспрещающих всякую национальную травлю², очень скоро в латышской прессе, а затем в органах братьев Сувориных «Новое время» и «Вечернее время»³ началась систематическая и беспощадная кампания против прибалтийских немцев и в особенности дворянства и это в такое время, когда ни одна строка не печаталась без разрешения цензуры, значит

с ведома и разрешения Правительства. Эта газетная кампания как нельзя более подготовила почву для расцвета весьма развитой между латышами склонности к сплетням и доносам, которые незамедлили посылаться в изобилии, найдя себе, несмотря на их большей частью, анонимное происхождение и явное бессмыслие, самое внимательное отношение со стороны местных властей.

Начались обыски в поместьях и домах дворян и членов немецкой интеллигенции, сначала отдельные, затем систематические, посредством особых Комиссий, причем ни возраст, ни репутация, ни общественное положение не спасали от самых позорных и вместе с тем бессмысленных подозрений. Все эти бесчисленные (более ста) обыски никакого результата не дали и дать не могли, но впечатление от них на население получилось сильное и совершенно определенное, т. к. подозрению подвергались исключительно лица из высших классов и немецкого происхождения, а о безрезультатности всех обысков тщательно умалчивалось.

Впечатление это усилилось еще тем, что вместе с сим, но независимо от обысков, начались выселения из края предводителей дворянства, помещиков, пасторов, дам из общества, без обозначения причин, без суда и следствия.

Картина о неблагонадежности, чтобы не сказать более, верхних слоев прибалтийского общества получилась ясная и для народа совершенно убедительная.

Напрасно испробовав все пути для выхода из этого удручающего и чреватого опасными последствиями положения, я наконец в декабре 1914 г. имел смелость письменно обратиться к Тому, Чье сердце открыто для всех своих верноподданных, какой бы национальности они не были, и умолять о помощи⁴.

С тех пор и до середины Апреля наступила сравнительная тишина. Латвийская пресса стала сдержаннее, даже органы братьев Сувориных как то притихли и лишь изредка вспоминали про прибалтийских баронов; обыски производились реже и Генерал-лейтенант Курлов⁵ признал даже возможным публиковать, что анонимным доносам, в общем, не будет дано хода и что ложные доносчики рискуют быть привлечены к ответственности, чем волна доносов несколько понизилась⁶. Высылки, правда, продолжались по-прежнему и доносчики не наказывались, но вообще сгущенная донельзя атмосфера несколько прояснилась и дышать стало опять возможным. Положение резко изменилось с несчастного момента появления неприятеля на территории Курляндской

губернии⁷ и изменилось так, что я, не преувеличивая, утверждаю, что Курляндское дворянство в течение своей многовековой истории быть может претерпело еще большие лишения, чем теперь, но никогда не было так обижено и унижено, как в настоящее время.

Неприятельские кавалерийские разъезды начиная с 16 апреля появились в Гробинском, Газенпотском, Гольдингенском, Митавском, Туккумском и части Тальсенского уездах⁸, они побывали почти во всех имениях, часто только на несколько часов и так внезапно, что помещики во многих случаях были застигнуты совершенно врасплох. Так как в это время железнодорожное, почтовое, телеграфное сообщения в большей части этих уездов прекратились, а полиция спасаясь от врага, не могла оповещать многих помещиков о приближении опасности, то они и не подозревали о близости неприятельских разъездов. Более или менее усиленные насильственные реквизиции лошадей, овса, корма, пищевых продуктов, повсеместное опустошение винных погребов, нередко грубое обращение с помещиком и его семьей, похищение разных предметов и взлом шкафов и хранилищ — вот спутники этих набегов. Но этим несчастье многих из помещиков не оканчивается, а лишь начинается, так как на них поступают явно ложные доносы, что они будто бы радушно приняли неприятельские войска и вошли с ними в преступные сношения. Их арестуют, сажают в тюрьму вместе с арестантами, в некоторых случаях ведут пешком, этапным порядком, пятьдесят и более верст, среди белого дня, ведут их с арестантами под конвоем по главным улицам Митавы, где они подвергаются в качестве якобы шпионов всем оскорблениям толпы. Такова участь барона Рекке-Паулсгнаде, барона Рекке-Берггоф, барона Нольде, братьев баронов Ропп, барона Ливен, барона Гейкинг, пастора Берневиц, банкира Вестерман, купца Галл и многих других⁹. Эти люди с высоким общественным положением, большей частью пожилые, нередко слабого здоровья, подвергаются всем лишениям и унижениям тюремного режима в обществе преступников, всем душевным пыткам публичных шествий под конвоем, а между тем они не преступники, про них производится лишь предварительное дознание, которое судя по уже оконченным делам, несомненно докажет их полную невиновность.

Между тем этим несчастным приходится выдерживать эту пытку целыми неделями, если не больше. В глазах народа они навсегда опозорены. Положение помещиков поистине безвыходное. Неприятель его грабит, а при вступлении наших войск на него доносят, что он будто добровольно снабдил врага припасами, его арестуют, заключают

в тюрьму, а в это время остатки его имущества расхищаются, как имущество изменника и шпиона. Местная пресса и конечно органы братьев Сувориных самым наглým образом раздувают огонь, называя имена тех помещиков, которые будто бы устраивали врагу встречи и пировали с ним. Все опровержения, привлечения редакторов этих газет к суду за клевету мало помогают, впечатление произведено и представление об измене Курляндского дворянства крепко засело в умах не только народа, но и находящихся здесь частей наших войск. Проявление ненависти и презрения неоднократно имело место, как со стороны офицеров, так особенно со стороны солдат и казаков, находящихся в постоянном соприкосновении с латышским населением; возгласы — «ты — немец — ты лютеранин — значит изменник» слышатся нередко, преимущественно от казаков. Главным средством спасения был бы приказ по войскам, напоминающий, что поданные Его Величества хотя бы, немецкого происхождения, находятся наравне с другими под защитою закона. Вместе с тем надо положить предел арестам и возмутительному обхождению с людьми ни в чем не провинившимися и наконец обуздать латышскую и часть русской прессы¹⁰. Наши сыновья сражаются, и сражаются не без славы в рядах нашей армии, зная притом, что отцов и родственников их водят под конвоем и сажают в тюрьмы, на основании каких-то ложных слухов и доносов, чтобы отпустить их после нескольких недель обесчещенными и физически и нравственно надломленными. Как согласовать такое возмутительное противоречие, как предупредить неминуемые последствия такого аномального положения? Если правительство считает, что Курляндское дворянство и впредь еще может быть полезным для государства, то следует громко заявить об этом, окончательно порвать с системой недоверия и заподозривания и решительно воздействовать на прессу в этом отношении, не допуская национальной и сословной травли. Это не может возбудить никаких сомнений, так как бесчисленные обыски и аресты, произведенные в крае, дали полную возможность убедиться, что в среде т. н. немецкого населения и особенно дворянства изменников и шпионов решительно нет, причем события последних месяцев ясно доказали, что этих преступников надо искать в совершенно других сферах, а не здесь. Немецкое население края и дворянство, после всех выстраданных унижений и нравственных и физических пыток имеет право требовать открытой и громкой реабилитации.

Конечно совершенно в другом виде представился бы вопрос, если бы Правительство, после того, как настоящая война определенно при-

няла характер борьбы Славянского мира против Германизма¹¹, признало вообще дальнейшее пребывание в губернии пограничной, как Курляндская, многочисленного поместного дворянства иностранного происхождения и протестантского вероисповедания, с государственной точки зрения нежелательным, или даже недопустимым. В таком случае нужно было бы решительно и прямо приступить к разрешению этого вопроса, т. е. главным образом к ликвидации этого землевладения, прекратив наконец все заподозривания помещиков. При этом, однако, мне кажется, что немецкая часть населения, и преимущественно дворянство, своим поведением в течение ста двадцати лет и своею службой царю и Отечеству заслужило право рассчитывать на спокойное и благожелательное проведение даже такой меры, для него во всяком случае невыразимо тяжелой и болезненной, определением продолжительного срока для окончания распродажи земель с помощью государственных кредитных учреждений.

Будет ли польза Государству от исчезновения этого глубоко преданного Престолу твердо-консервативного элемента и замены его новыми людьми, вероятно преимущественно латышской национальности, в этом позволительно сомневаться!

Курляндское дворянство преисполнено благодарности за более чем столетие, проведенное под сенью мощного двуглавого Орла. Оно исползовало это счастливое время для культурных трудов в пользу родины, а также, по мере сил своих, для возвеличения и славы великого Отечества, Российского Государства. Имена курляндцев: Ливен, Остен-Сакен, Пален, Ридигер, Оффенберг, Будберг, Корф, Брунов и многих других суть имена исторические Российские и свидетельствуют о государственной работе их носителей¹². Если, по изменившимся обстоятельствам, государство в их работе более не нуждается и считает даже их дальнейшее пребывание на землях их отцов и дедов недопустимым, дворяне как всегда будут беспрекословно готовы исполнить волю Государя и расстаться со своей родиной и со своим многовековым прошлым. Курляндское дворянство всеми фибрами души привязано к своей милой родине и не легко ему будет порвать семисотлетние корни, связывающие его с землею, переселиться в дальние неведомые края, потерять сословный облик свой и покончить со своим историческим существованием!¹³

Но и тогда во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности и лояльности своей, во имя прежних и настоящих заслуг многих из своих отцов, братьев и сынов, честно и беззаветно сражающихся в

рядах нашей армии, дворянство просило бы дать ему возможность покинуть свои родные места достойным образом, а не при подозрениях в шпионстве, измене и во всяких других позорных действиях, глубоко ему отвратительных.

Поместное дворянство сильно разорено войной, но безропотно терпит тяжелые времена и ни о чем не просит, возможная ликвидация земель, обесцененных войной, грозит громадными материальными жертвами, но и это дворянство сможет перенести: но оно не может молчаливо сносить положение, в котором оно ныне находится — бесправных парий и сомнительных и оскорбляемых граждан.

Петроград 19 мая 1915 г.

Граф Рейтерн-барон Нолькен,¹⁴

*Курляндский губернский предводитель
дворянства.*

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1442. Л. 1–5. (Машинопись. Подпись — автограф).

Комментарии

¹ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — русский государственный деятель. Министр внутренних дел (1895–1899), член Государственного совета (1899), Председатель Совета министров (апрель–июль 1906, вторично с января 1914 по январь 1916 г.).

² В связи с резким усилением антинемецких настроений, вызванным началом войны, для предупреждения возможных беспорядков, курляндский губернатор С. Д. Набоков опубликовал 23.07.1914 г. обращение к населению, в котором отмечалась преступность любых насильственных действий по отношению к его немецкой части и указывалось, что немцы, как граждане Российской империи, вправе рассчитывать на защиту закона. Благодаря этому эксцессы удалось предупредить. Насколько важным было принятие своевременных мер, продемонстрировали московские события 27–29 мая 1915, когда бездействие администрации, имевшей сведения о готовившемся немецком погроме, привела к человеческим жертвам.

³ *Братья Суворины*: Михаил Алексеевич и Борис Алексеевич (сыновья Алексея Сергеевича Суворина), издатели газет «Новое время» и «Вечернее время».

«Новое время» — политическая и литературная ежедневная газета консервативного направления, выходившая в Петербурге с 1868 по 1917 гг. «Вечернее время» — ежедневная вечерняя газета, издававшаяся в Петербурге с 1911 по 1916 гг.

⁴ На всеподданнейшей записке В. Е. Рейтерн-Нолькена Николаем II была наложена резолюция следующего содержания: «Много правды в этой записке. Следует принять меры к укрощению печати в ее нападках на прибалтийское

дворянство». Принятыми Министерством внутренних дел мерами и объяснялась некоторая сдержанность прессы, о которой идет речь далее.

⁵ *Курлов Павел Григорьевич* (1860–?) — русский государственный деятель, генерал. Окончил Военно-юридическую академию (1888), Курский вице-губернатор (1903), исправлял должность Минского губернатора (1905–1906), Член Совета министра внутренних дел (1906–1907), вице-директор департамента полиции (1907), товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов (1909–1911). После убийства П. А. Столыпина — в отставке. Помощник главного начальника Двинского военного округа по гражданской части (1914–1915), военный генерал-губернатор Прибалтийских губерний. Временно исполнял обязанности товарища министра внутренних дел (1916). С января 1917 г. в отставке. В эмиграции с августа 1918 г.

⁶ Имеется в виду приказ П. Г. Курлова 25.02.1915 г. № 27, воспрещавший чинам местной полиции производить расследования по анонимным заявлениям и доносам, за исключением случаев особой важности. Все сообщения подобного рода предписывалось представлять П. Г. Курлову на заключение о порядке расследования. За сообщение ложных сведений предусматривалось привлечение к уголовной ответственности.

⁷ Германские войска вступили на территорию Курляндской губернии в апреле 1915 г., 24 апреля они заняли Либаву.

⁸ Имеются в виду уезды Курляндской губернии. Гробинский уезд — уездный город Гробин, ныне Гробиня; Газенпотский уездный город Газенпот (Айздуте); Гольдингенский у. — г. Гольдинген (Кулдига); Митавский у. — г. Митава (Елгава); Туккумский у. — г. Туккум (Тукумс); Тальсенский у. — г. Тальсен (Талсы). Все вышеупомянутые местности находятся на территории Латвийской республики.

⁹ Из перечисленных лиц удалось установить личность пастора Берневца. *Берневц Александр Ханс* (1863–1935) — Курляндский генерал-суперинтендант и вице-президент курляндской консистории (1908–1918), Член правления «Немецкого общества» в Курляндии. С 1919 г. в Германии, брауншвейгский епископ (1923–1933).

¹⁰ Эти требования содержались в докладных записках, с которыми В. Е. Рейтерн-Нолькен обращался к министру внутренних дел Н. А. Маклакову 9 и 19 августа 1914 г. Совет министров, по обсуждению, высказался против их удовлетворения. В ответе министра внутренних дел В. Е. Рейтерну отмечалось, что охрана законных прав и интересов прибалтийских немцев со стороны высших и местных органов государственной власти продолжала осуществляться как и до объявления войны. При этом указывалось, что действия отдельных представителей курляндского дворянства, перешедших в германское подданство, [следует отметить, что лица, о которых идет речь, приняли германское подданство задолго до объявления войны. — *Н. А.*] и воевавших в рядах кайзеровских войск, не давали никаких оснований ходатайствовать перед правительством о принятии мер для ограждения чести и достоинства местной дворянской корпорации от нападков прессы или отдельных лиц.

¹¹ Имеется в виду один из основных тезисов панславизма, активно использовавшийся в военной пропаганде периода Первой мировой войны. Основу идеологии панславизма составляла концепция о культурно-исторических типах народов, к одному из которых, согласно ей, причислялись славяне, отличавшиеся от

романо-германцев. В свете этой теории «славянский» мир рассматривался как противостоящий агрессии «германского», стремившегося к его порабощению. Что отчасти являлось реакцией на приближение в то же время оформившуюся доктрину пангерманизма, сторонники которой выступали за объединение всех германских народов в единое государство.

¹² *Ливен Карл Андреевич* (1767–1844) — светлейший князь, русский государственный деятель. Участник русско-шведской войны (1788–1790), архангельский военный губернатор (1799), генерал от инфантерии (1827), попечитель Дерптского учебного округа (1817–1828), министр народного просвещения (1828–1833).

Ливен Христофор Андреевич (1744–1838) — светлейший князь, граф (1797), дипломат. Генерал-адъютант (1798), генерал от кавалерии. С 1809 г. посланник в Берлине, посол в Лондоне (1812–1834). Член Государственного совета (1834).

Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752–1837) — князь, генерал-фельдмаршал. Участник русско-турецкой (1787–1791), русско-австро-французской (1805) и русско-пруско-французской (1806–1807) войн, войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., генерал-губернатор Парижа. Главнокомандующий первой армией (1818–1835). Участвовал в русско-турецкой (1828–1829) и Крымской войнах (1853–1856). Член Государственного совета.

Пален Петр Алексеевич (1745–1826) — граф, русский государственный деятель, генерал от кавалерии. Участник русско-турецких войн, с 1792 г. правитель Рижского наместничества, с 1795 г. — генерал-губернатор Курляндской губернии; в 1797 г. подвергся опале. Петербургский военный губернатор (1798), Великий канцлер Мальтийского ордена. Член Коллегии иностранных дел. Один из организаторов заговора против Павла I. В отставке с 1801 г.

Пален Константин Иванович (1833–1912) — граф, русский государственный деятель, статс-секретарь, Товарищ министра юстиции, затем министр юстиции (1867–1878), член Государственного совета. В 1879 г. член комиссии по подготовке введения мировых судов в Прибалтийских губерниях. В 1883 г. — председатель комиссии по пересмотру действовавшего законодательства о евреях.

Ридигер Федор Васильевич (1784–1856) — граф, военачальник, генерал-адъютант. Участник войн, которые вели антинаполеоновские коалиции (1805–1807), русско-шведской войны (1808–1809), войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., русско-турецкой войны (1828–1829). Член Государственного совета (1850). В 1855 г. назначен главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами и председателем комиссии по улучшению военной части.

Оффенберг Иван Петрович (1792–1870) — барон, генерал от кавалерии. Участник войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., участвовал в подавлении Польского восстания (1830–1831). Член Военного Совета (1851), инспектор кавалерии (1862).

Будберг Андрей (Готгард) Яковлевич (1750–1812) — барон, министр иностранных дел. Карьеру начал со службы в армии, вышел в отставку в чине генерала. Посланник в Швеции (1796–1802). Член Государственного совета (1804), министр иностранных дел (1806–1807). С 1808 г. в отставке.

Будберг Андрей Федорович (1817–1881) — барон, дипломат. С 1841 г. на службе в Министерстве иностранных дел в департаменте внешних сношений. В 1848 г. ему было поручено исправлять должность поверенного в делах при Германском союзе, в 1851 г. был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при короле Прусском и великих герцогах Мекленбург-Шверинском и Мекленбург-Стрелицком. В 1868 г. уволен от этой должности за дуэль с оставлением в ведомстве иностранных дел.

Корф Иоганн Альбрехт (1697–1766) — барон, дипломат. Президент Академии наук (1734–1740), чрезвычайный посланник при датском дворе (1740–1746), чрезвычайный посланник в Стокгольме (1746–1747).

Корф Модест Андреевич (1800–1876) — граф, русский государственный деятель, историк. С 1826 г. работал под началом М. М. Сперанского во втором отделении Императорской канцелярии, участвовал в подготовке «Полного собрания законов» и «Свода законов». Государственный секретарь (1834). Председатель Цензурного комитета (1855–1856), директор Императорской публичной библиотеки (1849–1861), председатель департамента законов Государственного совета (1864–1872).

Бруннов Филипп Иванович (1797–1875) — граф, русский дипломат. Из курляндских дворян. С 1818 г. на дипломатической службе. Принимал участие в конгрессах «Священного союза», в переговорах с Турцией в Аккермане (1826) и Адрианополе (1829). Посланник России в Лондоне (1840–1854; 1858–1874), проводил политику англо-русского сближения. В 1856 г. второй делегат России на Парижском конгрессе. С 1874 г. в отставке.

¹³ Впервые идея эмиграции как крайнего средства решения «прибалтийско-немецкого вопроса» была высказана в работе Т. Шимана «На распутье», вышедшей в Риге в 1906 г. на немецком языке. В ней автор развивал мысль о возможности массового переселения прибалтийских немцев в Африку, Канаду или Познаньскую область. В 1939–1941 гг. репатриация была осуществлена. По данным П. Я. Крупникова, число прибалтийских немцев, выехавших из Латвии и Эстонии, составило 52 тыс. человек (Крупников П. Я. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец 19 в. — 1945 г.). Рига, 1989. С. 245).

¹⁴ *Граф Рейтерн-барон Нолькен Владимир Евстафьевич (Вольдемар Эрнст)* (1851–1917) — камергер (1895), член Государственного совета (1906–1912), егермейстер Императорского двора (1909), Курляндский губернский предводитель дворянства (1909–1917).

Арест и допрос патриарха Тихона в декабре 1919 г.

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии А. Н. Кашеварова*

Публикуемый ниже документ относится к одному из наиболее драматических периодов новейшей истории Русской Православной Церкви — разгару гражданской войны, в ходе которой Советская власть развернула широкую антицерковную кампанию. С 1919 г. в деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (далее — ВЧК) все более заметное место занимает «разложение Православной Церкви как наиболее могущественной и большой». По свидетельству заведующего Секретным отделом Т. П. Самсонова, вначале руководство ВЧК пыталось разложить Церковь «через лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии»¹. Так, в Пензе чекисты поддержали попытки епископа Владимира (Путяты) объединить вокруг себя откровенно раскольническое общество под названием «Народная церковь». Поскольку подобные акции заканчивались неудачей, с конца 1919 г. ВЧК стремилась всячески парализовать работу Высшего церковного управления — патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета. 23 декабря 1919 г. патриарх Тихон после допроса в ВЧК был подвергнут домашнему аресту. Это был уже второй арест патриарха после прихода большевиков к власти.

Первый раз патриарх — после произведения обыска в его покоях — был подвергнут аресту 24 ноября 1918 г. Тогда одним из главных поводов к аресту явилось письмо первосвятителя к Совету Народных Комиссаров в связи с первой годовщиной Октябрьской революции, в котором власть усмотрела призыв к ее немедленному свержению с помощью оружия. Патриарх был освобожден из-под стражи лишь 6 января 1919 г., накануне праздника Рождества Христова².

На третий день после вторичного ареста патриарха состоялось заседание Высшего церковного управления (далее — ВЦУ), на котором член Высшего Церковного Совета протопресвитер Н. А. Любимов

Патриарх Тихон

сделал подробное сообщение о длившемся около двух часов допросе патриарха в Секретном отделе ВЧК заместителем Ф. Э. Дзержинского М. И. Лацисом. Следует особо подчеркнуть, что характер заданных патриарху вопросов не оставляет сомнения в том, что М. И. Лацис искал политический компромат на членов Синода. Например, он спросил, почему члены Синода якобы издали указ, запрещающий духовенству оглашать в храмах послание Тихона от 8 октября 1919 г. о невмешательстве священнослужителей в политическую борьбу³. Сопоставление этого вопроса с тем фактом, что в ночь с 24 на 25 декабря были арестованы члены ВЦУ митрополиты Новгородский Арсений (Стадницкий) и Тифлисский Кирилл (Смирнов), возглавлявшие соответственно школьно-просветительский и финансово-хозяйственный отделы Высшего Церковного Совета⁴, позволяет сделать следующий вывод — в декабре 1919 г. ВЧК впервые попыталась парализовать деятельность органов Высшего церковного управления. Одновременно с митрополитами Арсением и Кириллом чекисты арестовали управляющего Московской епархией архиепископа Крутицкого Иоасафа (Калистова). Извещение об этой акции было прочитано в храмах столицы 28 декабря⁵.

29 декабря ВЦУ назначило, впредь до освобождения арестованных иерархов, членами Высшего Церковного Совета и одновременно председателями указанных выше отделов ВЦС митрополита Сергия (Страгородского) и архиепископа Нафанаила (Троицкого). Выслушав сообщение Н. А. Любимова об аресте и допросе патриарха, Высшее церковное управление постановило «изложенный доклад принять к сведению»⁶. Тогда же ВЦУ решило «осведомить о происшедших арестах всех православных христиан Церкви Московской» и призвало их «соединить свои молитвы за лишенных свободы иерархов»⁷.

Таким образом, несмотря на всю серьезность создавшегося положения, высшая церковная власть проявила сдержанность и внешнее спокойствие, не дав себя спровоцировать.

После ареста патриарха, который оставался жить на Троицком подворье, ВЦУ продолжало проводить заседания Синода и Высшего Церковного Совета, как и прежде, с регулярностью 3–4 раза в месяц, однако Тихон уже не мог на них присутствовать. Одно из условий содержания его под домашним арестом состояло в том, что в патриарших покоях нельзя было устраивать заседаний без особого на каждый раз предварительного разрешения Секретного отдела ВЧК⁸. Однако патриарх мог принимать у себя посетителей, которые должны

были записывать на особом листе не только имя и фамилию, но и дело, за решением которого они обратились к Святейшему. На следующий же день эти списки необходимо было представить в ВЧК М. И. Лацису. В таких условиях накануне каждого заседания ВЦУ к патриарху являлся один из членов Синода или ВЦС с «рапортом дел, подлежащих рассмотрению высшей церковной власти» и получал благословение на проведение «соединенного присутствия». Таким образом, несмотря на препоны и провокации со стороны ВЧК, Высшее церковное управление продолжало в целом нормально функционировать.

Публикуемый впервые доклад протопресвитера Н. А. Любимова характеризует не только внешнюю обстановку, в которой осуществляла свою работу высшая церковная власть, но и позицию ВЦУ в лице патриарха Тихона по важнейшему для жизнедеятельности Церкви вопросу — отношению к Советской власти. Почти все вопросы, заданные М. И. Лацисом патриарху, касаются этой темы. Примечательно, что первоиерарх отвечал прямо и конкретно и лишь на один вопрос о том, каковы его политические убеждения, Тихон сказал: «прошу таких вопросов мне не предлагать, и от ответа на них я уклоняюсь». Ответы патриарха свидетельствуют о его стремлении сохранить политический нейтралитет Церкви в гражданской войне. Следует отметить, что патриаршие послания от 18 марта 1918 г. с призывом к прекращению междоусобной брани и от 8 октября 1919 г. о невмешательстве священнослужителей в политическую борьбу, а также отказ Тихона, по свидетельству современников — А. В. Карташева, князя Г. И. Трубецкого и др., благословить белое движение и его вождей — отражают позицию аполитичности и гражданской лояльности высшей церковной власти по отношению к советскому государству⁹.

Однако в некоторых работах последнего времени такая позиция Тихона поставлена под сомнение. Так, авторы «История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней», одобренной к напечатанию Учебным комитетом при Священном Синоде РПЦ, пишут: «Однако, существуют свидетельства, что патриарх не во всех случаях держался внешнего нейтралитета. Так, по некоторым сообщениям, он прислал в конце 1918 г. через епископа Нестора (Камчатского) графу Келлеру шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда он должен был возглавить Северную Армию. В Омске на богослужении 1 сентября 1919 г. тот же епископ Нестор передал народу призыв патриарха: “Скажи народу, что если они не

объединятся и не возьмут Москву опять с оружием, то мы погибнем и Святая Русь вместе с нами»¹⁰. Приводимые ниже ответы патриарха на допросе в ВЧК доказывают бессосновательность подобного рода ссылок на епископа Нестора, а также сомнений в аполитичности Тихона в тот период.

¹ Цыпин В., протоиерей. Русская Церковь (1917–1925). М., 1996. С. 155.

² Вострышев М. Патриарх Тихон. М., 1995. С. 127–129.

³ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 130об.

⁴ Там же. Л. 126.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 131об., 132.

⁷ Там же. Л. 126.

⁸ Там же. Л. 131.

⁹ См.: Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943 / Сост. Губонин М. Е. М., 1994. С. 107–109, 163–165; Валентинов А. Черная книга (Штурм небес). Сборник документальных данных о борьбе советской власти против религии. Париж, 1925. С. 160–161; Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 289; Карташев А. В. Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Кн. 5. М., 1995. С. 26.

¹⁰ История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997. С. 143–144.

Постановление Высшего церковного управления 13/26 декабря 1919 г.¹

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона² Священный Синод и Высший Церковный Совет Православной Российской Церкви в соединенном их присутствии слушали доклад члена Высшего Церковного Совета протопресвитера Н. Любимова³ следующего содержания.

Во вторник 10/23 декабря в 4 часа пополудни Его Святейшество Патриарх Московский и всея России Тихон был вызван особой, доставленной ему накануне, повесткой во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (Лубянка, 11) в Секретный отдел для снятия допроса. Когда Святейший Патриарх подъехал к входу, он был здесь встречен очень

приветливо тов. Сорокиным⁴, который подошел под благословение, побежал тотчас же выхлопывать пропуск и через несколько минут вернулся с таковым и повел Святейшего Патриарха в комнату № 46, в которой, по-видимому, работает канцелярия Чрезвычайной Комиссии. Здесь просили его сесть и подождать, при чем тот же, встретивший его при входе товарищ, приветствовал его здесь словами: «Добро пожаловать».

Минут через десять приблизительно Патриарх был приглашен в следующую небольшую комнату, где за письменным столом сидел какой-то субъект, оказавшийся впоследствии тов. Лацисом⁵. Он предложил Патриарху сесть напротив себя за столом, сбоку поместился секретарь Москанин для записи всех вопросов и ответов, а немного сзади Патриарха сидел какой-то коммунист, приехавший с Казанского фронта (фамилия неизвестна). Начался допрос.

— Прежде всего хорошо и давно ли Вы знаете епископа Камчатского Нестора⁶. Можете ли Вы думать, что он не способен лгать?

— Я, отвечал Святейший, знаю епископа Нестора довольно давно: еще в 1910 г., когда я был членом Синода, приезжал в Петроград Нестор, будучи еще иеромонахом, хлопотал по делам Камчатской миссии, видел я его и после, когда я был уже в Вильне, а Нестор уже в сане архимандрита приезжал с перевязкой Красного Креста на руке и обслуживал Западный фронт. Затем я увидел его уже епископом на Соборе⁷ и узнал его, как и многих других по его выступлению на Соборе, но особенно близок ко мне он не был. Позвольте же спросить, чем вызван Ваш допрос?

— Епископ Нестор, явившись к Колчаку⁸, заявил ему, что он привез ему благословение на его дело от Святейшего Всероссийского Патриарха.

— Решительно заявляю, что никакого благословения Колчаку с епископом Нестором я не посылал, да и послать не мог, т. к. епископ Нестор скрылся с нашего Московского горизонта в начале сентября 1918 г. до окончания Собора, и я, по крайней мере, с тех пор его и не видал, а Колчак появился на политическом горизонте позднее, и, следовательно, я никак не мог поручить епископу Нестору благословить дело Колчака, которое тогда еще совсем не имело места. Это — явная неправда, и я ее решительно отвергаю.

— Почему же Вы, говорит допрашивающий, не опровергли этого в газетах, в которых Вы, конечно, читали о заявлении, сделанном Колчаку епископом Нестором?

— По очень простой причине: никогда такого опровержения моего в газете не напечатали бы, а если бы и напечатали, то опять, как это и бывало прежде, с новыми нападками на меня и вообще на высшую церковную власть. Да, наконец, я и не считал это заявление каким-либо официальным, требующим какого-либо официального же опровержения. Было же, например, в тех же официальных «Известиях» напечатано сообщение явно неверное об аресте Патриарха в тюрьме, но ему никто не придавал особенного значения как мнению искажающему очевидную истину.

— Но Вы, говорит допрашивающий, могли опровергнуть это, если не через газеты, то особым посланием.

— Делать это, отвечал Патриарх, не считал нужным после того, как мною выпущено последнее послание, в коем духовенству предлагается не вступать в политическую борьбу.

Далее последовал вопрос: «Сколько Вы выпустили посланий?»

Ответ Святейшего: «Посланий к народу мною выпущено четыре: первое 19 января 1918 г. перед изданием декрета об отделении Церкви от государства, второе — по поводу Брестского мира, третье — по поводу еврейских погромов и четвертое — по поводу аполитичности поведения духовенства».

— А последнее к первой годовщине Октябрьской революции Вы забыли? Оно-то ведь и распространяется в громадном количестве экземпляров на Колчаковском и Деникинском фронте, и всячески тормозит дело укрепления власти на местах, завоеванных Красной Армией. Таким образом, ставит Вас во главе контрреволюционной агитации⁹.

— Это вовсе не послание к народу, а это письмо, обращенное мною прямо в Совет Народных Комиссаров, совсем не предназначавшееся для обнародования. И если оно получило гласность и распространено, как Вы говорите, в громадном количестве экземпляров, то я тут уже вовсе не при чем, никаких шагов к этому я не предпринимал и как это получилось мне совершенно неизвестно.

— Но скажите: Вы изменили теперь свое отношение к Советской власти или по-прежнему держитесь тех же взглядов на нее, какие и высказаны в этом обращении ко дню первой годовщины?

Патриарх отвечал, что он и теперь держится прежних взглядов на власть и может изменить свое отношение к ней только в том случае, если и она изменит свое отношение к Церкви и Христовой вере. Но это не значит, что он не считается совсем с велениями этой власти и

ее не признает. Наоборот, — он, как и вообще все Высшее управление, отменяет иногда раннейшие свои же постановления под влиянием тех или других декретов и распоряжений Советского Правительства. Так, например, постановление о звоне в набат, после запрещения ононого Советской властью, отменено было указом Высшего управления, распоряжение относительно заведения метрических записей подтверждено было и циркулярами духовного начальства и т. д. и т. п.

— Но ведь вы понимаете, говорит допрашивающий Патриарху, что Ваши послания контрреволюционны и что за них расплачиваются арестом и иногда даже расстреливаются те или иные представители духовенства. Значит Вам нужно или изменить свои прежние взгляды или понести ответственность за послания.

— Я понимаю это, говорит Патриарх, вину за послания прошу переложить на меня с духовенства, которое, получая мои послания, естественно, заботилось об их оповещении народу.

— Признаете ли Вы вообще Советскую власть?

— Да, признаю и никому никогда не говорил, чтобы ей не подчиняться в делах мирских, и только в делах веры и благочестия должно повиноваться не мирской власти, а только воле Божией. И думаю, что в этом моем убеждении и взгляде нет никакой контрреволюции. Да и вообще я бы просил разъяснить мне, что означает это слово: «контрреволюция»...

Ответ: «Стремление к свержению Советской власти есть контрреволюция».

— Этим мы не занимаемся.

— Ваше последнее послание, говорит допрашивающий, как будто бы действительно не контрреволюционно¹⁰, но у нас есть подписанное Вами циркулярное распоряжение, чтобы это послание не читалось в храмах во всеуслышание.

— Это неправда, я такого распоряжения не делал и никакого указа об этом не подписывал¹¹.

— Но может быть это сделал Синод?

— Я не знаю.

В заключение допрашивающий прямо предложил вопрос: «Вы беспартийны?»

— Да.

— А какие Ваши политические убеждения, кто Вы, конечно, чай, монархист?

— Прошу таких вопросов мне не предлагать и от ответа на них я уклоняюсь. Я, конечно, прежде был монархистом, как и все мы,

жившие в монархической стране, и каких я лично теперь держусь политических убеждений, это для Вас совершенно безразлично: это я проявлю тогда, когда буду подавать голос за тот или другой образ правления при всеобщем народном голосовании. Вам гораздо важнее и желательнее знать, как к решению данного политического вопроса отнесется, когда к тому приспееет время, Всероссийский Патриарх. Так вот я Вам и заявляю, что Патриарх никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или другой форм правления на Руси и ни в каком случае не будет насиловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования.

Весь допрос и вся вообще беседа длилась около 2-х часов. Протокол допроса был записан присутствовавшим здесь же секретарем. Пришлось, по словам Святейшего, сделать кое-какие замечания в этой записи, после чего протокол допроса был им собственноручно подписан.

По окончании сего тов. Лацис объявил Святейшему, что он подвергается домашнему аресту.

— Прошу точно определить, говорит Патриарх, условия этого домашнего ареста: могу ли я, например, принимать к себе посетителей.

— Можете, но под условием, чтобы каждый из посетителей записывался на особом листе и сообщал не только имя и фамилию, но и дело, за решением которого он явился к Патриарху. На другой же день эти списки должны быть представлены в Чрезвычайную Комиссию. Гулять по саду можете, служить в своей домово́й церкви можете, но заседаний устраивать нельзя, без особого на каждый раз предварительного нашего разрешения.

На этом и окончилось объяснение. На прощание тов. Лацис предупредительно спросил, есть ли у Патриарха извозчик и сказал: «Не хочу Вам говорить “до свидания”, так как думаю, что это свидание Вам особого удовольствия доставить не может».

После сего Святейший Патриарх в 7-м часу вечера возвратился на Троицкое подворье¹².

Постановлено: Изложенный доклад протопресвитера Н. А. Любимова принять к сведению.

Подписали: Митрополит Сергей¹³, Архиепископ Нафанаил¹⁴, Архиепископ Никандр¹⁵, Протопресвитер Н. Любимов, протоиерей А. Станиславский¹⁶, И. Громогласов¹⁷, А. Куляшев¹⁸.

Управляющий канцелярией П. Гурьянов.

Делопроизводитель Н. Нумеров.

Комментарии

¹ Согласно положению, принятому Поместным Собором 1917–1918 гг., «управление церковными делами принадлежит Всероссийскому Патриарху совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом». Решено было, что Св. Синод состоит из председателя (патриарха) и 12 членов: Киевского митрополита (постоянно), шести архиереев, избираемых Собором на три года, и пяти архипастырей, вызываемых по очереди на один год по одному с мест. В состав Высшего Церковного Совета, по определению Собора, входили патриарх (председатель) и 15 членов: три иерарха по избранию Св. Синода, один монах — по избранию Собора, пять клириков из белого духовенства и шесть мирян. В равном количестве с членами Синода и Высшего Церковного Совета избирались из заместители.

В ведение Священного Синода были отнесены дела, касающиеся вероучения, богослужения, церковного управления и дисциплины, общий надзор над духовным просвещением. Высший Церковный Совет должен был заниматься по преимуществу внешней стороной церковно-административных, школьно-просветительных и церковных дел, ревизией и контролем. Особо важные дела: по защите прав и привилегий Церкви, по открытию новых епархий, утверждению сметы расходов и доходов церковных учреждений и т. п. — подлежали рассмотрению соединенного присутствия Св. Синода и Высшего Церковного Совета. В документах Высшего церковного управления в рассматриваемый период указывались две даты: первая по старому, вторая по новому стилю.

² *Тихон* (в миру — Беллавин Василий Иванович; 19.01.1865–7.04.1925) — патриарх Московский и всея России в 1917–1925 гг. Окончил духовную семинарию, а затем Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, в 1891 г. принял монашество. В 1897 г. хиротонисан во епископа Люблинского. 1898–1900 гг. — епископ Алеутский и Аляскинский, 1900–1907 гг. — епископ Алеутский и Северо-американский, 1905 г. — архиепископ. 1907–1913 гг. — архиепископ Ярославский и Ростовский, 1913–1917 гг. — архиепископ Виленский и Литовский. 23 июня Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал архиепископа Тихона на Московскую кафедру. 14 августа 1917 г. — митрополит. 5 ноября 1917 г. Первым Поместным Собором Православной Российской Церкви избран и наречен Патриархом Московским и всея России. В 1917–1918 г. председатель Собора, а с февраля 1918 по май 1922 гг. — председатель избранных Собором органов Высшего церковного управления. Скончался в Москве в частной лечебнице Бакуниных. 9 октября 1989 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых.

³ *Любимов Николай Александрович* — протопресвитер Успенского собора Московского Кремля. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. был избран членом Высшего Церковного Совета. С 20 сентября 1918 г. возглавлял Делегацию Высшего церковного управления по переговорам с советским руководством. Очевидно, что Н. А. Любимов, курировавший в органах высшей церковной власти вопросы взаимоотношений с государством, составил свой доклад со слов самого патриарха, так как сведений о присутствии протопресвитера на допросе в документах ВЦУ нет. В пользу такого предположения говорит и форма изложения им доклада, например: «пришлось, по словам Святейшего...» и т. п.

Н. А. Любимов оставил после себя важный исторический документ — «Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.)»,

который недавно опубликован Крутицким патриаршим подворьем (см.: Российская Церковь в годы революции (1917–1918). Сборник. М., 1995. С. 15–120).

⁴ *Сорокин* — сотрудник бюро пропусков ВЧК.

⁵ *Лацис Мартын Иванович* (Судрабс Ян Фридрихович; 1888–1938) — советский партийный и государственный деятель. По профессии народный учитель. В 1905 г. — член боевой дружины социал-демократов Латышского края. В 1917 г. — член Петроградского Военно-революционного комитета. После Октябрьской революции 1917 г. — сотрудник Народного комиссариата внутренних дел, с мая 1918 г. — член коллегии ВЧК. В июле–ноябре 1918 г. — председатель ЧК и военно-полевого трибунала 5-й армии Восточного фронта. В 1919–1921 гг. — председатель Всеукраинской ЧК. С 1921 г. на ответственных советских и партийных постах. В 1937 г. необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

⁶ *Нестор* (в миру — Анисимов Николай Александрович; 1884–1962) — иерарх Православной Российской Церкви, получивший известность еще в предреволюционные годы как миссионер на Камчатке. 1916 г. — хиротонисан во епископа Камчатского и Петропавловского. Владыка Нестор был членом Повсеместного Собора 1917–1918 гг., по благословению которого в конце 1917 г. подготовил к печати брошюру «Расстрел Московского Кремля (27 октября — 3 ноября 1917 г.)», за издание которой был заключен Советской властью сначала в Таганскую тюрьму, в затем под домашний арест в Новоспасский монастырь. 25 (12) марта 1918 г. он был выпущен из-под стражи и еще до окончания Собора выехал в свою епархию. События гражданской войны надолго задержали его в Сибири, где он оказался на территории, занятой войсками адмирала А. В. Колчака. В 1921 г. он вывез святые мощи великой княгини Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары с Урала на Святую землю. До октября 1944 г. находился в юрисдикции Карловацкого Синода, а затем воссоединился с Московской Патриархией. В 1948 г. был арестован и 8 лет провел в лагере в Мордовии. По возвращении на свободу был назначен на Новосибирскую кафедру. Умер в сане митрополита временно управляющим Кировоградской епархией.

⁷ Имеется в виду Всероссийский Поместный Собор, открывшийся в Москве 15 августа 1917 г. Заседания третьей сессии Собора были прерваны конфискацией помещений, в которых они проходили. Последнее заседание Собора состоялось 20 сентября 1918 г.

⁸ *Колчак Александр Васильевич* (1874–1920 гг.) — вице-адмирал императорского флота, в 1917 г. командовал Черноморским флотом. В ноябре 1918 г. — феврале 1920 г. — Верховный Правитель России и Верховный Главнокомандующий. Расстрелян по приговору Иркутского Военно-революционного комитета 7 февраля 1920 г.

⁹ Речь идет о письме патриарха Тихона в Совнарком в связи с первой годовщиной прихода большевиков к власти. В этом письме патриарх выступил с непосредственной критикой действий советского правительства как такового. Тихон упрекал новую власть в пролитии рек крови «братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву», а также в жестоких нарушениях различных свобод, включая и свободу в делах веры. Однако при всей грозности этого письма патриарх в нем явно отверг участие Православной Церкви в какой-либо борьбе против Советской власти и предложил последней лояльность и примирение, призвав проявить элементарнейшие признаки гуманности в политике.

¹⁰ Речь идет о патриаршем послании от 8 октября 1919 г., в котором окончательно и определенно была высказана позиция аполитичности и гражданской лояльности Православной Церкви по отношению к Советской власти. Патриарх призвал духовенство не подавать «никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти» и подчиняться «ее велениям». Письмо решительно запрещало духовенству встречать белых колокольным звоном и молебнами, «вмешиваться в политическую жизнь страны, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций». Такую позицию патриарх аргументировал «каноническими правилами Святой Церкви», согласно которым ее служители «по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов».

¹¹ Согласно архивным документам ВЦУ, патриарх и Синод не только не препятствовали распространению патриаршего послания от 8 октября 1919 г., но и на совместном с Высшим Церковным Советом заседании 24 октября того же года постановили разослать это послание «циркулярным указом всем епархиальным Пресвященным». Тогда же соответствующие указы были посланы в 6 епархий, а 7 февраля 1920 г. еще в 15 епархий, включая и занятую в тот период белыми войсками Таврическую епархию (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 31–31об.).

¹² Троицкое подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры в Москве на Самотеке — резиденция патриарха Тихона в ноябре 1917 г. — мае 1922 г.

¹³ *Сергий* (в миру — Страгородский Иван Николаевич; 11.01.1867–15.05.1944) — патриарх Московский и всея Руси в 1943–1944 гг. Окончил Нижегородскую духовную семинарию, а затем Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1891 г. принял монашество, член Японской духовной миссии. 1899 г. — ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, 1901 г. — ректор Санкт-Петербургской духовной академии, доктор богословия, хиротонисан во епископа Ямбургского. 1905–1917 гг. — архиепископ Финляндский и Выборгский. В декабре 1917 г. утверждён в должности Владимирского и Шуйского епархиального архиерея (по избранию), возведен в сан митрополита. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. был избран членом Священного Синода. С 16.06.1922 г. в обновленческом расколе, но 27.08.1923 г. принят по покаянию патриархом Тихоном в лоно Православной Церкви. 1924–1934 гг. — митрополит Нижегородский и Арзамасский. С 10.12.1925 г. — заместитель патриаршего местоблестителя; с 30.11.1926 г. в заключении. С 27.03.1927 г. вновь вступил в права заместителя патриаршего местоблестителя. С 27.04.1934 г. — Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский; с 11.09.1943 г. — патриарх Московский и всея Руси. Умер в Москве.

¹⁴ *Нафанаил* (в миру — Троицкий Николай Захарьевич; 1864–1933) — иерарх Православной Российской Церкви. Окончил Казанскую духовную академию. В 1896 г. принял монашество. 1904 г. — хиротонисан во епископа. 31.10.1908 г. — епископ Уфимский. С 17.04.1912 г. епископ Архангельский и Холмогорский; с 1918 г. в сане архиепископа. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. был избран в число заместителей членов Синода. С 1921 г. — архиепископ Харьковский и Ахтырский; с 1924 г. в сане митрополита; с 1924 г. в заключении. В 1927 г. — управляющий Воронежской епархией, затем на покое.

¹⁵ *Никандр* (в миру — Феноменов Николай Григорьевич; 2.05.1872–3.03.1933 гг.) — иерарх Православной Российской Церкви. Окончил Орловскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. В 1897 г. принял монашество. 1905 г. — епископ Кинешемский, викарий Костромской епархии. 1908 г. —

епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. 1914 г. — епископ Вятский. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. был избран в число заместителей членов Синода. С 5.09.1918 г. епископ Глазовский. В 1921–1922 г. архиепископ Крутицкий, ближайший сотрудник патриарха Тихона. С 15.04.1922 г. в заключении; с ноября 1925 г. митрополит Одесский; с 1927 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский.

¹⁶ *Станиславский Алексей Михайлович* (1865–1953) — протонерей, участник двух Поместных Соборов Русской Православной Церкви — 1917–1918 гг. и 1945 г. Собор 1917–1918 гг. избрал его членом Высшего Церковного Совета. В 1919–1920 гг. организовывал материальную и юридическую помощь находившимся в заключении священнослужителям, а также их семьям. С 1945 г. настоятель московского храма Покрова Богородицы на Лышиковой горе, член Пенсионной комиссии и консультант при Хозяйственном управлении Московской Патриархии.

¹⁷ *Громогласов Илья Михайлович* — профессор Московской духовной академии, избранный Поместным Собором 1917–1918 гг. в состав Высшего Церковного Совета. С 20 сентября 1918 г. — член Делегации ВЦУ по переговорам с советским руководством в 1918–1920 гг.

¹⁸ *Куляшев Александр Григорьевич* — мирянин, избранный на Поместном Соборе 1917–1918 гг. в состав Высшего Церковного Совета, в котором отвечал за хозяйственные и издательские дела ВЦУ.

Балтика, ноябрь 1939-го: Материалы боевого планирования Краснознаменного Балтийского Флота

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии П. В. Петрова*

Боевое планирование всегда являлось одним из наиболее важных этапов в процессе подготовки армии или флота к войне. Как правило, оно неизбежно накладывает отпечаток на начальный период боевых действий, а то и на весь ход войны в целом. Те достоинства или недостатки, которые изначально были заложены в оперативный план еще в мирное время, затем обязательно сказываются уже во время военных действий. Именно поэтому вопрос разработки плана боевых действий накануне войны считается своего рода вопросом качества подготовки к ней.

В последние годы появилось немало различных публикаций, посвященных советско-финляндской войне 1939/40 гг.¹ В них идет речь в основном о подготовке Красной Армии к войне с Финляндией, ее оперативном «плане» и, главным образом, боевых действиях наших войск. Но при этом из поля зрения наших историков совершенно выпадает такая важная составная часть советской военной группировки, принимавшей участие в войне с Финляндией, как Краснознаменный Балтийский Флот (КБФ). Нашей историографией еще очень плохо изучена не только боевая деятельность Балтийского флота зимой 1939/40 гг., но и сам процесс его подготовки к военным действиям, и в первую очередь — разработка оперативной документации на ведение боевых операций. Следует отметить полное отсутствие публикаций документов по данному вопросу. Положение осложняется еще и тем, что непосредственные участники этой войны из лиц высшего командного состава ВМФ СССР в своих воспоминаниях² обходят полным молчанием вопрос о подготовке плана боевых действий Балтийского

флота. Разобраться в столь сложной ситуации помогут публикуемые ниже документы, хранящиеся в Российском Государственном Архиве Военно-Морского Флота.

3 ноября 1939 г. Народный Комиссар ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов направил Военному Совету КБФ директиву № 10254сс/ов (Док. № 1), где поставил перед Балтийским флотом четыре основные боевые задачи. Так как потом эти задачи без изменений переключались в «Общий план боевых действий КБФ» от 5 ноября 1939 г. и во все последующие приказы, то ответственность за постановку этих задач флоту, естественно, несет Нарком ВМФ. В то же время вполне резонно поставить следующий вопрос: а в какой мере авторство подготовки этого документа принадлежит самому Кузнецову? Ведь нельзя же всерьез полагать, что Народный Комиссар ВМФ, без соответствующих санкций высшего политического и армейского руководства СССР, вот так просто взял и определил круг боевых операций КБФ. Учитывая заодно то обстоятельство, что Н. Г. Кузнецов был в высшей степени образованным и грамотным командиром, представляется странным, что он поставил перед Балтийским флотом столько нереальных задач. К тому же в своей последней книге воспоминаний Кузнецов прямо указывает, что его «поразили методы подготовки и “планирование” наступления на финском фронте в зиму 1939/40 года»³. Здесь он имеет в виду, конечно же, наше высшее политическое и военное руководство. Кстати, именно 3 ноября Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов вместе с Командующим Северным Флотом В. П. Дроздом был на докладе у И. В. Сталина в Кремле, где присутствовал также и Народный Комиссар Обороны СССР К. Е. Ворошилов⁴. Не исключено, что именно здесь Кузнецов и получил от руководителей партии и армии приказание начать подготовку флота к войне с Финляндией. Пожалуй, только этим можно объяснить появление в тот же день вышеуказанной директивы.

То, что армейское руководство приложило руку к составлению директивы НК ВМФ от 3 ноября 1939 г., представляется несомненным фактом. Это можно доказать на следующем примере. 27 февраля 1939 г. Нарком Обороны СССР маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и Начальник Генерального Штаба РККА командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников направили тогдашнему Наркому ВМФ СССР командарму 1-го ранга М. П. Фриновскому директиву № 15201, согласно которой военно-морские флоты и флотилии на военное время должны были поступать в подчинение, в оперативном отношении, военным округам⁵. Этой же директивой ставились конкретные задачи

флотам и флотилиям на случай боевых действий. Основными противниками Балтийского флота были определены германский и польский военно-морские флоты. Впрочем, был предусмотрен и другой вариант. В случае выступления Финляндии против Советского Союза, Балтийский флот должен был: а) уничтожить ее боевой флот; б) захватить и укрепить острова Гогланд, Б. и М. Тютерс, Лавенсаари и Сескар; в) установкой минных полей затруднить базирование германского флота в Аландском архипелаге; г) постановкой минных полей у Гельсингфорса [Хельсинки. — П. П.] и Ганге [Ханко. — П. П.] и действиями подводных лодок закрыть порты Финляндии и не допустить подвоза войск и боевого снаряжения⁶. Как мы видим, эти задачи почти полностью соответствуют задачам из директивы Наркома ВМФ № 10254сс/ов. Таким образом, боевые задачи, поставленные перед флотом Наркомом Обороны, практически без изменений вошли в директиву Наркома ВМФ.

Сразу же после получения этой директивы Военный Совет КБФ развернул бурную деятельность по подготовке плана боевых действий. 3 ноября Командующий КБФ флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц и Член ВС дивизионный комиссар С. Д. Морозов утвердили «Перечень предварительных распоряжений» и послали Командующему ВВС КБФ комбригу В. В. Ермаченкову директиву № 1оп/59бсс, в которой потребовали от него немедленно приступить к разработке плана операции и ее подготовке⁷. 4 ноября Начальник Штаба КБФ капитан 1-го ранга Ю. А. Пантелеев вместе с военкомом Штаба полковым комиссаром Л. И. Сидоровым утвердили «План работы по директиве Народного Комиссара ВМФ № 10254сс/ов». Также, Пантелеев приказал Начальнику Оперативного Отдела капитану 2-го ранга Г. Е. Пилиповскому установить «последовательность решения» Балтийским флотом задач и распределить работу между конкретными исполнителями⁸. Основной документ — «Последовательность боевых действий» следовало представить к 12 часам 5 ноября 1939 г.

4 ноября Командующий КБФ составил два важных документа. Первый из них касался Военно-Воздушных Сил КБФ, представляя собой перечень их первых боевых действий, и состоял из 3-х разделов — «Самостоятельные воздушные операции ВВС для флота», «Разведывательные операции ВВС для флота» и «Обеспечивающие воздушные операции»⁹. Этот черновик Трибуц направил Начштаба Пантелееву с препроводительной запиской, где рекомендовал ознакомить с его проектом Начальника Оперативного Отдела Штаба и минималь-

ное число его помощников и «дать свои мнения (пока в карандаше)», а также отпечатать как основной документ для действий ВВС, учитывая при этом, что «эти операции на первые дни военных действий». Второй проект Командующего Флотом носил название «Дозор надводных кораблей» и также был послан к Начальнику Штаба. После этого Трибуц отправил к Пантелееву еще одну записку, в которой потребовал, чтобы тот, помимо уже данных указаний по операциям ВВС и дозору, засадил сотрудников из 1-го и 2-го отделов Штаба и Командира Охраны Водного Района КБФ за разработку плана тральных операций¹⁰. При этом Комфлотом поставил условием, что «все это [план операций ВВС и дозора. — П. П.] должно быть занесено в план», а кроме того, «определены средства для выполнения каждой из поставленных задач»¹¹. После того как все необходимые указания исполнителям были розданы, Штаб флота приступил к работе.

5 ноября Начштаба Пантелеев и Начальник 1-го отдела Филиповский представили Трибуцу на утверждение очень важный документ, являвшийся приложением к боевому плану, — «Последовательность боевых действий КБФ»¹². Командующий Флотом внимательно рассмотрел и значительно откорректировал его, более тесно увязав задачи Балтийского флота с задачами 7-й Армии, и обеспечив, тем самым, их наилучшее взаимодействие. После правки Командующего Флотом документ был перепечатан и в окончательном виде (Док. № 2) был представлен в этот же день Народному Комиссару ВМФ. Кроме того, Командующий КБФ В. Ф. Трибуц совместно с Членом ВС дивизионным комиссаром М. Г. Яковенко утвердили еще целый ряд приложений к плану б/д — «Схему организации Командования», «Схему действий Отряда Легких Сил», «Схему усиленного дозора», «График развертывания ПЛ ПЛ [подводных лодок. — П. П.] КБФ», «Схему решения по действиям ООН [Отряд Особого назначения. — П. П.] на 30.11.39 г.» и др.¹³

Но венцом творчества Военного Совета Балтфлота, несомненно, явился «Общий план боевых действий КБФ» (Док. № 3) от 5 ноября 1939 г. Этот план, конечно же, не был идеальным. Несмотря на хорошо сделанную оценку обстановки и абсолютно правильные выводы, общая идея плана оказалась неверной. Это и неудивительно, ибо он вообрал в себя все те недостатки, которые имелись в директиве Наркома ВМФ. Прежде всего, бросается в глаза многообразие боевых задач флота. Тем самым усилия флота (и особенно ВВС) уже на начальном этапе расплылись по нескольким оперативным направлениям. Другим очень

крупным недостатком «Общего плана» была непродуманность, а точнее, нереальность ряда боевых операций. И наконец, большим минусом для плана была совершенно неправильная оценка намерений военноморского командования противника. Через весь «Общий план» (и последующие приказы тоже) красной нитью проходит идея о том, что в первый же день войны финский флот непременно бросится в Швецию. Вот здесь-то, на переходе, его и нужно было уничтожить совместными действиями легких сил, подводных лодок и ВВС КБФ. Но никому при этом в голову не приходило, что события могут принять иной оборот.

Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов 5 ноября рассмотрел представленный ему «Общий план б/д КБФ» и, по словам Начальника Главного Морского Штаба флагмана флота 2-го ранга Л. М. Галлера (Док. № 4), в основном одобрил его, но потребовал отработать решение ряда задач. К сожалению, Кузнецов не устранил присущих плану недочетов, а наоборот, в чем-то даже усилил их. Например, Нарком потребовал уничтожить финские броненосцы БО «при любых условиях погоды (!) и времени суток в первые же дни войны (!)», не подумав при этом о выполнимости подобного мероприятия. Также совершенно непонятно, для чего вдруг понадобилось уничтожать катера «шпоцкора» «на всем протяжении шхер Финского залива». Вряд ли был особый смысл в том, чтобы бомбардировочная авиация, и без того обремененная задачами, гонялась за какими-то катерами.

Получив указания Наркома ВМФ, Начальник Штаба Флота Пантелеев 6 ноября потребовал от Начальника Оперативного Отдела Пиллиповского разработать варианты плана решения операций и подготовить их для доклада к вечеру 10 ноября¹⁴. А 10 ноября 1939 г. состоялось совещание Военного Совета КБФ, на котором также присутствовал Заместитель Наркома ВМФ флагман 2-го ранга И. С. Исаков, прибывший на Балтику для того, чтобы проконтролировать подготовку флота к войне. Исаков вместе с Трибуцем, Яковенко и другими членами ВС рассмотрел новый вариант плана боевых действий и, по его словам, «основного ничего не менял», но дал много практических указаний, так как «были упущения по связи, управлению, взаимодействию». По мнению Замнаркома ВМФ, Трибуц «реагирует правильно, обещал доложить исполнение»¹⁵.

Буквально за неделю до начала боевых действий произошло окончательное уточнение боевых задач Краснознаменного Балтийского флота. 21 ноября Командующий Ленинградским военным округом командарм

2-го ранга К. А. Мерещков направил Военному Совету КБФ директиву № 4716 (Док. № 5). Она не противоречила директиве Наркома ВМФ и «Общему плану б/д КБФ», но несколько расширяла рамки поставленных флоту задач. К уже имевшимся пяти основным боевым задачам КБФ теперь прибавились еще две: 1) недопущение подхода иностранных судов и высадки иностранных войск на Аландских островах; 2) захват Ганге и использование его как передовой базы для нашего флота. Первая из этих операций вызывает определенные сомнения относительно реальности ее исполнения. Интересно, как вообще наше командование представляло себе «недопущение» подхода (!) и высадки войск на острова, расположенные в 300 милях от нашей Главной Базы — Кронштадта, или в 135–216 милях от баз Палдиски и Лиепая? Что касается второй операции, то она представляется еще более странной. Вряд ли была особая необходимость проводить изолированный захват полуострова, находившегося в нескольких сотнях километров к западу от линии фронта. К тому же Командование КБФ не планировало каких-либо операций, проведению которых могла бы помешать артиллерийская батарея полуострова Ханко. Как показали дальнейшие события, Балтийскому флоту было поставлено больше задач, чем он мог реально выполнить.

На основании указанной директивы и в соответствии с «Общим планом б/д», Командующий КБФ В. Ф. Трибуц 23 ноября издал приказ № 5/оп (Док. № 6), который, к сожалению, не устранил тех недостатков, которые имелись в директиве ВС ЛВО. Более того, выполнение ряда задач (уничтожение финского флота, прерывание морских коммуникаций противника в Финском заливе и Балтийском море) было возложено сразу на несколько разнородных соединений — Эскадру, 1-ю и 2-ю Бригады подводных лодок, Военно-Воздушные Силы, которым надлежало действовать в одних и тех же районах. Но при этом никто не позаботился дать указаний об организации взаимодействия между ними. Как справедливо заметил М. Монаков, если бы в штабах были типовые, заранее выработанные в ходе учений планы операций и систематических боевых действий, этот приказ был бы тогда действенным¹⁶.

Приказ № 5/оп окончательно закрепил боевые задачи за всеми основными соединениями КБФ, подведя тем самым черту в процессе предвоенного планирования. Однако 29 ноября Командующий Флотом Трибуц получил от Военного Совета ЛВО приказ № 2/оп (Док. № 7), согласно которому директива № 4716 вводилась в действие с утра 30 ноября 1939 г. На первый взгляд, может показаться, что этот приказ

идентичен директиве ВС ЛВО, но это далеко не так. Во-первых, перечень задач флота несколько сокращен: две задачи из директивы № 4716 в данном приказе опущены. Во-вторых, кардинально изменена формулировка задачи в первом пункте: вместо уничтожения финского флота здесь идет речь о его «захвате» (!). В-третьих, появилось дополнительное требование о закрытии фарватеров на Турку. Все это вместе взятое, вероятно, и вынудило Трибуца потребовать от Начальника Штаба Пантелеева, чтобы тот сверил еще раз «задачи, поставленные в этой директиве, с задачами, поставленными в нашем приказе» [приказ № 5/оп от 23.11.39 г. — П. П.]¹⁷. Остается только удивляться, как Военный Совет КБФ умудрился не запутаться в столь противоречивых директивах армейского командования.

Самым крупным недостатком всей вышеописанной документации, по мнению Командующего Флотом В. Ф. Трибуца, было отсутствие глубины, перспективности оперативного планирования¹⁸. По сути дела, были разработаны лишь самые первые операции флота, после чего началась настоящая импровизация. А это, в свою очередь, привело «к потере темпов, перспектив на выполнение дальнейших задач... к некоторому распылению сил удара, который первое время наносился по многочисленным объектам»¹⁹. Но все же основной причиной неуспехов Балтийского флота в войне с Финляндией была заведомая невыполнимость тех операций, которые были заложены в план боевых действий. Тот же Трибуц, выступая как-то в конце войны перед командирами и комиссарами КБФ, вынужден был признать, что «наша документация оказалась по ряду важнейших боевых операций нереальной»²⁰.

Еще одним обстоятельством, очень сильно повлиявшим на составление планов боевых операций, было плохое знание системы морской обороны противника и театра военных действий. До войны Разведотдел КБФ очень мало занимался Финляндией и поэтому все сведения о ее военно-морских силах носили приблизительный характер, сводясь лишь к оценке количественного и качественного состава финского ВМФ. Командование Балтийского флота практически ничего не знало о характере морских укреплений противника на островах в восточной части Финского залива, как и о местах расположения финских береговых батарей в Биёркском архипелаге²¹. Потребовался целый месяц, чтобы Балтийский флот, действовавший практически вслепую, смог более или менее точно определить местонахождение финской береговой батареи Сааренпя на о-ве Биёрке. Это еще раз подчеркивает низкий уровень нашей подготовки к войне с Финляндией.

Публикуемые ниже документы хранятся в Российском Государственном Архиве Военно-Морского Флота, в фонде Р-92 (Штаб Краснознаменного Балтийского флота, Оперативный Отдел). Все документы публикуются впервые, без каких-либо купюр и сокращений. Имеющиеся в них резолюции и поправки вышестоящих командиров особо оговорены в комментариях. В заключение следует заметить, что эти материалы представляют немалый интерес для военных историков, позволяя судить об оперативном мышлении высших командиров флота в предвоенные годы.

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Зимняя война // Аврора. 1990. № 1–2; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй Мировой войне. Л., 1989; Вашенко П. Ф. Если бы Финляндия и СССР... // Военно-исторический журнал. 1990. № 1; Дудорова О. А. Неизвестные страницы «зимней войны» // Военно-исторический журнал. 1991. № 9; Дудорова О. А., Аптекарь П. А. Преданные и забытые // Родина. 1995. № 12; Носков А. М. Северный узел // Военно-исторический журнал. 1990. № 7; Семиряга М. И. Незнаменитая война // Огонек. 1989. № 24; Он же. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992; и др.

² Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991; Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. М., 1974; Трибуц В. Ф. Подводники Балтики атакуют. Л., 1963.

³ Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 48.

⁴ Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 243.

⁵ Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 498. Л. 23; Д. 497. Л. 14–15.

⁸ Там же. Д. 498. Л. 19; Д. 497. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 614. Л. 7–9.

¹⁰ Там же. Л. 6, 12–14, 15.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² Там же. Л. 1–2.

¹³ Там же. Д. 498. Л. 28–29, 31–33, 37–41.

¹⁴ Там же. Д. 497. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

¹⁶ Монаков М. «Факел» над Балтикой // Морской сборник. 1990. № 3. С. 25.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 637. Л. 341.

¹⁹ Там же. Л. 341.

²⁰ Там же. Д. 497. Л. 24.

²¹ Там же. Д. 637. Л. 224–227, 256, 287–291.

№ 1

Директива Наркома ВМФ СССР Н. Г. Кузнецова¹

3 ноября 1939 г.

№ 10254сс/ов

Военному Совету Краснознаменного Балтийского Флота

Приказываю:

1. Краснознаменному Балтийскому Флоту в составе всех сил² быть в полной боевой готовности к выполнению следующих задач.
2. Задача флота: прикрывшись от шведского флота —
  - а) Найти и уничтожить броненосцы береговой обороны Финляндии³, не допустив их ухода в Швецию.
  - б) Действиями подлодок и авиации у берегов Финляндии прекратить подвоз морем: войск, боеприпасов и сырья.
  - в) С началом военных действий захватить, вооружить и удержать острова: Гогланд, Большой Тютерс, Лавенсаари, Сескар, Пенисаари.
  - г) Быть готовым к высадке оперативного десанта, по требованию Командующего ЛВО⁴, во фланг финской армии на Карельском перешейке (Хумалиоки) и огневой поддержке войск ЛВО при захвате укрепленного рубежа Хумалиоки — Вуокси — о. Коневец.
  - д) Быть готовым, по требованию Командующего ЛВО, к высадке тактического десанта и огневой поддержке с Ладожского озера войск ЛВО при захвате левого фланга финского укрепленного рубежа.
3. В случае выступления или помощи Швеции, действиями авиации, подлодок и легких сил, воспретить шведскому флоту⁵ оказывать помощь Финляндии.
4. Всю подготовку и занятие исходного положения провести скрытно, соблюдая все меры маскировки.
5. Подготовить бесперебойное управление и связь с командованием сухопутными войсками (соседом).
Обратить особое внимание на связь авиационных соединений и кораблей поддержки с высаженным десантом и сухопутным командованием, действующим в этом районе, используя систему

посылки делегатов, обеспечив связь корпуса с береговыми батареями СУР и ЮУР.

6. О времени перехода к боевым действиям будет дано особое приказание, до получения которого должны быть тщательно отработаны все исполнительные документы и розданы частям в особых пакетах, вскрытие которых по установленному Вами сигналу. Средства по операциям должны быть проверены и приведены в полную готовность к использованию их. Участникам операции, до командиров кораблей и частей включительно, поставить конкретные задачи по готовности разработки.
7. Окончание разработки операций и подготовки средств доложить 5 ноября 1939 г.

Народный Комиссар Военно-Морского Флота
Союза ССР
Флагман Флота 2-го ранга
(Кузнецов)

РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 4-5. Подлинник.

№ 2

5 ноября 1939 г.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ первых боевых действий КБФ против Финляндии⁶

1. Непрерывный барраж ИА для обороны ГБ.
2. Воздушная разведка для обнаружения ББО. Наблюдение за Шведским флотом в средней части Балтийского моря. Постоянная воздушная разведка Фин. залива и сев. части Балт. моря.
3. Поиск и уничтожение ББО, бомбардировочные действия по морским базам Котка, Гельсинки, Ганге, Виппури.
4. Установление дозора из надводных кораблей на западном Гогландском плесе, средней части Финского залива и островном районе.
5. Развертывание подводных лодок для прикрытия операций и действий на коммуникациях.
6. Бомбардировочные действия ВВС по островам: Сескар, Лавенсари, Гогланд.
7. Поиск подводных лодок в восточной части Финского залива.

8. Обстрел артиллерий СУР'а левого фланга противника (по указанию 19 СК).
9. Обстрел 31 арт. дивизионом, 11, 12 ж. д. батареями ж. дор. узлов Финляндии.
10. Десантная операция по захвату островов.
11. Перевозка материальной части на острова и вооружение островов.
12. Тральные операции по особому плану.
13. Перегруппировка ДЕС средств, подготовка к Д. О. на Биэркэ.

КОМАНДУЮЩИЙ КБФ
 флагман 2-го ранга
*(ТРЕБУЦ)*⁷

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА КБФ
 дивизионный комиссар
*(МОРОЗОВ)*⁸

НАЧАЛЬНИК ШТАБА КБФ
 капитан 1 ранга
*(ПАНТЕЛЕЕВ)*⁹

РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 498. Л. 1-2. Заверенная копия.

№ 3

5 ноября 1939 г.

ОБЩИЙ ПЛАН БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ КБФ¹⁰

1. **ОБСТАНОВКА НА ТЕАТРЕ.** — **ФИНЛЯНДИЯ** усиленно укрепляет пограничную зону, подвозит войска на **КАРЕЛЬСКОМ** перешейке¹¹, в терводах выставлено минное заграждение¹². ББО ББО держатся в районе АБО — **ОЛАНДСКОГО** архипелага. Общественное мнение разжигается прессой для оказания сопротивления СССР, намекая на возможную помощь со стороны **АНГЛИИ** и **ШВЕЦИИ**.
2. **ЗАДАЧИ КБФ.** — Прикрывшись от **ШВЕДСКОГО** флота:
  - 1) Найти и уничтожить броненосцы береговой обороны **ФИНЛЯНДИИ**, не допустив их ухода в **ШВЕЦИЮ**.
  - 2) Действиями подлодок и авиации у берегов **ФИНЛЯНДИИ** прекратить подвоз морем войск, боеприпасов и сырья.
  - 3) С началом военных действий захватить, вооружить и удерживать острова: **ГОГЛАНД**, **Б. ТЮТЕРС**, **ЛАВЕНСААРИ**, **СЕСКАР** и **ПЕНИСААРИ**.
  - 4) Быть готовым к высадке оперативного десанта, по требованию Командующего ЛВО, во фланг армии на **КАРЕЛЬСКОМ** пере-

шейке (ХУМАЛИОКИ) и огневой поддержке войск ЛВО при захвате укрепленного рубежа ХУМАЛИОКИ — ВУОКСА — о. КОНЕВЕЦ.

- 5) Быть готовым, по требованию Командующего ЛВО, к высадке тактического десанта и огневой поддержке с ЛАДОЖСКОГО озера войск ЛВО при захвате левого фланга ФИНСКОГО укрепленного рубежа.

3. БОЕВОЙ СОСТАВ КБФ на 5.11.39:

Эскадра КБФ:

Линкоров — 2;

Крейсеров — 1;

Лидеров — 1;

Новых миноносцев — 5;

Старых миноносцев — 5.

Подводные лодки:

типа «С» 15 ДПЛ¹³ — 3.

«Л» 12¹⁴ — 2.

«П» 11¹⁵ — 3. 36¹⁶

«М» 24, 23¹⁷ — 13.

«Щ» 17, 21, 22, 14¹⁸ — 15.

Торпедных катеров — 59.

Сторожевых кораблей — 6.

Тральщиков новых — 8.

Тральщиков старых

и мобилизованных — 18.

Учебных кораблей — 4.

Надводный заградитель — 1.

Гидрографических судов — 9.

Сторожевых катеров — 34.

Самолетов ВВС:

«ДБ-3» — 44. 8АБ¹⁹

«СБ» — 29.

«МБР-2» — 111. 12, 44, 43, 58, 13 АЭ²⁰.

Истребителей — 233. 61 АБ²¹.

4. ОЦЕНКА ОБСТАНОВКИ:

- 1) Помощь ФИНЛЯНДИИ со стороны АНГЛИИ может осуществиться через СКАНДИНАВСКИЕ страны, путем завоза продовольственно-сырьевых запасов, военного вооружения и снаряжения, и переброски на БАЛТИЙСКИЙ театр военно-морских сил.

- а) Авиации на территорию ФИНЛЯНДИИ и ШВЕЦИИ;
- б) подлодок через проливы БАЛТИЙСКОГО моря;
- в) появление надводных сил АНГЛИЙСКОГО флота маловероятно из-за идущей войны с ГЕРМАНИЕЙ.

ФИНЛЯНДИЯ, имея одну железнодорожную ветку со ШВЕЦИЕЙ, перевозку большинства грузов из СКАНДИНАВСКИХ стран, вероятно, будет производить водным путем через БОТНИЧЕСКИЙ залив и БАЛТИЙСКОЕ море.

- 2) Наличие шхер ШВЕЦИИ и ФИНЛЯНДИИ дает возможность противнику создавать минно-артиллерийские позиции на наших операционных направлениях, что создает большие трудности в их форсировании.

Противник, имея в составе флота надводные и подводные заградители и пользуясь фланговым положением к нашим путям сообщения, может постановками мин заграждения на коммуникациях и у баз затруднить действия нашего флота на всем пути его развертывания.

- 3) Устаревшие типы кораблей ФИНЛЯНДИИ и ШВЕЦИИ не представляют угрозы для нашего флота в открытом море, т. к. наши корабли имеют значительное преимущество в скорости хода и вооружении.

- 4) Не имея береговой и зенитной обороны баз БАЛТИЙСКОГО моря (ЛИБАВА и ВИНДАВА)²², — создается угроза блокирования наших легких сил на эти базы, так как флот ШВЕЦИИ имеет возможность подойти в темное время к базам, не будучи замеченным (переход из ФАРЭ-ЗУНД и КАРЛСКРОНА — 5–10 час.) и нанести повреждения нашим кораблям в базах.

- 5) Особенности базирования нашего флота на порты ЭСТОНИИ и ЛАТВИИ не дают полной гарантии использования ЭСТОНСКИХ и ЛАТВИЙСКИХ вод для скрытого базирования ПЛ и диверсионных действий по нашим кораблям.

- 6) Исходя из наличия десантных средств, операцию по высадке оперативного десанта возможно производить лишь после развертывания десантных средств, участвующих в операции по захвату островов.

Высадка десанта возможна после предварительного подавления батарей района БИЕРКЭ.

- 7) Оказание содействия правому флангу войск ЛВО в ЛАДОЖСКОМ озере возможно путем высадки тактического десанта

через озеро в районе о-ва КОНЕВЕЦ, прикрыв операцию действиями авиации и катеров.

Кроме того, с той же целью возможно оказание содействия войскам ЛВО осуществить перевозку войск в район ВИДЛИЦА.

8) Исходя из поставленных задач, нашими операционными направлениями в **ФИНСКОМ** заливе будут:

- а) ГБ — острова восточной части **ФИНСКОГО** залива;
- б) ГБ — АБО-ОЛАНДСКИЙ узел коммуникаций;
- в) ГБ — морские аэродромы;
- г) ГБ — БИЕРКСКИЙ укрепленный район.

Основным недочетом этих путей является их уязвимость на всем протяжении марш-маневра, флота и авиации.

9) Возможные оперативные направления противника — действия во фланг и всем нашим оперативным путям в **ФИНСКОМ** заливе и на всем их протяжении.

ВЫВОДЫ.

1. Одна **ФИНЛЯНДИЯ**, без поддержки **АНГЛИИ** и **ШВЕЦИИ** и переброски извне вооружения и сил, в войне с СССР не представляет реальной угрозы нашему флоту.
  2. При вступлении в войну **ШВЕЦИИ**, объединенный флот **ФИНЛЯНДИИ** и **ШВЕЦИИ** может помешать проведению операций нашим флотом:
    - а) постановкой минных заграждений на выходах из баз и на путях развертывания флота;
    - б) активными действиями ПЛ ПЛ на коммуникациях и по боевым кораблям;
    - в) совместными ударами авиации и надводных кораблей по нашим передовым базам и кораблям, базирующихся в них.
  3. Наш флот имеет возможность захватить и удержать острова восточной части **ФИНСКОГО** залива высадкой десанта со следующим оказанием содействия обоим флангам войск ЛВО, путем высадки оперативного десанта в тыл противника район **ХУМАЛИОКИ** и **КОНЕВЕЦ**, однако, эти действия требуют тщательного обеспечения наших сил от мин, подлодок, авиации и береговой обороны. Подвоз боевого питания может быть прерван действиями наших подлодок.
5. **РЕШЕНИЕ.**
- 1) Прикрывшись от **ШВЕДСКОГО** флота подводными лодками, и ведя наблюдение за северной и средней частью **БАЛТИЙСКО-**

ГО моря, **найти и уничтожить ББО** ФИНЛЯНДИИ в шхерах и базах средствами ВВС КБФ, и при попытке уйти в базы ШВЕЦИИ — совместными действиями ПЛ ПЛ, легких сил и авиации уничтожить его в море, не допустив ухода в ШВЕЦИИ²³.

- 2) В целях предупреждения нашего флота от внезапного нападения и для упреждения противника в развертывании установить систематическое **наблюдение** подводными лодками и авиацией **за базами** ФИНЛЯНДИИ и ШВЕЦИИ, и иметь постоянный дозор своих баз.
- 3) **Недопущение подвоза** снабжения из ШВЕЦИИ и ФИНЛЯНДИИ²⁴ осуществить действиями ПЛ ПЛ в узлах коммуникаций: ГОТЛАНД — ЭЛАНД — ЛАНДСОРТ — ГОТЛАНД, АБО-ОЛАНДСКИЕ острова и УМЕО-РАУМА.
- 4) Самостоятельными действиями ВВС КБФ подавить батареи в районе БИЕРКЭ, уничтожить ВВС противника на морских аэродромах, и оборонительные сооружения: ГЕЛЬСИНКИ, КОТКА, ГАНГЭ, а также уничтожить шлюпочные катера в шхерах²⁵.
- 5) Особой стрелковой специальной бригадой²⁶ захватить и удерживать острова восточной части ФИНСКОГО залива: ГОГЛАНД, ЛАВЕНСААРИ, СЕСКАР. Захват произвести: о-в ГОГЛАНД — двумя батальонами, ЛАВЕНСААРИ — одним батальоном, СЕСКАР — одним батальоном; резерв иметь — батальон учебного отряда.

Прикрытие десантной операции осуществить силами КБФ. С захватом островов, произвести их укрепления: три батареи 152 мм на ГОГЛАНД и две батареи — 152 мм и 120 мм — на ЛАВЕНСААРИ, и по две зенитные батареи — ГОГЛАНД — ЛАВЕНСААРИ и СЕСКАР. //

- 6) До захвата островов корабельным дозором и воздушной разведкой вести за островами наблюдение, не допуская их вооружения воздействием авиации и корабельной артиллерии.
- 7) После захвата и укрепления островов произвести перегруппировку ДЕС. средств и провести подготовку к выполнению ДЕС. операции²⁷ по заданию Командующего ЛВО.
- 8) Подготовку к операции по содействию армии в ЛАДОЖСКОМ озере по специальному приказу начать немедленно (десант у о-ва КОНЕВЕЦ или перевозка СД в реку ВИДЛИЦА).
- 9) Иметь в оперативном резерве ПЛ ПЛ:

две ПЛ ПЛ типа «Щ» — РОГИКЮЛЬ;
две ПЛ ПЛ типа «М» — БАЛТИЙСКИЙ порт;
три ПЛ ПЛ типа «Щ» — КРОНШТАДТ;
пять ПЛ ПЛ типа «М» — ОРАНИЕНБАУМ;
три ПЛ ПЛ типа «М» — УСТЬ-ЛУГА.
16 ПЛ ПЛ (три «С», два «Л», три «П», восемь «Щ») — ЛЕ-
НИНГРАД.

- ПРИЛОЖЕНИЯ:**
1. Схема решения.
  2. Схема организации Командова-
ния.
  3. Схема связи.
  4. Перечень последовательных бое-
вых действий КБФ.
  5. Перечень предварительных меро-
приятий.

КОМАНДУЮЩИЙ КБФ
флагман 2 ранга
(ТРИБУЦ)

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА КБФ
дивизионный комиссар
(МОРОЗОВ)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА КБФ
капитан 1 ранга
(ПАНТЕЛЕЕВ)

РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 498. Л. 3–10. Заверенная копия.

№ 4

Директива Начальника ГМШ ВМФ СССР Л. М. Галлера²⁸

№ 10278сс/ов
6 ноября 1939 г.

Военному Совету Краснознаменного Балтийского флота

Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР, Флагманом Флота 2 ранга тов. Кузнецовым рассмотрено и в основном одобрено представленное Вами Решение по директиве № 10254сс/ов, со следующими указаниями:

Отработать Решение следующих задач:

1. Броненосцы БО уничтожить при любых условиях погоды и времени суток в первые же дни войны.
2. Систематическими действиями штурмовой и легкомоббардировочной авиации уничтожать щюцкоровские катера²⁹ на всем протяжении шхер Финского залива.
3. Не ставить подлодки в Восточной части Финского залива до меридиана Дигшер, как не имеющих объектов атаки, но мешающих уничтожать подлодки противника в этом районе. Поэтому, всякая подлодка, замеченная в этом районе, считается подлодкой противника и должна уничтожаться. Выставлять подлодки в Восточной части Финского залива рекомендуется только в случае появления в этом районе броненосцев БО. Западный сектор усилить одной лодкой в районе Кихельконда и к западу от о. Эзель, с целью контроля за движением военных и торговых судов с юга в сторону Финского залива.
4. С началом военных действий, крейсеру «Киров»³⁰ чаще менять место своего нахождения, при этом рекомендуется ночью становиться на якорь, каждый раз в разных местах.
5. Выделить тральщики или заменяющие их корабли в Таллин для тральной разведки у базы, при входах и выходах кораблей.
6. Авиацию (МБР-2), предназначенную для базирования на Эстонию³¹, перебросить при первой летной возможности.
7. Неограниченную подводную войну открывать только после официального объявления о зонах и действиях в них подлодок. До объявления таковой разрешается топить только финские транспортные суда и военные корабли, с соблюдением международных прав.

Начальник Главного
Морского Штаба РКВМФ
Флагман Флота 2 ранга
*Галлер*³²

Комиссар Главного
Морского Штаба РКВМФ
Бригадный комиссар
*Николаев*³³

РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 6–7. Подлинник.

Директива Командующего ЛВО К. А. Мерецкова

21 ноября 1939 г.

№ 4716

**ВОЕННОМУ СОВЕТУ КРАСНОЗНАМЕННОГО
БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА
ФЛАГМАНУ 2 РАНГА т. ТРИБУЦ
БРИГАДНОМУ КОМИССАРУ т. ЯКОВЕНКО
НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА
(карта 1 000 000).**

1. Финская армия³⁴ закончила сосредоточение и развертывание у границ СССР. Флот³⁵ приведен в боевую готовность. Выходы из шхер в ФИНСКОМ заливе минированы. ХАНГЕ закрыт для судов. На ледоколе «ВОЙМА» устанавливаются орудия.
2. С переходом в наступление сухопутных войск Краснознаменному Балтийскому Флоту по особому приказу перейти в наступление с задачами:
  - а) уничтожить боевой флот противника в ФИНСКОМ и БОТНИЧЕСКОМ заливах, не допуская ухода его в нейтральные воды;
  - б) блокировать порты Финляндии в ФИНСКОМ и БОТНИЧЕСКОМ заливах, не допуская подвоза через них войск и боевого снаряжения извне;
  - в) огнем судовой и береговой артиллерии содействовать наступлению наших войск на КАРЕЛЬСКОМ перешейке и ВИДЛИЦКОМ направлении;
  - г) захватить острова ГОГЛАНД, ЛАВЕНСААРИ, Б. и М. ТЮТЕРС, СЕЙСКАРИ; причем захват острова ГОГЛАНД произвести только при условии, если будет установлено отсутствие на нем укреплений гарнизонами;
  - д) не допустить подхода иностранных судов и высадки иностранных войск на АЛАНДСКИХ ОСТРОВАХ³⁶;
  - е) с продвижением наших войск вглубь южной части Финляндии, захватить ХАНГЕ и использовать его как передовую базу для нашего флота;
  - ж) подготовить десантную операцию в Финском заливе на один стрелковый полк. Эта операция будет проводиться по особому приказу, в котором будет указано и место высадки.

СОСТАВ И ЗАДАЧИ ВВС КБФ — 61 ИАБ — 190 истребителей, 8 СББ — СБ — 46, ДБ — 48, МБР-2 — 68.

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ АВИАЦИЯ:

- а) Надежно прикрыть КРОНШТАДТ и ЛЕНИНГРАД со стороны Морского Сектора, Авиа-базы и Морские базы на южном побережье Финзалива;
- б) обеспечить высадку десанта на острова — СУУРСААРИ, ЛАВЕНСААРИ, СЕЙСКААРИ.
- в) подавить огневые точки и живую силу противника на островах ЛАВЕНСААРИ и СЕЙСКААРИ.

БОМБАРДИРОВОЧНАЯ АВИАЦИЯ:

- а) уничтожить броненосцы береговой обороны и боевые корабли в портах и базах Финляндии;
- б) содействовать Краснознаменному Балтфлоту в захвате островов в Финзаливе;
- в) совместно с КБФ действиями по коммуникациям не допустить подвоза войск и вооружения Балтморем;
- г) уничтожить морскую авиацию пр-ка³⁷ и аэродромные сооружения на морских аэродромах и береговые укрепления³⁸ в Финзаливе к западу от КОТКА;
- д) организовать противолодочную оборону фарватеров и плесов в Финзаливе и ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ.

ВВС фронта в интересах обеспечения боевой работы КБФ будет работать по заявкам штаба КБФ.

Граница действий ВВС КБФ с ВВС фронта — восточное и северное побережье Финзалива (к западу от меридиана 27°)³⁹.

В действиях ВВС избегать бомбардировки населенных пунктов, не занятых крупными силами противника.

Вменить в неперемнную обязанность всем командирам строжайше следить за непрерывностью работы связи.

Начало боевых действий авиации по особому приказу.

3. Справа — 7 армия⁴⁰ (штарм — АГАЛАТОВО), наступает с задачей: во взаимодействии с КБФ разгромить войска пр-ка и овладеть его укрепленным районом на КАРЕЛЬСКОМ перешейке с выходом на фронт ст. ХИИТОЛА, ст. АНТРЕА, ВИИПУРИ. В дальнейшем во взаимодействии с частями 8 армии и КБФ развивает наступление в направлении ЛАХТИ, ХЮВИНКЯ, ГЕЛЬСИНКИ (ГЕЛЬСИНГФОРС).
4. О времени перехода в наступление будет дана особая директива.

5. Подготовку к операции и занятие исходного положения вести скрытно, соблюдая все меры маскировки.
6. Иметь прочную связь с Командующим 7 армии и обменяться делегатами с 70 сд.
Обеспечить связь береговых батарей и штаба УР с армией.
7. Командный пункт Штаба Округа на время операции — ЛЕНИН-ГРАД.
8. План операции представить к 22.11.39.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЛВО
КОМАНДАРМ 2 РАНГА
(МЕРЕЦКОВ)⁴²

ЧЛЕНЫ ВОЕННОГО СОВЕТА ЛВО
(ЖДАНОВ)⁴¹
(ВАШУГИН)⁴³

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЛВО
КОМДИВ
(ЧИБИСОВ)⁴⁴

РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 496. Л. 2-5. Заверенная копия.

№ 6

ПРИКАЗ № 5\оп

23 ноября 1939 г.

Карты: 1492, 1476, 1569, 420000

1. Финская армия закончила сосредоточение и развертывание у границы СССР. Флот приведен в боевую готовность. Выходы из шхер в Финском заливе минированы. Ганге закрыт для судов. На ледоколе «Войма» устанавливаются орудия.
2. 7-я армия наступает задачей овладения Выборгским укр. районом. На приморском участке 70 с. д.
3. Самостоятельными действиями ВВС, ПЛ ПЛ и эскадры уничтожить боевой флот противника в Финском и Ботническом заливах, не допуская его ухода в нейтральные воды; блокировать порты Финляндии в Финском и Ботническом заливах, не допуская подвоза через них войск и боевого снаряжения извне; огнем судовой и береговой артиллерии содействовать наступлению наших войск на Карельском перешейке.
Захватить острова Гогланд, Лавенсаари, Б. и М. Тютерс, Сейскари, обеспечить наши морские коммуникации и развертывание флота для содействия наступлению Красной армии на Карельском пере-

- шейке; не допустить подхода иностранных судов и высадки иностранных войск на Оландских островах; подготовить ДЕС операцию в Фин. заливе на один СП по особому указанию.
4. **Командующему эскадрой⁴⁵ без 3 ДМ и 2 ЛД с приданными 3 СКР с объявлением военных действий:**
Прервать морские коммуникации Финляндии в Финском заливе и Балтийском море (северная и средняя части);
Уничтожить Финский флот в море, не допуская его ухода в Шведские воды.
Не допустить подхода иностранных кораблей и высадку войск на Оландские острова.
Прикрыть ДЕС операцию на островах восточной части Финского залива от устья залива до меридиана 27°.
Иметь ЛК в немедленной готовности к выходу из ГБ для оказания огневой поддержки левому флангу 70 с. д. районе Биеркэ — госграница.
5. **Командиру 1 БПЛ⁴⁶:**
По сигналу произвести развертывание с целью занятия позиций в Балтийском море, Або-Оландском архипелаге и Ботническом заливе, имея задачей:
Прервать морские коммуникации Финляндии, не допуская подвоза извне войск и боевого снаряжения.
Не допустить высадки иностранных войск на Оландские острова.
Уничтожить ББО ББО и ПЛ ПЛ⁴⁷ противника в море и заливе, не допуская их ухода в терводы Швеции.
Вести наблюдение за развертыванием Шведского флота.
Срок пребывания на позиции и порядок развертывания — согласно указаний штаба КБФ.
6. **Командиру 2 БПЛ⁴⁸ с приданным 24 ДПЛ — по сигналу произвести развертывание с целью занятия позиций в Балтийском море, Або-Оландском архипелаге и Ботническом заливе, имея задачей. — Прервать морские коммуникации Финляндии, не допуская подвоза извне войск и боевого снаряжения**
Не допустить высадки иностранных войск на Оландские острова.
Уничтожить ББО ББО и ПЛ ПЛ противника в море и заливе, не допуская их ухода в терводы Швеции.
Вести наблюдение за развертыванием Шведского флота.
Срок пребывания на позиции и порядок развертывания — согласно указаний штаба КБФ,

7. **Командиру 3 БПЛ⁴⁹ без 24 ДПЛ** — с получением сигнала о развертывании КБФ:
Быть в оперативном резерве для последующей смены на позициях своей бригады.
Быть готовым к перебазированию одного ДПЛ на Палдиски.
8. **Командиру 4 БПЛ⁵⁰:**
Базируясь на Ленморбазу, быть в оперативном резерве.
9. **Командующему ВВС КБФ⁵¹:** — немедленно, с началом военных действий, надежно прикрыть от атак с воздуха Ленинград, ГЬ, Лужскую губу со стороны морского сектора.
Уничтожить флот Финляндии, имея главным объектом ББО ББО, ПЛ ПЛ, авиацию на морских аэродромах и аэродромные сооружения к западу от меридиана 27°.
Подавить б. батареи и разрушить укрепление п/о Ханко.
Обеспечить специальную разведывательную операцию на острове Гогланд, и ДЕС на островах Лавенсаари — Сескар предварительным бомбовым ударом, осуществляя ПВО и ПЛО этих операций.
Организовать ПЛО до меридиана 27°.
Быть готовым: —
К разрушению оборонительных сооружений баз Гельсинки, Котка.
К погашению батарей районе Биэркэ — Ино.
К уничтожению ТР ТР с иностранными войсками в случае их попытки к высадке на Оландские острова.
ВВС фронта действуют на суше к востоку от меридиана 27°.
Избегать бомбардировки населенных пунктов, не занятых крупными силами противника.
10. **Командиру ООН⁵²:** —
В первый день войны —
Выявить систему обороны о-ва Гогланд путем проведения активной операции, с демонстрацией высадки ДЕС и обеспечением его предварительным бомбовым ударом с воздуха.
Захватить и удержать о. Сескар, Лавенсаари, высадить ДЕС в составе 3-х рот ОССБ.
В дальнейшем: —
Быть готовым к захвату островов Б. Тютерс, Гогланд, с последующим его вооружением.
После захвата островов Лавенсаари — Сескар — разрушить средства связи противника и занять острова Нерва и Соммерс.

Подготовиться к высадке ДЕС в составе 1 стр. полка для высадки на берег Финляндии по указанию ЛВО.

11. **Коменданту СУР'а**⁵³: —

С началом военных действий: —

Не допустить прорыва ЛС и ТК противника в ГБ, северным и южным фарватером.

Огнем БО СУР'а по требованию 70 с. д. поддержать Приморский участок дивизии от госграницы до м. Ино.

После захвата островов Гогланд, Лавенсаари, Сескар — перевезти и установить батареи на островах по особому плану.

12. **Коменданту ЮУР'а**⁵⁴: —

С началом военных действий —

Не допустить прорыва ЛС и ТК в ГБ южным фарватером.

12'' и 14'', 180 мм ж. д. батареи надежно маскировать, имея их в РГК. Использование с моего разрешения.

13. **Коменданту ЗУР'а**⁵⁵: —

С началом военных действий —

Не допустить прорыва ЛС противника в МБ.

По требованию командира ООН — поддержать огнем высадку на о. Лавенсаари, Сескар.

180 мм ж. д. батарею надежно маскировать и иметь ее в РГК. Использование с моего разрешения.

14. **Командиру БТК**⁵⁶: —

С началом военных действий —

Во взаимодействии с ОВР'ом — не допустить прорыва ПЛ ПЛ противника в район ГБ и МБ, ограниченный линией Стирсудден, Сескар — Кургальский риф.

Обеспечить ПЛО ДЕС операции по захвату островов и быть готовым к обеспечению, по указаниям штаба КБФ, развертывания ЛК из ГБ. В дальнейшем предусмотреть возможность перебазирования ДТК на о. Лавенсаари или Гогланд.

15. **Командиру ОВР'а**⁵⁷: —

Обеспечить ГБ и подходы к ней от налета ТК ТК, от постановок мин заграждения.

Во взаимодействии с БТК — осуществлять противолодочную оборону направлении Стирсудден — Сескар — Кургалово с последующим расширением района до меридиана 27°.

Всем кораблям, катерам ОВР'а, выполняющим брандвахтенную дозорную службу, быть постами ВНОС в морском направлении.

16. **Начальнику тыла:** —

Теперь же организовать мат. техническое обеспечение развертывания частей ДЕС операции.

Организовать снабжение боевым и текущим питанием передовых и маневренных баз флота и ВВС.

Организовать бесперебойное снабжение частей после занятия островов Сескар, Лавенсаари, Тюттерс, Нерва, Гогланд — всеми видами боевого, технического и текущего довольствия.

17. Подготовку к операции и занятие исходного положения вести скрытно, соблюдая все меры маскировки.

18. Вменить в обязанность всем командирам строжайше следить за бесперебойной работой связи.

19. Тактическое развертывание частей начать по сигналу «Таран» (оружие не применяется).

Начало боевых действий по сигналу «ФАКЕЛ» (война началась, оружие применять).

20. ФКП — Кронштадт.

ЗКП — Ораниенбаум.

Второй заместитель — командующий эскадрой КБФ.

КОМАНДУЮЩИЙ КБФ
флагман 2 ранга
(ТРИБУЦ)

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА КБФ
бригадный комиссар
(ЯКОВЕНКО)⁵⁸

НАЧАЛЬНИК ШТАБА КБФ
капитан 1 ранга
(ПАНТЕЛЕЕВ)

РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 211–218. Подлинник.

№ 7

Директива Командующего ЛВО К. А. Мерецкова⁵⁹

29 ноября 1939 г.

№ 02/оп

КОМАНДУЮЩЕМУ КРАСНОЗНАМЕННОГО
БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА
Флагману 2 ранга т. ТРИБУЦ

Директиву № 4716 от 21.11.39 ввести в действие с утра 30.11.39.
Ближайшая задача Краснознаменного Балтийского Флота:

1. Захватить Военно-Морской Флот Финляндии в ФИНСКОМ заливе, не допустив ухода его в нейтральные воды (ВВС, ПЛ ПЛ, ОЛС)⁶⁰.
2. Блокировать порты Финляндии в ФИНСКОМ заливе и быть готовым к такой же операции в БОТНИЧЕСКОМ заливе, но к выполнению ее приступить по особому указанию.
Фарватеры на ТУРКУ для финского флота — закрыть (ПЛ ПЛ)⁶¹.
В шведские территориальные воды не ходить
3. Захватить острова ГОГЛАНД, ЛАВЕНСААРИ, Б. И М. ТЮТЕРС, СЕЙСКАРИ.
4. Огнем судовой и береговой артиллерии содействовать наступлению наших войск на КАРПЕРЕШЕЙКЕ и ВИДЛИЦКОМ направлении.
5. Подготовить десантную операцию в ФИНСКОМ заливе на один стрелковый полк. Операция эта будет проводиться по особому приказу, в котором будет указано место высадки.

СОСТАВ И ЗАДАЧИ ВВС КБФ:

61 ИАБ — 190 истребителей, 8 СББ — СБ — 46, ДБ — 48, МБР-2 — 68.

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ АВИАЦИЯ:

- а) надежно прикрыть КРОНШТАДТ и ЛЕНИНГРАД со стороны морского сектора, авиабазы и морские базы на южном побережье ФИНЗАЛИВА;
- б) обеспечить высадку десантов на острова ГОГЛАНД, ЛАВЕНСААРИ, СЕЙСКАРИ;
- в) подавить огневые точки и живую силу противника на островах ГОГЛАНД, ЛАВЕНСААРИ и СЕЙСКАРИ.

БОМБАРДИРОВОЧНАЯ АВИАЦИЯ:

- а) уничтожить броненосцы береговой обороны и боевые корабли в портах и базах Финляндии;
- б) содействовать Краснознаменному Балтийскому флоту в захвате островов в ФИНСКОМ заливе;
- в) уничтожить морскую авиацию противника и аэродромные сооружения на морских аэродромах и береговые укрепления в ФИНЗАЛИВЕ к западу от КОТКА;
- г) организовать противолодочную оборону фарватеров и плесов в ФИНСКОМ заливе и ЛАДОЖСКОМ озере.

ВВС фронта в интересах обеспечения боевой работы КБФ будет работать по заявкам штаба КБФ.

Граница действий ВВС КБФ с ВВС фронта — восточное и северное побережье ФИНСКОГО залива.

В действиях ВВС избегать бомбардировки населенных пунктов, не занятых крупными силами противника.

Вменить в непрременную обязанность всем командирам строжайше следить за непрерывностью работы связи.

6. Справа — 7 армия (штарм АГАЛАТОВО), наступает с задачей: во взаимодействии с КБФ разгромить войска противника и овладеть его укрепленным районом на КАРЕЛЬСКОМ перешейке с выходом на фронт ст. ХИИТОЛА, ст. АНТРЕА, ВИЙПУРИ.

В дальнейшем во взаимодействии с частями 8 армии и КБФ, развивает наступление в направлении ЛАХТИ, ХЮВИНКЯЯ, ГЕЛЬСИНКИ (ГЕЛЬСИНГФОРС).

7. Иметь прочную связь с Командующим 7 армии и обменяться делегатами с 70 сд.

Обеспечить связь береговых батарей и штаба УР с армией.

8. Командный пункт штаба округа, на время операции, — ЛЕНИНГРАД.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЛВО
КОМАНДАРМ 2 РАНГА
(МЕРЕЦКОВ)

ЧЛЕНЫ ВОЕННОГО СОВЕТА ЛВО
(ВАШУГИН)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЛВО
КОМДИВ
(ЧИБИСОВ)

РГА ВМФ. Ф. Р-92 Оп. 2. Д. 497. Л. 1–3. Заверенная копия.

Комментарии

¹ На документе имеется резолюция Начальника Штаба КБФ Ю. А. Пантелеева: «НО-1 [Начальнику 1-го Отдела. — П. П.]. 1. План работы и состава плана опер. 2. Установить последовательность задач для решения. 3. Работу распределить по конкретным исполнителям. Срок 12 ч. 5. 11.39. НШ Пантелеев. 4. 11.39. 17⁰⁰».

² Краснознаменный Балтийский Флот (Командующий — флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц, Члены Военного Совета — секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов и бригадный комиссар М. Г. Яковенко, Начальник Штаба — капитан 1-го ранга Ю. А. Пантелеев) включал в себя Эскадру, Отряд Легких Сил, Дивизион канонерских лодок, Охрану Водного Района, Бригаду торпедных катеров, Подводные силы, Береговую оборону и Военно-Воздушные силы. К 30 ноября 1939 г. КБФ имел в своем составе: 2 линейных корабля, 1 крейсер, 2 лидера, 11 эскадренных миноносцев, 4 канонерские лодки, 12 сторожевых кораблей, 28 тральщиков, 33 сторожевых катера, 62 торпедных катера, 3 минных и сетевых заградителя и 49 подводных лодок (из них 27 боеготовых). На вооружении флота

имелось 56 артиллерийских береговых батарей с 214 орудиями и 410 боевых самолетов. — См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 1–5; Боевая летопись ВМФ 1917–1941. М., 1993. С. 636, 680–681.

³ Броненосцы береговой обороны «Вяйнемейнен» и «Илмаринен» — самые крупные и мощные корабли ВМФ Финляндии. Спущены на воду в 1930–1931 гг. на заводе А. В. Крейгона «Вулкан» в Або, в 1932–1933 гг. — вступили в строй. Водоизмещение — 3900 тонн; длина — 93 м, ширина — 16 м, осадка — 4,5 м; скорость — 15,5 узлов; вооружение — 4 254-мм, 8 105-мм, 4 40-мм и 6 20-мм орудий. Экипаж — 329/343 человек. — См.: Шведе Е. Е. Военные флоты: Справочник по ВМС иностранных государств 1939–1940 гг. М.; Л., 1940. С. 150–151; Jane's fighting ships of World War II. Foreword by A. Preston. London, 1995. P. 112.

⁴ Ленинградский Военный округ (Командующий — командарм 2-го ранга К. А. Мерецков, Члены Военного Совета — секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и корпусной комиссар А. П. Мельников, Начальник Штаба — комдив Е. Н. Чибисов) к началу советско-финляндской войны включал в себя 7-ю Армию (Командующий — командарм 2-го ранга В. Ф. Яковлев) в составе 9 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад, 8-ю Армию (Командующий — комдив И. Н. Хабаров) — 4 стрелковые дивизии и 1 танковая бригада, 9-ю Армию (Командующий — комкор М. П. Духанов) — 3 стрелковые дивизии и 2 танковые бригады, и 14 Армию (Командующий — комдив В. А. Фролов) — 2 стрелковые дивизии и 1 танковая бригада. В целом боевая группировка ЛВО к 30.11.39 г. составляла 450 000 человек, 1915 орудий, 1131 танк и 967 боевых самолетов. — См.: Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992. С. 159–160; Czarnotta Z., Moszumanski Z. Wojna zimowa. Warszawa, 1994. S. 16.

⁵ Шведский военно-морской флот к 1.12.39 г. располагал 8 броненосцами береговой обороны, 1 крейсером-авианосцем, 2 легкими крейсерами, 16 эсминцами и миноносцами, 43 сторожевыми кораблями, 7 минными заградителями, 6 тральщиками, 2 торпедными катерами и 16 подводными лодками, а также 50 самолетами морской авиации. Общая численность личного состава флота достигала 5500 человек. — См.: Шведе Е. Е. Указ. соч. С. 4–5.

⁶ Документ имеет резолюцию Наркома ВМФ СССР Н. Г. Кузнецова: «Утверждаю».

⁷ *Трибуц Владимир Филиппович* (1900–1977). Адмирал (1943). В Советском ВМФ с 1918 г. Окончил военно-фельдшерскую школу (1917), Военно-Морское Училище им. М. В. Фрунзе (1926) и Военно-Морскую Академию (1932). Участник Гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн. В 1926–1929 гг. и 1932–1936 гг. служил на линкорах, а также был командиром эсминца Морских Сил Балтийского моря. В 1936–1938 гг. — Начальник 1-го Отдела Штаба, а с 13.02.38 г. по 30.04.39 г. — Начальник Штаба КБФ. С 30.04.39 г. по 1947 г. был Командующим Краснознаменным Балтийским флотом. В 1947–1948 гг. — Заместитель Главнокомандующего войсками Дальнего Востока, в 1949–1957 гг. — Начальник Гидрографического Управления ВМС, начальник кафедры, факультета Военной Академии Генштаба. В 1957–1960 гг. был адмиралом-инспектором ВМФ Главной инспекции МО СССР. С 1961 г. — в отставке.

⁸ *Морозов С. Д.* — политработник Сов. ВМФ. Дивизионный комиссар. С 26.08.1938 г. по 13.06. 1939 г. — Член Военного Совета Черноморского флота. Одновременно, с 28.01.38 г. — Начальник Политуправления ЧФ. С 13.06.39 г. по 1.11.39 г. был Членом Военного Совета КБФ.

⁹ *Лантелеев Юрий Александрович* (1901–1983). Адмирал (1953). В Советском ВМФ с 1918 г. Окончил Курсы усовершенствования командного состава (1925) и Военно-Морскую Академию (1933). В 1922–1923 гг. был штурманом линкора «Марат». С 1925 по 1930 гг. служил на Черноморском флоте в должности штурмана подлодки и крейсера «Червона Украина», помощником командира эсминца, помощником начальника отдела штаба флота. После окончания Академии работал в Управлении Морских Сил РККА, затем — Начальником Штаба Северной военной флотилии (1933–1934 гг.), Начальником Штаба и Командиром 2-й Бригады подлодок ЧФ (1935–1938 гг.). В 1939 г. — Заместитель председателя Государственной комиссии по приемке кораблей при НК ВМФ. С 26.10.39 г. по 29.09.41 г. был Начальником Штаба КБФ. С октября 1941 г. по 1943 г. — Командующий Морской обороной Ленинграда и Озерного района, одновременно — Командир Ленинградской ВМБ. С апреля 1942 г. по май 1943 г. и с декабря 1943 г. по июнь 1944 г. — Помощник Начальника Главного Морского Штаба. В 1943 г. командовал Волжской военной флотилией, а с июня 1944 г. — Беломорской военной флотилией. В 1947–1948 гг. — Заместитель Начальника Главного Штаба ВМС, в 1948–1951 гг. — Начальник Военно-Морской Академии. В 1951–1956 гг. являлся Командующим 5-м и Тихоокеанским флотами. В 1956–1960 гг. — Начальник ВМА кораблестроения и вооружения, в 1960–1967 гг. — Начальник Военно-Морской Академии.

¹⁰ Документ имеет резолюцию Наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова — «Утверждаю» и Командующего войсками ЛВО К. А. Мерецкова — «Согласен».

¹¹ 6 октября 1939 г. правительство Финляндии приняло решение о концентрации войск на Карельском перешейке. 10 октября перед войсками были поставлены боевые задачи. Начался призыв резервистов. В период с 10 по 23 октября финская армия была дислоцирована на территории, предусмотренной планами на случай оборонительных действий.

¹² 25 октября 1939 г. Министерство Иностранных Дел Финляндии поставило другие страны в известность о том, что финский флот произвел постановку минных заграждений в своих территориальных водах, от меридиана Стирсуддена до меридиана маяка Утэ.

¹³ Обозначение «15 ДПЛ» вписано от руки Командующим КБФ.

¹⁴ Цифра «12» вписана от руки Командующим КБФ.

¹⁵ Цифра «11» вписана от руки Командующим КБФ.

¹⁶ Цифра «36» вписана от руки Командующим КБФ.

¹⁷ Цифры «24, 23» вписаны от руки Командующим КБФ.

¹⁸ Цифры «17, 21, 22, 14» вписаны от руки Командующим КБФ.

¹⁹ Обозначение «8 АБ» вписано от руки Командующим КБФ.

²⁰ Обозначения «12, 44, 43, 58, 13 АЭ» вписаны от руки Командующим КБФ.

²¹ Обозначение «61АБ» вписано от руки Командующим КБФ.

²² 28 сентября 1939 г. был заключен Пакт о ненападении между СССР и Эстонской республикой. Согласно ст. 3-й этого договора, за Советским Союзом обеспечивалось «право иметь на эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации на правах аренды по сходной цене». 5 октября 1939 г. Советский Союз подписал точно такой же пакт с Латвийской республикой. На этот раз СССР получал право «иметь в городах Лиепая (Либавя) и Вентспилс

(Виндава) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации», а в целях охраны Ирбенского пролива Советскому Союзу разрешалось «соорудить базу береговой артиллерии на побережье между Вентспилсом и Питаргсом». Точные места для баз и аэродромов были определены по взаимному соглашению.

²³ Сочетание «не допустив ухода в ШВЕЦИЮ» вписано от руки.

²⁴ 7 декабря 1939 г. Нарком Иностранных Дел СССР В. М. Молотов довел до сведения посольств и миссий в Москве, что согласно «желанию, выраженному Правительством Демократической Финляндской Республики, с 12-ти часов 8 декабря с. г. объявляются блокированными побережье Финляндии и прилегающие к нему воды (от устья реки Торнио на севере Ботнического залива до меридиана 23° 50' восточной долготы на Финском заливе). С 12 часов 13 декабря 1939 г., согласно извещению НКВД СССР, в зону блокады побережья Финляндии была включена также территория Аландского архипелага. — См.: РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 93. Л. 16–17, 23–25.

²⁵ Сочетание «а также уничтожить шюцкоровские катера в шхерах» вписано от руки.

²⁶ Особая специальная стрелковая бригада КБФ (Командир — полковник Т. М. Парфило) была создана 1.07.39 г. на базе Кронштадтского стрелкового крепостного полка, в составе управления бригады и трех отдельных специальных стрелковых батальонов. 11.12.39 г., приказом Наркома ВМФ № 0688, она была отнесена к соединениям береговой обороны, с подчинением непосредственно Военному Совету КБФ. — См.: РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 66. Л. 251; Боевая летопись ВМФ 1917–1941. С. 621–622.

²⁷ Десантная операция по овладению островами Бьерке, Торсаари и Пийсаари разрабатывалась на КБФ на протяжении всего декабря 1939 г. 20 декабря Военный Совет КБФ, своим приказом № 00150сс объявил о создании Отряда Особого назначения № 3 под командованием капитана 1 ранга Ф. И. Челпанова, которому поручалось разработать план десантной операции по овладению о-вом Бьерке силами ОССБ КБФ. 26 декабря план операции был утвержден Военным Советом КБФ. 27 декабря 1939 г. Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов своей директивой № 213099сс/ов потребовал расширить задачу Десанта, осуществив высадку сразу в 3-х пунктах — на о-ве Бьерке, о-ве Торсаари и в районе бухты Сааренпя. Однако 30 декабря, в соответствии с указаниями Ставки Главного Командования Нарком ВМФ директивой № 213133сс приказал Военному Совету КБФ впредь, до особого распоряжения, десантную операцию отменить. Главной задачей КБФ отныне считались совместные действия с левым флангом 7-й Армии, для чего следовало продолжать уничтожение береговых батарей о-ва Бьерке и развернуть на Карельском перешейке ж/д батареи Балтфлота. — См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 8–11; Д. 549. Л. 1–3; Д. 550. Л. 1.

²⁸ Документ написан от руки капитаном Силаевым и имеет резолюцию Начальника Штаба КБФ Ю. А. Пантелеева: «НО-1. 1. Разработать варианты плана решений операций ВС и моих. 2. Доклад 10.11.39 вечером. НШ Пантелеев. 6.11.39».

²⁹ Финляндская военизированная организация «Шюцкор» располагала примерно 400 моторными катерами и буксирами (из них 50 катеров типа «СП»). — См.: Шведе Е. Е. Указ. соч. С. 152–153.

³⁰ Крейсер «Киров» — первенец советского крейсестроения. Заложен 22.10.1935 г., спущен на воду 30.11.36 г., а 23.09.1938 г. вошел в состав КБФ. Водоизмещение — 9436 тонн; длина — 191 м, ширина — 17,6 м, осадка — 7,2 м;

скорость максимальная — 35,5 узлов. Вооружение: 9 180-мм, 8 100-мм и 10 37-мм орудий, 6 12,7-мм и 2 7,62-мм пулеметов, 2×3 533-мм торпедных аппарата, 90 мин, 2 гидросамолета. Экипаж — 872 человека. — См.: Бережной С. С. Корабли и суда ВМФ СССР 1928–1945: Справочник. М., 1988. С. 20.

³¹ В ноябре 1939 г. в Эстонии, в Палдиски и Кихельконне была сформирована 10-я Авиабригада ВВС КБФ (командир — полковник Н. Т. Петрухин). Ввиду позднего формирования, 10-я АВ к началу войны состояла всего лишь из двух неполных разведывательных авиаэскадрилий (12-й и 44-й), на вооружении которых имелось 14 морских самолетов-разведчиков «МБР-2». — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 624. Л. 15.

³² *Галлер Лев Михайлович* (1883–1950). Адмирал (1940). В Советском ВМФ с 1918 г. Окончил Морской Кадетский Корпус (1905), Офицерский артиллерийский класс (1912) и курсы при Военно-Морской Академии (1926). Участник I-й Мировой войны. Во время Гражданской войны был командиром эсминца, крейсера, линкора, начальником штаба отряда кораблей Балтийского моря, начальником Минной дивизии. С 24.03.1921 г. по 23.08.1927 г. — Начальник Штаба, а с 1.06. по 28.11.1930 г. — временно исполняющий обязанности Начальника Штаба Морских Сил Балтийского моря. С 22.08.32 г. по 25.01.37 г. был Начальником Морских Сил Балтийского моря, с 25.01.37 г. по 10.01.38 г. — Заместитель Начальника Морских Сил РККА, с 10.01.38 г. по 23.10.40 г. — Начальником Главного Морского Штаба ВМФ. С октября 1940 г. являлся Заместителем Наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению, а в 1947–1948 гг. — Начальником ВМА кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова. Репрессирован. Умер в заключении 12.07.1950 г.

³³ *Николаев Александр Андреевич* (1905–1949). Вице-адмирал (1944). В Советском ВМФ с 1927 г. Окончил Школу подводного плавания (1929) и Военно-Политическую Академию им. В. И. Ленина (1938). В 1929–1934 гг. — инструктор-моторист школы подводного плавания, секретарь партбюро этой же школы, старший инструктор политотделов: Учебного Отряда подводного плавания, Экспедиции Особого назначения. Северной военной флотилии. По окончании Академии — старший инструктор Политуправления ВМФ. С декабря 1938 г. являлся военным комиссаром ГМШ ВМФ. С 1940 г. был Членом Военного Совета Северного Флота. Во время Великой Отечественной войны участвовал в подготовке и руководстве боевыми действиями кораблей и частей флота по обороне Заполярья, а затем — по его освобождению в 1944 г. После войны назначен Членом ВС КБФ, с июня 1946 г. — 4-го ВМФ. С апреля 1947 г. был Заместителем Начальника Главного ПУ Вооруженных Сил СССР.

³⁴ Финская Армия (Главкомандующий — фельдмаршал К. Г. Маннергейм, Начальник Генерального Штаба — генерал-лейтенант К. Л. Эш) к началу войны, после мобилизации, состояла из 15 тактических соединений — 8 пехотных дивизий, 6 пехотных и 1 кавалерийской бригад, общей численностью в 295 000 солдат и офицеров при 500 полевых орудиях. Наибольшие силы — 133 000 человек и 330 орудий были сосредоточены на Карельском перешейке. Здесь располагалась армия «Перешеек» (Командующий — генерал-лейтенант Х. Эстерман) в составе II-го и III-го армейских корпусов, включавших в себя 6 пехотных дивизий, 4 пехотные и 1 кавалерийскую бригады. — См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй Мировой войне. Л., 1989. С. 79; Szarnotta Z., Moszumanski Z. Wojna zimowa. S. 7–8.

³⁵ Финский Военно-Морской Флот (Командующий — контр-адмирал Э. Рахонен) к 30.11.1939 г. имел следующий состав: 2 броненосца береговой обороны

(«Вьянемаяннен» и «Илмаринен»), 4 канонерские лодки («Уусимаа», «Хямеенмаа», «Турунмаа» и «Карьяла»), 1 большой минный заградитель «Лоухи», 5 катерных минных заградителей («Помми», «Паукку», «Лиеска», «Минна» и «Лойму»), 2 базовых тральщика («Раугу» и «Виллпула»), 17 катерных тральщиков («Ахвен», «Кински», «Муйкку», «Сярки», «Куоре», «Лажна», «БВА», «БВД», «А 37», «А 38», «А 40», «А 42», «А 43», «А 45», «Б 3», «АФ 2» и «Хаукка»), 7 торпедных катеров («Виха», «Райю», «Иску», «Сюокси», «Нуоли», «Сису» и «Хурья»), 5 подводных лодок («Весикко», «Ветехинен», «Весихиниси», «Ику-Турсо» и «Саукко»), учебный корабль «Суомен Йоутсен», вспомогательное судно «Аура II» и 8 ледоколов («Сису», «Отсо», «Яякарху», «Тармо», «Сампо», «Муртайя», «Войма» и «Апу»). — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 499. Л. 14–16; Шведе Е. Е. Указ. соч. С. 5, 150–153; Jane's fighting ships of World War II. P/ 112–114.

³⁶ Согласно Аландской конвенции, подписанной в Женеве 20 октября 1921 г., Финляндия обязалась не укреплять Аландских островов, а равно не устраивать там военных баз. Во время войны зона островов должна была рассматриваться как нейтральная, но если бы война распространилась на Балтийское море, то Финляндия получила бы право защиты нейтралитета Аландских островов. При определении своей позиции по этому вопросу, Советское правительство всегда исходило из заинтересованности СССР в том, чтобы Аландские о-ва не оказались источником военной опасности для Советского Союза.

³⁷ Авиация ВМФ Финляндии к началу войны состояла из двух отдельных групп (36-й и 39-й) поплавковых гидросамолетов. 36-я Авиагруппа базировалась в районе населенного пункта Каллвнк и имела в своем составе 6 гидросамолетов «Блэкберн Райпон IIФ», а 39-я Авиагруппа находилась на Аландских островах и располагала только 2-мя гидросамолетами «Юнкерс К-43». — См.: Котлобовский А. ВВС Финляндии в Зимней войне // Мир авиации. 1992. № 1. С. 11.

³⁸ Береговая оборона Финляндии (Командующий — генерал-лейтенант В. Валве) состояла из 1-го берегового артиллерийского полка, расположенного в районе Хельсинки; 1-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны в районе Ханко, имевшего 5 батарей, которые были расположены на о-вах Шхерного района Турку–Ханко; 2-го отдельного артиллерийского дивизиона БО, расположенного на островах в районе г. Котка; 2-го берегового артиллерийского полка, расположенного в восточной части Финского залива и имевшего 8 батарей. Всего числилось до 30 береговых батарей, на вооружении которых состояло около 100 орудий калибром от 120 до 305 мм. — Сост по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 537 Л. 1; Д. 637. Л. 8; Szarnotta Z., Moszumanski Z. Wojna zimowa. S. 7, 49.

³⁹ Сочетание «к западу от меридиана 27°» вписано от руки.

⁴⁰ 7-я Армия ЛВО (командующий — командарм 2-го ранга В. Ф. Яковлев) имела в 1-й линии 5 стрелковых дивизий, 3 танковые бригады и 16 артиллерийских полков, во 2-й линии — 3 стрелковые дивизии. В резерве армии находился танковый корпус в составе двух танковых и одной стрелковой бригад. В целом, 7-я Армия насчитывала 190 000 солдат и офицеров и имела на вооружении 900 орудий и минометов и около 1000 танков. Кроме того, армия располагала 644 боевыми самолетами. — Сост. по: Барышников Н. В., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Указ. соч. С. 80; Сеппяля Х. Как проходили сражения // За рубежом. 1989. № 48.

⁴¹ *Жданов Андрей Александрович* (1896–1948). Советский партийный и государственный деятель, генерал-полковник (1944). Участник Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. С 1922 г. — Председатель Тверского губисполкома, секретарь Нижегородского губкома, Горьковского крайкома партии. С

1934 г. — секретарь ЦК, одновременно — Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), Член Военного Совета ЛВО (с 1935 г.) и Член Главного Военного Совета ВМФ (с 1938 г.). Являлся Членом Военного Совета Северо-Западного Фронта в период советско-финляндской войны 1939/40 гг. В Великую Отечественную войну был Членом ВС Северо-Западного направления и ВС Ленинградского Фронта. С 1944 г. — секретарь ЦК ВКП(б). Член ЦК партии с 1930 г., член Оргбюро с 1934 г., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1939 г. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

⁴² *Мерецков Кирилл Афанасьевич* (1897–1968). Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940). В Советской Армии с 1918 г. Окончил Военную Академию РККА (1921) и Курсы усовершенствования высшего начсостава (1928). В Гражданской войне участвовал в должностях комиссара отряда, помощника начальника штаба бригады и дивизии. С 1922 г. — Начальник Штаба 1-й Томской Сибирской кавалерийской дивизии, затем — Помощник Начальника Штаба 15-го стрелкового корпуса, Начальник Штаба 9-й Донской стрелковой дивизии. В июле 1924 г. назначен начальником мобилизационного отдела, в сентябре 1924 г. — Помощником Начальника, а в июле 1928 г. — Заместителем Начальника Штаба Московского военного округа. В 1930–1931 гг. был командиром и военкомом 14-й стрелковой дивизии, в 1931–1934 гг. — Начальником Штаба Московского и Белорусского военных округов. С января 1935 г. являлся Начальником Штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, с мая 1937 г. — Заместителем Начальника Генерального Штаба. С сентября 1938 г. командовал войсками Прибалтийского, а с февраля 1939 г. — Ленинградского военных округов. С августа 1940 г. — Начальник Генерального Штаба РККА, с января 1941 г. — Заместитель Наркома Оборона СССР. В Великую Отечественную войну командовал 7-й и 4-й Армиями, с декабря 1941 г. — Волховским фронтом, 33-й Армией, с 1944 г. — Карельским фронтом, а в августе–сентябре 1945 г. — 1-м Дальневосточным фронтом. После войны был командующим войсками ряда военных округов, начальником курсов «Выстрел», в 1955–1964 гг. — Помощником Министра Оборона СССР. С 1964 г. — в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

⁴³ *Вашугин Николай Николаевич* (1900–1941). Политработник, корпусной комиссар (1940). В Советской Армии с 1919 г. Окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе (1933) и курсы «Выстрел» (1937). С 1920 по 1940 г. находился на различных партийно-политических должностях — от комиссара полковой школы до Члена Военного Совета Ленинградского ВО. В советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. был членом ВС 7-й Армии. С 1940 г. — Член Военного Совета Киевского Особого военного округа. С 22.06.41 г. — Член ВС Юго-Западного Фронта. 28.06.41 г. покончил жизнь самоубийством.

⁴⁴ *Чибисов Никандр Евлампиевич* (1892–1959). Генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза (1943). В Советской Армии с 1918 г. Окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе (1935). Участник I-й Мировой войны, штабс-капитан. В Гражданскую войну был командиром взвода, роты, батальона, полка, помощником начальника и начальником штаба стрелковой бригады. В 1922–1937 гг. — на штабных и командных должностях. С 1937 г. — Командир стрелковой дивизии, с 1938 г. — стрелкового корпуса, в 1938–1940 гг. — Начальник Штаба ЛВО. Во время советско-финляндской войны 1939/40 гг. был начальником Штаба 7-й Армии. С июля 1940 г. — Заместитель Командующего войсками ЛВО, с января 1941 г. — Командующий войсками Одесского ВО. В Великую Отечественную войну командовал войсками ОдВО и Приморской Армии, был заместителем Командующего Брянским Фронтом, затем — Командующим 38-й, 3-й и 1-й Ударными Армиями на Южном, Брянском, Воронежском и 2-м Прибалтий-

ском фронтах. С июня 1944 г. — Начальник ВА им. М. В. Фрунзе, с марта 1949 г. — Заместитель Председателя ЦК ДОСААФ, с октября 1949 г. — Помощник Командующего войсками Белорусского ВО, с 1954 г. — в запасе.

⁴⁵ Эскадра КБФ (Командующий — флагман 2-го ранга Н. Н. Несвицкий) была образована приказом Наркома ВМФ № 0303 от 22.06.39 г., перестроена — его же приказом № 0084 от 28.08.39 г. На 30.11.1939 г. Эскадра имела следующий состав: линейные корабли «Марат» и «Октябрьская революция» и 3-й Дивизион эсминцев, включавший в себя 5 старых эсминцев — «Карл Маркс», «Фридрих Энгельс», «Ленин», «Володарский» и «Артем». В оперативном подчинении Эскадры находился Отряд Легких Сил КБФ (Командир — капитан 1-го ранга Б. П. Птохов), который был сформирован 28.08.39 г. по приказу Наркома ВМФ № 0084, а 24.09.39 г., по приказу № 0482, его состав был уточнен. На 30.11.39 г. в состав ОЛС'а входили: крейсер «Киров», 1-й Дивизион эсминцев в составе лидера «Ленинград» и 3-х эсминцев — «Сметливый», «Стремительный» и «Стерегущий», и 2-й Дивизион эсминцев в составе лидера «Минск» и 3-х эсминцев — «Гневный», «Гордый» и «Грозный». — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 64. Л. 11; Д. 65. Л. 143; Д. 67. Л. 252; Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 2.

⁴⁶ 1-я Бригада подводных лодок КБФ (Командир — капитан 1-го ранга К. М. Кузнецов) состояла из 4-х дивизионов — 12-го, 13-го, 16-го и 21-го и располагала 12 лодками — «Л-1», «Л-2», «Л-3», «С-1», «С-2», «С-3», «С-4», «С-5», «С-6», «Щ-309», «Щ-310», «Щ-311», плавбазой «Смольный» и спасательным судном «Коммуна». — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 3; Д. 573. Л. 2-3.

⁴⁷ В составе Финского ВМФ имелось 5 подводных лодок: «Весикко» — спущена в 1932 г., водоизмещение — 250/300 тонн, скорость — 13/7 узлов; вооружение — 3 носовых торпедных аппарата и 1 пулемет; экипаж — 22 человека; «Ветехинен», «Весихинси» и «Йку-Турсо» — спущены в 1930–1931 гг., водоизмещение — 490/715 тонн, скорость — 14/8 узлов; вооружение — 1 75-мм орудие, 1 пулемет и 4 носовых торпедных аппарата; экипаж — 27 человек; «Саукко» — спущена в 1930 г., водоизмещение — 100/136 тонн, скорость — 9/6 узлов; вооружение — 2 носовых торпедных аппарата и 1 пулемет; экипаж — 13 человек. — См.: Jane's fighting ships of World WAR II. P. 112.

⁴⁸ 2-я Бригада подводных лодок КБФ (Командир — капитан 1-го ранга Д. М. Космин) включала в себя 2 дивизиона (17-й и 22-й) в составе 7 подлодок — «Щ-317», «Щ-318», «Щ-319», «Щ-320», «Щ-322», «Щ-323» и плавбазу «Полярная Звезда». — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 3.

⁴⁹ 3-я Бригада подводных лодок КБФ (Командир — капитан 2-го ранга Н. И. Виноградов) состояла из 3-х дивизионов (23-го, 24-го и 26-го) общей численностью в 17 лодок — «М-72», «М-73», «М-74», «М-75», «М-76», «М-77», «М-78», «М-79», «М-80», «М-81», «М-83», «М-90», «М-94», «М-95», «М-96», «М-97» и плавбаз «Кронштадт» и «Ока». — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 4; Д. 573. Л. 3.

⁵⁰ 4-я Бригада подводных лодок КБФ (Командир — капитан 3-го ранга А. И. Матвеев) состояла из 3-х дивизионов (11-го, 14-го и 15-го), располагавших 13 подлодками — «П-1», «П-2», «П-3», «Щ-301», «Щ-302», «Щ-303», «Щ-304», «Щ-305», «Щ-306», «Щ-307», «Щ-308», «Л-55» и «Б-2». В боевых действиях 4-я БПЛ участия не принимала. — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 3-4; Д. 573. Л. 3.

⁵¹ Военно-Воздушные Силы КБФ (Командующий — комбриг В. В. Ермаченков) на 30.11.39 г. состояли из 3-х авиабригад (61-й истребительной, 8-й бомбар-

диrovочной и 10-й смешанной), 4-х отдельных разведывательных авиаэскадрилий (11-й, 41-й, 43-й и 58-й) и 3-х отдельных разведывательных авиаотрядов (12-го, 44-го и 70-го). 61-я ИАБ включала в себя 5-й и 13-й авиаполки, Особую группу, 11-ю, 12-ю и 13-ю отдельные авиаэскадрилии и имела 215 истребителей — 149 «И-16», 46 «И-15» и 20 «И-153». 8-я БАБ состояла из 1-го минноторпедного и 51-го скоростного, а также 15-го тяжелого бомбардировочного авиаполков и насчитывала 100 бомбардировщиков — 43 «ДБ-3» и 57 «СБ». 10-я АБ имела в своем составе 12-ю и 44-ю разведывательные авиаэскадрилии и насчитывала 14 морских разведчиков «МБР-2». Остальные разведывательные авиачасти имели на вооружении 81 самолет-разведчик — 71 «МБР-2» и 10 «Р-5». Общая численность ВВС КБФ составляла 410 боеготовых самолетов. — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 499. Л. 19; Д. 507. Л. 5; Д. 624. Л. 15.

⁵² Отряд Особого Назначения (Командир — капитан 2-го ранга С. С. Рамишвили) — временное маневренное соединение КБФ, созданное 4.11.39 г. приказом ВС КБФ № 00136 и состоявшее из 4-х отрядов транспортов — 8 транспортов, 7 буксиров, 5 мотобаркасов, 9 катеров типа «МО-4», 16 катеров типа «Р» и 22 катеров типа «КМ», кораблей ОВР'а — 12 тральщиков, 3 сторожевых кораблей и 12 торпедных катеров, а также отряда корабельной поддержки — лидера «Ленинград», эсминцев «Стерегущий», «Карл Маркс», «Фридрих Энгельс», «Ленин», «Володарский» и «Артем». 17.11.39 г. ООН получил Авиагруппу — 43 бомбардировщика, 70 истребителей и 8 разведчиков. — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 500 Л. 39; Д. 507. Л. 4; Д. 540. Л. 2.

⁵³ Северный Укрепленный район КБФ (Комендант — комбриг В. М. Карабулкин) располагал 5-ю артиллерийскими дивизионами (11-м, 12-м, 13-м, 14-м и 15-м) в составе 22-х батарей, отдельной артиллерийской 100-мм батареей, отдельным местным стрелковым полком, отдельной ж/д ротой и отдельной ротой связи. Всего СУР имел в своем составе 111 орудий. — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 5; Д. 602. Л. 1-3.

⁵⁴ Южный Укрепленный район КБФ (Комендант — полковник В. Т. Румянцев) имел 3 артиллерийских дивизиона (1-й отд. ж/д, 31-й отд. и 33-й) в составе 9 батарей, 8-й ж/д батальон, пулеметную роту, 153-ю отдельную местную стрелковую роту и отдельную роту связи. В целом ЮУР имел 31 орудие. — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 5; Д. 602. Л. 1-3.

⁵⁵ Западный Укрепленный район КБФ (Комендант — полковник В. А. Пешков) располагал 2-мя артиллерийскими дивизионами (2-й отд. ж/д и 21-й) в составе 5 батарей, полевой батареей № 6, ж/д батальоном, саперным батальоном, химической ротой и отдельной ротой связи. Всего в составе ЗУР'а имелось 33 орудия. — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 5; Д. 602. Л. 1-3.

⁵⁶ Бригада торпедных катеров КБФ (Командир — капитан 2-го ранга В. Е. Чероков) состояла из 4-х дивизионов и имела в своем составе 62 торпедных катера — № 11-14, 21-24, 31-33, 41-43, 51-54, 61-64, 71-74, 81-84, 91-94, 101-104, 111-114, 121-124, 131, 133-134, 141, 143-144, 151, 153-154, 161, 163-164, 173-174, 181, 183-184. — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 2; Д. 648. Л. 4; Д. 649. Л. 7-8.

⁵⁷ Охрана Водного Района КБФ (Командир — капитан 2-го ранга С. В. Киселев) была создана 17.08.39 г. приказом Наркома ВМФ № 00102. К 40.11.39 г. ОВР имел в своем составе 2 дивизиона (1-й и 2-й) сторожевых кораблей в количестве 12 единиц — «Циклон», «Туча», «Снег», «Пурга», «Вихрь», «Буря», «Ижнер», «Мороз», «Марынов», «Микула», «Краб» и «Связист»; 4 дивизионов (1-й, 2-й, 3-й и 5-й) тральщиков в количестве 28 единиц — «Заряд», «Буй», «Патрон»,

«Фугас», «Гафель», «Верп», «Шпиль», «Шкив», «Гако», «Крамбол», «Ударник», «Клюз», «Буёк», «Озерный», «Змей», типа «Ижорец» № 21, 23, 26, 29, 30, 38, 39, 63, 65, 101, 102, 103, 104; 3 дивизиона (1-й, 3-й и 4-й) сторожевых катеров общим количеством 33 единицы — типа «МО-4» № 111–113, 121–123, 131–133, 141–143, типа «Рыбинский» № 311–317, 321–327, 411–412, 423–427; минный заградитель «Марти» и 2 сетевых заградителя «Гарibaldi» и «Яуза». — Сост. по: РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 5, 131–132; Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 2–4.

⁵⁸ Яковенко М. Г. Политработник Советского ВМФ. Бригадный комиссар. С 13.06.1939 г. по 18.07.1941 г. был Членом Военного Совета КБФ. С 28.10.1941 г. являлся военным комиссаром Волжской военной флотилии. С 1951 по 1952 гг. — Член ВС Северного Флота.

⁵⁹ Документ имеет резолюцию Командующего КБФ В. Ф. Трибуца: «НШ. [Начальнику Штаба. — Л. Л.]. Проверить еще раз задачи, поставленные в этой директиве, с задачами, поставленными в нашем приказе. Трибуц. 29.11.».

⁶⁰ Сочетание «ВВС, ПЛ ПЛ, ОЛС» вписано от руки.

⁶¹ Обозначение «ПЛ ПЛ» вписано от руки.

Перечень сокращений

арт. — артиллерийский

б. — береговой

ББО — броненосец береговой обороны

БО — береговая оборона

БПЛ — бригада подводных лодок

БТК — бригада торпедных катеров

ВВС — военно-воздушные силы

ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь

ГБ — главная база

ГМШ — Главный Морской Штаб

ДБ — дальний бомбардировщик

ДЕС — десант, десантный

ДО — десантная операция

ДПЛ — дивизион подводных лодок

ДТК — дивизион торпедных катеров

ж. д. — железнодорожный

ЗКП — запасной командный пункт

ЗУР — Западный укрепленный район

ИА — истребительная авиация

ИАБ — истребительная авиабригада

КБФ — Краснознаменный Балтийский флот

ЛВО — Ленинградский военный округ

ЛВФ — Ладужская военная флотилия

ЛД — лидер
ЛК — линейный корабль
ЛС — легкие силы
МБ — маневренная база
МБР — морской ближний разведчик
о. — остров
ОВР — Охрана водного района
ОЛС — Отряд легких сил
ООН — Отряд особого назначения
ОССБ — Особая специальная стрелковая бригада
ПВО — противовоздушная оборона
ПЛ — подводная лодка
ПЛО — противолодочная оборона
п/о — полуостров
РГК — резерв главного командования
СБ — скоростной бомбардировщик
СББ — скоростная бомбардировочная бригада
СД — стрелковая дивизия
СК — стрелковый корпус
СКР — сторожевой корабль
СП — стрелковый полк
стр. — стрелковый
СУР — Северный укрепленный район
ТК — торпедный катер
ТР — транспорт
УР — укрепленный район
ФКП — флагманский командный пункт
штаб — штаб армии
ЮУР — Южный укрепленный район

«Такая уж, верно, судьба...»

(Письма с финской войны)

Предисловие, подготовка текста и комментарии
В. Н. Степакова

На протяжении десятилетий мы очень мало знали о советско-финляндской войне 1939–1940 годов. В тени неизвестности оставалась не только сама война как таковая, но и ратный подвиг тех, кто в невыносимо тяжелых условиях воевал в ту суровую зиму.

На сегодняшний день о финской войне известно довольно много. В открытой печати появились документы по истории советско-финляндских отношений конца 30-х годов, историки и публицисты обстоятельно исследуют причины и ход этой скоротечной войны. Но тем не менее наши знания о тех событиях еще достаточно ограничены и далеко не полны. Так, например, до настоящего времени широкой читательской аудитории остаются совершенно неизвестными уникальные исторические свидетельства — фронтовые письма периода 1939–1940 годов.

В письмах нет описаний боев, нет крови и смерти. Об этом с фронта не писали, берегли чувства родных и близких. Но зато в них бьется сердце человека, есть его образ.

Простые конверты и треугольники, простые слова утешения и надежды, письма простых русских солдат, но за каждым из них — жизнь и судьба конкретного человека и страница далекой истории.

По целому ряду причин большинство из этих исторических свидетельств оказались безвозвратно утраченными. Те что остались, находятся в частных собраниях или семейных архивах.

Предлагаемая вниманию читателя подборка писем охватывает период осени 1939 — лета 1940 годов*.

---

* Оригиналы и копии писем находятся в собрании В. Н. Степакова.

№ 1

Мл. лейтенант М. В. Тетерин¹ — жене

30/X-39 г.

Здравствуйте Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотунчик! Шлю привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни.

Спешу сообщить, что вчера получил письмо, писанное Катей 27/X, также получил и письмо от 21/X, также два дня тому назад и отвечаю на них. Во вчерашнем письме, ты, Катюша, пишешь, что почему же я не получаю от Вас опять писем и, как я понял, даже сомневаешься в этом. Так ведь я как будто и не обвинял тебя в этом, я писал это в письме от 18/X, где сообщал, что получил всего одно письмо от 8/X, а после этого я получил все Ваши письма, а именно письмо с фотокарточкой Леки, затем письмо от Папы, оба в один день. Их я получил 20/X, а 24/X утром на них ответил кратко, с сообщением о том, что я выезжаю отсюда где жил. Не знаю, получили ли Вы это письмо. В последнем письме ты ничего не пишешь об этом. В общем, я не получил только первые два письма, это, вероятно, в связи с моим переездом, а остальные все получил, и я ни в чем тебя, Катя, не обвиняю, задержки происходят не по нашей вине.

Теперь несколько слов о себе. 24/X мы переехали на новое местожительство, поближе к нашей соседке, сейчас стоим от нее в 2,5 км. В получасовом переходе, остановились вероятно здесь надолго, до окончательного разрешения вопроса с ней. Об условиях жизни писать ничего не буду, все в письме не перескажешь, да и нет смысла Вам знать сейчас. Хочу только предупредить Вас, чтобы Вы сильно не скучали и не беспокоились обо мне. Я перенесу все тяготы и вернусь таким же обратно домой.

В свою очередь пожелаю и Вам, чтобы у Вас все обходилось хорошо и благополучно. Катя, я буду писать письма по мере возможности, так как сейчас нахожусь в таких условиях, не только некогда, но даже и негде написать письмо. Сейчас пишу на улице на пеньке. Передай тете Нюше, что дядя Ваня тоже здесь. Он тоже не может сейчас написать письмо и просил меня, чтобы ты передала об этом. У него сейчас болят зубы и раздуло всю щеку, но приходится работать с утра до вечера.

Катюша! От Вас почта теперь будет ходить к нам регулярно, и ты не жди от меня часто писем, а пиши сама не ожидая моего ответа, это будет хорошим развлечением дня меня, так как я очень хочу знать,

как Вы все живете. Праздники, конечно, придется провести здесь, а потом, вероятно, и будем думать о доме. Это уже не так теперь долго, надеюсь, что скоро все выяснится. От нас пока что никого еще не отпускают, но ребятам приходят письма с сообщением, что со многих мест уже вернулись домой. Придет и наша очередь, и мы опять будем вместе. Ну так на этом кончаю, не скучайте, живу хорошо.

С приветом Ваш Тетерин

30/X-39 г.

Пишите, жду.

Лекотунчика карточку смотрю каждый день, уж очень он вышел забавным, береги его Катя.

№ 2

Красноармеец В. И. Бульгин² —родным

10.11.39 г.*

...**Пишет ответ по старому адресу. Написал письмо брату Н[иколаю] Ив[ановичу], но ответа еще не получил, не знаю где он находится.

Наши мечты и разговоры только все о доме, как бы поскорее отпустили, но предположений нет что скоро отпустят, придется видимо побить [здесь] потому что завязалось дело с финнами.

Передавайте привет всем родным и приятелям, знакомым.

В. И. Бульгин.

№ 3

Мл. лейтенант М. В. Тетерин —жене

10/XI-39 г.

Здравствуйте Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотунчик! Шлю привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни. Поздравляю с прошедшим праздником, так как с наступающим поздравить не мог в виду того, что было негде и некогда написать письмо.

Вчера получил твое, Катя, письмо от 5/XI, а также и от Диночки, за что большое спасибо, так как я был рад узнать, что у Вас дома все благополучно. Сегодня, находясь в деревне решил ответить, так как не писал Вам уже с 30/X.

* Дата дана по почтовому штемпелю.

** Начало письма утрачено.

Итак, несколько слов о себе. Живу почти что в старых условиях, если не считать напряженной обстановки в настоящий момент. Все пока что в основном благополучно, жив и здоров. Праздники проводили в исключительно напряженной атмосфере, никаких праздничных мероприятий не проводилось, и все дни усиленно работали. 5/X* подвинулись еще ближе к соседу и заняли исходное место, дальше уже идти некуда, расстояние теперь измеряется не километрами, а метрами. Теперь уже 5-й день ждем приказа к действию, который, вероятно будет. Все эти мероприятия я принял совершенно спокойно, без всякого страха, так как к этому давно готовились и привыкли. Какова дальнейшая судьба неизвестно, но я ничего не боюсь. Только иногда вспомнишь о всех Вас, о Лекочке, станет больно на душе, но скоро проходит, так как долго думать некогда. Может быть, еще все уладится и мирно, так как сейчас уже опять стала несколько спокойнее протекать наша жизнь. Я хочу, чтобы Вы все не особенно беспокоились обо мне, я по мере своих сил буду беречь и сохранять себя и прошу Вас переносить все спокойно, чтобы ни случилось со мной.

Катюша! Несколько хочу ответить на твое письмо. Относительно покупок для меня ты сейчас не думай, может быть, они не потребуются. Хотя ты пишешь, что приезжай с победами домой, но ведь победы без жертв не бывают, и дальнейшую судьбу трудно разгадать. Все, что можешь для себя, старайся устроить, я предоставляю тебе все права в дальнейшей твоей жизни. Моя основная просьба к тебе: беречь Лекочку и воспитать его, это будет хорошая память в будущем.

Ну вот в основном и все. Катюша, пиши как провели праздник, кто был из деревни и вообще обо всем [пиши] подробно. Я, по возможности, буду сразу отвечать. Особенно не отчаивайтесь, на днях все выяснится, может быть скоро приеду и домой.

Привет от дяди Вани, передайте тете Нюше, что дядя Ваня давно не получал от нее писем.

Итак, все. Материально обеспечены мы сейчас хорошо, одеты тепло, питание хорошее, и даже махорку дают в достаточном количестве.

Пишите, жду.

Ваш Тетерин.

---

* Так в тексте.

Мл. лейтенант М. В. Тетерин — жене

21/ХІ-39 г.

Здравствуйте Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Леко-тунчик! Шлю привет и наилучшие пожелания в вашей жизни. Спешу сообщить, что твое письмо Катюша от 8/ХІ получил уже давно, но сразу не мог найти время ответить. Из письма кратко узнал о проведении Вами праздника. В свою очередь я писал Вам 10/ХІ о своем проведении [праздника]. Не знаю, получали ли Вы его, так как ответ на него я пока не получил.

Но могу повторить и снова, что праздника не чувствовали, находились в лесу и ничем его не отмечали, наоборот, в то время было очень напряженное положение, и мы с особой энергией работали. После праздника, до вчерашнего дня, было некоторое спокойствие, а вчера опять стали жить бдительно и ждать выступления, так как получили на этот счет некоторые указания. Это получилось опять в канун праздника, ведь сегодня мне день рождения. Я чувствую, что Вы сегодня вспоминаете меня, а также сегодня празднуют в Кезоручье³. Но, к сожалению, я опять не могу вместе проводить его с Вами, и даже трудно сейчас думать о скором возвращении домой, такая уж, верно, судьба и такая упрямая наша соседка.

Но ничего, я мирюсь со всем, если суждено вернуться домой, то придет же в конце концов и это время, а если нет, то ничего не поделаешь. Факт остается тот, и я буду рад за него, что Вы будете жить спокойно и нет такой силы, которая бы нарушила Вашу мирную жизнь. Жертвы будут только здесь у нас, но надеюсь, что и они будут очень малы.

Сейчас пока живем хорошо и благополучно, обеспечены всем хорошо, денег «некуда девать», так как зарплату получаем, а магазина еще здесь «не построили», покурить дают бесплатно. Вчера, в честь моего дня рождения, привезли буфет из Петрозаводска, и на мою долю досталась булочка за 55 коп[еек] и 8 шт[ук] папирос.

Катюша! Пиши почаще письма сама, не жди от меня ответов, так как поверь, что совершенно некогда и негде написать, это не в Луге⁴, когда я писал тебе через 3 дня. Я последнее письмо писал Вам 10/ХІ, а сейчас уже 21/ХІ, и не знаю, как его отправить теперь. Ты обещалась написать подробно о проведении праздника 9/*..., но пока что я его

* Далее неразборчиво.

не получал. Катюша! Передайте тете Нюше, что дядя Ваня тоже живет так же, как и я. Правда, я большинство ночую в деревне, а он все время в лесу. Он уже не получал писем с 25/X, и самому некогда сейчас писать, все ждет письма и просил меня написать тебе, чтобы тетя Нюша написала записку и отправила с твоим письмом, так как я получил почти все твои письма, а его куда-то теряются.

Ну вот, в основном, и все. Пишите подробно о себе. Я с нетерпением и интересом каждый день жду от Вас писем. Обо мне не беспокойтесь, живите хорошо, когда встретимся, расскажу все подробности о себе, а пока что на этом кончаю.

Итак, с приветом.

Ваш Тетерин.

№ 5

Красноармеец К. Н. Меженный⁵ — жене

без даты

Жена Анна, я вам ставлю в известие, что наши перешли границу и прошли 15 километров Финляндии. Токо приказ поступил воздушному и морскому флоту воевать, но нам покамис что нету и наверное не будет [приказа]. Мы будем где-либо при городе нести караулы и охранять город, так что не волнуйся. Может нас куда-либо и перегонят, вроде есть такие поговорки, а покамис ничего неизвестно. До свидания. Остаюсь жив и здоров. Детей своих целую еще крепко.

Адрес Б.С.С.Р. Город Речица п/я № 125,7 ст[релковая] рота.

Кирилл.

№ 6

Красноармеец И. Т. Тимофеев⁶ — жене

Добрый день, здравствуйте Клавдюша, мать и дорогие детки. Шлю я вам свой сердечный привет и желаю вам всего самого хорошего, ваш муж Иван.

Клавдюша, нас перегнали [в] город Старица⁷. Ехали эшелонем одни сутки, ехали через Пустошку⁸ в ночь [со] второго на третье [декабря]. Клавдюша, я сейчас адрес не знаю и долго ль будем здесь стоять, но я скоро вам еще письмо вышлю, как узнаю где будем служить. Знакомых [тут] много, но зять я думаю что там остался.

Еще прошу я вас, что обо мне не беспокойтесь, а береги свое здоровье. Нам говорят, [что] с Финляндией дело улаживается, а то у вас, наверное, только и говорят [о] войне. Прошу живи спокойно и не волнуйся. Люди служат и домой приходят и я послуживши приду, ничего не поделаешь, что судьба наша такая Клавдюша, нам с тобой Клавдюша [выпала]. Еще новость, сейчас наш один боец газету читает, что наши заключили договор с Финляндией, значит дело хорошее⁹.

Клавдюша, я с Санькой* ... вам посылал письмо и в письмо клал вам 5 руб[лей] денег на гостинец, получали ль вы или нет? Если на Санькино письмо ответ не писала, то и не пиши, по тому адресу я не получу.

До свидания. Желаю вам быть здоровыми.

Ваш муж Тимофеев Иван

4 декабря 39 г.

№ 7

Красноармеец В. И. Булыгин — жене

7/XI-39** г. Вечер.

Здравствуйте дорогие и любезные дети и любезная супруга Ульяна Егоровна. Шлю я вам свой горячий привет и с любовью низко кланяюсь.

Спешу уведомить вас, что ваши письма получил. [Письмо] писанное в Козьмодемьянске¹⁰ и Лидино писанное 12 нояб[ря] и еще письмо писанное 24 ноября, за что сердечно благодарю, и стал здесь жить поспокойнее.

Еще уведомляю вас, что я нахожусь в лесах и среди болот на финляндской земле. Хотя и находимся в тылу, но приходится быть в опасности каждый день, среди бродячих банд, которые разбежались по лесам и ловят врасплох. Но Ульяна Егоровна, не беспокойтесь обо мне, так как беспокойся о себе и наших детях. Такая судьба моя несчастливая, чему быть того не обойти, не объехать. Живем мы все в шалашах, почти что на улице все время или, вернее, всю ночь у костра ночуем и обедаем, и ужинаем. Вот и письмо пишу у костра.

Еще уведомляю, что тятино письмо тоже получил, писанное 25 ноября за что сердечно благодарю и вы передайте это тятя. Писать всем-всем дак некогда, да конвертов нет, да бумаги нет.

* Далее неразборчиво.

** Так в тексте.

Были в финской деревне, там осталось только одно семейство, остальные ушли за своим войском, побросали все свое имущество и скот, которые дак даже зажгли свои хаты. Это говорит о том, что они сагитированы тем, что якобы наши, красные, убивают и издеваются над ними. Но это выходит все наоборот, даже наши приветствуют, что[бы] они не убегали бы в леса, а то из них и создаются банды. От Кандалакши находимся километров за 100 с лишним.

Затем, до скорого свидания. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю и счастливого успеха в делах ваших

Известный вам, преданный вам В. И. Бульгин.

Письма можно посылать без марок. Буду ждать ответа.

№ 8

Мл. лейтенант М. В. Тетерин — жене

Финляндия 15/XII-39 г.

Здравствуйте, Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотничик! Шлю привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни.

Пишу письмо из чужой страны, где нахожусь уже ровно полмесяца. Границу перешли утром, 30/XI, и постепенно продвигаемся вперед. От Вас здесь получил одно письмо от 28/XI, где была записка от Лидии и тети Ньюши, и больше пока не получал.

О себе писать есть многое что, но в тоже время и не знаю, с чего начать. Хочу сообщить основное, что пока жив и здоров. В первые дни после перехода границы продвигались вперед быстро, так как не встречали со стороны финнов никакого сопротивления, деревни, встречающиеся на пути, были все сожжены финнами, и населения не было нигде. Сейчас, уже несколько дней, продвигаемся вперед с боем, а последние два дня даже стоим на месте и ведем горячий бой, так как финны за рекой сильно укрепились.

Сейчас пишу письмо, а в ушах гремит со всех сторон — артиллерия обстреливает противника и в воздухе свищут снаряды. Мы уже привыкли ко всему этому и совершенно спокойно чувствуем себя. Жертв в нашем подразделении пока что еще не было. Но вообще-то жертв есть порядочно, особенно среди пехоты. От своей границы сейчас мы находимся около 100 км. Вот примерно все о себе. В смысле питания затруднений пока не видим. В финских деревнях находим много картошки и других продуктов и кушаем, сколько хотим.

Плохо только обстоит дело с руками — перчатки все изорвались. Катюша, если принимают посылки на почте, то сообрази и шей какие-нибудь шубные рукавички и вышли. Передай тете Нюше, что дядя Ваня тоже просил шубные рукавички, и Вы вместе их в одной посылке вышлите. Больше ничего не шлите, ну если папирос, пачек 5 «Звездочки», и сухариков белых килограмм, но большой посылки не делайте, так как ее не повезут сюда. Скажи также тете Нюше, что дядя Ваня тоже жив и здоров. Он получил уже здесь 5 писем, но писать совершенно самому некогда.

Итак, в основном все. Прошу всех Вас не беспокоиться за меня, надеюсь вернуться домой целым и невредимым, хотя, правда, не так скоро. Если что случится со мной, то Вам сообщат сразу, а сейчас Вы не расстраивайтесь и живите спокойно, особенно ты, мама, а то у тебя слабое здоровье и так. Пройдет еще не более месяца, и я буду дома.

Итак, до свидания. Крепко целую Лекочку, пусть он растет хорошим мальчиком, и я рад буду увидеть его большим. Наверное, он уже сейчас ходит, как хочется мне его сейчас посмотреть.

Не скучайте, Катюша, пиши подробно обо всем.

С приветом. *Ваш Тетерин.*

№ 9

Красноармеец В. А. Васин¹¹ — жене

1939 г. Декабря 17-го дня

Здравствуй дорогая жена Клаша и милые дети Толя, Шура, и Нина, и дорогие родители. Шлю я вам от всего любящего сердца горячий привет, а главное желаю быть здоровыми.

Клаша, письмо я ваше получил, написал и ответ 14/ХП, послал доверенность на получение в конторе выходного пособия, примерно в сумме руб[лей] около 100, постарайся получить, а также постарайся получить долги с тех [должников] о которых [я] вам писал.

Теперь Клаша, я тебе пишу, вспомнил про дом и нашу родную семью, как раз время свободное, так как мы находимся в тылу на отдых[е] уже 3 дня, противник засел крепко, не могут выбить, продвигаться вперед нельзя. Теперь сегодня или завтра опять нам придется идти на передовую линию и сражаться с противником, вот уже начали воевать с 30/ХI, а кончим когда и чем дело кончится, неизвестно.

Я, Клаша, жалею, что не пришлось даже проститься с вами крепко, и не простился с детьми, и с родителями, все были дома и братаны уехали как будто не надолго и шутя и не знаю больше придется ли нет побывать дома и увидиться с вами. Теперь только Клаша, вспоминаю, как я пошел из дома и как то мельком с вами простился. Я вам подал правую руку, а вы левую, хотел я поцеловать все в уста, вы как отклонились и поцеловал я вашу щеку, когда пришли в Кириллов¹² и нас стали отправлять и провожать, мне стало жалко и хотелось бы вас видеть без конца, но приходится Клаша, переживать все трудности и быть спокойнее, чем больше расстраиваться, тем хуже.

Теперь Клаша, нам здесь не страшно, уже привыкли, снаряды летают над головами и пули во время боя, по дорогам везде наставлены мины и рвутся и не куда бежать, а что будет и что выпало на мою долю того не миновать, и прошу написать мне Пожелания от родителей, и от вас, чтоб со скорою победой возвратиться домой.

Теперь Клаша, я жив и здоров, выдали валенки новые, ногам тепло, ноги простудил, лежал в окопах 4 суток в ботинках, была вода, теперь появилась опухоль, но может быть ничего и поправлось.

Посылаю Клаша, вам, Толе, Шуре и дочке Нине денег 10 [рублей], если есть, что купить в магазине, купи на все гостинцы.

Затем, до свидания. Клаша, буду ждать от вас ответа. Адрес без изменения. Выпиши газету, хотя [бы] на месяц и будешь читать и знать, как обстоит дело в Финляндии.

Ваш муж Васин.

№ 10

Мл. командир В. В. Смирнов¹³ — родным

24/ХП 1939 года

Привет из Финляндии.

Здравствуйте родители, мама Надя, Валя. Шлю я вам свой сердечный привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.

Мы уже как здесь [в Финляндии] время порядочное, дней как десять. Живем пока хорошо. Не знаю, что дальше будет. Думаю, чем дальше, тем лучше. Сейчас мы находимся — порт Петсамо¹⁴. Остановились и я решил сообщить вам, что жив и здоров, того и вам желаю.

Финляндские заправилы бегут, как сумасшедшие, в том числе и Эрко¹⁵ с Каяндером¹⁶, также, как польский Бек¹⁷, по его же стопам бегут, как собаки бегут, впереди себя зажигают села и деревни и народ весь за собой угоняют.

Писать пока нечего. До свидания, ваш сын Смирнов Виктор Васильевич. Извините, писал*... отошло с матросом на корабле, поедет мое письмо кататься по Баренцову морю на Мурманск, как и мы ехали на кораблях.

Смирнов. 24/ХІІ 39

Адрес: действующая армия, полевая почтовая станция 105, военно-сортировочный пункт № 2, 205 с[трелковый] п[олк]. Развед[овательная] рота Смирнову В. В.

№ 11

Мл. лейтенант М. В. Тетерин — жене

24/ХІІ-39 г.

Здравствуйте, Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Леко-тунчик! Шлю Вам свой привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни.

Спешу сообщить о себе, что пока жив и здоров. Нахожусь на территории Финляндии, вот уже скоро будет месяц. Сейчас уже 10 дней стоим на одном месте, живем в землянках на передовой линии. В последнее время больших боев нет, ведем только изредка артиллерийский огонь, готовимся к новому наступлению, так как финны сильно сопротивляются.

Живем ничего, обижаться не на что, питание хорошее, перебоев в снабжении нет, даже я не поедаю все в обед, всегда остается. Спать также хорошо, в землянках тепло, даже жарко, когда много натопим, так как одеты тепло, выдали теплое белье, фуфайки ватные, шинели и новые валенки, так что основное — ноги — всегда в тепле.

Я Вам писал письмо 15/ХІІ, а отправил 19/ХІІ, вероятно, вы его получили. До этого никак не мог собраться написать, и я знаю, что Вы, не получая так долго никаких известий от меня, сильно беспокоились за меня. От Вас почему-то тоже не получал писем. Последнее Ваше письмо получил от 27/ХІІ**, еще тогда не было войны. Письма

* Далее неразборчиво.

** Так в тексте.

сюда привозят, дядя Ваня получил здесь уже 3 письма, а я ни одного. Я знаю, что ты, Катюша, пишешь, но куда-то они опять теряются.

Катюша! Многое что хочется сказать тебе и написать, но все не опишешь. Если судьба будет вернуться мне домой, то расскажу о всех моих переживаниях, и жизнь наша опять потечет нормально и счастливо. Если же суждено погибнуть здесь, то я предоставляю тебе полную свободу, живи так, как желаешь. Моя единственная к тебе просьба воспитать сыночка и вырастить его. Мне больно писать все это, может быть, это лишнее, может быть, я и вернусь к Вам жив и здоров, ведь не всем же здесь суждено погибнуть, но пишу все это на всякий случай. Вы особенно не пугайтесь и не беспокойтесь за меня. Я живу еще в хороших условиях, хотя и на передовой линии, но нам не приходится встречаться лицом к лицу с врагом, и поэтому жертв у нас почти нет. За месяц мы потеряли только 5 человек со всей батареи, это совсем пустяк. Я лично чувствую себя совершенно хорошо и спокойно и желаю, чтоб Вы так же чувствовали себя. Ведь надо понять, что я здесь не один и что есть пословица: «Чему быть того не миновать».

Ну так, теперь прошу Вас написать подробно о всей Вашей жизни. Я давно ничего о Вас не слышал и очень интересуюсь Вашей жизнью. Катюша! Пиши, как растет Лекочка. Ты сильно не расстраивайся, береги себя, еще поживем вместе, когда разгромим финнов. Вот скоро будет уже 2 года, как мы поженились, а жили вместе всего год, таково, верно, наше счастье. Мама, ты тоже не расстраивайся, тебе еще надо пожить и поберечь себя.

Ну вот и все, пишите, жду. Крепко жму Ваши руки.

С приветом. *Ваш Тетерин.*

24/XII.

Вчера, 23/XII, исполнилось три месяца, как я выехал из Петрозаводска и видел всех Вас.

№ 12

Мл. лейтенант М. В. Тетерин — жене

27/XII-39 г.

Здравствуйте, Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотничик! Шлю горячий привет и лучшие пожелания в Вашей жизни.

Спешу сообщить, что вчера, 26/XII, получил от Вас долгожданное письмо, писанное у Кати 21/XII. Оказывается ты, Катя, ждала от меня

письма и не писала сама почти месяц. Я уже писал тебе, что последнее письмо получил в начале декабря, писанное тобой от 27/XI, в котором была еще записка дяде Ване. После этого, вероятно, ты не писала, как я понял из твоего письма, а ждала от меня ответ. Письмо с деньгами от 18/XI и второе, с марками, я тоже получил и ответил на них последний раз с советской территории 28/XI, но почему-то, как видно, ты его не получала. После этого до 15/XII я совершенно не мог написать письма, так как мы все время были в дороге. 15/XII я написал [письмо] и отправил его 19/XII, которое ты, вероятно, теперь уже получила. 25/XII* отсюда написал второе письмо и вот уже пишу третье с территории Финляндии.

Я хорошо сознаю, Катюша, как ты и вообще все Вы расстраивались и беспокоились за меня, не получая никаких известий, но поверьте, что я не мог никак сообщить Вам ничего. Ведь мы после перехода границы 30/XI по 12/XII каждый день продвигались вперед с боем, и поверь, что было не до письма. Сейчас, вот уже 15 дней, стоим на одном месте, и вот, имея свободное время, я отсюда пишу уже 3-е письмо.

Ну о себе пока нового сообщить ничего не могу, как видите, жив и здоров. Вперед пока не продвигаемся, накапливаем силы для нового наступления. Бой почти не ведем, только изредка трещат пулеметы, и понемногу каждый день мы посылаем финнам «гостиницы» в виде Ворошиловских килограммов. Вы, вероятно, читали в газетах за 24/XII об итогах военных действий в Финляндии за три недели, где все подробно сказано. Как видите, жертв уже есть порядочно, вместе с ранеными около 9 тыс[яч] человек. Вероятно, заметно это и у Вас в Петрозаводске, так как ты, Катя, пишешь, что уже дежурила в госпитале. Но ничего, не надо падать духом, все равно победа будет за нами и «козявке» слона не победить. Я еще мечтаю пройти до самого Финского залива, сесть в Хельсинки на поезд и с пересадкой в Ленинграде приехать домой в Петрозаводск. Правда, это будет еще не скоро, вероятно, тогда уже загорать на солнце можно будет, но подождем, и это время придет. Вы приготовьте только «маленькую» для встречи, наверное, не закиснет она.

Ну так, теперь, Катюша, по поводу твоего письма. Я рад, что Лекочка растет хорошо, даже письмо уже мне умеет писать и ждет меня домой. Как мне хочется увидеть его сейчас, хотя бы во сне

* Так в тексте.

приснился. Ну пусть растет хорошим мальчиком, надеюсь, что мы вместе будем воспитывать его.

Теперь, Катюша, напиши в деревню, а также и всем родным, что я пока жив и здоров и с успехом выполняю свой долг. Значит, Мальшев тоже сейчас здесь, недалеко от меня. Катюша, ты мечтаешь собраться всем вместе летом и провести и забыть все горе. Да, если будет судьба, то, конечно, опять соберемся все, вспомним и расскажем друг другу о прожитом в прошлом, а рассказать будет многое что, и заживем новой, счастливой жизнью.

Ну примерно и хватит писать. Всего все равно не опишешь, лучше расскажу лично, после окончания войны. Теперь прошу Вас писать подробно о себе и о всем новом, что творится в Петрозаводске, и вообще обо всем. Прошу совершенно не беспокоиться за меня. Я совершенно нахожусь сейчас в неопасном положении и думаю еще долго пожить.

Привет всем соседям. Привет Вам от дяди Вани. Он вчера получил два письма и рассказывал, как Папа, находясь дома, держал на руках Славку и Леку и вспоминал о нас. Да, трудно это переносить, но ничего, все пройдет и забудется.

Итак, жду ответ. С горячим приветом *Ваш Тетерин*
28/XII-39 г.

№ 13

Красноармеец И. П. Малашихин¹⁸ — жене

28/XII [1939 г.]

Здравствуйте Дуся, Толенька и Колечка, шлю привет.

Дуся, твое письмо получил вчерашний день, которое послано 15-го XII, а остальные не получал. Яшу Богданова не видел 2 недели, они при батальоне на передовой линии.

Сообщаю о себе, что здоров, чувствую себя хорошо. Я уже писал в том письме, что находимся на финской территории, от границы вглубь на 70 килом[етров]. Сейчас стоим*... на одном месте, уже около**... на фронте затишье, как наши, так и финны не наступают, но а финны и вообще наступлений не ведут, а только обороняются, кроме как производят налеты мелкими группами на дорогах. На многие

* Далее неразборчиво.

** Далее неразборчиво.

[части] уже налетели, но нам пока не приходилось принимать боевое крещение, но ожидаем ежеминутно.

Живем в землянках, тепло, но грязновато, как вот ходишь на охоту и ночуешь в лесной избушке. А я, в особенности, в такой обстановке не считаю себя стесненным. Бывало на охоте еще хуже, по пять ночей без всякой избушки, под открытым небом, в снегу и то ничего.

Прошли 70 км. территории финской, а мирного населения не видели. Прошли около 10-ти хуторов, а эти хутора, пшоцкоровцы, как их называют, самые заядлые бандиты, уведят мирное население из хуторов, а дома после их сжигают, и вот хуторов около 10-ти все сожжены.

Ты мне пишешь в письме*..., ты беспокоишься за меня, за мое моральное состояние. Ни чуть не думай, ни о чем. Я здесь не один, нас здесь на 70 км. от границы до нас, все по всей дороге сплошной поселок, если пойдешь в которую сторону, везде сплошная армия. Еще раз хочу сказать, в тех письмах я писал, но ты наверное [их] не получала, что всем нам выдано зимнее обмундирование: валенки, ватные брюки, телогрейка, шлемы, рукавицы, так что одеты тепло. Выделяют даже деньги, я уже**... получил 4-й раз зарплату 10 руб[лей] в месяц, табак [выдают] бесплатно.

Сообщаю, что знаешь Бармина Николая, жил в Повенце¹⁹, убитый 7-го числа. Козырев Павел, работал до меня завхозом в детдоме, раненый. Теперь Котов Ванька у Логвиновых живет, у Хотеевых, расстрелянный. Рев***[олюционный] трибунал присудил его к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение. Он натворил тут. Во время чистки оружия стал разряжать винтовку и выстрелил, убил одного бойца и другого ранил. И другое, когда были в бою, командир приказал открывать огонь по неприятелю, а он свалился в окоп и отказался стрелять. Тут еще троих расстреляли, не хотели служить в рядах Красной Армии и занимались самострелом, отстреливали себе пальцы на руках. Это презренные трусы, зато они получили по заслугам. Но, а остальные наши повенецкие, их тут наверное в разных подразделениях человек 12, пока что все целы. Жаль Кольку Бармина, беднягу, убили, вот он сей год со мной обучался на всеобуче. Рассказывают про него так. Ранили его в руку и он не потерпел пока прошел

* Далее неразборчиво.

** Далее неразборчиво.

***Так в тексте.

бы бой, стал кричать санитару оказать ему помощь. Санитар тот полз и стал делать ему перевязку и его вторично пуля ударила в грудь, так и убили на руках санитару.

Я беспокоился долго, до получения письма. Видел тебя раза два во сне и так худо, что ты все плачешь и все недовольна чего-то на меня. Как получил письмо, так стало лучше на душе. Здесь беспокоишься больше о домашних, а не о здешних условиях.

Ну пока, до свидания. Хватит пока, а то все равно всего не напишешь. Целую всех, особенно Коляночку. *Ваш Малашихин.*

Действующая Красная Армия. Полевая почтовая станция 215, 316 стрелковый полк, транспортная рота. Малашихину.

№ 14

Мл. командир К. Н. Меженный — жене

1/1 1940 год

Письмо.

От вашего мужа Кирилла Николаевича. Здравствуйте, дорогие родители, жена Анна и дети мои, сын Михаил и дочь Маруся, и мать Феня.

Во-первых строках моего письма я вам сообщаю, что жив и здоров, того и вам желаю. Но токо жена Анна, я вам писал письма два, что мы находимся в Финляндии на фронте, на передней линии, токо в обороне, а не в наступлении, в окопах, в лесу около реки и близ Ладожского озера с правой стороны, а слева река и за рекой, на том берегу противник, метров через 30 и больше.

Дак жена Анна, получали письма вы эти или нет. Что [-то] мне нет ни одного письма из этих двух или они не доходят туда. Что я писал письмо 19 декабря, а мне еще ответа нету и Справцев Филипп посылал [записку] вместе с ним, тоже в письме, тоже [ему] нету никакого ответа.

Жена Анна, покамис что здесь еще особенного такого [нет], нету убитых, токо раненые 3 человека, два в ногу, а один в руку, и больше нет ничего. Хотя и снаряды летят через голову по противнику, наши через нас и бьют [огневые] точки противника. Шамовка у нас очень хорошая, токо живем в окопах. Нам выдали валенки, здесь зима, снег и морозы градусов 15. И еще Анна, теперь я работаю помкомвзводом, которому 21 человек подчиняются мне, и хожу на всех все получать: сахар, табак, и завтрак, и обед и все что приходится получать на взвод,

но токо командир взвода может получить да я, а больше никто со взвода моего.

Вот и все, что я хотел вам написать. Добродеевцы все в одной роте, токо не в одном взводе. Я в первом, Филипп и Пимен и я, а остальные во втором, со мной спит в окопе одном Пимен и Филипп и [воюем] в одном отделении.

Вот и все жена Анна, целую своих детей, сына Михаила и дочь Марусю и тебя Анна целую и мать Феню целую и может придется приехать домой, может вроде и не придется наступать всем. По поклону отцу, матери, и братьям, и сестрам, и всем теткам и дедкам с ихними детьми.

До свидания. Остаюсь жив и здоров. Ваш муж, отец, и зять, и сын, и всем знакомый.

Мой адрес: Действующая армия, полевая почтовая база № 73, 469 ст[релковый] пол[к], 6 рота, 1 взвод.

Кирилл Николаевич.

До свидания.

№ 15

Красноармеец А. Абакумов²⁰ — жене

20/1-40 года

Добрый день. Здравствуйте все родные: Верочка, дети Галя и Геня, брат Коля и все сестры. С приветом к Вам Ваш супруг Верочка, Шурка Абакумов.

Во-первых строках моего письма сообщаю, что я на сегодняшний день еще нахожусь жив*... в окопе у огня, ожидаю финна и пишу Вам письмо, коротенько. Нахожусь я сейчас, Верочка, в Финляндии, на передней линии фронта на ухтинском направлении. Местность все лес один, деревень не видели, хотя они были, то финны все пожгли. Живем в землянках у костра греемся, а иной раз и под елкой и без огня, едим мерзлый хлеб да воду греем из снега. Я очень весь, Вера, простыл, но все это, Верочка, ничего, только бы остаться в живых, все бы это перенес, жить еще охота, но хотя бы ранили, но не насмерть убили, это бы счастье мое большое [было]. Мы, Верочка, сейчас живем с 10 числа в обороне, учимся ходить на лыжах, а то** ... снег стал очень

* Далее неразборчиво.

** Далее неразборчиво.

глубокий, а с 25 января будем опять наступать, где опять и повалятся жертвы.

Писем, Верочка, я от вас не получал уже 2 месяца и не знаю, что делается дома, как вы живы и здоровы и не знаю получаете или нет вы от меня письма. Я пишу хоть не очень часто, но и не редко. Живите, Верочка, пока, как можете, как вам лучше, работайте, береги детей. Если пойдешь на работу, то* .....тставь от учебы, оставь водиться дома. С какими[-либо] недостатками, Вера, в хозяйстве, обращайся к колхозу. И получаешь [или] нет пособие от с/совета? Если не получаешь, то хлопочи, заставь кого-нибудь написать заявление в райисполком или даже в облисполком.

Живи, Верочка, очень не расстраивайся, что будет. Если есть счастье, то жив останусь, если нет, то не кутить остался я здесь. Знакомых никого нет, все украинцы и белоруссы. Всех нас, знакомых, разбили по разным ротам.

Больше писать такого нечего. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Писем, Вера. мне писать я не советую, потому что находимся каждый день в разном месте, получать трудно.

Живите спокойно. Люби и расти детей, если буду жив, вам письма писать буду. Крепко целую детей и тебя Верочка.

С приветом *Щурка Абакумов*

20/1-40 г.

№ 16

Красноармеец А. М. Патлай²¹ — отцу

20/1-40

Здравствуй, дорогой отец!

Пишу по прежнему с Тулы, сидим** ... в той же школе и формируемся. Но изменения за эту пару дней произошли значительные, в особенности, для некоторых. Стали ежедневно присылать много приписного состава и распределять их между нами, а из молодых набирают ребят послабее или немного***... и отправляют их в другие постоянные части, например в Киров или обратно в Москву. А остав-

* Далее неразборчиво.

** Далее неразборчиво.

***Далее неразборчиво.

ляют самых сильных духом и также физически и мешают их с приписным составом.

Мне тоже счастье улыбнулось, но только на одну минуту и в этом я сам же виноват. Меня тоже было ввели в список отправляемых. Но разве я виноват, что я лучший пулеметчик во взводе. Разве я виноват, что своим старанием я сделаю себе хуже впоследствии. А теперь получилось так, что я не только первый номер возле пулемета, а преподаю пулемет младшим командирам и красноармейцам из приписного состава. Ну и ничего удивительного, ясно, что мне нужно прочесть [описание пулемета] пару раз и я этот пулемет знаю, а человеку малограмотному или с 3-4 классами, он дается много труднее, а пулемет «Максим» довольно сложная вещь. Плюс к тому еще [я] комсомолец, агитатор. И через это все командир взвода пошел к командованию роты на настоял на том, что б я остался. Почему я говорю счастье выехать? Потому что с каждым днем станет все яснее наша судьба. Нас не только одели с головой в теплое обмундирование, а и вооружили до зубов. Теперь только мешают с приписным составом, то есть с такими которые уже служили в армии и кое-что смыслят в военном деле. Но что же, все равно, рано или поздно, а пойти придется, потому что в такое время живем. Ясно, что сразу на фронт нас не пошлют, [отправят] в тыл для наведения порядка. А оно возможно скоро и окончится, так что на фронте быть не придется.

В последнее время так я тоже начал хитрить, в виду того, что я физически малосильный отпросился от пулемета, который иногда приходится в разобранном на двое виде тащить на плечах и каждая часть весит по полтора пуда. А взял себе снайперскую винтовку и стал снайпером пулеметного взвода. И если будет выезжать другая партия, так меня смогут отпустить, потому что как снайпер я еще не профессионал, а пулеметчик с меня все же был, хоть из пулемета я и не стрелял серьезно.

Недавно тут одного споймали, что удрал с Финляндии, то есть дезертировал с армии. Мне как раз удалось быть на суде. Судил военный трибунал. Очень строго судят, раз-два и к расстрелу. Но он же удрал прямо с фронта, бросил пулемет, забрал с собой наган, патроны, гранаты, да еще и к тому [же] напился и в таком виде направился домой. И тут на станции в Туле его споймали.

Надеюсь, что ты уже получил то барахло в посылках. Очень жаль, что нельзя тебе написать. Тут сидишь, как в тюрьме и очень скучно без писем, не зная ничего что делается дома. Но переписку устроить

трудно, да и снова говорят, что 23 числа мы выедем. А давать обратный гражданский адрес нельзя, а засекреченного адреса нет, потому что мы тут не постоянно. Один послал было до дому точный адрес и ему пришел ответ и за это ему дали 2-е суток ареста на гауптвахте, потому что этим он разглашает тайну, раскрывает местонахождение большущей части. А можно делать так: писать на Тульскую почту, «до востребования», а я смогу отпроситься в город, зайти на почту и спросить за письмо. Так некоторые ребята даже деньги получали.

Прямо терпение урывается, так хотелось бы получить письмо. Но оно, наверное*...

№ 17

Мл. лейтенант Е. С. Сивохин²² — жене

Моя дорогая крошка.

Мы продолжаем стоять все на прежнем месте. Как и в первый день моего прибытия на передовую линию, почти не умолкая ухает наша артиллерия, стонет земля от взрывов наших снарядов. В короткие временные промежутки молчания нашей артиллер[ии] противник начинает обстрел наших рубежей, выпускает по 10–20 снарядов и снова умолкает в своих дотах.

Вероятно, готовится с нашей стороны большое наступление. Войну нужно заканчивать скорее. Предстоит нечто грандиозное.

Моя дорогая крошка! За эти дни я с необыкновенной ясностью вспомнил всю нашу жизнь. Почему-то наиболее ярко из тумана прошлого всплывают светлые минуты, поэтому жизнь кажется особенно радостной, особенно дорогой. Мое здоровье удовлетворительно. Напиши мне большое, подробное письмо. В прошлом письме я тебе написал свой адрес. На всякий случай пишу еще:

Действующая Р.К.К.А.

В.П.П.С. № 469

15 стрелк[овый] полк, 1 стр[елковый] б-н.

Не теряю надежды скоро тебя увидеть и обнять крепко, крепко. Привет Влад[имиру] Вас[ильевичу] и Люд[миле] Влад[имировне].

Твой Елизвой

26. 1. 40 г.

---

* Концовка письма утрачена.

№ 18

Мл. лейтенант Сивохин Е. С. — жене

Мой милый, мой славный Лютик!

Вчера получил твое письмо. Большое спасибо за сочувствие и за доброе пожелание. Если бы ты знала, моя крошка, как сильно я нуждаюсь в моральной поддержке, как тоскую по родной ласковой руке.

Пришел конец нашему стоянию на одном месте, сравнительно спокойном. Вот скоро, скоро должен начаться суший ад. Сейчас на линии фронта стоит необычная тишина, но она не успокаивает, сердце говорит, что это затишье перед грозой. Зловещая, давящая тишина, мутит ум и замораживает душу.

Я вполне здоров, только похудел и оброс бородой*,... плохой аппетит, что очень скверно.

Ты мне сегодня приснилась, но к сожалению это был только сон. Мне так хочется, чтобы ты поняла, интуитивно почувствовала мою тоску по дому, по родным, по тебе. Не хватает слов, чтобы это все выразить.

Сербарина [?] я не вижу, хотя мы стоим друг от друга недалеко, но здесь ходить в гости не принято. Будем моя дорогая надеяться на скорый и благополучный исход и, следовательно, на счастливую встречу. Крепко целую. *Твой Елизвой.*

Привет твоим родителям.

5. 2. 40.

№ 19

Красноармеец И. И. Ивах²³ — жене

8. 2. 40.**

Здравствуй, милая Лена!

Привет, привет, привет и тысячу поцелуев. Я жив, здоров, чувствую себя замечательно. Нахожусь на ребольском направлении, дела идут не плохо, близко тот момент, когда финские бандиты будут разгромлены и границе нашей родины в этом участке будет обеспечено спокойствие на долгое время.

* Далее неразборчиво.

** Дата дана по почтовому штемпелю.

Я изредка по пути писал тебе коротенькие открытки, но очень обидно и жаль, что целый месяц ничего не могу получить из дома, чтобы узнать как дело обстоит дома. Я зная твою беспокойную натуру еще больше беспокоюсь о тебе, хотя особенно и думать некогда, больше приходится заботиться о себе и товарищах.

Обеспечены мы здесь очень хорошо, одеты хорошо, тепло, кормят хорошо, кроме того получаем дополнительный северный паек, в который входит пшпик, сахар и вино. Ну в отношении условий говорить не приходится, в населенных пунктах сидеть не приходится, к морозу и холоду привык, морозы скоро должны постепенно уменьшиться, этому конечно радуемся и ждем. За этот период пришлось пережить ряд трудностей, которые будут еще и впереди.

Ты Лена, напиши, пожалуйста, как дела дома, получаешь ли ты заработок мой, как с яслями и дровами, тебе сейчас, конечно, трудно с ребятишками, если что то возьми няню, тебе будет легче, а возможность ты имеешь.

Насчет меня не беспокойся, двум смертям не бывать, а если что и случится, то, прошу тебя, береги ребягишек, ибо у них отец и мать один и одна, мужа ты можешь найти, но отца настоящего им не найдешь.

О себе больше писать ничего не могу, что предстоит завтра не знаю. Это знаешь у одной старушки в царской армии служил сын, старуха эта была темная, особенно, в военных делах. Вот она увидела солдата и спрашивает — вы с войны, он говорит «да», она спрашивает «а как там эти пули здорово бьют, ведь мой сынок тоже там, наверно убили», он ей отвечает «нет бабка, ничего не будет придет жив, если в лоб попадет отскочит, а в рот, так проглотит». Она и говорит «Вот дал бы бог моему сынку в лоб».

Я думаю этого ты мне, конечно, не желаешь. Я тебя не забывал и не забуду никогда, пока досвидания. Крепко целую тебя и ребят, желаю лучшего в жизни, буду иметь возможность, писать буду каждый день, а сейчас жду ответа, позавчера послал тебе свой адрес.

Действующая Красная Арм[ия].

полевая почтовая станция № 192

17 О.Л.Л. Бат[альон]. 2/2, мне

Красноармеец П. С. Кабанов²⁴ — родным

Финляндия. 1 марта 1940 года

Добрый день!

Папаша, мама, крестька, Лидочка. Шлю красноармейский привет. Не писал, потому что переезжали и адреса не было. В настоящее время находимся в 100 километрах от нашей границы, продвинулись вглубь Финляндии. Хорошо слышна пулеметная стрельба. Фронт от расположения нашей части 3–4 километра. Наша часть пока находится в резерве. На нашем участке продвижения наших войск нет. Мне кажется, что Вам понятно, что нашу часть перебросили не просто посмотреть Финляндию, но в нужный момент вступить в бой с белофиннами. Это должно случиться в ближайшее время.

Ну раз война, а особенно современная, без потерь не может быть, это понятно каждому. Могу такой жертвой стать и я. Поэтому у меня к Вам большая просьба вести себя как можно мужественней, как подобает гражданам Советского Союза, самое главное, это будет относиться к маме, как можно меньше слез. Если это случится, то Ваша задача воспитывать Лидочку. Вы должны помнить — меня Вам заменит государство. Когда папаше исполнится 60 лет, а маме 50 лет, Вам будут выплачивать пособие. Ну за сына Вам стыдно не будет. В настоящее время, то есть со дня получения этого письма, прошу, еще не заносить [меня] в поминальник и если кресинька вздумает молиться, то пусть молится только за здоровье.

Ну ведь все, что я писал это худший исход. Не смотря на то, что финны прекрасно стреляют, но всех же нас здесь не перебьют. Воевали люди раньше, воюют и сейчас и остаются живы. а чем я хуже, да ни чем. Присвоенное мне оружие станковый пулемет, получен новый, работает безотказно, стреляю неплохо, наган тоже в порядке, ну, а боеприпасов у нашей армии хватит на долгие годы и, пожалуй, не перестрелять. Так что, все шансы в сторону жизни.

Я в прошлый раз писал, что жожу в сапогах, теперь выдали валенки, а маме за носки большое спасибо, в них особо тепло. Кормят хорошо, дают масло и для аппетита по 100 грамм водки. Папаша, это ведь не так уж плохо. Здоровье в порядке, после как сюда приехал, даже говорят поправился. Будем надеяться, что с белофиннами в ближайшее время покончим. Живем сейчас в лесу, в землянках тепло и даже светло. Пишу ночью, только что вернулся с караула, ребята спят.

Напишите, полностью ли рассчитались с государством по денежным обязательствам, если нет, то я могу деньжонок несколько послать.

Привет всем, всем, всем. Пусть дядя*... не сердится, я же ему нового написать не могу, а Вы передайте ему [то], что я пишу [вам].

Сообщите, получили или нет посылку. Наверное Лидочка, сердится, что я ей не прислал конфет или еще что-либо. Растолкуйте ей, что негде было купить.

Посылаю фотокарточку.

Адрес на конверте.

Для всякого случая:

Адрес: Действующая Красная армия,

В.П.С.П. № 2 [?]

П.П.С. № 111

320 стр[елковый] полк, 8 ст[релковая] рота.

Остаюсь жив и здоров.

Ложусь спать.

Павел.

№ 21

Мед. работник Колосова²⁵ — жене лейтенанта А. И. Лопухина²⁶

без даты

Анна Николаевна.

Я работница госпиталя, где лежал ваш муж и хочу вам сообщить кое-что о нем.

Ваш муж ранен в живот осколком, очень опасно, операция ему была [сделана] в тот же день, когда его ранили, то есть 12 марта. Осколка не достали, было невозможно, часть кишек попорчена и часть удалена. После операции я его видела в тяжелом состоянии, [он] дал ваш адрес и просил написать если что. Больше я его не видела. Услышала [о нем] только тогда, когда он умер, было очевидно тяжело. Он 29 числа марта, умер.

Вы не расстраивайтесь, вам сообщат из госпиталя, но я поспешила побыстрее довести до вашего сведения.

Извините за такое**... сообщение. Я очень вам сочувствую***... вашу семью и вашем****... к вам.

Колосова.

* Далее неразборчиво.

** Далее неразборчиво.

*** Далее неразборчиво.

****Далее неразборчиво.

Красноармеец Сорочинский²⁷ — отцу А. М. Патлая

Отцу Патлая, погибшего 4 марта в 5 часов дня в боях с белофиннами за станцию Пяру*, возле ж[елезной] д[ороге] проходившей от Выборга на северо-запад Финляндии.

С вашим сыном я не служил. Он был в другой роте нашего 344 стр[елкового] полка. Когда после больших боев наш полк был обессилен, 23/II наш полк пошел с линии огня на станцию Кемеро** для формирования и пополнения, а нас заменил другой полк.

С нашего полка сформировали ударный батальон. На этот момент с нашего пульвзвода осталось 5 человек. Нам дали пополнение в котором был ваш сын. Наш взвод принял грозную силу и [мы] пошли ликвидировать очаг опасности в [тылу] нашей дивизии (финны прорвали фронт и заняли снова свои укрепления). Нам эти укрепления пришлось брать с озера.

Так мы были [вместе] с ним с 24/II по 27/II. 27/II ночью, наша рота пошла в разведку, с ней пошел наш пульвзвод с 3-мя пулеметами. Я был первым номером (пулеметчик), а ваш сын был другим номером моего пулемета. Он мне помогал. Мы пошли далеко в тыл финнам. Они нас обнаружили и началась битва. Наша рота сражалась с финнами в их тылу. Они нас окружили и мы думали, что будет смерть. У нас было на 3 пулемета 60 лент. Врага мы смяли [?]. Враг растерялся, а мы использовали момент и вырвались из кольца.

27/II нашей дивизией был прорван фланг [противника] и мы далеко забрались в тыл финнам, взяли без боя финский штаб и с малым боем станцию Пяру. На станции Пяру наша рота пошла на 20 часов на отдых. В этот момент у нас вышло много [бойцов] из строя, а потому меня, красноармейца (Сорочинского) поставили командиром отделения, а вашего сына пулеметчиком (первый номер). Так мы и дальше действовали. Он у меня был честный боец-пулеметчик. Я его благодарил, когда мы были отозваны от кухни и он меня угощал сырой брюквой, желтой.

С[о] станции Пяру фронт отошел на 10 км. и там финны укрепились за желез[ной] дорогой. В нашем батальоне силы были малы и мы дальше врага не могли еще так быстро гнать. Возле этой ж[елезной] д[ороги] мы держали оборону и подтягивали силы с нашего батальона.

* Так в тексте. Имеется в виду ст. Перо, ныне ст. Перово Ленинградской области.

** Так в тексте. Имеется в виду ст. Кямьяра, ныне ст. Гаврилово Ленинградской области.

4 марта в 5 часов дня был дан приказ: разгромить врага в укреплении и взять его в плен. Я посадил свое отделение на танки с пулеметами за специальные щиты и двинулась наша рота с танками на врага. Враг отступил и сконцентрировал силы возле укрепления. Мы остановились, слезли все с танков. Танкисты и пехота пошли по сгоревшим домам, которые бросили финны. Мы подсушили валенки и портянки, рукавицы, согрели руки и снова стали атаковать врага. Враг чтоб остановить движение нас, открыл сильный огонь с трех сторон. Ваш сын сидел за пулеметом и вел огонь с танка, я наблюдал за размещением врага. Враг сконцентрировал огонь по нашему танку, ибо на нем был наш взвод с 2-мя пулеметами и не давал дышать врагу. С близкого расстояния, прямой наводкой он ударил по нашему танку, разбил оба пулемета станковых. Одного пулеметчика ранило в голову (разбило череп), а вашему сыну снарядом отбило голову. Тулуп с пулеметами полетел, а голова осталась сверху на танке. Другим снарядом мне разбило руку и я полетел в снег. До утра враг наголову был уничтожен, не смотря на то, что он сидел в доте. Там за родину погиб ваш сын. На 8/III я добрался до фронтового госпиталя и был отправлен в Ленинград. Оттуда в Крым в санаторий, лечить руку. Сейчас снова в армии, только болит рука, не знаю, что будет дальше.

Хорошо помню вашего сына. Он был очень тихий, скромный, всегда просил меня ночью, чтоб я отпустил его к танку посушить валенки и портянки, рукавицы и разморозить хлеб, когда был, и я его отпускал, заняв сам его место. Через 30–40 минут он приходил от танка, веселый с сухими портянками и снова лежал на 50 градусном морозе, на снегу за пулеметом, держась за ручки и готовый каждую минуту 100 пуль выпустить по врагу.

Помню еще номер. Мы заняли деревню, приняли оборону и он попросился у меня, чтоб я отпустил его. Он пошел и снова возвратился, принес мне хороших кислых финских яблок и сала. Помню, когда 1/III, мы с ним варили картошку на догорающем финском доме, ибо наша кухня была в тылу.

Ну это кратко будет и все.

С приветом.

Красноармеец Сорочинский.

За вашего сына будет не один враг уничтожен, если еще посмеет на нас напасть. Извините, что так плохо пишу, потому что стою в карауле и нет времени. Все это мне про вас сказал Середа (с вашего села).

Прошу, напишите мне письмо. У меня брат, так сам с этого года [что и ваш сын] там убит, а [другой брат] с 1917 года еще в госпитале, отбита нога.

27/VII 40.

Комментарии

¹ Мл. лейтенант *М. В. Тетерин* воевал в составе 3-го артиллерийского полка 18-й стрелковой дивизии 8-й армии на Петрозаводском направлении. Погиб в феврале 1940 г.

² Красноармеец *В. И. Булыгин* воевал в составе 402-й отдельной телеграфно-строительной роты 14-й армии на Кандалакшском направлении. Погиб в декабре 1939 г.

³ Поселок в Карелии.

⁴ Город в Ленинградской области.

⁵ Мл. командир *К. Н. Меженный* воевал в составе 469-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 13-й армии на Карельском перешейке. Погиб в феврале 1940 г.

⁶ Красноармеец *И. Т. Тимофеев* воевал в составе отдельного лыжного батальона (более точные данные не установлены). Погиб в марте 1940 г.

⁷ Город в Тверской области.

⁸ Город в Псковской области.

⁹ Имеется в виду заключение Договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и т. н. «Народным правительством Финляндской Демократической Республики», который был подписан в Москве 2 декабря 1939 г. В. М. Молотовым и О. В. Куусиненом.

¹⁰ Город в Марийской республике.

¹¹ Красноармеец *В. А. Васин* воевал в составе 367-го стрелкового полка 168-й стрелковой дивизии 8-й армии на Петрозаводском направлении. Погиб в январе 1940 г.

¹² Город в Вологодской области.

¹³ Мл. командир *В. В. Смирнов* воевал в составе 205-го стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии 14-й армии на Мурманском направлении. Погиб в марте 1940 г.

¹⁴ Ныне поселок Печенга Мурманской области.

¹⁵ *Эркко Эльянс* (1895–1965), министр иностранных дел Финляндии в 1939 г.

¹⁶ *Каяндер Каарло* (1879–1943), премьер-министр Финляндии в 1937–1939 г.

¹⁷ *Бек Юзеф* (1894–1944), министр иностранных дел Польши в 1932–1939 г.

¹⁸ Красноармеец *И. П. Малашихин* воевал в составе 316-го стрелкового полка, 18-й стрелковой дивизии 8-й армии на Петрозаводском направлении. Погиб в 1940 г.

¹⁹ Поселок в Карелии.

²⁰ Красноармеец *А. Абакумов* (отчество не установлено), воевал в составе 81-го стрелкового полка 54-й стрелковой дивизии 9-й армии на Ухтинском направлении. Пропал без вести в 1940 г.

²¹ Красноармеец *А. М. Патлай* воевал в составе 344-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии 7-й армии на Карельском перешейке. Погиб в марте 1940 г.

²² Мл. лейтенант *Е. С. Сивохин* воевал в составе 15-го стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии 13-й армии на Карельском перешейке. Погиб в феврале 1940 г.

²³ Красноармеец *И. И. Ивах* воевал в составе 17-го отдельного лыжного батальона 3-й армии на Ребольском направлении. Пропал без вести в 1940 г.

²⁴ Красноармеец *П. С. Кабанов* воевал в составе 320-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии 15-й армии на Петрозаводском направлении. Погиб в марте 1940 г.

²⁵ Мед. работник *Колосова* служила в эвакуационном госпитале № 2011 г. Ленинграда (более точные данные не установлены).

²⁶ Лейтенант *А. И. Лопухин*, уроженец г. Великий Устюг Вологодской области, умер от ран в эвакуационном госпитале № 2011 Ленинграда 29 марта 1940 г. Похоронен на Пискаревском кладбище (более точные данные не установлены).

²⁷ Данные не установлены.

Власовцы в Пражском восстании: Новые документы

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии К. М. Александрова**

Предлагаемые вниманию читателя шесть документов позволяют иначе взглянуть на традиционную в отечественной историографии интерпретацию событий, связанных с Пражским национальным восстанием 5–8 мая 1945 г. и участием в восстании 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России под командованием генерал-майора ВС КОНР Сергея Кузьмича Буняченко.

Отрывки из приведенных документов в различных вариантах перевода встречаются в материалах коллекции историка и специалиста по германской оккупационной политике в 1941–1945 гг. А. Ю. Даллина, хранящейся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США). Полный текст восстановлен по копиям документов, хранящихся в приложении к тому № 25 следственных материалов по делу С. К. Буняченко архивной коллекции Н-18766 следственной части по особо важным делам МГБ СССР в Центральном Архиве Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации.

Текст печатается с сохранением стиля и орфографии по копиям перевода с немецкого на русский язык. Документы расположены автором публикации в хронологическом порядке.

В связи с дискуссионностью вопроса о причинах и характере участия власовской дивизии в Пражском восстании 1945 г. мы предлагаем публикацию небольшой вводной статьи.

---

* Автор публикации хотел бы выразить признательность покойному Виктору Георгиевичу Бортневскому за помощь в организации исследований в Гуверовском Архиве Стэнфордского университета и поблагодарить члена сценарной коллегии студии «Лентелефильм» Павла Павловича Сергеева и архивиста Юрия Михайловича Разбоева за предоставленную возможность ознакомиться со следственными материалами.

К концу февраля 1945 г. на учебном полигоне Вермахта в Мюнзингене (Бюртемберг, юго-восточнее Штуттгарта) завершилось формирование 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР, которой с 10 ноября 1944 г. командовал бывший полковник Красной Армии, генерал-майор Вооруженных Сил КОНР С. К. Буняченко¹. Первая влазовская дивизия изначально формировалась по образцу народно-гренадерской дивизии Вермахта и имела следующий состав: штаб дивизии подполковника Н. П. Николаева², взвод полевой жандармерии поручика Дубчакова, штабная рота, 1-й пехотный полк полковника А. Д. Архипова³, 2-й пехотный полк подполковника В. П. Артемьева⁴, 3-й пехотный полк подполковника Г. П. Александрова⁵, отдельный разведдивизион майора Костенко⁶, отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион капитана Никанорова, артиллерийский полк подполковника В. Т. Жуковского⁷, отдельный саперный батальон капитана Воскобойникова, дивизион связи, полк материально-технического снабжения подполковника Герасимчука, полевой запасной батальон⁸. По штату дивизия располагала 12 тяжелыми полевыми гаубицами калибра 150 мм, 42 легкими полевыми орудиями калибра 75 мм, 6 тяжелыми и 29 легкими пехотными орудиями, 31 противотанковым орудием калибра 75 мм, 10 зенитными орудиями калибра 37 мм, 79 фаустпатронами, 536 пулеметами, 20 огнеметами, 10 самоходными противотанковыми орудиями типа «ягдпанцер-38», 12 танками типа «Т-34»⁹. 6 марта 1945 г. дивизия выступила из Мюнзингена, проследовала через Донауверт—Нюрнберг и в районе Эрланген—Форххайм была погружена в эшелоны для отправки на Одерский фронт. 26 марта 1945 г. последний из 34 эшелонов прибыл в Либерозе в группу армий «Висла». В первых числах апреля дивизия сосредоточилась в районе Нейцелле в полосе 9-й армии Вермахта генерала пехоты Т. Бус-се. Штаб Буняченко разместился в местечке Гросс-Мукров.

Уже по прибытии дивизии на фронт ее численность значительно увеличилась: из примыкавших на марше к дивизии остарбайтеров и военнопленных формировали третьи запасные батальоны для каждого полка.

Командующий 9-й армией генерал пехоты Т. Буссе и его начальник штаба полковник И. Хольц предложили Буняченко ликвидировать плацдарм на западном, немецком берегу Одера между Фюрстенбергом и Нейцелле, который безуспешно пытались уничтожить чины 1233-го фанен-юнкерского полка подполковника Ф. В. фон Нотца, входившего в состав 391-й охранной дивизии Вермахта, на протяжении марта

1945 г. Предместное укрепление удерживалось силами 119-го укрепленного района 33-й армии генерал-полковника В. Д. Цветаева (1-й Белорусский фронт). В своих воспоминаниях Ф. В. фон Нотц писал: «...Власовским частям не доверяли. Именно поэтому был выбран этот отрезок фронта — здесь было невозможно перебежать на сторону противника»¹⁰. Крайне негативно расценивали полученный приказ строевые командиры власовской дивизии полковник А. Д. Архипов, подполковник В. П. Артемьев и др. Архипов прямо называл поставленную задачу «безумием», имея в виду, очевидно, не только значительность возведенных укреплений, но и возможный фланговый огонь с восточного берега Одера¹¹. 8 апреля в расположение дивизии прибыл Главнокомандующий ВС КОНР генерал-лейтенант А. А. Власов¹². По всей видимости ему крайне не хотелось подвергать боевому использованию отборную дивизию, но он подтвердил Буняченко приказ, полученный из штаба 9-й армии Вермахта, так как считал, что достигнутый успех послужит причиной для скорейшего формирования 3-й пехотной дивизии генерал-майора ВС КОНР М. М. Шаповалова¹³.

Операция была назначена на пятницу 13 апреля на 5.15 утра. Многое зависело от решительности командира дивизии. Подполковник фон Нотц охарактеризовал Буняченко как «решительного офицера, обладающего несомненными качествами солдата и лидера». Свое решение присоединиться к Власову Буняченко объяснил фон Нотцу так: «При Сталине нет ни свободы, ни демократии. Я борюсь за ту Россию, где будет и то, и другое»¹⁴. В 4.45 началась артиллерийская подготовка, осуществленная силами артиллерийского полка дивизии, 3-го дивизиона 32-го артиллерийского полка СС, мортирной батареи, батареи дальнобойных орудий и двух тяжелых зенитных дивизионов 5-го горнопехотного корпуса СС. Подполковник фон Нотц ничего аналогичного до конца войны больше не видел¹⁵. В 7.20 с юга советские позиции атаковал 3-й полк подполковника Александрова, а с севера — 2-й полк подполковника Артемьева. К 8 утра было захвачено несколько ДОТов и наступавшие продвинулись вглубь обороны противника на 500 метров¹⁶. Атака Александрова перешла в рукопашную схватку и была отбита с серьезными потерями для атакующих, атака Артемьева, поддержанная танками и самоходными орудиями, оказалась более успешной — здесь власовцам удалось овладеть передовой линией траншей и временно взять под контроль переправу на плацдарм¹⁷. Ф. В. фон Нотц пишет, что его связисты слушали эфир и фиксировали отчаянные призывы, раздававшиеся с предместного ук-

репления на восточный берег Одера: «Высылайте помощь!», «Высылайте самолеты!», «Мы больше не можем держаться!» Он был уверен, что между 8 и 10 утра оборонявшихся можно было опрокинуть в Одер и захватить плацдарм¹⁸. Но мощный позиционный и заградительный огонь с восточного берега лишил Александра и Артемьева всякой надежды на успех — Буняченко приказал выводить батальоны из боя. Потери атакующих и оборонявшихся были весьма значительными, но точные цифры нам неизвестны. Наиболее объективную оценку случившемуся дала запись в дневнике штаба ОКВ за 14 апреля 1945 г.: «хотя атаки примененных на нашей стороне русских сил не дали результата, они показали готовность этих сил к наступлению»¹⁹.

Вечером 13 апреля ОКХ отдало приказ о передислокации дивизии южнее, в район Коттбуса в группу армий «Центр». В 2 часа ночи 14 апреля Буняченко получил новый приказ — власовское соединение передавалось в подчинение 275-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 4-й танковой армии Вермахта. Утром 14 апреля на дивизионном совещании старших офицеров командир дивизии категорически отказался выполнять приказ штаба армейской группы, следствием которого могло лишь стать неизбежное полное уничтожение дивизии в результате намечавшегося мощного советского наступления. Между тем Буняченко исходил лишь из приказа Власова о собирании всех подразделений ВС КОНР в Богемии, вытекавшим из решения КОНР от 28 марта 1945 г., принятом на заседании в Карлсбаде. 15 апреля на дивизионном совещании он объявил, что дивизия выступает в Богемии. Вероятно, кульминацией конфликта между своенравным командиром власовской дивизии, оснащенной в большом количестве противотанковым оружием, и командующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалом Ф. Шернером²⁰ могло бы стать вооруженное столкновение, но утром 16 апреля войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление в полосе 4-й танковой армии, и Шернеру стало не до власовцев. 16 апреля в Зенфтенберге к Буняченко присоединился 1604-й русский добровольческий полк Вермахта под командованием полковника И. К. Сахарова²¹, численность дивизии возросла до 20 тыс. человек²². Маршрут дивизии все больше устремлялся на юг, и к 22 апреля соединение достигло Бад Шандау. В период с 22 по 27 апреля состоялся оживленный обмен письмами между Буняченко и Шернером, а также между Буняченко и другими представителями Вермахта, некоторые из которых и предлагаются вниманию читателя. Поведение русского генерала в эти сутки можно охарактеризовать как

сохранение «хорошей мины при плохой игре». Всем своим видом командир власовской дивизии показывал, что он готов выполнять приказы Шернера, в действительности 24 апреля, обманув часовых, дивизия в строжайшем порядке переправилась по единственному мосту через Эльбу на ее западный берег. 27 апреля командир дивизии вновь созвал старших офицеров, которые, за исключением полковника А. Д. Архипова, поддержали идею движения дальше на юг. Уже в это время за счет многочисленных остарбайтеров, пополнивших собой русскую дивизию на марше, был сформирован 5-й запасной пехотный полк под командованием П. К. Максакова²³. 29 апреля дивизия расположилась в районе Лоуни со штаб-квартирой в Козоедах. В этот же день командующий округом Рудных гор генерал-полковник Вермахта Г. Гот и командир Пражского гарнизона генерал пехоты Р. Туссен получили приказ Шернера о разоружении дивизии²⁴, что сыграло решающую роль в решении Буняченко вмешаться в Пражское восстание на стороне повстанцев. В период пребывания дивизии в районе Козоед с 29 апреля по 4 мая в ее судьбе произошел коренной перелом.

Главными силами, действовавшими во время восстания в Праге, являлись чешские вооруженные формирования полиции, жандармерии, таможенной и финансовой охраны и т. д., подчинявшиеся военной комендатуре «Бартош» во главе с генералом К. Култвашрем и подполковником Ф. Бюргером. Само восстание представляется нам исключительно актом самореабилитации в глазах западных союзников со стороны определенных чешских политических кругов, а его подготовка и фактическая сторона — полной и бессмысленной авантюрой. Еще с конца марта 1945 г. комендант Праги генерал Туссен вел с руководителями восстания неофициальные переговоры, гарантируя безболезненную передачу города повстанцам, как только через него пройдут последние подразделения Вермахта, чтобы сдать союзникам²⁵. В свете этой немаловажной детали настойчивое стремление руководителей восстания развязать в Праге уличные бои за неделю до окончания войны трудно квалифицировать иначе, кроме как политическое преступление.

Отдельные публицисты пытаются представить ситуацию таким образом, что в Праге находилось до 50 тыс. солдат и офицеров Вермахта, составлявших Пражский гарнизон²⁶. Ничего подобного в действительности не было. В состав Пражского гарнизона входили отдельные подразделения 31-й добровольческой дивизии СС, учебный артиллерийский полк штандартенфюрера СС Эйнспеннера, батальон танкового десанта № 2 штурмбанфюрера СС Я. Оэттингера, несколько отдельных артиллерийских батарей, часть подразделений 539-й грена-

дерской дивизии генерал-лейтенанта Р. Спейха, отдельный велосипедный полк оберштурмбанфюрера СС фон Флотова и другие мелкие части — всего от 9 до 10 тыс. человек²⁷. На аэродроме в Рузини стояли части IX-го авиационного корпуса под командованием генерал-майора Кортэ. Немецкая сторона считала положение города весьма прочным, при условии: если власовская дивизия не вмешается в ход событий на стороне повстанцев²⁸.

По-видимому, 2 мая 1945 г. надо считать решающим днем и в судьбе власовской дивизии, и в судьбе Пражского восстания. В этот день дивизию посетили представители комендатуры «Бартош», уговаривавшие Буняченко оказать повстанцам помощь, и в этот же день Буняченко получил ультиматум от Туссена (см. документ от 2 мая 1945 г.). К сожалению, нам неизвестна последовательность произошедших событий. Однако мы можем предположить, что ультиматум Туссена сыграл более важную роль в том, что власовцы все-таки вмешались в восстание, чем сомнительные «гарантии» комендатурой «Бартош» политического убежища. По большому счету Туссен не оставил Буняченко выхода — и в том случае, если бы он и не присоединился к повстанцам, против дивизии все равно «была бы применена вооруженная сила». Может быть вполне искренние, но абсолютно иллюзорные «гарантии» Култвашрема «политического убежища для всей дивизии в свободной Чехии», только подтолкнули Буняченко принять известное решение. Власова «угнетала перспектива военных действий против немцев»²⁹, тем не менее он предоставил командованию дивизии полную свободу действий. Сделал он это скорее всего не потому, что слишком доверял Буняченко, а потому что понимал, что при любом выборе — столкновение с немцами неизбежно. В этом случае свидетельством о невмешательстве Власова в события 2–8 мая 1945 г., как о попытке не мешать даже иллюзорной возможности спасения, выглядит достоверным и справедливым³⁰.

Единственным, кто твердо объявил себя противником вмешательства дивизии в Пражское восстание стал командир 1-го полка полковник А. Д. Архипов — но его точка зрения являлась по-своему прагматичной, ибо, вмешиваясь в восстание, дивизия теряла время и не успевала за демаркационную линию. Впрочем, Архипов всю жизнь был стойким офицером и не ставил выполнение приказов командира дивизии в зависимость от собственного мнения.

Важнейшим моментом при описании восстания остается тот факт, что со 2 мая восстание готовилось с учетом вмешательства в него

власовской дивизии, что в конечном итоге сыграло решающую роль в судьбе восстания. 4 мая штаб дивизии разместился в селении Сухомасты, и в тот же день в Праге начались первые стычки повстанческих групп с гарнизоном, продолжавшиеся всю ночь 5 мая. После 11.00 5 мая перестрелка стала приобретать угрожающие формы, а в 12.00 начал заседать Чешский Национальный Совет, предъявивший претензии на верховное руководство восстанием. После обеда в тот же день дивизия начала вытягиваться из Сухомаст, находившихся примерно в 50 км от города, на Прагу двумя основными колоннами. В ночь на 6 мая в Праге уже находились разведдивизион майора Костенко с 4 танками «Т-34» и разведзвод 2-го полка под командованием поручика Солина. С утра 6 мая в бой втянулась и вся дивизия, как в самой Праге, так и в ее окрестностях³¹...

Бои в Праге, которые вела 1-я дивизия Вооруженных Сил КОНР с ночи 6 по ночь 8 мая 1945 г., стоили ей только 300 человек погибших³². Дивизия действительно упустила время и не успела за демаркационную линию, что привело к ее гибели. Около 200 власовцев из оставшихся в Праге были расстреляны «СМЕРШем» в период с 9 по 15 мая, большинство из них захоронены в братской могиле на знаменитом Ольшанском кладбище³³. Главная заслуга дивизии была в том, что в критическое время она рассекла город на две части — северную и южную, благодаря чему не дала соединиться частям Вермахта, находившимся вне города, а также своим вмешательством спасла восстание и его участников от участи быть уничтоженными уже 6 мая³⁴. Остатки Пражского гарнизона капитулировали перед Чешским Национальным Советом к 16.00 8 мая, отдельные выстрелы продолжались еще несколько часов. 62-я и 63-я танковые бригады 10-го танкового корпуса и 70-я самоходная бригады 4-й гвардейской танковой армии ворвались в Прагу лишь к 4.00 9 мая 1945 г.³⁵, когда «освободить» город было уже не от кого.

Таким образом, не будет большим преувеличением сказать, что судьба 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР явилась одним из последних трагических эпизодов войны в Европе. Буняченко и его подчиненные стали в еще большей степени заложниками определенных политических обстоятельств и конкретной исторической ситуации, чем вся драматическая история Власовского движения, что подтверждает скромный крест на братской могиле власовцев на Ольшанском кладбище, воздвигнутый пражанами в мае 1995 г.

¹ Буняченко Сергей Кузьмич — командир 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенант А. В. Власова, генерал-майор ВС КОНР. Родился 5 октября 1920 г. в селе Коровякова Глушаковского уезда Курской губернии. Украинец. Из семьи крестьянина-бедняка. В РККА с 1918 г., член Коммунистической партии с 1919 по 1942 гг. Участник Гражданской войны 1917–1922 гг., боев с басмачами в Таджикистане в 1924–1931 гг., военного конфликта на оз. Хасан в 1938 г., Великой Отечественной войны в 1943–1945 гг. Правительством Таджикской советской республики награжден именными часами и почетным знаком «За боевые заслуги». На службу в РККА вступил в апреле 1918 г., став добровольцем-красноармейцем 1-го повстанческого украинского полка. В 1918–1920 гг. на службе в 43-м и 356-м стрелковом полках, принимал участие в боевых действиях против частей Головного Атамана С. В. Петлюры, Донской армии генерала от кавалерии П. Н. Краснова, ВСЮР генерал-лейтенанта А. И. Деникина, Повстанческой армии Н. И. Махно. В 1920–1921 гг. окончил 51-е и 78-е пехотные курсы комсостава РККА, в 1923 г. Киевскую Высшую военную школу. С июня 1924 по май 1932 гг. — на службе в 9-м (с 1929 г. — 11-й) Туркестанском полку в должностях: помощник командира роты, начальник полковой школы, и. д. командира полка. В 1936 г. окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе. С мая 1936 г. — начальник штаба 78-го отдельного полка, с мая 1938 г. — начальник оперативной части штаба 26-й стрелковой дивизии 1-й ОКДВА. В августе 1938 г. назначен на должность помощника начальника штаба 39-го стрелкового корпуса 1-й ОКДВА. За критические высказывания против политики коллективизации в деревне, партбюро 26-й дивизии в 1938 г. был исключен из ВКП(б) с последующей заменой данной меры строгим выговором с занесением в личное дело. 4 ноября 1938 г. приказом НКО СССР № 02021 присвоено воинское звание полковник РККА. С 11 февраля 1940 г. — начальник штаба 26-го стрелкового корпуса. 30 марта 1942 г. назначен командиром 389-й стрелковой дивизии Закавказского фронта. В августе 1942 г. выполнил приказ Военного совета 9-й армии и взорвал ж/д мост на участке Моздок—Червленное. Позднее выяснилось, что к взрыву не все части 9-й армии успели переправиться на советскую сторону. От командования отстранен и 2 сентября 1942 г. Военным трибуналом Северной группы войск Закавказского фронта приговорен к расстрелу, который был заменен 10 годами ИТЛ с отбытием после войны. Отправлен на передовую и 10 октября 1942 г. вступил в командование 59-й отдельной стрелковой бригадой, имевшей численность менее 40% личного состава от штатного расписания. В тяжелых боях 26–30 октября 1942 г. в районе Урух—Ерокко—Лескен ценой гибели бригады остановил немецкое наступление. В начале ноября 1942 г. в горах Алжира назначен командиром остатков 351-й дивизии. 15 ноября 1942 г. Военным Советом фронта вынесено решение о предании Буняченко суду «за разгром бригады под Урухом». 16 декабря 1942 г. в районе Дзуарикова (25 км западнее Орджоникидзе) захвачен разведгруппой 2-й румынской пехотной дивизии. С января по июнь 1943 г. — в лагерях военнопленных в Керчи, под Джанкоем, Херсоном. В июне 1943 г., ознакомившись с обращением генерал-лейтенанта А. А. Власова, изъявил желание вступить в РОА. Переведен в Особый опросной лагерь в Летцене, затем — преподаватель в офицерской школе Восточных войск Вермахта в Кировограде. С сентября 1943 г. — офицер связи РОА при 7-й армии Вермахта в Ле-Мане (Франция), инспектор русских батальонов РОА. Награжден Железным Крестом 2-го класса за участие в боях на побережье во главе сводного русского пехотного полка с союзными войсками в июне–июле 1944 г. В августе

1944 г. вызван в Дабендорфскую школу РОА в распоряжение генерал-лейтенанта А. А. Власова. 10 ноября 1944 г. назначен командиром 1-й пехотной дивизии (600-й по немецкой нумерации) Вооруженных Сил КОНР, возглавил всю деятельность по формированию, обучению и вооружению дивизии. В феврале 1945 г. произведен в чин генерал-майора ВС КОНР. 6 марта 1945 г. убыл с дивизией на Восточный фронт и прибыл в 9-ю армию Вермахта. Командовал дивизией в частной наступательной операции на плацдарм «Эрленгоф» 13 апреля 1945 г. С 15 апреля 1945 г. фактически вышел из подчинения командования Вермахта и повел дивизию в Чехию. 2 мая 1945 г. в селении Козеды принял решение поддержать готовившееся чешской подпольной комендатурой «Бартош» Пражское восстание. Командовал дивизией в Пражских боях 6–8 мая 1945 г., 8 мая вывел дивизию из боя и пытался сдать ее 3-й американской армии. 12 мая 1945 г. дивизию распустил и сдался американцам. 15 мая 1945 г. в селе Дворец близ города Непомук передан сотрудникам ОКР «СМЕРШ» 25-го танкового корпуса. Участник процесса старших офицеров ВС КОНР 30–31 июля 1946 г. Казнен по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР в Бутырской тюрьме 1 августа 1946 г., останки захоронены на Донском кладбище.

² *Николаев Николай Петрович* — начальник штаба 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, подполковник ВС КОНР. Родился в 1911 г. в Москве. Русский. Из семьи служащего. В РККА с 1932 г., член ВКП(б) с 1932 по 1942 гг. В 1929 г. окончил девятилетнюю среднюю школу № 42 г. Москвы. 29 мая 1932 г. зачислен курсантом в Ленинградское военное училище связи, которое окончил в 1934 г. и назначен командиром взвода связи училища. В 1937 г. зачислен слушателем в Военную Академию РККА им. М. В. Фрунзе, по окончании которой в 1939 г. направлен в распоряжение Военного Совета КОВО. С января 1940 г. — помощник начальника оперативной части штаба 140-й стрелковой дивизии КОВО. С 17 апреля 1940 г. — начальник штаба 1-го стрелкового полка. С 16 ноября 1940 г. — старший помощник начальника 1-го отделения оперативного отдела штаба 12-й армии. В начале 1941 г. присвоено воинское звание майор РККА с назначением на должность помощника начальника оперативного отдела штаба армии. 10 августа 1941 г. при выходе из окружения в районе Умани ранен и взят в плен. В сентябре 1941 г. из лагерного лазарета бежал и направился к линии фронта. У Зубцова взят в плен вторично. Содержался в лагерях военнопленных под Вязьмой, Ржевом и в дулаге № 134 под Смоленском. В июне 1942 г. под влиянием группы офицеров Русской Национальной Народной Армии (РННА, Абвергруппа-203, бригад Осинторф и т. д.) изъявил желание вступить в РННА. С июля 1942 г. — в пос. Осинторф под Оршей, командир батальона. После реформирования РННА в январе 1943 г. в 721-й Восточный полк Вермахта — командир батальона, принимал участие в боях с партизанами Белоруссии. С осени 1943 г. — во Франции, командир 635-го добровольческого батальона. В начале 1944 г. назначен преподавателем офицерской школы Восточных войск Вермахта в г. Альтдарп (Померания). В конце ноября 1944 г. назначен начальником штаба 1-й пехотной дивизии ВС КОНР. В феврале 1945 г. произведен в чин подполковника ВС КОНР. 6 марта 1945 г. убыл с дивизией на Восточный фронт. Один из авторов наступательной операции на плацдарм «Эрленгоф» 13 апреля 1945 г. Горячий сторонник вмешательства дивизии в Пражское восстание 5–8 мая 1945 г. После роспуска дивизии 12 мая 1945 г. вместе с командиром дивизии сдался американцам и был выдан ими

вместе с Буянченко и капитаном П. С. Ольховиком 15 мая 1945 г. в с. Дворец близ города Непомук сотрудником ОКР «СМЕРШ» 25-го танкового корпуса. Расстрелян по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР 11 декабря 1945 г.

³ *Архипов Андрей Дмитриевич* — командир 1-го пехотного полка 1-й дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, полковник ВС КОНР. Родился в 1893 г. в Ялте. Русский. Из семьи ялтинского рыбака. Окончил гимназию и в 1914 г. — Алексеевское военное училище, офицер Русской Императорской Армии. Участник 1-й мировой войны 1914–1918 гг. С 1918 г. — в Добровольческой армии, в рядах 1-й офицерской дивизии. В 1919 г. — командир 3-го офицерского Ген. шт. ген.-л. С. Л. Маркова полка. Участник всех боев марковцев вплоть до эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920 г. После Галлиполи жил в Париже, работал шофером такси. Окончил Зарубежные Высшие Военно-Научные курсы систематического изучения военного дела профессора, Ген. шт. генерал-лейтенанта Н. Н. Головина. С июня 1941 г. — на Восточном фронте, командир отдельной роты по борьбе с партизанами, был ранен. С июня 1943 г. — в Дабендорфской школе РОА, командир курсантской роты, затем — командир батальона. В середине ноября 1944 г. назначен командиром 1-го пехотного полка 1-й дивизии ВС КОНР. 6 марта 1945 г. убыл с полком в составе дивизии на Восточный фронт. В период Одерской операции 13 апреля 1945 г. — в боевом охранении и резерве. Противник невыполнения приказов командования группы армий «Центр» и вмешательства в Пражское восстание 5–8 мая 1945 г. Участник боев в центре Праги 6–7 мая 1945 г. После роспуска дивизии 12 мая 1945 г. насильственной выдачи избежал. Жил в американской оккупационной зоне под псевдонимом «Гордеев», с конца 40-х — в США. Активный член правой власовской организации Комитет Объединенных Власовцев (КОВ) генерал-майора А. В. Туркула, печатался в русской зарубежной периодике. Умер 1 мая 1979 г. в г. Санта-Барбара.

В состав пехотного полка власовской дивизии входили изначально штаб, штабная рота, 2 пехотных батальона (3 роты по 135 человек, 2 роты тяжелого оружия, 2 взвода снабжения, 2 штаба), полковая рота тяжелого оружия, противотанковая рота. (См. Хоффманн Й. История власовской армии. Париж, 1990. С. 51).

⁴ *Артемов Вячеслав Павлович* — командир 2-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, подполковник ВС КОНР. Родился 27 августа 1903 г. в селе Березань Березаньского уезда Киевской губернии. Русский. Из семьи крестьянина. В 1918 г. окончил единую трудовую школу в Москве. Беспартийный. В РККА с 1918 г. В ноябре 1918 г. зачислен красноармейцем в автотроту. В 1919–1922 гг. служил во 2-м запасном кавалерийском полку, отдельной батарее. В 1923 г. окончил Объединенную военную школу им. ВЦИК, а в 1924 г. — 1-ю Московскую кавалерийскую школу. С мая 1924 г. — начальник конной разведки 41-го стрелкового полка 14-й стрелковой дивизии. В 1925–1927 гг. — слушатель Объединенной киевской военной школы. С августа 1927 г. на службе в отдельной кавалерийской бригаде им. И. В. Сталина в должностях: командир взвода, командир взвода полковой школы, командир эскадрона, помощник начальника штаба полка в 61-м, 62-м и 63-м кавалерийских полках бригады. В конце 1933 г. призван на усиление 79-го запасного полка ОГПУ СССР в Ташкент. В 1939–1940 гг. — начальник штаба ВОХР Карлага

НКВД СССР. В 1941 г. возвращен в кадры РККА, в 1941–1942 гг. проходил службу в 216-м кавалерийском полку и в штабе 81-й кавалерийской дивизии САВО. Занимал должности помощника начальника оперативного отделения штаба дивизии и командира 216-го полка. 5 августа 1942 г. убыл в пехотное училище при Военной Академии им. М. Ф. Фрунзе. Окончил училище 19 февраля 1943 г. и назначен командиром 46-го гвардейского кавалерийского полка 6-го гвардейского кавалерийского корпуса. Гвардии подполковник РККА (1943 г.). При прорыве в тыл противника 3 сентября 1943 г. взят в плен. До июня 1944 г. находился в Особом опросном лагере в Летцене. Под влиянием власовских пропагандистов изъявил желание вступить в в РОА и направлен в Дабендорфскую школу РОА. В июле 1944 г. окончил школу и оставлен при школе. С середины ноября 1944 г. — командир 2-го пехотного полка 1-й дивизии ВС КОНР. 6 марта 1945 г. убыл с полком в составе дивизии на Восточный фронт. Командовал полком, добившись определенных успехов, в наступательной операции на плацдарме «Эрленгоф» 13 апреля 1945 г. Сторонник выхода из подчинения командованию Вермахта и вмешательства в Пражское восстание 5–8 мая 1945 г. Командовал полком во время боев в Праге 6–7 мая 1945 г. После выхода дивизии из Праги, находясь близ советско-американской демаркационной линии у селения Лнарже, вел переговоры с командиром 162-й танковой бригады 25-го танкового корпуса полковником И. П. Мищенко с целью обеспечения беспрепятственного отпуска дивизии. После роспуска дивизии 12 мая 1945 г. бежал в американскую зону. Насильственной выдачи избежал. В 1946–1949 гг. жил в американской оккупационной зоне под Мюнхеном. Член инициативной группы по созданию власовских послевоенных организаций Союз Андреевского Флага (САФ) и Антибольшевистский Центр Освободительного Движения Народов России (АЦОДНР). С 1950 г. — на службе Института Армии США повышенной специализации по изучению русских и восточноевропейских вопросов, профессор военных наук. Сотрудник Мюнхенского института по изучению СССР в 50-е гг. Автор многих публикаций в русской зарубежной периодике, а также мемуаров «Первая дивизия» (Лондон, Канада, 1974).

⁵ *Александров Георгий Петрович* — командир 3-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, подполковник ВС КОНР. В РККА — капитан или майор. В плену не позднее, чем с лета 1942 г. Содержался в Офлаге XIII-Д в Хаммельбурге. С сентября 1942 г. — переводчик при рабочей команде в лагере. В ноябре 1942 г. из плена освобожден и назначен переводчиком в Управление ТОДТ «Волга» в Борисов. С октября 1943 г. — воспитатель в детском доме. В июне 1944 г. переведен в РОА и зачислен в инспекториат по обследованию лагерей для советских военнопленных генерал-майора РОА И. А. Благовещенского. В Намюре посещал 1-й русский запасной полк для инструктажа пропагандистов РОА. С середины ноября 1944 г. — командир 3-го пехотного полка 1-й дивизии ВС КОНР. В феврале 1945 г. произведен в чин подполковника ВС КОНР. 6 марта 1945 г. убыл с полком в составе дивизии на Восточный фронт. Командовал полком в наступательной операции на плацдарме «Эрленгоф» 13 апреля 1945 г. Сторонник выхода из подчинения командованию Вермахта и вмешательства в Пражское восстание 5–8 мая 1945 г. Командовал полком во время боев в Праге 6–7 мая 1945 г. После роспуска дивизии 12 мая 1945 г. застрелился в Брежнице.

⁶ *Костенко* — командир разведдивизиона 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, майор ВС КОНР. Родился в Киеве.

В РККА служил в бронетанковых войсках. В 1942 г. попал в плен и из лагеря военнопленных вступил в народное ополчение Локотского самоуправления округа (с 1943 г. — отдельная штурмбригада СС «РОНА» Б. В. Каминского), командовал гвардейским и танковым батальонами, принимал участие в боях против партизан и регулярных частей РККА. В ноябре 1944 г. с личным составом каминцев перешел в 1-ю дивизию ВС КОНР, назначен командиром разведдивизиона. 6 марта 1945 г. убыл с дивизией на Восточный фронт. Командовал разведдивизионом во время боев в Праге 5–8 мая 1945 г. После роспуска дивизии 12 мая 1945 г. исчез вместе с подчиненными.

⁷ *Жуковский Василий Трофимович* — командир артиллерийского полка 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, подполковник ВС КОНР. Родился 1 мая 1914 г. в деревне Мокрая Колигорка Шполянского уезда Киевской губернии. Украинец. Из семьи рабочего. По гражданской профессии — токарь. В 1930 г. окончил семилетнюю школу. Член ВЛКСМ в 1935–1942 гг. В РККА с 26 июня 1931 г. В 1932 г. окончил школу червонных старшин, в 1933 — Сумскую артиллерийскую школу. В 1936–1937 гг. на службе в 75-м артиллерийском полку в должностях: командир взвода, командир полубатареи, затем на аналогичной должности в 14-м корпусном артиллерийском полку. В 1938–1940 гг. служил в должностях начальника связи дивизиона, помощника начальника штаба полка в 434-м артиллерийском полку 156-й стрелковой дивизии. С июня 1941 г. — помощник начальника штаба артиллерии 156-й дивизии. В декабре 1941 г. назначен на должность помощника оперативного отделения штаба артиллерии Приморской армии. С апреля 1942 г. — старший помощник начальника разведотдела штаба артиллерии. Майор РККА (1942 г.). В сентябре 1942 г. пропал без вести. Содержался в различных лагерях военнопленных. С весны 1943 г. в Дабендорфской школе РОА, командир курсантской роты. В середине ноября 1944 г. назначен командиром артиллерийского полка 1-й дивизии ВС КОНР. 6 марта 1945 г. убыл с дивизией на Восточный фронт. Во время операции на плацдарме «Эрленгоф» и в период Пражских боев 6–8 мая 1945 г. обеспечивал артиллерийскую подготовку операциям дивизии. 12 мая 1945 г. после роспуска дивизии добровольно сдался представителям ОКР «СМЕРШ» 25-го танкового корпуса. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР в 1946 г.

Артиллерийский полк дивизии состоял из штаба и штабной батареи, 1 тяжелого и 3 легких артиллерийских дивизионов. Тяжелый дивизион состоял из штаба, штабной батареи и двух батарей тяжелых полевых гаубиц калибром 150 мм. Каждый легкий дивизион — из штаба, штабной батареи и 3 батарей легких полевых гаубиц, всего 12 тяжелых и 42 легких орудия. (См. Хоффманн Й. Указ. соч. Там же.).

⁸ Александров К. М. Материалы к составлению штатного расписания Вооруженных Сил КОНР по состоянию на 22 апреля 1945 г. // Новый Часовой. 1998. № 8.

⁹ Хоффманн Й. Указ. соч. С. 51–52.

¹⁰ Архив Гуверовского института войны, революции и мира. Коллекция Даллина А. Ю. См. Notz F. W., von. Bericht über den Angriff Der 1. Wlasoff-division am 13.4.1945 im Abschnitt der Deutschen 391 Sigerungsdivision (Kriegsschulregiment Potsdam) gegen den sowjetischen Brückenkopf «Erlenhof» 30 Kilomener südlich Frankfurt / Oder. S. 2.

¹¹ Хоффманн Й. Указ. соч. С. 146.

¹² *Власов Андрей Андреевич* (1 сентября 1901 г., с. Ломакино Покровской волости Сергачёвского уезда Нижегородской губернии — 1 августа 1946 г., Бутырская тюрьма, Москва) — Главнокомандующий Вооружёнными Силами КОНР и Председатель Комитета Освобождения Народов России, генерал-лейтенант ВС КОНР. В марте–апреле 1942 г. — зам. командующего Волховским фронтом, в апреле–июле 1942 г. — командующий 2-й Ударной армией фронта. (См. подробнее наш комментарий к воспоминаниям Я. А. Трушновича Русские в Югославии и Германии 1941–1945 гг. // Новый Часовой. 1994. № 2. С. 160–161).

¹³ *Шатовалов Михаил Михайлович* — командир 3-й пехотной дивизии Вооружённых Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, генерал-майор ВС КОНР. Родился 11 января 1898 г. в Грайвороне Курской губернии. Русский. Из семьи крестьянина. Член Коммунистической партии с 1919 по 1921 гг., в 1921 г. исключен по итогам партийной чистки. В 1915 г. окончил семилетнее реальное училище в Белгороде и вступил на службу в 9-й Бугский уланский полк вольноопределяющимся. Офицер Русской Императорской Армии, последний чин не установлен. Демобилизовался 18 марта 1918 г. В РККА с 15 апреля 1918 г. Участник Гражданской войны 1917–1922 гг., боев с частями Головного Атамана С. В. Петлюры, Сибирской армии адмирала А. В. Колчака, Польской армии на Западном фронте, повстанческих отрядов Короленко, Кочубея в 1920–1921 гг. В 1921 г. был ранен. С весны 1918 г. командовал эскадронам в 8-м Повстанческом полку, а с декабря 1918 по февраль 1919 г. находился в плену у петлюровцев, затем — в 1-м Камышевском кавалерийском полку. В начале 1920 г. окончил Московские кавалерийские курсы. До августа 1920 г. проходил службу в 22-м Киевском кавалерийском полку 1-й Конной армии в должностях: командира эскадрона и и. д. командира полка. В 1922 г. окончил Объединённую высшую военную школу в Киеве, затем служил на строевых должностях по кавалерии на 63-х пехотных курсах, в 3-й стрелковой Казанской дивизии, во 2-м кавалерийском корпусе, в 9-й Краснознаменной кавалерийской дивизии. В 1927 г. окончил Высшую военно-химическую школу РККА в Москве. С 1932 г. — начальник химслужбы Владивостокского УРА. В 1937 г. арестован как «враг народа», освобожден в конце 1938 г. и направлен в Севастополь на должность начальника артиллерийского училища. В 1941 г. окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе. С августа 1941 г. — командир 320-й стрелковой дивизии. 30 июня 1942 г. назначен командиром 1-го отдельного стрелкового корпуса Особой армии Северо-Кавказского фронта. После разгрома корпуса под Армавиrom в начале августа, 14 августа 1942 г. под станицей Ярославская сдался представителям 16-й моторизованной дивизии Вермахта «для борьбы против сталинского режима». 1 октября 1942 г. постановлением СНК СССР присвоено воинское звание генерал-майора РККА. С начала 1943 г. — начальник оперативного отдела Особого штаба Абвера «Россия» по борьбе с партизанами в Варшаве. После расформирования штаба в декабре 1943 г. назначен начальником особого технического лагеря в Торне (Польша), в котором находились советские инженерно-технические работники. В декабре 1944 г. переведен в ВС КОНР, формировал истребительно-танковую бригаду для обороны Берлина. С февраля 1945 г. пытался формировать 3-ю пехотную дивизию ВС КОНР, но располагая штатными кадрами, не получил вооружения и в апреле 1945 г. выступил со штабной колонией на соединение с Южной группой ВС КОНР генерал-майора ВС КОНР Ф. И. Трухина, соединившись с ней в начале мая 1945 г. 6 мая 1945 г. вместе с генерал-майором Трухиным выехал для связи к генерал-лейтенанту А. А. Власову под Прагу. В районе Пришибрама попал в засаду чешских просоветских партизан и был расстрелян.

¹⁴ Notz F. W., von. Op. cit. S. 2.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Хоффманн Й. Указ. соч. С. 150.

¹⁷ Дробязко С. И. Восточные войска и Русская Освободительная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения 1941–1945 гг. М., 1997. С. 83–84.

¹⁸ Notz F. W., von. Op. cit. S. 3.

¹⁹ Хоффманн Й. Указ. соч. С. 154.

²⁰ *Шернер Фердинанд* — командующий группой армий «Центр» в 1945 г., генерал-фельдмаршал Вермахта. Родился 12 июня 1892 г. в Мюнхене. Участник 1-й мировой войны. Принимал участие в подавлении нацистского путча в 1923 г. В 1942–1943 гг. — командир 19-го горнострелкового корпуса в Лапландии, затем — 40-го танкового корпуса, находившегося в составе группы армий «Юг». С 7 апреля 1944 г. — командующий группой армий «Юг», 25 июля 1944 г. назначен командующим группой армий «Север». С 16 января 1945 г. — командующий группой армий «Центр». Произведен в чин генерал-фельдмаршала весной 1945 г. В мае 1945 г. сдался американцам в Австрии, откуда был выдан в советскую зону оккупации. В 1945 г. приговорен к 10 годам заключения и возвратился в ФРГ в апреле 1955 г. В 1957 г. в Мюнхене приговорен к 4,5 годам заключения как виновный в массовой гибели солдат и офицеров Вермахта в годы войны. Умер в Мюнхене 6 июля 1973 г.

²¹ *Сахаров Игорь Константинович* — командир 4-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова, полковник ВС КОНР. Родился 7 августа 1912 г. в Саратове. Русский. Из семьи Ген. шт. генерал-лейтенанта Сибирской армии К. В. Сахарова. В 1923 г. вместе с матерью и сестрой выехал к отцу за границу. В 1930–1936 гг. служил в армиях Аргентины, Уругвая, Китая. В 1936–1939 гг. участник Гражданской войны в рядах Национальной армии Ф. Франко, член Фаланги. За храбрость и отличия в боях с республиканцами произведен в чин полковника (по другим данным — лейтенанта). В 1939–1942 гг. жил в Берлине. В марте 1942 г. в составе группы эмигрантов во главе с С. Н. Ивановым выехал из Берлина в распоряжение отдела «I-C» группы армий «Центр» в Смоленск, а затем в Осинторф для формирования русской добровольческой части (РННА, Абверкоманда-203 и т. д.). Заместитель С. Н. Иванова под псевдонимом «Левин». В сентябре 1942 г. отозван в Берлин. Весной 1943 г. принимал участие в формировании Гвардейской бригады РОА, создававшейся на основе части бригады СД «Дружина» подполковника В. В. Гиля (И. Г. Родионова) и переведенной позднее в местечко Стремукга под Псков. В июле 1943 г. выехал из Берлина и занял должность оперативного адъютанта генерал-лейтенанта А. А. Власова. В январе 1945 г., выполняя приказы генералов Власова и Трухина, сформировал из добровольцев-власовцев специальный противотанковый отряд (50 человек). 6 февраля 1945 г. прибыл с ним в группу армий «Висла», в полосу 9-й армии Вермахта. С 9 по 24 февраля принимал участие со своим отрядом в 3 операциях против частей 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. С 24 февраля 1945 г. — командир 1604-го русского добровольческого полка Вермахта. 16 апреля 1945 г. со своим полком влился в состав 1-й дивизии ВС КОНР. Стронник участия дивизии в Пражском восстании, командовал полком во время боев в Праге 6–7 мая 1945 г. После роспуска дивизии 12 мая 1945 г. — скрывается в американской оккупационной зоне. В 1945–1946 гг. во главе группы молодых эмигрантов занимался спасением бывших советских граждан от насильственных репатриаций во французской оккупационной зоне. С конца 1946 г. жил

в Фюссене, в начале 1947 г. переехал в лагерь Шляйхсгейм под Мюнхеном. В 1948 г. являлся одним из инициаторов создания власовской организации Союз Андреевского Флага, с 1950 г. — член Временного Главного управления САФ. В начале 50-х гг. выехал в Австралию. Погиб в авткатастрофе в 1977 г.

²² Артемьев В. П. Первая дивизия. Лондон (Канада), 1974. С. 79.

²³ *Максаков Петр Константинович* — командир 5-го (запасного) пехотного полка 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова. Родился 8 октября 1898 г. в Баку. Русский. Из семьи рабочего. В 1916 г. окончил учебную команду 153-го пехотного Бакинского полка. Беспартийный. Участник Гражданской войны 1917–1922 гг., принимал участие в боях против частей генерала Баратова, повстанцев в Астрахани, на Дону и в Саратовской губернии. В РККА с 23 февраля 1918 г. В 1918–1919 гг. служил начальником пулеметной команды в Бакинском и Астраханском красногвардейских отрядах, Саратовском стрелковом полку. В 1919–1921 гг. — комендант штаба 1-й Донской дивизии. В 1921–1922 г. — командир взвода 1-го полка Азербайджанской дивизии, затем в отпуску. В 1925–1935 гг. — в конвойных войсках в Саратовской губернии, в должностях: старшина роты, командир взвода, командир батальона, начальник команды снайперов. В 1936–1937 гг. — командир 190-го отдельного стройбата ПриВО. В 1937–1938 гг. — преподаватель тактики на курсах усовершенствования комсостава РККА. В декабре 1938 г. окончил курсы «Выстрел», после чего оставлен преподавателем тактики. Сведения о прохождении службы в 1940–1941 гг. не установлены. Майор РККА (1940 г.). В плену с 1941 г. Находился в лагерях военнопленных до 1943 г. С 1943 г. — преподаватель в офицерской школе Восточных войск Вермахта в Мариамполе, а позднее — в Конфлянсе (Франция). В марте 1945 г. переведен в чине подполковника ВС КОНР в 1-ю пехотную дивизию. С апреля 1945 г. — командир 5-го (запасного) пехотного полка. Сторонник выхода дивизии из подчинения командованию Вермахта и вмешательства в Пражское восстание 5–8 мая 1945 г. После роспуска дивизии 12 мая 1945 г. захвачен сотрудниками ОКР «СМЕРШ» 25-го танкового корпуса в расположении дивизии. В СССР осужден на длительный срок пребывания в ИТЛ. Дальнейшая судьба не известна.

²⁴ Хоффманн Й. Указ. соч. С. 164.

²⁵ Ауски С. А. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982. С. 152.

²⁶ Решин Л. Е. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8. С. 178.

²⁷ Ауски С. А. Указ. соч. С. 171.

²⁸ Там же. С. 149.

²⁹ Цит. по: Хоффманн Й. Указ. соч. С. 171.

³⁰ Там же.

³¹ Ауски С. А. Указ. соч. С. 172.

³² Там же. С. 257.

³³ Там же. С. 259–260.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации. Ф. 323. Оп. 4756. Д. 150. Л. 375.

СЕКРЕТНО

Ген. Лейтенант г. Ноуерн¹,
Ашенбреннер³
Германский Генерал
при К.О.Н.Р.

« » апреля² 1945 г.

Дорогой Генерал Буниченко⁴.

Командование боевого участка фронта своим письмом от 20 апреля, переданным мне только что курьером, просило генерала Власова приказать переброску 600-й дивизии⁵ по железной дороге в район Брюнн⁶.

Генерал Власов в настоящее время находится у генерала Трухина⁷, и мы ждем его возвращения через несколько дней.

Точный день возвращения генерала Власова еще неизвестен, т. к. мы не имеем с ним ни телефонной ни телеграфной связи.

Из переговоров с генералом Власовым, имевшим место два дня тому назад, мне известно, что он вполне согласен с переброской дивизии по железной дороге.

Зная это мнение генерала Власова, я настойчиво советую поступить в этом вопросе по желанию командования участка фронта, т. к. отказ с Вашей стороны, может быть истолкован этим командованием как недомыслие или малодушие. В случае неисполнения этой просьбы для дивизии могли бы наступить крупные осложнения.

Вы знаете, что русские интересы всегда были и будут дороги моему сердцу.

Поэтому прошу Вас расценить мой совет в этом смысле.

Я только что узнал о Ваших блестящих успехах, с которыми поздравляю Вас и Вашу дивизию⁸. Эти успехи принесли всем общую радость.

С дружеским приветом

Всегда Ваш

(подпись Ашенбреннера)

Верховный Главнокомандующий
Центральной группой войск⁹

22.4.1945 г.

Дорогой генерал!

Я очень сожалею, что вследствие развития обстоятельств мне не удалось позвать Вам лично руку. Я вероятнее всего приеду лично к Вам, числа 23. или 24.4. и побеседую с Вами о ваших желаниях и заботах.

Мой офицер связи, майор Неунер¹⁰, имеет задание информировать меня, о вашем, соответствующем времени и обстоятельствам месте пребывания. Я настоятельно вас прошу, не беспокоиться, в поле своей личной деятельности через мое посещение.

Я надеюсь, что введение в дело Вашей драгоценной и хорошо оснащенной дивизии в том районе и ясное подчинение 1-й танковой армии соответствует вашему желанию.

С товарищеским приветом
*Ваш Шорнер*¹¹

Главная квартира 28.04.1945

Верховное командование
Центральной группы войск
Начальник Генерального Штаба¹².

Командиру 600 пехотной дивизии (русская № 1)
Господину генерал-лейтенанту Буньяченко¹³

По слухам я слышу, что вопреки нашим договоренностям и недвусмысленно ясному тактически отданному приказу ваша дивизия выбрала не предписанный маршрут.

Я предполагаю, что дело идет о неправильном понимании. В противоположном случае я вас прошу о решительном вмешательстве и следовать слову и смыслу отданного приказа.

Генерал Власов срочно об этом извещен.

Я прошу с помощью курьера уведомить меня о принятых Вами мерах для того, чтобы можно было об этом доложить господину генерал-фельдмаршалу.

Впредь прошу я Вас, донести мне утром 29.4 о вашем месте пребывания, так как господин фельдмаршал, если позволит обстановка, хочет Вас лично посетить.

генерал-лейтенант
(подпись неразборчива)¹⁴

02.05.45.

Командующий
Эрцгибирге¹⁵

Командиру 1-й русской дивизии
г-н генерал-майору Буняченко

Командующий г. Праги Генерал-фон-Таусант¹⁶ уполномочил Обер-лейтенанта барона фон Клейст¹⁷ для ведения переговоров с Командиром Дивизии г-ном Генералом Буняченко, или, если будет возможно, лично с Главнокомандующим КОНРА ВС¹⁸ г-ном генерал-лейтенантом Власовым.

Цель переговоров: выяснение намерений Дивизии и урегулирование, на базе переговоров, происшедших случаев и случаев отсутствия дисциплины¹⁹. Обер-лейтенант барон фон Клейст уполномочен объявить договаривающейся стороне, что в случае, если Дивизия уклонится от, в свое время предписанной дороги, и уклонится от поставленной ей с этим задачи — то против Дивизии будет применена вооруженная сила.

Вооруженная сила не будет применена до тех пор, пока обер-лейтенант барон фон Клейст не закончит переговоры.

Надо полагать, что против отсутствия в Дивизии дисциплины будут приняты меры, которые исключат применение вооруженной силы против Дивизии.

Обер-лейтенант барон фон Клейст имеет при себе, как сопровождающего Зондерфюрера — Розенберга²⁰ и как шофера фельдфебеля Кюстер²¹.

За команду Эрцгибирге

Начальник штаба

1а²²

Майор Генерального штаба.²³

Немецкому командованию
города Праги

1. Почти все вооруженные силы — местные гарнизоны Протектората, поняв бессмысленность сопротивления, сложили оружие.

2. Я предлагаю, что в случае сдачи оружия, каждый может отправиться на Родину или по желанию передан англо-американцам.

3. Я даю честное офицерское слово и гарантирую выполнение моего предложения.

Если мое требование о капитуляции до 10.00²⁴ не будет принято, то я с применением артиллерии буду ломать дальнейшее сопротивление.

Командир 1-й русской дивизии
генерал-майор (*Буняченко*)

Начальник Штаба
подполковник (*Николаев*)

Военный комендант Праги

Прага 7 мая 1945

Господину полковнику Сахарову²⁵

Ссылаясь на имевшуюся сегодня в полдень нашу беседу объясняю я после беседы с немецким государственным министром²⁶ и уполномоченным вооруженных сил что мы само собой разумеется борьбу против большевиков будет вести дальше и для этого достаточно сильны.

Как группа войск Шёрнера (свыше 1го миллиона человек²⁷), так и все части вооруженных сил в Праге стоят в полной готовности к борьбе против большевизма, поражение которого является нашей единственной целью сегодняшней борьбы.

От частей Власова мы ожидаем, чтобы они заверили быггь нашими союзниками, как, генерал Власов рукопожатием подтвердил государственному министру и уполномоченному немецкому генералу, и если они не хотят нас в борьбе поддержать, то по крайней мере, не препятствовать нам в этой борьбе и продолжать свой марш в район, указанный их командиром.

Если они однако повернутся против нас, то мы, как солдаты, которые никогда не прибегали к предательству, никоим образом не можем это понять. Мы достаточно сильны отбить также такого рода атаки.

Канцелярия штаба
Вальтер
459.41²⁹

Генерал-лейтенант
*Мюллер*²⁸

Комментарии

¹ Так в тексте. Правильно *Ноерн*.

² Дата в письме не проставлена, но по-видимому, речь идет о 21–23 апреля 1945 г.

³ *Ашенбреннер Генрих* — генерал-лейтенант Люфтваффе. До войны являлся аташе ВВС Германской Империи в СССР. Инспектор восточных кадров в Люфтваффе, представитель командования ОКЛ при КОНР. Оказывал реальную помощь при формировании ВВС КОНР в 1944–1945 гг.

⁴ Так в тексте.

⁵ По нумерации Вермахта 1-я дивизия ВС КОНР имела номер 600-й, 2-я — 650-й, 3-я — 700-й.

⁶ Небольшой населенный пункт в Моравии (Протекторат).

⁷ *Трухин Федор Иванович* (1896 г., Кострома — 1 августа 1946 г., Бугырская тюрьма, Москва) — начальник штаба Вооруженных Сил КОНР, генерал-майор ВС КОНР. Генерал-майор РККА (1940), заместитель начальника штаба и начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта (1941). В плену с 29 июня 1941 г., активный участник Власовского движения с февраля 1943 г. Командующий Южной группой ВС КОНР в апреле–мае 1945 г. (Подробнее см. наш комментарий к воспоминаниям Я. А. Трушновича Русские в Югославии и Германии 1941–1945 гг. // Новый Часовой. 1992. № 2. С. 160–161).

⁸ Оценка генерал-лейтенантом Г. Ашенбреннером операции на плацдарме «Эрленгоф» 13 апреля 1945 г.

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Не установлен.

¹¹ Так в тексте, правильно — *Шернер*.

¹² Так в тексте.

¹³ Так в тексте.

¹⁴ По всей видимости документ подписан начальником штаба группы армий «Центр» генерал-лейтенантом Вермахта Олдвигом фон Натцмером, с которым 27 апреля 1945 г. встречался генерал-майор ВС КОНР С. К. Буяиченко в Шнееберге у чешско-германской границы 1938 г. На встрече Буяиченко сделал вид, что готов выступить с дивизией на Брюнн, но не выполнил обещанного, в чем его и упрекает Натцмер в приводимом документе. Фраза о неразборчивости подписи на документе сделана переводчиком «СМЕРШа».

¹⁵ Так в документе.

¹⁶ Правильно Рудольф фон Туссен, генерал пехоты Вермахта.

¹⁷ Не установлен.

¹⁸ Так в тексте.

¹⁹ В последние дни апреля 1945 г. во время следования дивизии произошел ряд конфликтов и мелких стычек между чинами дивизии и военнослужащими Вермахта, СС. Несколько раз власовцы самовольно изымали на немецких складах горючее, боеприпасы и продовольствие, которые попадались им на пути. 29 апреля 1945 г. на вокзале г. Лоунн, патруль власовцев под командованием подпоручика Семенова был обстрелян из автоматического оружия чинами СС из вагона прибывшего пассажирского поезда. У власовцев был убит 1 офицер, 2 фельдфебеля и 3 рядовых, у немцев — 4 убитых и несколько раненых. Конфликт произошел под недоразумением, но все эти происшествия еще более усилили в дивизии антинемецкие настроения.

²⁰ Не установлен.

²¹ Не установлен.

²² Из оперативный отдел, очевидно имеется в виду, что подписавший документ майор Вермахта являлся и начальником оперативного отдела.

²³ Подпись на документе не расшифрована.

²⁴ Документ не датирован. Известно, что 1-я дивизия ВС КОНР двинулась к Праге из Сухомаст во второй половине дня 5 мая 1945 г., а группы разведки еще раньше. В бон с немцами разведгруппы власовцев вступили уже вечером 5 мая и перестрелка продолжалась всю ночь 6 мая. Судя по тому, что главные силы Буняченко вступили в бон с утра 6 мая, речь в документе идет именно о 10.00 6 мая, а документ может датироваться либо поздним вечером 5 мая, либо ночью или ранним утром 6 мая. Вряд ли Буняченко и Николаев возлагали на него какие-нибудь надежды и придавали ему серьезное значение, так как в действительности бон местного значения и стычки между власовцами и частями Пражского гарнизона не прекращались с вечера 5 мая вплоть до начала вывода дивизии из города ночью 8 мая 1945 г.

²⁵ 4-й полк Сахарова вел 6 мая бои на Смихове в районе Страговского монастыря. Здесь он самостоятельно вступил в переговоры с немцами, которые были готовы сложить оружие на этом участке. Во второй половине дня Сахаров узнал, что 3-я американская армия не будет занимать Прагу, следовательно, участие дивизии в восстании с расчетом на дальнейшее убежище теряло смысл. С этой новостью Сахаров уехал в штаб дивизии, приказав 1-му батальону прекратить операции на этом участке. Приводимый документ интересен тем, что показывает, насколько не связаны были между собой части Пражского гарнизона, если их отдельные командиры уже во время боев с власовцами не могли понять с кем они воюют и заверяли власовцев в своей лояльности.

²⁶ Очевидно, имеется в виду государственный министр Третьего Рейха Карл Герман Франк.

²⁷ С. А. Ауски оценивает общую численность группировки Шернера в 1 млн 200 тысяч человек (См. Аускн С. А. Указ. соч. с. 143).

²⁸ Очевидно, имеется в виду командующий Пражским укрепленным районом генерал-лейтенант Верхмата Мюллер-Геххарт.

²⁹ Код не расшифрован.

При подготовке комментариев использованы данные Картотеки учета офицерского состава Вооруженных Сил КОНР, добровольческих частей Верхмата и СС из граждан Советского Союза (Личный архив К. М. Александрова).

Использованные сокращения

ВКП(б)	— Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	— Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВОХР	— Военизированная охрана
ВСЮР	— Вооруженные Силы Юга России
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
Ген. шт. ген.-л.	— Генерального штаба генерал-лейтенант
ж/д	— железнодорожный
ИТЛ	— исправительно-трудовые лагеря
Карлаг	— Карагандинские лагеря
КОВО	— Киевский Особый военный округ
МГБ СССР	— Министерство государственной безопасности СССР
НКВД СССР	— Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКО СССР	— Народный Комиссар Обороны СССР
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление
ОКДВА	— Отдельная Краснознаменная Дальневосточная Армия
ОКЛ	— Верховное командование Люфтваффе
ОКР «СМЕРШ»	— отдел контрразведки «СМЕРШ»
ОфЛag	— Офицерский лагерь
ПриВо	— Приволжский военный округ
РККА	— Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РОА	— Русская Освободительная Армия
РОНА	— Русская Освободительная Народная Армия
САВО	— Средне-Азиатский военный округ
СНК СССР	— Совет Народных Комиссаров СССР
УР	— Укрепленный район

С. В. Лобачев

Изучение генеалогии боярской аристократии XVII века на материале духовных завещаний

На протяжении XVII века боярство играло важную роль в жизни русского государства. В это время оно окончательно утратило черты сословия и превратилось в привилегированное чиновничество, занимавшее ключевые посты в Боярской Думе — высшем органе государственной власти. В ходе политической борьбы бояре создавали придворные группировки, или кланы, которые соперничали друг с другом, добиваясь исключительного влияния на государя. Очень часто эти группировки объединяли в своем кругу ближайших родственников. В этой связи, изучение генеалогии боярской аристократии представляется особенно актуальным.

Как известно, ценным источником по генеалогии являются духовные завещания. Духовные представляли собой юридические документы, на основании которых производился раздел имущества покойного. Их тексты обязательно скреплялись подписями свидетелей. Авторы завещаний перед смертью давали благословение своим родственникам и одаривали их подарками, причем каждого из них они перечисляли поименно с указанием степени родства.

Количество опубликованных духовных завещаний невелико¹, поэтому несомненный интерес представляет выявление новых архивных материалов. В Российском государственном историческом архиве в фонде графов Шереметевых (Ф. 1088) находятся три документа, содержащие новые данные по генеалогии влиятельных боярских фамилий середины XVII века. Это духовные завещания князей Михаила Петровича Пронского, Михаила Михайловича Темкина-Ростовского и Матвея Васильевича Прозоровского².

Духовная князя М. П. Пронского написана столбцом, разрезаным на семь сставов. На обороте по местам разрезов собственноручная приписка князя: «К сей духовной князь Михайло Пронской руку приложил». На сставах 6 и 7 просматривается водяной знак «лилия на щите»³. Текст написан одним почерком коричневыми чернилами. Имеются поздние пометки красным и синим карандашом. В конце документа — дата: «Лета 7163-го сентября в 9 день». Таким образом, духовная была составлена за два дня до смерти М. П. Пронского, который умер 11 сентября 1654 года в зараженной чумой Москве⁴. Изъявляя последнюю волю, боярин завещает своей дочери Анне вотчины «селцо Калитьево, да в Московском уезде селцо Новосилцово, что наперед сего те вотчины бывали Шуйских, а после своего живота боярин князь Иван Иванович Шуйский те свои родственные вотчины отказал племянникам своим: селцо Калитьево жене моей княгине Овдотье, а селцо Новосилцово отказал своячине моей княгине Ульяне Васильевне Троекурове, да княгине Анне Григоревне Урусове...». Сопоставив эти указания со сведениями из духовного завещания князя И. И. Шуйского⁵, последнего представителя древнего суздальского рода, можно очертить круг родственных связей Михаила Петровича Пронского.

Родная сестра князя И. И. Шуйского Аграфена Ивановна была замужем за князем Василием Александровичем Прозоровским. Одна из ее дочерей — Евдокия Васильевна была женой князя М. П. Пронского, а другая — Ульяна Васильевна — женой Романа Федоровича Троекурова⁶. Из имеющихся источников и родословных росписей пока не удастся установить, кем была Анна Григорьевна Урусова и какое отношение она имела к семействам князей Шуйских и Пронских⁷. Очевидно, родословие Урусовых требует специального исследования. Племянниками кн. М. П. Пронского названы братья Головины: Алексей, Никита и Иван. Старший из них, Алексей, был женат на Марии Ивановне Троекуровой, дочери Ивана Федоровича Троекурова и Анны Никитичны Романовой, родной сестры патриарха Филарета⁸.

Пронские принадлежали к числу знатнейших аристократических семей, представители которых жаловались в бояре, минуя чин окольничего⁹. Князь Петр Иванович получил боярский чин 22 апреля 1647 г., а в декабре вместе с ним в Думе уже сидел его сын Михаил Петрович¹⁰. Бабка Михаила Петровича, княгиня Мария Ивановна, была мамкой у царевны Татьяны Михайловны, а свояченица князя М. П. Пронского Ульяна Троекурова — у царевны Анны Михайловны¹¹.

Завещание князя М. М. Темкина-Ростовского гораздо меньше по объему. Оно написано столбцом на двух склееных сставах. На обоих просматривается нижняя половина водяного знака «шут с семью бубенцами». Текст духовной написан подьячим Ивановской площади Алешкой Яковлевым. Завещание было составлено «лета сто шестьдесят девятого году мая в двадцать осьмый день», то есть 28 мая 1661 г. Это указание позволяет уточнить дату смерти М. М. Темкина-Ростовского, погребенного, согласно его последней воле, в Ростовском Белогостицком монастыре¹².

Боярский чин был пожалован М. М. Темкину-Ростовскому 1 октября 1645 года. В 1654 г. князь выступил в поход против Польши вместе с царем Алексеем Михайловичем в качестве воеводы одного из полков¹³. М. М. Темкин-Ростовский не оставил потомства. Он был женат на Марии Ивановне Измайловой, которая до него была замужем за Федором Алексеевичем Сицким¹⁴. Родной сестрой Ф. А. Сицкого была Евдокия Алексеевна, первая жена Глеба Ивановича Морозова¹⁵. В завещании «племянниками» Михаила Михайловича названы Алексей Иванович Буйносов-Ростовский и Василий Дмитриевич Сабуров. Возможно князь употребляет термин «племянник» в более широком смысле — соплеменник, сродник¹⁶. Родоначальником Темкиных был князь Иван Темка, прадед Михаила Михайловича. Отец Ивана Темки, Иван-Ян Андреевич, приходился родным братом князю Ивану Андреевичу Брюхатому, от которого пошли Буйносовы-Ростовские¹⁷. Каким образом с Ростовскими князьями породнились Сабуровы, из имеющихся источников не ясно.

Третий документ — список с духовного завещания князя М. В. Прозоровского, написан столбцом, который разрезан на восемь сставов без каких-либо помет на обороте. На сставах 3–8 водяной знак «шут с семью бубенцами» и буквы «СВ». Знак близок к № 1362 в альбоме А. А. Гераклитова, датируется 1665 годом¹⁸. В конце дата: «лета 7178 году декабря в 22 день» (то есть 22 декабря 1669 года), которая является единственным точным указанием времени кончины М. В. Прозоровского¹⁹.

Несмотря на богатый послужной список князь М. В. Прозоровский не был боярином, зато в Думе сидели его многочисленные родственники²⁰. Старший брат Матвея Васильевича Семен получил чин окольничего в 1630 г., а в 1646 ему было пожаловано боярство. В 1656 г. чин боярина получил князь Иван Семенович за свою службу во время шведского похода²¹. Позднее места в Думе получили князь

Петр Иванович, князь Петр Семенович меньшей, князь Борис Иванович, князь Василий Петрович (см. генеалогическую таблицу)²².

Духовная М. В. Прозоровского называет несколько новых женских имен. Женами детей Семена Васильевича, были: у Петра большого — Евдокия Максимовна, у Михаила — Татьяна Федоровна, у Петра меньшого — Евдокия Савельевна. У Петра Семеновича Большого были дети: Евдокия, Софья, Мария, Василий, Алексей. Евдокия Петровна была замужем за Константином Осиповичем Щербатовым; женой Василия Петровича была Екатерина Григорьевна, а Алексея Петровича — Мария Васильевна (погребена в Сретенском монастыре 7 января 1696 года)²³.

В сети родственных связей боярской аристократии довольно трудно найти какую-нибудь закономерность. Именитые княжеские фамилии оказываются в родстве как с правящей династией, так и с неродовитыми семьями, например, с семьями дьяков²⁴. Публикуемые ниже источники не могут полностью распутать эти сети, но они дают в руки историков и специалистов по генеалогии богатый фактический материал, который может быть использован в дальнейших исследованиях.

¹ См. например: Духовное завещание князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. М., 1907; Духовная и изустная память Ф. И. Шереметева // Барсуков А. Род Шереметевых. Т. III. СПб., 1883. С. 495–518; Лихачев Н. Духовное завещание старца Варлаама 1590 года // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 97–99; Лихачев Н. Духовное завещание кн. Семена Федоровича Сицкого // Там же. С. 216–221. Несколько духовных завещаний опубликовано в Актах юридических (СПб., 1838).

² РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. № 846, 847, 848.

³ Близок к № 944, обнаруженному на рукописи 1647 года. См.: Водяные знаки рукописей XVII века. По материалам Отдела рукописей ГИМ. М., 1980.

⁴ Дополнения к Актам историческим. Т. III. СПб., 1848. С. 458.

⁵ Духовное завещание князя И. И. Шуйского // Старина и новизна. Кн. 11. СПб., 1906. С. 258–264.

⁶ Родословную роспись Троекуровых см.: Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895. С. 295.

⁷ Родословную роспись Урусовых см.: Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. С. 27–28.

⁸ Казанский П. Родословие Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 33–35, 96–97.

⁹ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 23.

- ¹⁰ Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. Стб. 57, 77–78.
- ¹¹ Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник МОИДР. Кн. 9. Отд. III. М., 1851. С. 47.
- ¹² Великий князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь, Т. 1. М., 1914. С. 849.
- ¹³ Crummeу R. O. *Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia 1613–1689.* Princeton, New Jersey, 1983. P. 46, 187.
- ¹⁴ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Ч. 2. С. 184, 217.
- ¹⁵ Мятлев Н. О первой жене боярина Глеба Морозова // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 2. СПб., 1903. С. 86–88.
- ¹⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. СПб., 1907. Стб. 311.
- ¹⁷ Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. С. 207.
- ¹⁸ Гераклитов А. А. Филигрani XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
- ¹⁹ См. статью о нем в Русском Биографическом Словаре: Т. «Притвиць-Рейсь». СПб., 1910. С. 18. Автору ее известно лишь, что М. В. Прозоровский был еще жив в 1668 году.
- ²⁰ Там же. С. 18.
- ²¹ Там же. С. 14–15.
- ²² Слупптеу R. O. Op. cit. P. 183, 192, 199, 202–204.
- ²³ Великий князь Николай Михайлович. Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1908. С. 464–465.
- ²⁴ Лихачев Н. П. Родословные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. СПб., 1900. С. 114.

№ 1

Духовное завещание боярина князя Михаила Петровича Пронского

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се аз, раб Божий, князь Михайло Пронской пишу сию духовную своим целым умом и разумом, а бью челом и приказываю душу свою строить, и поминать, и долг платить отцу своему духовному Спаскому протопопу Александру Олексеевичю, да брату своему боярину князю Ивану Петровичю Пронскому, да Семену Ивановичю Шенну, да сестре своей, боярина Бориса Петровича Шереметева жене, боярыне Ульяне Петровне, да дочери своей, княжне Анне Михайловне. И как бог по душу мою сошлет и приказщиком моим пожаловать, велеть тело мое погresti в Златоуском монастыре под церковью Покрова Пресвятыя Богородицы строенья отца моего боярина князя Петра Ивановича, во иноцех схимника Павла, подле ево гробу, а над гробом моим поставить образ всемилостиваго

Спаса, оклад басмянной¹, да образ Пречистые Богородицы, да образ благоверного князя Михаила Черниговского, да преподобные мученицы Евдокеи, обложен серебром, басмою ж, и устроить им киот². Да образ же благоверного князя Михаила Черниговского, да боярина его Феодора в бархатном киоте обложены серебром, в чекан, у них прикладу десять золотых, поставить в церкви Покрова Пресвятые Богородицы. А на отпевании моем пожаловать приказщиком моим бить челом архиепископу Суздалскому³ и иным властем, которые прилучатца, приезжим и московским, да приказщиком же моим пожаловать, велеть по мне роздать на шесть недель на четыредесять храмов: в Чюдов монастырь на сорокоуст⁴ пять рублей, да вкладу дать в вечной поминок пятьдесят рублей, и за тот вклад вписать в сенодики и поминать имя мое и родителей моих против тех денег, в большой собор к Успению Пресвятые Богородицы пять рублей, да вкладу в вечной поминок пятьдесят рублей, и за тот вклад вписать в сенодики⁵ и поминать имя мое и родителей моих против тех денег, в Спаской собор отцу духовному три рубли, да ему ж во собор в вечной поминок дватцать рублей, в Златауской монастырь три рубли, да в Златауской же монастырь дать по мне вкладу в вечной поминок сто рублей, да к Покрову Пресвятые Богородицы, что в Златауском монастыре, два рубли, а к достальным церквем на сорокоусты давать где соборы по два рубли, а приходским по полутора рубли. Да в вотчинах моих и в поместях к церквем дать на сорокоусты по два рубли. А властем на погребении моем дать против указу большой Спас, да крестовому священнику Петру дать по мне поминку пять рублей, а будет ево божию волею не станет и те денги дать по нем в поминок к церкви, где ево положат. Да отцу моему духовному, черному священнику Серапиону, дать во собор поминок десять рублей, да приказщиком же моим дать по мне сорокоусту, и за впись имени моего в Казань в соборную церковь пять рублей; да в Преображенской монастырь сорокоусту и за впись пять рублей; да в монастырь Казанские Богородицы отцу моему духовному, протопопу Роману Климантовичу, пять рублей, да ему ж во собор поминок десять рублей; в Асторохань⁶ в собор протопопу Лаврентию з братьей на сорокоуст и за впись имени моего пять рублей, да во собор поминок десять рублей; да в Троецкой монастырь на сорокоуст и за впись имени моего пять рублей, а полчетыредесятница в Казани в соборной церкви из монастыря в Асторохани. В соборной же церкви, и в Троецком монастыре пожаловать им душу мою поминать в вечной поминок за прежней мой вклад, да в Асторохани ж, и на Терке дать по мне

сорокоусту по монастырем по два рубли, по приходским церквем по полутора рубли.

А благословляю брата своего, боярина князя Ивана Петровича, образ Спасов обложен серебром, да челом бью аргамак⁷ бур, седло оправное⁸, плащи золоты с камением, покровец бархат золотист, мунштук⁹ турской с яшмами и з бирюзами, чепрак¹⁰ шит по бархату золотом волосеным, шапка ерихонка¹¹ булатная, пансырь с мишенми¹² и с ожерельем, сабля булатная оправная серебром, ножны покрыты ящуром¹³, рогатина булатная, буздуган¹⁴ серебрян золочен — тою дал на службу на свою де князю Петру Семеновичу Прозоровскому, да наручи¹⁵ булатные, наведены золотом. Сестру Ульяну Петровну благословляю образ Пречистыя Богородицы Казанские в киоте оклад чеканной, ожерелье и убрус¹⁶ низано жемчугом, да челом бью пятьдесят рублей, да ей же выслуженая вотчина отца нашего боярина князя Петра Ивановича, что дана была за нею в приданые в Осташковском уезде — селцо Дубово з деревнями. Да Семена Ивановича Шеина благословляю образ Спасов обложен серебром да челом бью, аргамак солов, седло шито золотом волосеным по гзу по еринному¹⁷ нарезано бархатом червчатым, узда серебряная болшая, князя Ивановская Ивановича Шуйского, ошеек меньшей кованой, морх¹⁸ шолк шаморханской з золотом, бабр¹⁹ меньшей. Да брата князя Иванову жену Петровича Пронского, княгиню Настасью Дмитриевну благославляю образ Пречистыя Богородицы Владимирские обложен серебром венец и коруна резная в киоте деревяном. Да племянницу свою Семенову жену Ивановича Шеина Овдотью Ивановну благословляю образ Пречистыя Богородицы обложен серебром, венец и коруна резная с камением в киоте деревяном, благословение отца моего боярина князя Петра Ивановича, во иноцех схимника Павла, что привез ко мне в Асторохань брат князь Иван Петрович. Да внука своего Олексея Семеновича Шеина благословляю образ чудотворца Олексея митрополита, оклад резной с камением, да челом бью булаву хрустальную оправлена серебром с чернью²⁰, что дана на съезде боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому. Да внука ж своего Василья Семеновича Шеина благословляю образ все милостиваго Спаса обложен серебром, венец и цата²¹ золоты, да челом бью тулуп, бак медной золочон с камением. Да дочь свою княжну Анну Михайловну благословляю образ Спасов обложен серебром в чекан, в венце каменье, образ Пречистыя Богородицы Казанские обложен серебром в чекан, в венце и в коруне каменье: яхонты и лалы²², и изумруды в золотых гнездах, убрус, и ожерелье, и коруна обнизана

жемчугом, образ Николы чудотворца обложен серебром в чекан в киоте серебряном с приклады, крест с мощми. Да дочери ж моей вотчину в Володимерском уезде селцо Калитьево, да в Московском уезде селцо Новосилцово, что наперед сего те вотчины бывали Шуйских, а после своего живота боярин князь Иван Иванович Шуйский те свои родственные вотчины отказал племянницам своим: селцо Калитьево жене моей княгине Овдотье, а селцо Новосилцово отказал своячине моей княгине Ульяне Васильевне Троекурове, да княгине Анне Григоревне Урусове, а княгиня Ульяна Троекурова и княгиня Анна Урусова тое вотчину селцо Новосилцово после своего живота отказали мне, да жене ж моей княгине Овдотье, а после жены моей, княгини Овдотьи, теми вотчинами государь пожаловал меня, князя Михаила, и государевы грамоты на те вотчины мне даны. Да вотчина ж была за мною приданая жены моей княгини Овдотьи, в Переяславском уезде Залеского селцо Ильинское да селцо Богородицкое з деревнями, и после смерти жены моей, княгини Овдотьи, по договорною записи со мною владеет тою вотчиною боярина князя Юрья Ондревича Сицкого жена, боярыня княгиня Фетисья Володимировна по свой живот, а после его живота по ево записи владеть было тою вотчиною мне, а будет меня Божию волею не станет прежде его и после его тою вотчиною владеть дочери моей княжне Анне Михайловне и в Поместном приказе та запись записана. Да дочери ж моей вотчина в московском уезде половина селца Чижова, да деревни Горецкой с пустошми, да в Тверском уезде половина селца Переветного з деревнями, да в московском уезде половина пустоши Оксиньей, что заложил тое вотчинную пустош отцу нашему боярину князю Петру Ивановичю Иван Прокофьевич Ступишин, а другая половина тех вотчинных деревень и пустошей брата моего князя Ивана Петровича, да ей же вотчина приданая матери ево в Коломенском уезде селцо Оситня. Да в Коломенском уезде куплена моя вотчина, что я купил из дворца и с порозжих земель деревня Тяткино, а что за мною за одним государева жалованья поместья в Нижгородцком уезде селцо Ватранье з деревнями и с пустошми, да в Шацком уезде жеребей в селце Нестерове с пустошми, да в московском уезде селцо Давыдовское, да вопче²³ з братом со князем Иваном Петровичем в Нижгородцком уезде селцо Троецкое з деревнями и с пустошми, да в Галицком уезде селцо Воронино з деревнями и с пустошми, да в Клинском уезде селцо Молчаново, да деревня Мошинцы з деревнями и с пустошми, да в Осташковском уезде, что осталось за вотчиною дачею поместные зем-

ли, и о тех моих поместьях приказщиком моим пожаловать; бить челом государю, чтоб государь пожаловал за моей службишкой у дочери моей того поместья отнять не велел, да что я выменил у нижгородца у Петра Гляткова поместье ево в нижгородцком уезде в деревне Озакове на свои поместные пустоши в Володимирском уезде на пустош Яхтурово с пустошми, а посадить было мне на те пустоши Озаковских крестьян четыре семьи, и в Поместном приказе те наши поместья розписаны. И после того Петра Гляткова не стало, а жена ево шла замуж за Борисова человека Ивановича Морозова, и в том поместье розделки не учинено, а тою пустошью Яхтуровую с пустошми владею я ж и по се число, и будет после Петра з женою ево дети остались и приказщиком моим пожаловать тое деревню Озакову, что было выменил я у Петра справить за детьми ево Петрова по прежнему и в нее не вступатца, а будет после Петра детей нет и что с нее доходу будет и ис того доходу и ис хлеба дать по нем, Петре, к церкви, где он положон в вечной поминок и на церковное строение на год по половине доходу и хлеба, а ис той половины к церкви половина да церковником другая половина, а другую половину дохода и хлеба имать тому, за кем то поместье по государеву указу после моего живота будет, потому что тое деревни за крестьян платил я иноземцом Микифору Василеву сыну Брутцкому с товарищи семьдесят рублев. Да бабку свою княгиню Марью Ивановну, князя Васильеву жену Романовича Пронского благословляю образ Пречистые Богородицы обложен серебром, да боярина князя Юрьеву жену Ондреевича Сицкого боярыню княгиню Фетисью Володимеровну благословляю образ [ ]²⁴ обложен серебром, да что был у меня с нею договор о приданом, Киржацкой вотчине жены моей, что владть ей тою вотчиною по свой живот, а как его не станет и тое вотчину отдать ее мне, а будет божию волею меня не станет преже ее, и ей после своего живота отдать та вотчина дочери моей княжне Анне Михайловне, потому что та вотчина приданая была жены моей. Да боярина князя Якова Куденетовича Черкасского благословляю образ Спасов обложен серебром, да жену ево княгиню Овдотью Семеновну благословляю образ Пречистые Богородицы обложен серебром, княжну Анну Яковлевну благословляю образ Пречистые Богородицы обложен серебром, да боярина князя Семена Васильевича Прозоровского благословляю образ Николы Чюдотворца обложен серебром резной, в ките деревяном, да челом бью конь темносер нагайской, да детей ево князя Ивана, князя Петра, князя Михаила, князя Петра, князя Александра Семеновичев благословляю по образу окладному. Да князя Иванову, да князя Петрову, да князя

Михайлову Семеновичев жон благословляю по образу ж окладному. Да племянников своих Олексея, да Микиту, да Ивана Ивановичев Головиных и их жон, и Олексеева сына Петра благословляю по образу, да Олексею ж и Миките и Ивану Ивановичем челом бью по коню. Да Романа Федоровича Бабарыкина, да жену ево Дарью Михайловну благословляю по образу окладному, да ему ж отдать шапку ево мисюрку²⁵, что я наводил золотом кованым, да зарукавь колчужное, да у меня ж взята была, а на него Романа за бахтерец²⁶ память во сте рублев и тое память выдать ему Роману безденежно и бахтерца у него не имать. Да Федорову жену Петровича Неелова, Марью Петровну, да сына его Моисея Федоровича благословляю по образу окладному, да Моисею ж челом бью конем. Князя Ивана Енеевича Кейкуватова (*sic!*) да жену ево княгиню Анну Федоровну благословляю по образу окладному, да князю Ивану ж челом бью конем. Да Ондreja, да Ивана Ступишинных благословляю по образу окладному, да им же дать по коню, да детям их дать по коню ж. А что за тем останетца пожитка моего всего, и те все пожитки мои и дворы московские в городе и за городом за Чертолскими вороты дочере моей княжне Анне Михайловне. Да взять мне по кабале²⁷ долгу на Савиных товарищах другова на [ ]²⁸ с товарищи ж сто рублев, и те денги сто рублев по заемной кабале дать на них дочере моей княжне Анне Михайловне. А кабала в тех денгах на заимщиков у человека моего у Лукьяна Нестерова, а что мне кому заплатить долгу и тому роспись моею рукою. И по той росписи пожаловать приказщиком моим долг мой заплатить из животов моих и из государева жалованья с поместей и с вотчин, а в долгу меня пожаловать, не положить. А будет хто моим безпамятством после на мне долг свой скажет и приказщиком моим, про то сыскав вправду, тот долг за меня платить. А где что моих пожитков поставлено и тому роспись моею ж рукою, а людем моим дворовым и служилым и всяких чинов после моего живота дати воля, а жалованья им дати дворовое хто что имал, а вдовам и мужним женам дать жалованья по два рубли, а поварским женам, и конюховым, и всяким работным дать по рублю. Да девкам, служним дочерям, дать по полутора рубли, а работным по полтине.

А у сей духовной сидел отец мой духовной и приказщик Спаской протопоп Александр. А духовную писал Микифор Мальгин лета 7163-го, сентября в 9 день.

На обороте: Князь Михайло Пронской руку приложил.

№ 2

Духовное завещание боярина князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се аз раб Божий Михайло Михайлович Темкин-Ростовской пишу сию духовную в целом уме своем и разуме, приказываю душу свою строить и тело свое погребсти боярину князю Якову Куденетовичю Черкаскому, да племяннику своему столнику князю Алексею Ивановичю Буйносову-Ростовскому, да отцу своему духовному Архангелскому протопопу Кондрату. А как бог по душу мою князь Михайлову сошлет и боярину князю Якову Куденетовичю, да племяннику моему князю Алексею Ивановичю, да отцу моему духовному протопопу Кондрату тело мое погребсти в Ростове в Белогостецком монастыре. А по моей душе дать в монастырь в церковь Пречистыя Богородицы Благовещенья благословенной крест чеканной золочен обнизан жемчугом, да что останетца моления моего образов окладных и те образы поставить в том же Белогостецком монастыре, да в Ростове в соборную церковь Пречистыя Богородицы Успения поставить по мне, князь Михайле, божия милосердия икон моления моего: образ Пречистыя Богородицы Казанские обложен серебром чеканным, венец с коруною золочен с камением и з жемчугом в ките бархатном черном, да образ Спасов нерукотворенного большая пядница, венец, и цата, и поля, оклад чеканной серебрян золочен с камением в китях. А на отпеванье и на погребанье тела моего князь Михайлова звать митрополита, и архиепископов, и архимаритов, да в тот же Белогостецкой монастырь дать по моей душе вкладу и на помяновение денег пятьсот рублей, да рукомойник серебряной с лоханью белые. Да в Симонов монастырь дать вкладу на помяновение родителей моих и по моей душе денег триста рублей. Да на Резани в Духов монастырь сто рублей денег, да на Москве в большой собор Успения Пречистыя Богородицы, и в собор Благовещения Пречистыя Богородицы, и в собор Михаила Архангела дать в сорокоустия по пять рублей, да в вечной поминок по мне, князь Михайле, и написать родителей моих в сенодики, дать по тем [соборам]²⁹ по десяти рублей. Да на прочия соборы дать в сорокоустия на соборы по три рубли, да на милостину роздать нищим, и в тюрьму, и в богоделню во всю четырехдесятницу³⁰ на день по десять рублей, да отцу моему духовному протопопу Кондрату дать на помин души моей денег пятьдесят рублей, да боярина князя Якова Куденетовича благословил я, князь Михайло,

божия милосердия образом, да два креста золотых с мощми, и с яхонты, и с ызумруды обнизан жемчугом, да сабля з бирюзами. Да племяннику моему князю Алексею Ивановичю благословением образ, да стопа серебряна, да стопка серебряна ж. Да племяннику ж моему Василью Дмитриеву сыну Сабурову дать денег пятьдесят рублей, да сабля оправная, да пара пистолей, да чуга³¹ бархатная черная, да после живота моего князь Михайлова оставляетца денег на лицо серебряных тысяча триста рублей, да медных денег двесте пятьдесят рублей, да серебряных же денег шесть тысяч рублей, что взял я, князь Михайло, те денги шесть тысяч рублей у боярина князя Якова Куденетовича за вотчину свою Звенигородского уезду за село Михайловское з деревнями, и со крестьяны, и с пустошми и со всеми угодыи, да что останетца животов моих домашних платья и низанья жемчугу, и камня, и серебру, и персней, и судов серебряных, и конских нарядов, и служилые рухледи, и двор мой московской, и тому всему роспись под сею духовною, и то все продать. И теми денгами боярину князю Якову Куденетовичю и племяннику моему, князю Алексею Ивановичю, и отцу моему духовному, протопопу Кондрату, душу мою строить, и по монастырем вклад давать, и поминать, и в поминанье и на милосгину роздать. А в деревнях, что останетца хлеба, и лошадей, и животины, и то все продать, и те денги роздать по мне ж в помяновенье, а людей моих отпустить на волю и дать им отпускные и на дело им дать против жалованья моего вдвое. А человеку моему Егупу наделку дать пятьдесят рублей. А что великого государя жалованья за мною поместья, и о тех поместьях, что великий государь укажет.

А у сей духовной сидели боярин князь Яков Куденетович Черкасской, столник князь Алексей Иванович Буйносов-Ростовской, да отец духовной протопоп Кондрат. А духовную писал Ивановские площади подъачей Алешка Яковлев лета 7169³² году мая в дватцать осмый день.

На обороте: Князь Яков Черкасской. Князь Алексей Буйносов. К сей духовной Архангелской протопоп Кондрат и вместо сына своего духовного князь Михайла Михайловича Темкина-Ростовского по его веленью руку приложил.

РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. № 847.

Духовное завещание князя Матвея Васильевича Прозоровского

Список с духовной. Во имя Пресвятыя и живоначальные Троицы Отца и Сына и Святаго Духа. Се аз многогрешный Евсигней³³, паметую на короткое житие человеческое и на неизбежны смерти долг, понеже³⁴ невозможно есть словесем нам, естеству, родився на си плачевны юдоль³⁵, смерти не вкусити, и о сем рассмотрев, доколе имею совершен дарованный мне от бога разум, умыслих написати грамотное свидетельство последнее воли моя в здравом разсуждени. Да егда³⁶ случитца скорбь, и от скорби будет роспрошения ж супруги, еже есть разлучени души от тела, якоже есть обычей словесном естеству отдати общей долг, и аще³⁷ преждереченная моя мысль и в дело достигнет, и то благословен богу. И сего ради аз многогрешеный Евсигней в сем осталнем моем изволени и, моляся едиnorodному Слово Божию Господу Богу моему Иисусу Христу, да примет с миром душу мою, а тело мое грешное предаю земле, понеже сродно есть ей, а что есть нужнейших мне душевных вещей, и что моево Евсигнеева пожитку имения есть и о сем молю и милости прошу у избранных о Христе Бозе моем и у душевных приятелей: отца своего духовного протопопа Александра Алексеевича, да у столника и спалника князя Михаила Яковлевича Черкассково, да у племянников своих, боярина князя Ивана Семеновича, да князя Михаила Семеновича, да князя Петра Семеновича меншова, да внучат: столника и спалника князя Петра Ивановича, да князя Василья Петровича, да князя Алексея Петровича, да думного дворянина Офонася Осиповича, да думного дворянина Ивана Офонасьевича Прончищевых, а им пожаловать душу мою грешную строить и поминать. А как Бог по душу мою сошлет и прикащиком моим пожаловать, тело мое грешное погresti на Москве в Стретенском монастыре у Николы чудотворца под трапезою. И кому мне что дать и на ком что мне взять кабалных долгов и бескобалных: дати мне бескобалнова долгу Петру Селуянову сыну Молвьянинову денег десять рублей, да взяти мне на Василье Федорове сыне Шишкине не по коболе пять рублей и на нем, Василье, тех денег не имать и выдать ему кабала; да мне же взяти на Леонтье Романове сыне Неплюеве по кабалам сто пять рублей, а что мое моление образ Спасов в киоте обложен серебром чеканной золочен, венец и цага с камением на притворех³⁸, образ Пречистыя Богородицы да Ивана Предотечи, венец и цага с камением серебряные, золочены, и тот Спасов образ поставить в Стретенском монастыре в церкви Николы чудотворца против правова крылоса на аналое.

Да прикащиком моим пожаловать, велеть роздать по мне сорокосты на шесть недель на сто храмов, где бы была повсядневная служба по полтора рубли. Да им же пожаловать, велеть нанять по мне в год на три храма, чтоб была служба повсядневная ж по мне и по родителем моим, да яз, многогрешный, благословляю столника и спалника князя Михаила Яковлевича Черкаскова образ Спасов в киоте обложен серебром чеканной золочен; да племянника своего боярина князя Ивана Семеновича благословляю крест золот с мощми, да образ Пречистые Богородицы Казанские в киоте обложен серебром, оклад чеканной золочен, венец и цата с камением и з зерны бурмицким³⁹, а другая цата золота, убрус и ожерелья низоное⁴⁰ и рясы жемчужные. Да внука своего князя Петра Ивановича благословляю крест серебряной золочен с мощми, да образ распятие господа нашего Иисуса Христа в киоте обложен серебром золочен; да племяннику ж своему боярину князю Ивану Семеновичю и сыну ево, а своему внуку князю Петру Ивановичю даю поместья в Суздальском уезде село Янково з деревнями, да в Володимирском уезде село Железово з деревнями, а за то село Железово взять на нем, боярине князе Иване Семеновиче, денег две тысячи рублей, и прикащиком моим пожаловать тех денег дать в Стретенской монастырь тысяча рублей по мне, по родителем моим другую тысячу рублей, отослав в Посолской приказ пленным на откуп. Да племяннику моему, столнику князю Михаилу Семеновичю благословляю крест серебрян золочен с мощми, да образ Сергия Радонежского чудотворца в киоте, оклад серебряной чеканной, золочен, да ему же даю поместья в Бежецком верху село Кесово з деревнями; да племянника своего столника князя Петра Семеновича меншова благословляю крест серебряной золочен с мощми, да образ деисусы в киотех, оклад серебряной золочен, да ему ж, князю Петру, дать поместья в Бежецком верху село Кесово з деревнями, а владеть им тем селом Кесовым з деревнями з братом своим со князем Михаилом Семеновичем пополам. Да племяннику ж моему князю Петру Семеновичю меньшому двор мой московской: половина двора безденежно, а другую половину того моего двора взять на нем, князе Петре Семеновиче, прикащиком моим пятьсот рублей денег, и теми денгами пожаловать прикащиком моим душа моя строить и поминать. Да внука своего князя Васи: Петровича благославляю образ Спасов, оклад серебряной золочен, да внука своего князя Алексея Петровича благославляю образ Николы чудотворца, оклад серебряной золочен, да им же, внучетом, князю Василью да князю Алексею Петровичю, в Ко-

стромском уезде село Кочаево з деревнями; да князю Василью, да князю Алексею даю вотчину в Суздальском уезде жеребей в селе Хомникове, а за ту вотчину жеребей села Хомникова взять прикащиком моим на внучатах моих пятьсот рублей денег, а теми денгами пожаловать прикащиком моим душа моя строить и поминать и родителей моих. А подмосковное поместье деревня Селиваниха да деревня Татыниха внуку моему князю Василью Петровичю, а подмосковная моя вотчина село Николское с пустошми племянником моим боярину князю Ивану Семеновичю, да столнику князю Михаилу Семеновичю, да столнику князю Петру Семеновичю владеть вопче; а внуку свою инокину Досифею Яковлевну благославляю образ Пречистые Богородицы Тихвинские, оклад серебряной, золочен; а столника Михаила Ивановича Морозова благославляю образ Варлаама Хутынского чудотворца оклад серебряной золочен, да Михаила Ивановича Морозова жену ево, а свою племянницу Домнику Семеновну благословляю крест серебряной золочен с мощми, да образ живоначалные Троицы, оклад серебряной, золочен, чеканной; боярина князя Ивана Семеновича жену ево боярню, а свою племянницу княгиню Параксовгну (*sic!*) Федоровну благословляю образ Николы чудотворца да творца Можайскова в киоте, оклад серебряной золочен, резной, да у того ж образа два золотых. Да столника князя Петра Семеновича болшово Прозоровского жену ево, княгиню Евдокею Максимовну, благословляю образ Благовещения Пречистые Богородицы в киоте оклад серебряной золочен; столника князя Михаила Семеновича жену ево, княгиню Татьяну Федоровну, благословляю образ царя Костянтина и матери ево Елены, оклад серебряной золочен в киоте; столника князя Петра Семеновича меншова Прозоровского жену ево княгиню Евдокею Савельевну, благословляю образ Воскресения Христова, оклад серебрян золочен; боярина князя Ивана Семеновича дочь ево, а свою внуку княжну Агрепену Ивановну благословляю образ Пречистые Богородицы Успения; внуку свою княжну Марфу Ивановну благословляю образ святаго мученика Евсигнея в киоте, оклад серебряной, золочен, гладкой; да столника князя Петра Ивановича жену ево, княгиню Анну Федоровну, благословляю образ Пречистые Богородицы Тихвинские, оклад серебряной, золочен; внука своего князя Бориса Ивановича болшаго благословляю образ Ростовских чудотворцов оклад серебряной, золочен; внука своего князя Бориса Ивановича меншаго благословляю образ Благовещения Пречистые Богородицы, оклад серебряной, золочен; столника князя Петра Семеновича болшаго дочь, а свою внуку, княжну

Евдокею Петровну, благословляю образ Пречистые Богородицы Одигитрея оклад серебряной, золочен; другой княжне, а своей внуке, княжне Софье Петровне, благословляю образ живоначальные Троицы, оклад серебряной, золочен; княжну Марфу Петровну благословляю образ Николы чудотворца оклад серебряной, золочен; князя Костянтина Осиповича Щербатова благословляю образ Ростовских чудотворцов оклад серебряной, золочен; князя Костянтина Осиповича Щербатова жену ево, а свою племянницу, княгиню Евдокею Петровну, благословляю образ живоначальные Троицы, оклад серебряной, золочен; столника князя Петра Семеновича меншова детей: внука своего Андрея Петровича благословляю образ Николы чудотворца оклад серебряной, золочен; внука своего князя Никиту Петровича благословляю образ Соловецких чудотворцов, оклад серебряной, золочен; столника князя Петра Семеновича меншова дочь, а свою внуку, княжну Мавру Петровну, благословляю образ Пречистые Богородицы Одигитрея, оклад серебряной, золочен; княжну Елену Петровну благословляю образ Сергиево ведения⁴¹, оклад серебряной, золочен; князя Василья Петровича жену ево, а свою внуку княгиню Екатерину Григоревну благословляю образ Пречистые Богородицы Успения, оклад серебряной, золочен; князя Алексея Петровича жену ево, а свою внуку, княгиню Марию Василевну благословляю образ Пречистые Богородицы Рождество, оклад серебряной, золочен; столника князя Петра Ивановича дочерей, а своих правнук: княжну Парасковью Петровну благословляю образ Пречистые Богородицы Владимирские, оклад серебряной, золочен, в киоте; княжну Настасью Петровну благословляю образ Леонтия Ростовского чудотворца, оклад серебряной, золочен; думного дворянина Офонася Осиповича Прочищева благословляю образ Воскресения Христова в киоте, оклад серебрян, золочен; думного дворянина Ивана Афонасьевича Прочищева благословляю образ Ивана Предтечи в киоте оклад серебрян, золочен; думного дворянина Семена Ивановича Заборовского благословляю образ Филиппа митрополита да Сергия чудотворца в киотех, оклад серебрян, золочен. Да боярину князю Ивану Семеновичю Прозоровского даю муштук серебряной золочен, да седло бархатом крытое оправное, да иноходец темнобур; племяннику князю Михаилу Семеновичю муштук жироклой ашчотай (*sic!*)⁴², золочен, да седло крыто бархатом золотым, гвозди серебряные; племяннику князю Петру Семеновичю меншому даю узду серебряную золоченую, что куплена у Никиты Зузина на тесме на червчатой с ошейком и с лысиною, и с морхами, да седло под серым сукном оправное; внуку

своему князю Петру Ивановичю даю узду серебряную на тесме с ошейком и с лысеною и с морхами, да седло сафьяное гвозди серебряные, с войлоки; внуку своему князю Василью Петровичю даю узду серебряную и с лысиною, и с морхами, и с ошейком⁴³, да седло сафьяное зеленое; да внуку своему князю Алексею Петровичю — узда серебряная да седло сафьяное с костыми и с войлоки; внуку своему князю Борису Ивановичю большому даю узду серебряную золочену на червчетой тесме с лысиною и с ошейком; внуку князю Борису Ивановичу меньшому даю узду серебряную на лазоревой тесме. А что в моем доме есть книг Евангелия, Апостол, Охтай, псалтири, миней и Прологи⁴⁴ и Всякие церковные книги отдать в Стретенской монастырь в церковь Николы чудотворца Спаского собору, что у великого государя на Сенях. Отцу моему духовному Александру протопопу дать сто рублей денег да конь нарочитой. А людем моим дворовым и служивым всяких чинов и иноземцом и деловым людем, которые деловые люди взятыи во крестьяня после моего живота дать воля всем, а жалованье им дать вдвое, кто что имал, против книг, а которым людем было приказано во дворе и в казне, и те мои люди в моей казне считаны и никому до них дела нет ни в чем. Да племянником же моим и внучатом взять ис коней моих по коню да прикащиком моим взять по коню [*далее зачеркнуто*: да прикащиком]. А что есть моей служилой рухледи⁴⁵ сабель, и пистолей, и пищалей, и карабинов, и что есть моево всякова платья и лошадей, и иноходцов, и коней, и меринов во всех вотчинах и то все продать, а пожаловать приказчиком моим те денги отослать в Посолской приказ пленным на откуп, что ни будет денег, а что осталось платья жены моей княгини Настасьи Федоровны и всякие рухледи и то платье продать, а теми денгами пожаловать прикащиком моим строить душу жены моей княгини Настасьи Федоровны и роздать на милостину. Да в Стретенской же монастырь дать по мне серебряная крушка да блюдо серебряное, да лошка серебряная, а которые люди сидели у ларца и за деды ходили, и до них ни в чем дела нет и не считать; да что есть моей всякия мяжкия рухледи и служилые и то все продать и теми денгами строить и поминать душу мою, а что после меня останетца моих серебряных судов, и оловяных, и медных, и поваренных всяких судов, и котлов, и противней, и сковородок, и то все отдать племянником моим и внучатом. Да прошу милости у вас, господ своих у прикащиков, а у душевных приятелей, чтоб пожаловать против сей моей духовной все исполнить, а будет не пожалуют, не исполнят всего против сей моей

духовной, они восприимут суд от бога; да животам моим, и рухледи всякой, и судом серебряным, и всяким, и лошадям взять книги и роспись у людей моих, кому приказано было за рукою быть у моево духовного. Да двор мой загородной внуку моему за Смоленскими вороты у ветреных мелниц со всяким строением князю Алексею Петровичю, да в Звенигородском уезде вотчина село Покровское деревня Раево со крестьяны и с пустошми и со всеми угоды думным дворяном Афонасью Осиповичю да сыну ево Ивану Афонасьевичю Прончищевым, а взять за ту вотчину на них тысяча пятьсот рублей; да за вотчину взять Арзамаского уезду за село Айрат у князя Михаила Яковлевича Черкаскова семь тысяч рублей денег, и теми денгами поминать душу мою, и на ту вотчину дана купчая восьми тысячах рублей. Да Василью Всеволожскому сто рублей, крестовому попу Юрию пятьдесят рублей, людям моим: Ивану Сергееву — тридцать рублей, Ивану Панову двадцать рублей да три креста золотые князя Петра Семеновича болшова; да дочерям боярина князя Ивана Семеновича дочерям: княжне Агрене Ивановне серги золотые запаны, княжне Марфе Ивановне ожерелья обнизаны, а что досталного есть низоныя и жемчюгу, и каменя, и то все отдать внучатам моим; да вотчину ж свою в Саранском уезде в деревне Ждамирове со крестьяны и со всеми угоды взять на князе Михайле Яковлевиче Черкаского тысячею рублей.

А у сей духовной сидел князь Михайло Яковлевич Черкаской, князь Петр Иванович Прозоровской, князь Василей да князь Алексей Петровичи Прозоровские, да думные дворяна Офонасей Осипович да Иван Афонасьевич Прончищевы, да отец духовной Спаского собору протопоп Александр, а на то послуи Аггей Петров, Зот Секачев, Артемей Иванов, Василей Черенков, Иван Проклюев, Степан Колпашников, Карп Зяблово, Яков Кобылин, Юрья Иванов, а духовную писал Ивановские площади подъячей Ивашко Стефанов лета 7178 году, декабря в 22 день.

А у подлинной духовной назаду пишет: К сей духовной Спаской, что у великого государя на Сенех, протопоп Александр вместо сына своего духовного князя Матвея Васильевича Прозоровского [*сверху строки*: что он велми состарихся и руками дряхл] по ево веленью руку приложил. К сей духовной князь Петр Прозоровской руку приложил, Иван Прончищев руку приложил, князь Василей Прозоровской руку приложил, [*сверху строки*: Афонасей Прончищев руку приложил] князь Алексей Прозоровской руку приложил. Да послуховы руки: послух Аггей руку приложил, послух Зотка руку приложил, послух

Артюшка руку приложил, послух Васька Черенков руку приложил, послух Ивашко Проклюев руку приложил, послух Карпушка Зяблой руку приложил, послух Стенька Колпашников руку приложил, послух Юрка Иванов руку приложил, послух Якушка Кобылин руку приложил.

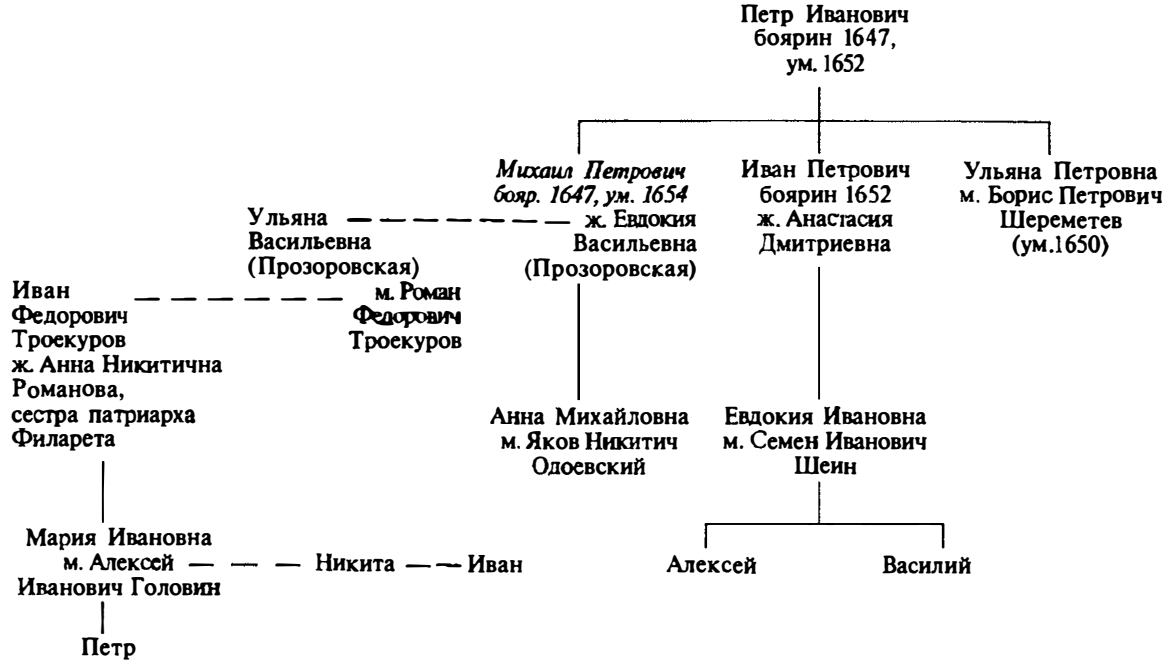
РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. № 848.

Комментарии

- ¹ *Оклад басмянной* — то есть оклад из тонкого металлического листа.
- ² *Киот* — створчатая рама или шкафчик со стеклянной дверцей для икон.
- ³ Архиепископом Суздальским в 1654 г. был Софроний. Он умер от чумы 13 сентября, ненадолго пережив М. П. Пронского (Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. С. 458–459).
- ⁴ *Сорокоуст* — сорокодневная молитва по умершим.
- ⁵ *Синодики* — поминальные книги, куда вписывались имена умерших для церковного поминовения.
- ⁶ Князь М. П. Пронский был воеводой в Астрахани в 1650–1652 гг.
- ⁷ *Аргатак* — рослая дорогая азиатская лошадь.
- ⁸ *Седло оправное* — седло, имеющее отделку по краям.
- ⁹ *Муништук* — здесь: железные удила для лошади с распоркой под небо и с цепочкой под подбородком.
- ¹⁰ *Чепрак* — подстилка под конское седло.
- ¹¹ *Ерихонка* — разновидность шлема.
- ¹² *Пансырь с мишенми* — вероятно, панцирь с дополнительными пластинами.
- ¹³ *Яшур* — животное, обитающее в жарких странах, тело которого покрыто крупной чешуей. Выражение «ножны покрыты яшуром», вероятно, следует перевести как «ножны, поверхность которых отделана под чешую».
- ¹⁴ *Буздуган* — вид булавы, знак военачалия и власти.
- ¹⁵ *Наручи* — часть доспеха, закрывающая руки от запястья до локтя.
- ¹⁶ *Убрус* — здесь: шитый иконный оклад.
- ¹⁷ *По гу по еринному* — *Гза (хоз)* — выделанная козлиная кожа, сафьян, *еринный (яринный)* — от слова «ярый», одно из значений которого «белый, яркий». Выражение по «седло шито золотом волосеным по гу по еринному» возможно следует перевести «седло, шитое волосеным золотом по белому сафьяну».
- ¹⁸ *Морх* — висячие пучки нитей, кисти, бахромы.
- ¹⁹ *Шолк шаморханской* — очевидно, *шелк шемаханский*. Город Шемахан — столица Ширвана (совр. Азербайджана) в средние века славился шелкоткаческими и ковровыми мастерами. *Бабр* — тигровый мех.
- ²⁰ *Чернь* — отделка особым сплавом черного цвета, заполняющим гравированный на серебре или золоте узор.

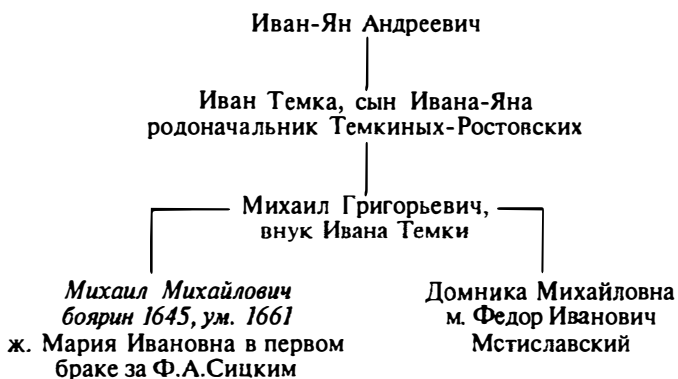
- 21 *Цата* — приклад, подвеска у икон.
- 22 *Лалы* — драгоценные камни (рубины).
- 23 *Вопче* — то есть вместе.
- 24 В рукописи оставлен пропуск.
- 25 *Мисюрка* — воинская шапка с железной маковкой.
- 26 *Бастерец* — доспех, заменявший латы или кольчугу, набирался из плоских полукольцев и блях, которые нашивались на суконный или бархатный полукафтан.
- 27 *Кабала* — расписка о займе денег.
- 28 В рукописи оставлен пропуск.
- 29 В рукописи несколько букв не читаются из-за дефекта бумаги. Текст в скобках восстановлен по смыслу.
- 30 *Четыредесятница* — великий пост.
- 31 *Чуга* — длинный кафтан.
- 32 *Сто шестьдесят девятого* написано словами.
- 33 *Евсигней* — князь М. В. Прозоровский называет себя *Евсигнеем*, значит, духовная была уже написана после того, как он по обычаю принял перед смертью постриг.
- 34 *Поенеже* — так как, потому что.
- 35 *Юдоль* — земля, мир поднебесный.
- 36 *Егда* — здесь в значении *когда*.
- 37 *Аще* — если, если же.
- 38 *Притвор* — дверки, ставень.
- 39 *Бурмицкое зерно* — крупная правильной формы жемчужина высшего качества.
- 40 *Низоное* — низаное, то есть украшенное жемчугом. *Низанье* — украшение из жемчуга, нанизанного на нити и нашитого на поверхность предмета.
- 41 *Образ Сергиево ведения* — *Ведение* — здесь: провидение, промысел, чудодейственная сила.
- 42 *Муштук жирюкой ашючатой* — (*sic!*) смысл выражения перевести не удалось.
- 43 *Ошеек* — нашейный ремень в конской сбруе.
- 44 *Евангелие* — книга, содержащая четыре Евангелия, послания апостолов и Апокалипсис; *Апостол* — книга, содержащая деяния и послания апостолов; *Охтай* (*Октоих*) — восьмигласник, книга для церковного пения на восемь голосов; *Миня* — богослужебная книга, разделенная помесечно, содержит жития святых, псалмы, гимны, молитвы, каноны на каждый день на весь год; *Пролог* — книга, содержащая краткие слова на годовичные праздники, жития святых и отрывки из писаний святых отцов.
- 45 *Рухледь* — движимое имущество, *мягкая рухледь* — меха.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ БОЯРИНА КНЯЗЯ М.П.ПРОНСКОГО

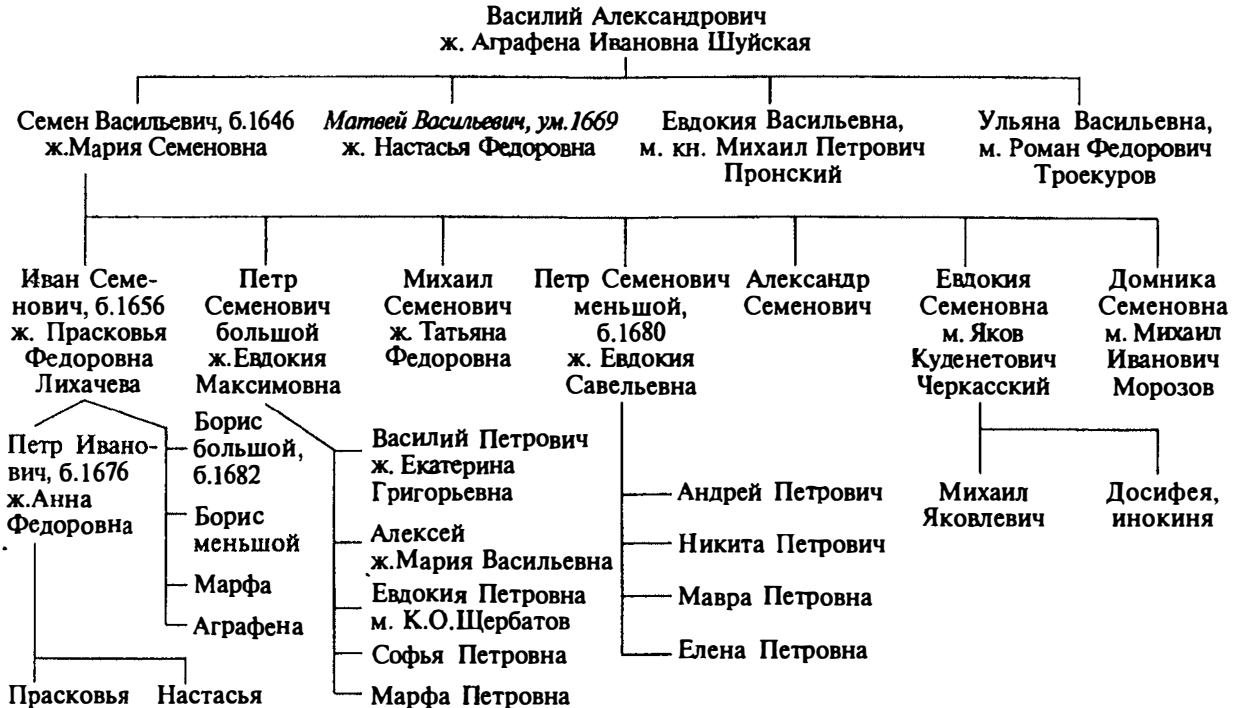
РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ КНЯЗЕЙ ТЕМКИНЫХ-РОСТОВСКИХ

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ КНЯЗЕЙ БУЙНOSОВЫХ-РОСТОВСКИХ

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ КНЯЗЯ М.В.ПРОЗОРОВСКОГО

В. Г. Чичерюкин-Мейнгард

Русский воинский некрополь в Праге

Русский воинский некрополь в чешской столице не столь знаменит, как некрополь Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем или русское кладбище в Каннах и Ницце на юге Франции. Нет здесь и захоронений таких известных русских военачальников, как на Сербском кладбище под Сан-Франциско (США), где обрели вечный покой генерал от инфантерии В. Е. Флуг, генерал-лейтенанты А. П. фон Будберг, В. К. Витковский, В. М. Молчанов и другие. Тем не менее Ольшанское кладбище в Праге является значительным памятником истории Русского Зарубежья.

Как и на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, здесь, на Ольшанах, представлены в миниатюре, а в отдельных случаях чисто символически, Российская Императорская Гвардия, Армия и Флот. Здесь похоронены генералы и штаб-офицеры Генерального Штаба, генералы и офицеры строевики, военные инженеры, лейб-гвардейцы, казаки донцы и кубанцы, а также родные и близкие русских военачальников, ушедших из жизни вдали от Праги. Большинство похороненных здесь русских военачальников в той или иной мере участвовали в Белом движении и в зарубежных русских воинских организациях, однако до последних лет об этом на кладбище почти ничто не напоминало, так как у власти в стране находились коммунисты. Кроме того, процент русских военных среди беженцев, а уж тем более участников Белого движения, с самого начала был не столь высок, как во Франции, на Балканах, в Маньчжурии. Тяжелый удар русской колонии в Праге нанесла Вторая мировая война. В 1944–1945 гг. наиболее активная и дальновидная часть русских военных в связи с приближением советских войск постаралась покинуть приютившую их страну. Большинство же оставшихся в Праге русских военных подверглись репрессиям со стороны советских карательных органов, вплоть до насильственной депортации в советские концлагеря. Те, кто уцелел, старались скрыть, или, по крайней мере, не афишировать свою былую принадлежность к Российской Императорской Армии и уже тем более к Белому движению.

По православной традиции, как и в дореволюционной России, умерших русских изгнанников хоронили рядом с православным храмом — центром духовной жизни русских людей, «в рассеянии суши». Помимо храма Св. Николая Чудотворца на Староместской площади, освященного еще во времена империи Габсбургов, и открывшейся домово́й церкви в Дейвицах, где жило много русских беженцев, в середине 1920-х гг., началось строительство русского православного храма на Ольшанах. Строительство велось при деятельном участии доктора К. Крамаржа, первого премьер-министра Чехословацкой республики. Храм возводили по проекту русских архитекторов профессора В. А. Брандта, Н. Р. Пашковского и С. Г. Клодта. Он был создан в псковско-новгородском стиле, распространенном в Северо-Западной Руси в XII в. Храм венчает один купол и фонарный тамбур. На левой стороне храма, над входом в крипту, расположен прямоугольный ризолит колокольни*. Храм является одновременно и мемориалом. Лепная церковно-славянская надпись приводит имена всех участников создания храма, включая доктора К. Крамаржа и его русской супруги Надежды Крамаржевой (ур. Хлудовой, в первом браке Абрикосовой).

Над внешней и внутренней отделкой храма трудился русский художник И. Е. Билибин. Строительство храма велось усилиями верующих русских и представителей других народов в 1924–1925 гг. Храм Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанах был освящен 22 ноября 1925 г. митрополитом парижским Евлогием при сослужении епископа пражского Сергия и епископа сербского Михаила. В состав попечительского совета храма, который в последующий период занимался отделочными работами и украшением храма вошли как священнослужители, так и миряне, в числе которых было и двое участников Белого движения — архимандрит о. Исаакий (Виноградов) и инженер-архитектор А. И. Левицкий.

Наиболее уважаемых и видных представителей русской колонии в Праге хоронили в крипте храма, где также покоились останки русских и сербских воинов, погибших в годы Великой европейской войны. Здесь же похоронили доктора К. Крамаржа и его русскую супругу.

Наискосок от входа в крипту, по другую сторону заасфальтированной дорожки находится сразу несколько могил русских генералов. Внимание посетителей кладбища привлекает надгробие, увенчанное бюстом военного с пышными усами. Это могилы семьи генерала

* Описание храма взято из издания «Русский зодчий за рубежом». 1942.

Я. Червинки и его сыновей. Проживший 40 лет в России, участник русско-турецкой и 2-й Отечественной войн, чех Ярослав Червинка дослужился до чина генерал-майора Российской Императорской Армии. Здесь же похоронены его сыновья, достигшие высоких чинов в Чехословацкой армии в эпоху 1-й республики. Оба сына Я. Червинки были русскими офицерами. Рядом с ними похоронен генерал от инфантерии Н. А. Ходорович, возглавлявший в Праге отделение РОВСа, и генералы Ю. Мацкевич и Л. Н. Черкес. На этом же участке, расположенном к северу от храма, где почти все захоронения русские, похоронен и небезызвестный генерал Радола Гайда, он же Рудольф Гейдл. Среди могил русских военных, с указанием имени, отчества, фамилии и воинского чина, выделяется надгробие русского инженера Максима Акимовича Белянского, скончавшегося в Праге в 1950 г. Его надгробный камень отмечен галлиполийским крестом, и, чтобы не возникало сомнений, надписью по-русски: «Галлиполи. 1920–1921 гг.».

Почти напротив входа в крипту, посредине небольшой полянки, несколько лет тому назад был воздвигнут православный крест, увенчанный терновым венцом из колючей проволоки с надписью: «РОА. Мы погибли за нашу и вашу свободу». Это — братская могила 198-ми солдат и офицеров 1-й дивизии РОА, первыми пришедших на помощь восставшей Праге в мае 1945 г. и убитых вошедшими в город советскими военными.

На «Южном» участке, расположенном между южной стеной храма Успения и оградой Еврейского кладбища, удалось выявить свыше полутора десятка захоронений русских военных, включая единственного русского адмирала, скончавшегося в Праге — Гавриилу Пальчикова и единственного гвардейца — штабс-капитана Д. Петранди.

Одиночные русские воинские захоронения встречаются на чешских участках, примыкающих к «Северному» и «Южному», как, например, могилы донских казаков И. И. Цапова и А. И. Левицкого, кубанского казачьего офицера Н. П. Цветкова, армейского офицера В. Вагнера.

Несколько лет тому назад на южной стене храма появилась мемориальная доска со следующей надписью:

«ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!»

Русским, украинцам, представителям других народов Российской Империи, в 1917 году отвергнувшим коммунистическую утопию и в рядах Добровольческой Армии отстаивавшим мир от большевистского

террора и которые в двадцатых годах нашли дом в демократической Чехословацкой республике.

А спустя четверть века стали первыми жертвами послевоенного прокоммунистического оппортунизма, который допустил похищение их в 1945 году в советские тюрьмы и концлагеря, где погибли и без вести исчезли и лишь после долгих лет горсточке дозволено было вернуться умереть к своим семьям домой в Чехословакию».

В последние годы что-то предпринимается русскими пражанами, но силы их, увы, не велики. Граждане бывшего СССР, осевшие в Праге в последние годы, не имеют ничего общего с национальной русской эмиграцией первой волны и с теми русскими людьми, что покоятся на Ольшанах. Но как и прежде, в храме Успения совершается раз в неделю служба и возносятся молитвы о «создателях сего Святаго храма». Да будет так.

1. ЗАХОРОНЕНИЯ В КРИПТЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ НА ОЛЬШАНАХ

В крипте захоронены останки русских и сербских воинов, погибших в годы Первой мировой войны.

1. *Вирен Надежда Францовна* (10.09.1860–23.01.1950), вдова адмирала. Вместе с Ремановой Н. Р.
2. *Воронин Степан Александрович* (1858–1926), генерал-лейтенант.

Родился 2 августа 1858 г. Православный. Генерал-лейтенант (1910 г.). Образование: Императорский Александровский лицей. Выдержал экзамен при 2-м военном Константиновском училище и Николаевской Академии Генерального Штаба по 1-му разряду. Должность по службе — Начальник 23-й пех. дивизии. Офицером был выпущен в Лейб-Гвардии Преображенский полк. Награжден орденами: Св. Станислава 1 ст., Св. Анны 1 ст., Св. Владимира 2 ст. («Список генералам по старшинству», СПб., 1914 г.). В эмиграции, живя в Праге, никакого участия в общественной жизни русской колонии не принимал. Материально он и его семья жили тяжело.

3. *Келин Николай Андреевич*, доктор медицины, казак ст. Клетской Области Войска Донского с семьей.

Родился 19 ноября (ст. ст.) 1894 г. в станице Клетской, Усть-Медведицкого округа в Области Всевеликого Войска Донского. Окончил

Усть-Медведицкое Реальное Училище, поступил в 1913 г. в Императорский Лесной Институт в Санкт-Петербурге. В 1914 г. проходил срочные курсы в Константиновском Артиллерийском училище и в качестве командира батареи ушел на фронт. После развала фронта во время революции пробрался на родной Дон, где принял участие в освободительной борьбе против красных поработителей. После отступления Белой Армии на Кавказ, проболев тифом, участвовал в эвакуации из Новороссийска в Крым. В ноябре 1920 г. последовала следующая эвакуация из Керчи в Константинополь и далее на Лемнос. Позже, проработав некоторое время чернорабочим в Константинополе, получил с группой русских студентов-белоармейцев государственную стипендию от чехословацкого правительства. После окончания медицинского факультета Карлова Университета в Праге стал сельским врачом в селе Желиво в юго-восточной Чехии. Скончался 9 января 1970 г. в Желиво.

Сведения о биографии Н. А. Келина даны в посмертном издании сборника его стихотворений, изданных его сыном в ФРГ в 1980-е гг. Живя в Чехии, Н. А. Келин опубликовал два сборника своих стихотворений в Праге в 1937 и 1939 гг. соответственно. Автор книги «Казачья исповедь». (М.: «Редкая книга», 1996 г.)

4. *Реманова Надежда Робертовна* (ур. Вирен). Скончалась 6.04.1971 г., 86 лет. Вместе с Вирен Н. Ф.
5. *Семерников Тимофей Авраамьевич* (ум. 23.09.1949 г.), генерал, директор Донского кадетского корпуса.
6. *Шапиловская Елизавета Александровна*, профессор *Шапиловский В. П.* Вместе с *Фридман Верой Александровной*.

Шапиловский В. П. родился 15 июля 1886 г. Сын отставного полковника из потомственных дворян Ярославской губернии. Вероисповедания православного. Воспитывался в Нижегородском графа Аракчеева Кадетском Корпусе и окончил курс 2-х классов в Константиновском артиллерийском училище по 1-му разряду. Уволен от службы по домашним обстоятельствам в отставку, согласно личной просьбе 9 августа 1908 г. Во исполнение Высочайшего повеления о призыве по мобилизации офицерских чинов ополчения призван на службу и назначен в 624-ю пешую Томскую дружину 11 августа 1914 г. 14 декабря 1914 г. командирован в Омск. 23 мая 1915 г. прибыл в 53-ю Артиллерийскую бригаду и назначен в 3-ю батарею 23 мая 1915 г. Участвовал совместно с бригадой в составе 34-го Армейского Корпуса в боях под гор. Кальварией с 28 мая по 7 июля 1915 г. Участвовал в

боях под гор. Митавой и Бауском в составе Сибирского Армейского корпуса с 12 июля 1915 г. (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. № 51-064, 1915 г.). Инвалид войны — потерял ступню и часть голени. Награжден орденами: Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.

В. П. Шапиловский проходит по спискам РОВСа за 1925 г. в чине подполковника Дроздовской артбригады. В начале 1930-х гг. был исключен из состава Галиполийского Землячества. Проживал с женой в Розтоках под Прагой. В 1937 г. в чине полковника был заместителем председателя Союза Русских Военных инвалидов в Чехословакии («Русский Инвалид», № 107, сентябрь 1937 г.). Скончался в 1954 г.

Его жена, Е. А. Шапиловская (ур. Андреянова), сестра милосердия и врач Дроздовской дивизии. По профессии — зубной врач. В Чехии работала по специальности. Скончалась в 1939 г.

Фридман (ур. Андреянова) Вера Александровна — сестра милосердия во время Первой мировой войны, в годы Гражданской войны — сестра милосердия Дроздовской дивизии. В Прагу приехала вместе со своим супругом — полковником Дроздовской дивизии А. К. Фридманом. В. А. Фридман работала в Праге воспитательницей в русском детском саду. Скончалась в Праге в 1961 г. Вместе с мужем состояла в Пражском Галиполийском Землячестве.

7. *Шиллинг Л. И.* (Вдова генерала Н. Н. Шиллинга).

8. *Шиллинг Н. Н.*, генерал. Полный чин и даты жизни не указаны.

9. *Шиллинг Софья Ивановна* (ур. Тимашева) (25.12.1884. СПб. — 26.07.1941 г. Прага). Жена генерала от инфантерии.

10. *Шокоров Владимир Николаевич* (15/28.07.1868–11.07.1940 г. Прага), генерал Генерального Штаба.

Родился 15 июля 1868 г. В службу вступил 25 августа 1886 г. Образование: 3-й Московский Кадетский корпус, 3-е Алексеевское училище, Николаевская академия Генерального штаба по 1-му разряду. Участвовал в кампании 1904–1905 гг. Штаб-офицер для особых поручений при штабе 16 АК. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. — 1903 г., Св. Анны 3-й ст. — 1905 г. Осенью 1914 г. в чине полковника В. Н. Шокоров был назначен генерал-квартирмейстером штаба 10-й армии Северо-Западного фронта. В конце 1917 г. возглавлял Чехословацкий корпус на территории России. В ходе последовавших событий — антисоветского восстания летом 1918 г., — генерал В. Н. Шокоров был оттеснен более молодыми и энергичными сослуживцами.

живцами — С. Н. Войцеховским, М. К. Дитерихсом, Р. Гайдой и др., на второй план и в событиях 1918–1920 гг. заметной роли не играл. Вместе с чехословацкими legionерами покинул Россию в 1920 г. В Прагу приехал в 1921 г. В знак признания его заслуг в формировании чешских легий и как бывшему их командиру, чехословацкое правительство назначило ему пенсию. Благодаря пенсии генерал Шокоров жил, не испытывая материальных затруднений. В общественной жизни русской колонии никакого участия не принимал.

II. СЕВЕРНЫЙ УЧАСТОК

1. *Арнаутов Евгений Михайлович* (22.12.1898–31.10.1939), мичман.

Родился 20 декабря 1898 г. в селе Стародубовка Мариупольского уезда и 21 декабря крещен в местной Петропавловской церкви, священником которой был его отец (сын помещика) Михаил Васильевич Арнаутов (с августа 1910 г. — законоучитель Мариинской гимназии в Мариуполе). По линии матери (Аделаиды Ивановны) Е. М. Арнауты — внук потомственного дворянина Кравцова.

24 марта 1917 г. окончил с серебряной медалью Александровскую гимназию в Мариуполе и осенью 1917 г. был зачислен в Отдельные гардемаринские классы (ОГК) в Петрограде.

В начале октября 1917 г. гардемарины 3-й роты ОГК, объединенной с ротой Морского корпуса, под командованием капитана 1 ранга М. А. Китицина были отправлены из Петрограда на Дальний Восток для учебного заграничного плавания на вспомогательном крейсере «Орел». Впоследствии они участвовали в боевых действиях периода Гражданской войны и продолжали занятия в организованном Китициным в ноябре 1918 г. во Владивостоке Морском училище до его эвакуации из Владивостока 31 января 1920 г. 11 апреля 1920 г. приказом Китицина гардемарины были произведены по экзамену в корабельные гардемарины. Часть из прибывших на «Якуте» в Крым корабельных гардемарин 11 октября того же года приказом барона Врангеля была произведена в мичманы, остальные получили производство уже в Бизерте.

В числе произведенных в мичманы после начала Первой мировой войны Евгений Арнаутов значится в 1920 г. по окончании Морского корпуса (Училища) (А. Г. Тарсаидзе. «Морской корпус за четверть века. 1901–1925 гг.» Нью-Йорк, 1944. С. 71). Он же значится и в

мартирологе выпускников Морского училища 1920 г. (Китигинский выпуск) скончавшимся в Чехии в 1938 г. («Бюллетень Морского училища. Выпуск 1920 г.» Лейквуд, Нью-Джерси. США, 1969. С. 39).

В 1924–1925 гг. некоторым из находившихся в Бизерте молодых морских офицеров и гардемарин была предоставлена возможность отправиться в высшие учебные заведения Европы, в основном, в Чехословакию. Жил в Праге, был служащим государственного банка.

2. *Балабина Александра*, сконч. 23.06.1935 г. (надпись по-чешски).

А. Балабина — жена генерал-лейтенанта Войска Донского Е. И. Балабина.

3. *Белянский Максим Акимович* (11.07.1901–11.10.1950), инженер (надпись по-чешски), на памятнике высечен Галлиполийский крест с надписью по-русски: «ГАЛЛИПОЛИ. 1920–1921».

4. *Березницкий Дмитрий* (29.11.1897–12.01.1934), доктор медицины. Участник Белого движения на Юге России, штабс-капитан, состоял в Галлиполийском Землячестве города Праги.

5. *Брусилова Надежда Васильевна* (7/19.10.1864, Тифлис — 6/19.03.1938, Прага), вдова верховного главнокомандующего.

6. *Будаков Николай Николаевич* (1887–1969). Похоронен в одной могиле с П. В. Копецким.

Н. Н. Будаков — офицер гусарского полка, одно время был военным летчиком. Участник Первой мировой и Гражданской войн. После Галлиполи поселился в Праге, работал переводчиком технической литературы.

7. *Верещагин Иван Павлович* (24.09.1896–6.10.1974), инженер (надпись по-чешски).

Во время Гражданской войны сражался против красных в рядах Добровольческой армии. Осенью 1920 г. эвакуировался из Крыма в Галлиполи. Из Болгарии позднее переехал в Прагу, где жил и работал до 1945 г. В 1945 г. арестован НКВД и вывезен в СССР. В 1955 г. был выпущен из концлагеря советскими властями и вернулся в Прагу.

8. *Гайда Радола* (1892–1948). Надпись сделана по-чешски.

9. *Гегелашвили Анна Еноховна* (1856, Тифлис — 1936, Прага), вдова генерала.

«А. Е. Гегелашвили — вдова русского генерала, мать и бабушка русского офицера и кадета — сына и внука. В Праге Анна Еноховна жила у своих детей: полковника русской артиллерии, ныне майора чешской службы С. Д. Гегелашвили и К. Д. Асевой — председател

ницы дамских комитетов Галлиполийского Землячества и Воинского Союза в Праге) (Из некролога. «Часовой», № 164, март 1963 г.).

10. *Губин Георгий* (8.03.1900–7.02.1965), инж. (надпись по-чешски).

Сын нотариуса города Луганска, гимназистом вступил в Добровольческую армию в 1918 г., воевал с большевиками на юге России, предположительно в составе Дроздовской дивизии. Эвакуировался из Крыма в Галлиполи в составе одной из частей 1-го армейского корпуса. В 1921 г. в составе Русской Армии переехал в Болгарию. В 1923 г. из Болгарии приехал в Прагу, где поступил в Чехословацкое Высшее Техническое Училище. Окончил его в 1927 г. с дипломом инженера-геодезиста. С 1938 г. имел свою фирму. Работал также и как инженер-строитель. Все эти годы работал в Галлиполийском Землячестве в Праге, был заместителем капитана Г. А. Орлова. Когда во время Второй мировой войны Г. А. Орлов попал в автокатастрофу, Г. А. Губин в течение года его замещал. В 1945 г. Г. А. Губин был арестован НКВД, но вскоре освобожден. После этого сумел добиться от НКВД освобождения группы русских пражан — чешских граждан, среди которых были его дочь и зять. Оставшиеся годы Г. А. Губин жил и работал в Праге, где и умер.

11. *Долгов Александр Александрович* (28.01.1859–23.08.1930), генерал-лейтенант.

Православный. Окончил С.-Петербургскую военную гимназию и выдержал экзамен на прапорщика полевой артиллерии. Участвовал в кампании 1877–1878 гг. Награжден орденами: Св. Анны 3 ст., Св. Владимира 3 ст., Св. Станислава 1 ст. Генерал-лейтенант артиллерии (1910). Должность по службе — инспектор артиллерии 21 АК (Список генералам по старшинству на 1914 г. СПб., 1914).

12. *Думбровский Петр Филиппович* (29.07.1887–30.08.1939), казак ст. Вознесенской Лабинского отд. Кубанской обл., хоруужий.

13. *Енш А. А.* (ум. 1936 г.), инженер.

«Анатолий Арнольдович Енш в январе сего года скончался в Праге от туберкулеза легких 33-х лет. Член Правления Русского воинского Союза в Праге. Старший унтер-офицер из вольноопределяющихся, служа в Белой Армии был тяжело ранен» (Из некролога. «Часовой», № 172, август 1936 г.).

14. *Кашкадамов Павел Михайлович* (12.11.1900–19.04.1960).

Участник Белого движения на юге России, в начале 1920-х гг. приехал в Прагу учиться в рамках «Русской акции» тогдашнего че-

хословацкого правительства. Получив диплом инженера-архитектора, жил и работал в Праге. Был активистом Галлиполийского Землячества в Праге. Арестован НКВД в Праге 09.07.1945 г. и вывезен в СССР. В 1955 г. выпущен советскими властями из концлагеря и вернулся в Прагу, где и прожил оставшиеся годы.

15. *Кирей Василий Фадеевич* (1879–1942), генерал-лейтенант (О Кирее см.: Сборник Н. Рутыча).

16. *Копецкий Леонтий Васильевич* (22.08.1894–4.04.1976), профессор.

Участник Первой мировой и Гражданской войн. На юге России воевал в рядах Корниловской ударной дивизии, корнет. После эвакуации из Крыма служил в Галлиполийском лагере. Переехал в составе Корниловского полка в Болгарию, а оттуда — в Чехословакию. Как и его брат Платон, состоял в Галлиполийском Союзе и в РОВСе, но позднее в воинских организациях участия не принимал. В эмиграции в Праге стал известным ученым-филологом, профессором, преподавателем. Умер в Праге.

17. *Копецкий Платон Васильевич* (18.11.1892–9.06.1982). Вместе с Будаковым Н. Н.

Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Гражданскую войну сражался в рядах Корниловской ударной дивизии, капитан, одно время был адъютантом у начальника дивизии генерал-майора Н. В. Скоблина. После Галлиполи и Болгарии попал в Чехословакию. Первоначально состоял в Союзе Галлиполийцев и в РОВСе. В дальнейшем в жизни русских воинских организаций не участвовал. Среди русской колонии был хорошо известен как преподаватель истории в русской гимназии в Моравской Тшебове. Арестован НКВД в Праге 12 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Срок отбывал в концлагере в Соликамске. Благодаря хлопотам чешских властей и своего родного брата — известного ученого-филолога Л. Н. Копецкого, был освобожден и вернулся к семье в Прагу, по непроверенным данным, в 1947 г.

18. *Кульчицкий Александр Александрович* (1879–1936), полковник русских легий в отставке*. (Надпись по-чешски).

19. *Лисунов Михаил Михайлович* (22.11.1877–12.12.1938), полковник.

20. *Мацкевич Иржи* (Юрий), генерал (надпись по-чешски).

21. *Миловидов Петр Филиппович* (29.06.1896, Киев — 15.08. 1974, Прага) — надпись на плите.

---

* Чехи называли свои леги, сформированные в России, «русскими».

Родился в семье чиновника ведомства народного просвещения. Окончил 2-ю Киевскую классическую гимназию. Учился в Киевском университете. Призван в армию в конце 1916 г. В 1917 г. окончил Инженерное военное училище в Киеве. В чине прапорщика направлен в действующую армию. После развала армии вернулся в Киев. В 1918–1919 гг. учился в университете в Киеве и Харькове. После освобождения Киева частями ВСЮР вступил в армию. Служил в рядах ВСЮР и Русской Армии в 1919–1920 гг. В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма. Был в Галлиполи. В 1921 г. с разрешения командования уехал в Прагу продолжать учебу в университете. Ученый-биолог, был членом Русской академической группы. В 1936 г. — приват-доцент, в дальнейшем профессор, доктор наук. В эмигрантских воинских организациях не состоял. Скончался в Праге. П. Ф. Миловидов упомянут в книге П. Е. Ковалевского «Зарубежная Россия». Париж, 1971. Подробнее см.: Чичерюкин-Мейнгард. Выдающийся русский биолог // Московский журнал. 1995. № 1.

22. *Милорадович Владимир Николаевич* (1883–1961), полковник.

23. *Никольский Николай Ильич* (16.12.1873–7.05.1957), полковник.

24. *Пентко Всеволод Болеславович* (14.01.1894–14.06.1945), Генерального штаба подполковник.

25. *Похитонов Иван Данилович* (1868–1945), генерал-майор.

26. *Рыжков Н. С.*

Н. С. Рыжков 1966 г. — в надписи на надгробии не указан год рождения. По словам сестры Н. С. Рыжкова — В. С. Челищевой (ур. Рыжковой) Николай Семенович Рыжков, уроженец г. С.-Петербурга, сын депутата Гос. Думы, в 1917 г. был юнкером Павловского военного училища в Петрограде. В дальнейшем пробрался на юг России, воевал в частях ВСЮР. В 1920 г. эвакуировался из Крыма в составе врангелевской армии. В 1921 г. был отправлен из Галлиполийского лагеря в Прагу на учебу. Закончив обучение, стал биологом, работал в Испытательном институте в Праге, где и скончался. В Праге состоял в Галлиполийском Землячестве, но был исключен в начале 1930-х гг. вместе с полковником Дроздовского арtdивизиона В. П. Шапиловским.

27. *Серно-Соловьевич Сергей Александрович* (23.02.1876–4.06.1940), полковник.

Был председателем ревизионной комиссии Союза Русских военных инвалидов в Чехословакии («Русский Инвалид». № 107, сентябрь 1937).

28. *Твердянский Артемий Ив(анович)* (2.11.1902–25.06.1931), гардемарин.
29. *Ходорович Николай Александрович* (6.12.1857–21.07.1936), генерал от инфантерии.
30. *Цапов Иван Иванович* (27.09.1888–17.02.1967), донской казак.
31. *Цветков Николай Петрович* (19.09.1891, Царицын — июль 1952, концлагерь в Иркутской обл.). Фото на керамике офицера в черкеске с орденом Св. Георгия и Знаком 1-го Кубанского («Ледяного») похода.
32. *Чарнота-Боярский Борис Иванович* (14.09.1898 г., Одесса — 3.10.1940), доктор права, поручик 18-го драгунского Северского полка.
33. *Червинка Ярослав* (13.05.1849–9.01.1933), дивизионный генерал в отставке (чин и имя указаны на чешском языке. Ниже — по-русски «и генерал-майор русской армии»). Рядом: *Червинка Вацлав* (24.12.1882–27.12.1951), инженер, сын генерала Ярослава Червинки (надпись по-чешски).

В. Я. Червинка — уроженец Вольнской губернии, вероисповедания православного. Воспитывался в Рижской Александровской гимназии, в Николаевском инженерном Училище курс 3 класса и окончил полный курс Николаевской Инженерной Академии по 1-му разряду. В дальнейшем В. Я. Червинка — участник Первой мировой войны, полковник Русской армии. Приехал в Чехословакию с чешскими легионами.

34. *Черкес Леонтий Николаевич* (5.05.1865–14.03.1945), генерал в отставке (надпись по-чешски).
35. *Шкеленко Екатерина Прокофьевна* (ур. Бычкова), (14.02.1888–5.01.1975) (вдова полковника Генерального штаба А. М. Шкеленко).

Е. П. Шкеленко — вдова полковника Генерального штаба, начальника оперативного отделения Штаба Главнокомандующего Русской Армией барона П. Н. Врангеля А. М. Шкеленко. При отступлении Белой Армии на юг, к Черному морю, Екатерина Прокофьевна осталась на территории, занятой красными, с новорожденной дочерью на руках. Оказавшись в Праге, полковник Шкеленко через Красный Крест узнал, что его жена и дочь живы. Через знакомых он организовал их отъезд из СССР на лечение в Чехословакию. В Праге Екатерина Прокофьевна писала воспоминания о своей жизни, включая революцию и гражданскую войну, а также о семье фон Тирбах, из которой происходил

знаменитый казачий генерал Артемий фон Тирбах, так как Е. П. Шкеленко была дружна с сестрой будущего генерала.

III. ОЛЬШАНЫ. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ УЧАСТОК

1. *Бевад Иван Васильевич* (2.07.1886–23.01.1953), морской инженер.

Уроженец Санкт-Петербурга, участник Белого движения на юге России. После эвакуации из Крыма завербовался во французский Иностраннный легион, служил рядовым солдатом в колонии, заболел малярией, что помогло ему уволиться из легиона. После службы в легионе уехал в Прагу, где стал работать инженером на заводе ЧКД. Работал по специальности инженер-судостроитель.

IV. ОЛЬШАНЫ. ЮЖНЫЙ УЧАСТОК

1. *Вагнер Василий* (30.01.1874–12.11.1945). (На памятнике чин не указан, но на керамическом фото офицер в кителе, погоны с одним просветом.)

2. *Васнецов Михаил В.* (1884–1972), православный священник (надпись по-чешски).

Васнецов М. В. — сын знаменитого русского художника В. М. Васнецова. Офицером М. В. Васнецов принял участие в Первой мировой войне. Служил в Киеве и занимался подготовкой и обучением солдат запасных полков и маршевых рот, предназначенных для отправки на фронт. Участвовал в Белом движении на юге России. Полковник в 1920 г., он служил в наземных частях Военно-воздушных сил Русской Армии барона П. Н. Врангеля в Крыму. В 1920–1921 гг. был в Галлиполийском лагере, откуда переехал в Болгарию. Из Болгарии уехал в Чехословакию. Жил в Праге. Был активистом Общества ветеранов Великой войны и Галлиполийского Землячества. В начале 1930-х гг. принял сан священника. Оставил заметный след как астроном. Астрономии М. В. Васнецов изучал еще до начала Первой мировой войны в Новороссийском университете. В 1930-е гг. имя о. Михаила встречается на страницах «Вестника Общества Галлиполийцев» и «Часового».

3. *Добрынин Владимир Васильевич* (9.07.1884–29.10.1938), Генерального штаба полковник.

4. *Келчевские: Келчевский Г. А.* (1918–1983) — сын генерала А. К. Келчевского; *Келчевский Г. Г.* (1947–1988) — внук генерала

А. К. Келчевского; *Микешова Александра* (ур. Келчевская, 1946–1993) — внучка генерала А. К. Келчевского.

5. *Кузьмин Петр Константинович* (1856, Тула — 1927, Прага), подполковник.

6. *Латти Дмитрий Андреевич* (17.09.1891–14.10.1949), подполковник.

7. *Левицкий Сергей Павлович* (20.08.1879–3.05.1945), полковник.

8. *Левицкий Алексей Ильич* (4.08.1897–6.02.1980), инженер.

А. И. Левицкий — донской казак, родился в Ростове-на-Дону. Участник Белого движения на Юге России, офицер (подхорунжий?). В ноябре 1920 г. в составе Русской Армии эвакуировался из Крыма в Константинополь. Был в казачьем лагере на о. Лемносе. В 1921 г. (?) с разрешения командования уехал из Турции в Чехословакию продолжить образование. Закончил институт по специальности инженер-архитектор. Жил и работал в Праге. Как инженер-архитектор принимал участие в создании храма Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанах.

А. И. Левицкий упомянут: в выпуске бюллетеня «Русский зодчий за рубежом». Прага, 1942.; журнале «Наши вести», Санга-Роза, Калифорния, США. № 446, март 1997; Чичерюкин-Мейнгард В. «Русская военная эмиграция в Праге».

9. *Лимонт-Иванов Юрий Андреевич* (13.04.1884, Орел — 23.04.1941, Прага), полковник инженерных войск.

10. *Пальчиков Гавриил* (9.04.1856–13.04.1926), адмирал.

Пальчиков Гавриил Кондратьевич. В службе с октября 1875 г., в офицерских чинах с апреля 1878 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В сентябре 1889 г. был назначен помощником начальника Военно-исправительной тюрьмы морского ведомства в Севастополе. В 1889–1895 гг. командовал миноносцем Черноморского флота № 257, в 1897–1898 гг. — старший офицер минного крейсера «Казарский», в 1898–1900 гг. — эскадронного броненосца «Двенадцать апостолов», в 1901–1903 гг. — командир транспорта «Гонец». Уволен в отставку (8.01.1907), вновь определен в службу в чине капитана 1 ранга (30.03.1915 г.).

В 1918–1920 гг. служил в Черноморском флоте белых в должности коменданта Транспортной флотилии, с 1 апреля 1920 г. числился в Черноморском флотском экипаже. Приказом командующего ЧФ № 3195 от 9 мая 1920 г. в числе 56 офицеров назначен в 4 роту

Отдельного Черноморского батальона морских стрелков с предписанием прибыть по назначению к 15 мая (о неявившихся в указанный срок предписывалось донести к 9 часам 16 мая для исключения из списков флота). Приказом главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России № 73 от 25 мая 1920 г. уволен от службы с производством в генерал-майоры флота.

11. *Петранди Дмитрий* (скончался 1 февраля 1928 г.), штабс-капитан Лейб-Гвардии Павловского полка.

Петранди Дмитрий Михайлович. Род. 10 августа 1895 г. в С.-Петербурге в семье генерал-майора Российской армии. Окончил 1-й кадетский корпус и ускоренный 4-месячный курс в Павловском военном училище. Участник Первой мировой войны, награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. и Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». Последний чин и должность — поручик, вр. и. д. Начальника команды связи Гвардии Павловского полка. 19.11.1917 г. (ст. ст.) убыл из полка в краткосрочный отпуск из которого не вернулся. Участвовал в Белом движении на Юге России, штабс-капитан. В эмиграции проживал в Праге. Был постоянным участником литературного кружка «Далиборка», созданного жившими в Праге русскими писателями. Скончался в Праге (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/С. 350/684, 349/698; Постников. «Русские в Праге 1918–1928 гг.» Прага, 1928. С. 135).

12. *Подлесский Николай Владимирович* (25.02.1864–15.09.1928), генерал-майор. Вместе с М. П. Полосиным.

13. *Полосин Михаил Петрович* (27.03.1880–16.03.1967), доктор медицины, полковник. Вместе с Н. В. Подлесским.

Полосин служил в чешской армии, был арестован НКВД в 1945 г. и несколько месяцев провел в заключении.

14. *Прокопович Петр Иванович* (4.02.1884.–30.09.1960), донской казак.

15. *Пухляковы:*

Василий Васильевич (15.06.1879–18.03.1943), полковник Всеволодского Войска Донского.

В. В. Пухляков. Из потомственных дворян Области Войска Донского, уроженец станицы Раздорской на Дону. Воспитывался в Новочеркасском реальном училище — закончил полный курс; в Новочеркасском казачьем юнкерском училище — окончил по 2-му разряду; в Московском Археологическом Институте — удостоен звания ученого-археолога. Службу по окончании учебы в юнкерском училище начал

в 8-м Донском казачьем полку в 1905 г., позднее был командирован в 34-й Донской казачий полк. Находился в командировке для подавления беспорядков в селе Озерах Московской губернии, в Рославе Смоленской губернии в 1906 г. В 1907 г. переведен в Ведомство Министерства Внутренних Дел. В 1911 г. окончил полный курс Археологического Института, в том же году «во Всеобщей Международной Академии искусств, наук и литературы» получил диплом на звание Профессора-корреспондента. Удостоен звания Ученого Археолога, в чем выдано временное свидетельство Директором Московского Археологического Института 20 мая 1912 г. за № 3152. В 1907–1914 гг. В. В. Пухляков служил в конно-полицейской страже Московской губернии. Высочайшим приказом 12 мая 1914 г. переведен в комплект донских казачьих полков с переименованием в подьесаулы. В составе 33-го Донского казачьего полка выступил на войну. Участвовал в походах и делах против неприятеля в кампании 1914–1915 гг. По состоянию здоровья был переведен позднее на штабную работу — служил в военно-цензурном отделении штаба IV-й армии. Последняя должность и чин — старший помощник Начальника Контрразведывательного отделения штаба IV армии Румынского фронта, ротмистр. В эмиграции жил в Праге и преподавал механику в техникуме. Награжден орденами: Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Анны 2 ст. с мечами, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 8У686. П/С. № 35–130).

Николай Васильевич (4.03.1881–14.10.1949), полковник. Из дворян Войска Донского. Уроженец Донской области. Воспитывался в Донском Императора Александра III кадетском корпусе и окончил курс в Николаевском кавалерийском училище по 1-му разряду. По окончании училища произведен в хорунжий и 10 августа 1902 определен в 3-й Донской полк (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 310–321). Н. В. Пухляков, как и его старший брат Василий Васильевич, был участником Первой мировой войны и Белого движения на юге России. После эвакуации Крыма и Лемноса приехал в Прагу. Был арестован НКВД в Праге 12 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Срок отбывал в концлагерях в Мордовии — Потьме, где и умер 14 октября 1949 г. Таким образом, его могила на Ольшанах, как и в случае с казачьим офицером Н. П. Цветковым, символическая.

16. *Рябиков Павел Федорович* (24.03.1875–27.08.1932), Генерального штаба генерал-майор, профессор.

Православный, холост, подполковник по Генеральному штабу. Старшинство в чине с 6 декабря 1907 г. Получил образование в Полоцком Кадетском корпусе, Константиновском артиллерийском училище и Николаевской Академии генштаба по 1-му разряду. Участвовал в кампании 1904–1905 гг. — обер-офицер для поручений при генерал-квартирмейстере 2-й Маньчжурской армии. Дальнейшая биография П. Ф. Рябикова проходила на должностях по Генеральному штабу и описана в его некрологе, опубликованном в «Русском инвалиде» 22 сентября 1932 г.: «На Великую войну Павел Федорович выступил начальником штаба 59-й пехотной дивизии, но вскоре как знаток разведывательной службы был назначен старшим адъютантом Разведывательного Отдела Штаба 2-й Армии, а впоследствии на ту же должность в Штаб Северного фронта. Осенью 1915 г. Павел Федорович вступил в командование 199-м пехотным Кронштадтским полком, во главе которого участвовал в наступлении летом 1916 г. на Юго-Западном фронте и за проявленную доблесть был награжден Георгиевским оружием.

С открытием ускоренных Курсов Военной Академии был приглашен для чтения лекций и по представлении диссертации был избран экстраординарным профессором. Как глубокий патриот не признал Советской власти. Павел Федорович перешел в ряды борцов за освобождение Родины и был назначен 2-м Генерал-Квартирмейстером Штаба Верховного Правителя адмирала Колчака. После крушения Восточного фронта, совершив легендарный Каппелевский поход, эвакуировался в Японию, впоследствии переехав в Шанхай. В качестве выдающегося специалиста приглашенный Чехословацким Военным Министерством для работы в Генеральный Штаб, Павел Федорович оставил Дальний Восток и переехал в Прагу, чтобы своим обширным и богатым опытом послужить родной по крови и духу молодой Чехословацкой армии. Неизменное стремление работать для горячо любимой Родины, для родной Армии, побудили Павла Федоровича войти в состав профессуры Зарубежных Высших Военно-Научных Курсов генерала Н. Н. Головина. ...Да будет же легка Тебе, дорогой Павел Федорович, славянская земля приютившей Тебя Чехословакии, служению которой Ты отдал силы, здоровье и последние годы своей жизни». Скончался в Праге. Мемуары генерала П. Ф. Рябикова о его участие в Белом движении в Сибири были переданы в 1929 г. в Русский Пражский Архив.

17. *Таличкин Георгий* (23.04.1890, Кубань, Майкоп — 10.07.1957).

18. *Темников Георгий Викторович* (20.10.1879–30.11.1929), полковник.
19. *Филатов Григорий Яковлевич* (скончался 30.08.1940), донской казак.
20. *Хартулари Виктор Викторович* (7/20.09.1865, Санкт-Петербург — 23.07./5.09.1928, Прага), генерал-майор.
В. В. Хартулари, полковник по гвардейской пешей артиллерии. Православный. Женат, 4 детей. Образование получил в 4-м Московском Кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище и Михайловской артиллерийской академии по 1 разряду. В службу вступил 1 сентября 1883 г. Имеет ордена: Св. Анны 3 ст., Св. Станислава 2 ст., старшинство в чине полковника с 28 марта 1904 г. («Список полковникам по старшинству». СПб., 1908).
21. *Чумаков Василий Тимофеевич* (24.06.1861–17.08.1937), генерал.
22. *Эйлер Владимир Павлович* (30.11.1878–15.11.1941), военный инженер.

Сын действительного статского советника, уроженец Могилевской губернии. Образование получил в 1-м кадетском корпусе, в Николаевском инженерном училище — 3 кл. по 1 разряду и окончил полный курс Николаевской инженерной Академии по 1-му разряду. Последний чин и должность — штабс-капитан, военный инженер Ковенской крепостной саперной роты. Уволился на основании личной просьбы в апреле 1914 г. с зачислением в ополчение по С.-Петербургскому военному округу. В эмиграции проживал в Праге (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 2966. 1909 г.).

V. ЮГО-ЗАПАДНЫЙ УЧАСТОК

1. *Мизинов Александр Николаевич* (30.05.1891–14.04.1945).

А. Н. Мизинов — уральский казак, участник Первой мировой и Гражданской войн, предположительно воевал в рядах Уральской Армии генерала Толстова. В Чехословакии поступил на военную службу. В России имел чин полковника.

2. *Студенцов Георгий Вениаминович* (12.08.1897–24.09.1963), инженер.

Родился в станице Усть-Медведицкой области войска Донского. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны воевал в рядах Дроздовской дивизии. После Галлиполи и Болгарии уехал в Прагу учиться. Получил высшее образование и работал в Праге ин-

женером. Одновременно состоял в РОВСе и Галлиполийском Союзе. В 1937 г. избирался членом правления Галлиполийского Землячества в Праге. Арестован в Праге НКВД 10 июля 1945 г. и вывезен в СССР. В 1955 г. вышущен из заключения и вернулся к семье в Прагу.

IV. МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ НЕ ИЗВЕСТНО

1. *Разумихин Нил Георгиевич* — род. 30.08.1897 г., мичман флота.

Предположительно служил на Черном море в Первую мировую войну под непосредственным командованием адмирала А. В. Колчака. Участвовал в Белом Движении на юге России. В начале 1920-х гг. приехал в Прагу, где получил инженерное образование. Работал инженером. Арестован НКВД в 1945 г. и вывезен в СССР. Выпущен из концлагеря в 1955 г. и вернулся в Прагу. Умер в Праге в начале 1980-х гг. и похоронен на Ольшанском кладбище.

Составлен в 1996–1998 гг.

И. И. Постоев

Русский некрополь во Франции

Составление общего списка русского некрополя за границей является насущной задачей для русских историков — прежде всего потому, что могилы по истечении срока сохранения в большинстве своем сносятся (что происходит сейчас)*, а получить данные о месте и дате смерти того или иного лица, пользуясь только публикациями некрологов в русской эмигрантской прессе или газетах соответствующих стран, в очень многих случаях просто не представляется возможным. Вообще говоря, эту работу следовало бы начать лет 15–20 назад, когда большинство могил 1920–1940-х гг. еще сохранялось нетронутыми; началась же работа по описанию зарубежного некрополя только в этом десятилетии.

В 1995 г. в Париже был издан общий список захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, готовится к изданию, насколько нам известно, описание Русского кладбища в Ницце того же автора (Ивана Грезина). В обоих случаях описывались компактные захоронения**. Настоящая же публикация представляет собой список русских захоронений на муниципальных кладбищах Парижа и окрестностей, к которому добавлен список русских могил на нескольких кладбищах Лазурного берега (Канны и Рокбрюн (около Ментоны), Ментона и Ницца).

Следует оговориться, что были приложены все усилия, чтобы сделать список как можно более полным, но это принципиально не-

* Обычно срок хранения могил во Франции составляет 30 лет.

** Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа является просто муниципальным кладбищем, а не «русским», как принято думать; в Ницце ситуация иная — Русское кладбище является собственностью русской общины и не имеет никакого отношения к муниципальному кладбищу Кокад (с практической точки зрения это означает, что эти кладбища имеют разные администрации), так что называть Русское кладбище «Кладбище Кокад», вообще говоря, некорректно. (Праха русских людей, похороненных на кладбище Кокад, в 1930-х (?) гг. был перенесен на Русское кладбище. А. И. Герцен похоронен на Замковом кладбище в центре города.)

возможно по двум причинам: во-первых, список составлен по состоянию на 1997–1998 гг., а значит снесенные могилы учесть было уже невозможно; во-вторых, описываются русские захоронения, которые разбросаны по французским кладбищам, а значит всегда есть вероятность, что какие-то могилы (прежде всего те, на которых нет православных крестов) были пропущены. Список русских захоронений на кладбище Гран-Жа в Каннах неполон (описан только «русский участок» с захоронениями 1920–1930-х гг. и те могилы на других участках, которые удалось найти; полного осмотра кладбища по недостатку времени не было сделано).

Несколько слов о порядке публикации. Мы планируем опубликовать сводный алфавитный список с указанием названий кладбищ и городов. Этому списку будет предпослана краткая справка о местонахождении кладбищ и их истории или особенностях (наличие старческих домов и пр.). В тех случаях, когда мы располагаем дополнительными биографическими сведениями, почерпнутыми из рассказов русских эмигрантов, мемуаров или адресных книг начала XX в., мы дополняем списки этой информацией. В скобках приведено французское написание имени и фамилии умершего (если есть). В скобках после знака «+» приведены имена лиц, похороненных в одной могиле с указанным лицом (в алфавитном порядке). По умолчанию приводятся данные, приведенные на могильной плите (или кресте); в тех случаях, когда эти данные расширены, написанное на могиле выделяется жирным шрифтом, а дополнения — обычным шрифтом. Названия французских городов приводятся во французской орфографии. Выделенные курсивом даты означают отсылку на адресные книги «Весь Петербург» (Петроград) на соответствующий год. В список включены также французы, похороненные вместе с русскими.

Для первой публикации были выбраны списки русских людей, похороненных на кладбищах в Каннах и Рокбрюн.

Мы просим откликнуться всех, кто располагает информацией о ком-либо из упомянутых в этих списках.

КАННЫ, КЛАДБИЩЕ ГРАН-ЖА (Cimetière Grand-Jas, Cannes)

Данные на 31 декабря 1997 г.

АВЕРЬЯНОВ Борис (Averianoff Boris), сконч. 9 августа 1977.
(+ Е. Аверьянова.)

АВЕРЬЯНОВА Елизавета (AVERIANOFF Elisabeth), сконч. 15 октября 1984. (+ Б. Аверьянов.)

АЛЕХИН Евгений Яковлевич, корнет 16-го драгунского Тверского полка. 1899–1982. (+ В. Добровольский, Н. Алехина.)

АЛЕХИНА Нина, рожд. БЕРГЕР (ALEKINE Nina, née BERGER), 1896–1973. (+ В. Добровольский, Е. Алехин.)

АРАПОВА Софья Александровна, гофмейстерина, сконч. 9 (22) марта 1908.

БАФТАЛОВСКАЯ Надежда В., рожд. баронесса фон И. СУЛА-ПЕТРОВСКАЯ (BAFTALOVSKY Nadejda V., née B^{nne} von J. SOULA PETROVSKY), 14 сентября 1896 — 9 января 1981. (+ И. Бафталовский.)

БАФТАЛОВСКИЙ Игорь (BAFTALOVSKY Igor), 1896–1959. (+ Н. В. Бафталовская.)

БИЛЬДЕРЛИНГ барон Андрей Петрович, 4 ноября 1894 (?) — ... .. 1957*. (+ бар. Н. П. Бильдерлинг, М. П. Кизельбаш.)

БИЛЬДЕРЛИНГ барон Владимир Карлович (BILDERLING Vladimir), 28 марта 1890 — 15 декабря 1960. (+ бар. Унгерн-Штернберг.)

БИЛЬДЕРЛИНГ баронесса Наталия Петровна фон (BILDERLING baronne Nathalie de), 14 марта 1885 — 7 апреля 1981. (+ бар. А. П. Бильдерлинг, М. П. Кизельбаш.)

БЛАНШАР Оливье (BLANCHARD Olivier), 1897–1987. (+ О. Бланшар).

БЛАНШАР Ольга, рожд. кж. ЕНГАЛЫЧЕВА (BLANCHARD Olga, née Princesse ENGALITCHEFF), 1908–1989. (+ О. Бланшар).

ВАННОВСКАЯ Мария, рожд. КАНДАУРОВА (WANNOVSKY Marie, née KANDAOUROFF), 1869 — 26 июля 1944. Жена Г. Ванновского. (+ Г. Ванновский.)

ВАННОВСКИЙ Глеб Михайлович (WANNOVSKY Gleb), генерал-лейтенант (lieutenant général), 5 марта 1862 — 17 октября 1943. (+ М. Ванновская.)

ВАСИЛЬЕВ Гавриил Федорович, сконч. 21 февраля 1953.

ВИЛЬЧЕВСКИЙ Павел Емельянович (WILTCHESVSKY Paul), протоиерей (archiprêtre), 1874–1958.

ВОДЕ Вера, рожд. КОЛПИНСКАЯ (VAUDEY Vera, née KOLPINSKY), 1920–1989. (+ А. Левицкая, С. Жуков, И. Левицкий.)

* Число и месяц неразборчивы.

- ВОЛОШИН Нусин Алэн (VOLOCHINE Noucine Alain), 1917–1994.
- ВОЛОШИНЫХ семья (Famille VOLOCHINE). (Похоронен Н. А. Волошин.)
- ВУХМЕЙЕР Василий Федорович, 1 июня 1892 — 20 января 1946.
- ГОКЛЭН Андрэ (GAUQUELIN André), 1900–1966. (+ А. Тимашев, А. Лагсдин, М. Гоклэн.)
- ГОКЛЭН Марсель (GAUQUELIN Marcelle), 1903–1992. (+ А. Тимашев, А. Лагсдин, А. Гоклэн.)
- ГУРГЕНОВ Григорий (GOURGUENOFF Grégoire), 1892–1950. (+ М. Гургенова.)
- ГУРГЕНОВА Маргарита, рожд. ШКАРИНА (GOURGUENOFF Marguerite, née CHKARINE), 1899–1977. (+ Г. Гургенов.)
- ДАНИЛОВ Дмитрий (DANILOFF Dimitri), капитан Российской Императорской Армии (capitaine de l'Armée Impériale Russe), 1886–1967. (+ С. Данилова.)
- ДАНИЛОВА София, рожд. ТАГЕСЕН (DANILOFF Sophie, née TAGESSEN), 1886–1962.
- ДЕЙША Ксения (DEYCHA Xenia), 1902–1982. (+ Е. Загорянская-Кисель.)
- ДОБРОВОЛЬСКИЙ Владимир (DOBROVOLSKY Vladimir), 1895–1955. (+ Н. Алехина, Е. Алехин.)
- ЖАНДР Константин Константинович (GENDRE Konstantin de), капитан 1-го ранга (capitaine de vaisseau), 10 июля 1871 — 19 ноября 1941. (+ Н. Жандр.)
- ЖАНДР Надежда Ивановна, рожд. МАНТО (GENDRE Nadine de, née MANTO), 1876–1970. (+ К. К. Жандр.)
- ЖАСЕВСЭ Зинаида, рожд. ЖУРАВЛЕВА (JASSEVSAY Zénéide de, née JOURAVLEFF), 1888–1962. Фамилия читается плохо.
- ЖУКОВ Сергей Устинович (ZUKOFF Serge), поручик (lieutenant), 1893–1951. (+ А. Левицкая, И. Левицкий, В. Воде.)
- ЗАГОРЯНСКАЯ-КИСЕЛЬ Елена (SAGORIANSKY-KISSEL Hélène), 1860–1940. (+ Кс. Дейша.)
- ЗАХАРЬИНА Евгения, рожд. ИСАКОВА (ZAKHARINE Eugénie, née ISSAKOFF), 1888–1971.
- ИВАНШИН Игорь (IVANCHINE Igor), 1 мая 1913 — 16 сентября 1944. (+ М. Иваншин.)

ИВАНШИН Михаил Петрович (IVANCHINE Michel), ротмистр 9-го гусарского полка Императорской Армии (саритине au 6ème régiment des Hussards de l'Armée Impériale), 11 сентября 1891 — 15 декабря 1942. (+ И. Иваншин.) Надпись довольно плохо читаема.

ИСАЕВА Ирина, рожд. ИВАНОВА (ISSAIEFF Irène, née IVANOFF), 1898–1965.

КАНТАКУЗЕН князь Александр (CANTACUZENE prince Alexandre), 1833–1904. (+ А. и Ж. Ривуар, кн. М. Кантакузен.)

КАНТАКУЗЕН княгиня Маргарита (CANTACUZENE Marguerite), 1848–19.. (оставлено место, последних двух цифр нет). (+ кн. А. Кантакузен, А. и Ж. Ривуар.)

КАРАКУТ Мария (KARAKUT Marie), 1877–1958.

КИЗЕЛЬБАШ Мария Петровна, рожд. баронесса БИЛЬДЕРЛИНГ, 22 марта 1881 — 1 октября 1958. (+ бар. Н. П., А. П. Бильдерлинг.)

КЛИНТОН Ами (CLINTON Amy), 16 апреля 1867 — 14 декабря 1947. (+ Ф. Кузнецов, Е. П. Салова.)

КЛОДТ фон ЮРГЕНСБУРГ баронесса Вера Георгиевна (Егоровна), рожд. ИОРДАН (CLODT), 26 февраля (10 марта) 1868 — 10 (23) апреля 1957. (+ бар. П. А., Г. П., Е. П. Клодт фон Юргенсбург, А. А. и Е. П. Костанда.) Жена бар. П. А. Клодта фон Юргенсбург, в 1917 жила в Петербурге.

КЛОДТ фон ЮРГЕНСБУРГ барон Георгий Павлович (CLODT), 14 июля 1895 — 12 (25) мая 1951. (+ бар. П. А., В. Г., Е. П. Клодт фон Юргенсбург, А. А. и Е. П. Костанда.)

КЛОДТ фон ЮРГЕНСБУРГ баронесса Елизавета Павловна (CLODT), 9 мая 1899 — 19 декабря 1980. (+ бар. П. А., Г. П., В. Г. Клодт фон Юргенсбург, А. А. и Е. П. Костанда.)

КЛОДТ фон ЮРГЕНСБУРГ барон Павел Адольфович (CLODT), 27 декабря 1867 (?) — 13 (26) февраля 1938. (+ бар. Г. П., В. Г., Е. П. Клодт фон Юргенсбург, А. А. и Е. П. Костанда.) Полковник (1917), в 1917 жил в Петербурге.

КОБЕЦКАЯ Татьяна (КОВЕСКА Tatiana), 1879–1957. (+ М. и Н. Лопато.)

КОСОРОТОВ Дмитрий (KOSSOROTOFF Dimitri), 1900–1980. (+ А. Новикова, М. Косоротова.)

КОСОРОТОВА Мария, рожд. МЕЙЕНДОРФ (KOSSOROTOFF Marie, née MEYENDORFF), 1904–1978. (+ А. Новикова, Д. Косоротов.)

КОСТАНДА Апостол Александрович (KOSTANDA), полковник, 23 октября (5 ноября) 1892 — 28 августа (10 сентября) 1967. (+ бар. П. А., Г. П., В. Г., Е. П. Клодт фон Юргенсбург, Е. П. Костанда.)

КОСТАНДА Елена Павловна, рожд. баронесса КЛОДТ фон ЮРГЕНСБУРГ (KOSTANDA), 11 августа 1897 — 7 октября 1980. (+ бар. П. А., Г. П., В. Г., Е. П. Клодт фон Юргенсбург, А. А. Костанда.)

КУЗНЕЦОВ Федор (KOUZNETZOFF Théodore), сконч. 22 мая 1927. (+ Е. П. Салова, А. Клинтон.)

КУТУКОВА Юлия (KOUTOUKOFF Julie), вдова Ф. А. Шрейбера (veuve de Th. de Schreiber), сконч. 2 (14) февраля 1900.

ЛАГСДИН Алексей (LAGSDINE Alexis), 1912–1974. (+ А. Тимашев, А. и М. Гоклэн.)

ЛЕБЕДЕВ Георгий (LEBEDEFF Geogres), 22 февраля 1925 — 15 мая 1984. (+ Д. Лебедев.)

ЛЕБЕДЕВ Дмитрий (LEBEDEFF Dimitri), подполковник (L¹ Colonel), 8 сентября 1891 — 21 декабря 1938. (+ Г. Лебедев.)

ЛЕБЕДЕВА Нина (LEBEDEFF Nina), 1898–1986. (+ Н. Яновская.)

ЛЕВИЦКАЯ Амалия, рожд. ШТЕЙН (LEVITSKY Amalia), 1900–1972. (+ С. Жуков, И. Левицкий, В. Воде.)

ЛЕВИЦКИЙ Ипполит Александрович (LEVITSKY Hippolyte), подполковник (L¹ Colonel), 1885–1963. (+ А. Левицкая, С. Жуков, В. Воде.)

ЛЕПЕШИНСКАЯ Александра (LEPECHINSKY Alexandra), 1886–1978. (+ Д. и С. Лепешинские.)

ЛЕПЕШИНСКИЙ Дмитрий (LEPECHINSKY Dimitri), 1908–1992. (+ С. Лепешинский, А. Лепешинская.)

ЛЕПЕШИНСКИЙ Сергей (LEPECHINSKY Serge), 1881–1960. (+ Д. Лепешинский, А. Лепешинская.)

ЛОПАТО Михаил (LORATO Michael). (+ Н. Лопато, Т. Кобецкая.)

ЛОПАТО Нина (LORATO Nina). (+ М. Лопато, Т. Кобецкая.)

МИРОНОВ Константин, инженер, 1890–1960.

МИРОНОВ М. А., 1874–1898.

МИХАЙЛОВ А. М. (МКАЙЛОВ А. М.), 1888–1960.

МУРАВЬЕВ Сергей Николаевич (MOURAVIEFF Serge Nicolas), 1923–1996.

МЯЗМИТИНОВА Людмила, рожд. МЕДЕР (МIAZMITINOFF Ludmilla, née MEDER), 1893–1987. (+ В. Н. Постриганева.)

НОВИКОВА Анна, рожд. ШУЛЬЦ (NOVIKOFF Anna, née SCHULZ), сконч. 23 апреля 1944 (décédée le 23 avril 1944). (+ М. Косорогова, Д. Косорогов.)

ОПАСОВА Мария Павловна, 1862–1939. Надпись почти не видна; имя, отчество и даты жизни читаются удовлетворительно, но фамилия почти не читаема, поэтому, возможно, ошибочна.

ПАЛЕНТРЕЕР Николай Иванович, сконч. 22 октября 1908.

ПАРИЗО де ла ВАЛЕТТ Константин (PARISOT de la VALETTE Constantin), 1857–1940.

ПЕТРОВ Александр (PETROFF Alexandre), 2 сентября 1881 — 23 января 1946. (+ О. Якобс, Е. Петрова, С. Петров, С. Петров).

ПЕТРОВ Сергей (PETROFF Serge), 6 февраля 1901 — 24 января 1983. (+ О. Якобс, Е. Петрова, А. Петров, С. Петров).

ПЕТРОВ Сергей (PETROFF Serge), 3 июля 1909 — 15 января 1994. (+ О. Якобс, Е. Петрова, А. Петров, С. Петров).

ПЕТРОВА Екатерина (PETROFF Catherine), 2 мая 1882 — 6 декабря 1956. (+ О. Якобс, А. Петров, С. Петров, С. Петров).

ПЕТРОВА Мария Николаевна, 29 марта 1874 — 2 февраля 1957.

ПЕТРУЧУК Борис (PETROUTCHOUK Boris), 1903–1981. (+ Т. Петручук.)

ПЕТРУЧУК Тереза (PETROUTCHOUK Thérèse), 1909–1992. (+ Б. Петручук.)

ПОСТРИГАНЕВА Вера Николаевна (POSTRIGANEFF Vera), 5 августа 1914 — 5 декабря 1961. (+ Л. Мязмитинова.)

РИВУАР Анна (RIVOIRE Anne), 1818–1901. (+ кн. А. и М. Кантакузен, Ж. Ривуар.)

РИВУАР Жанна (RIVOIRE Jeanne), 1844–1928. (+ кн. А. и М. Кантакузен, А. Ривуар.)

РУИС-ПИКАССО Ольга, рожд. ХОХЛОВА (RUIZ PICASSO Olga, née KNOKLOVA), 17 июня 1891 — 11 февраля 1955. (+ П. Руис-Пикассо.) Жена П. Пикассо. Ее портрет — в музее Метрополитен, Нью-Йорк.

РУИС-ПИКАССО Пабло (RUIZ-PICASSO Pablo), 5 мая 1949 — 11 июля 1973*. (+ О. Руис-Пикассо.)

САЛОВА Екатерина Павловна, рожд. ШАБЛЫКИНА, 1876 — 14 декабря 1933. (+ Ф. Кузнецов, А. Клинтон.)

* Сын П. Пикассо (?).

СЕЛЕЗНЕВА София, 1904–1985.

СУТУЛОВ Александр Михайлович (SUTULOV A.), генерал-лейтенант (lieutenant général), 1881–1958. В 1914 — подъесаул, жил на Лермонтовском пр., 24*.

ТАРАСЕВИЧ Вадим и Дмитрий, 2 даты: 11 июня 1916 — 22 октября 1929 и 2 июля 1922 — 27 августа 1943**. (+ М., Д. Тарасевич).

ТАРАСЕВИЧ Дмитрий. (+ М., В., Д. Тарасевич).

ТАРАСЕВИЧ Мария, рожд. УНГЕРН (TARASSEVITCH Marie, née UNGERN). (+ Д., В., Д. Тарасевич).

ТАТАРСКАЯ Екатерина (TATARSKY Catherine), 1892–1969. (+ К. Татарский.)

ТАТАРСКИЙ Константин Станиславович (TATARSKY Constantin), капитан 2-го ранга Российского Императорского Флота (capitaine de corvette de la Flotte Impériale Russe), 17 (30) мая 1890 — 28 февраля 1958.

ТВЕРБУС-ТВЕРДЫЙ Александр (TVERBOUSS-TWERDY Alexandre), 1893–1965.

ТИМАШЕВ Андрей (TIMACHEFF André), 1914–1964. (+ А. Лагсдин, А. и М. Гоклэн.)

ТИМАШЕВЫ (TIMACHEFF), семья. (Похоронены А. Тимашев, А. Лагсдин, А. и М. Гоклэн.)

УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ барон Михаил Леонардович (baron UNGERN STERNBERG), 12 сентября 1870 — 15 января 1931. (+ бар. В. К. Бильдерлинг.)

ЦЕРПИЦКИЙ Константин (TSERPITSKY Constantin), генерал-лейтенант, командир 10-го корпуса в Манчжурии, сконч. в Каннах 14/27 ноября 1906 (lieutenant général, commandant du 9ème corps d'armée en Mandchourie, décédé à Cannes le 14/27 novembre 1906). Участник завоевания Туркестана, ранен на фронте в Манчжурии, командовал 1-м Туркестанским корпусом (в 1904–1906).

О нем есть свидетельство В. Н. фон Дрейера: «В конце лета 1904 года прибыл в Ташкент раненный на фронте в Манчжурии и прошедший после этого курс лечения во Франции, в Каннах, генерал Церпицкий, назначенный командиром I-го туркестанского корпуса. Старый

* Николаевское кавалерийское училище, где он, по всей видимости, был инструктором.

** Неясно, кому какие даты соответствуют.

туркестанец времен завоевания Туркестана, сподвижник Кауфмана и Скобелева, прошедший все этапы строевой службы в Туркестане, знавший душу солдата и все его нужды, Церпицкий этот олицетворял тип старого вояки без большого образовательного ценза».*

ШРЕЙБЕР Федор Августович (SCHREIBER Théodore de), генерал-майор, сконч. 16 (28) января 1897 (général major, décédé le 28 janvier 1897). (+ Ю. Кутукова.)

ЯКОБС Ольга (JACOBS Olga), 1891–1977. (+ Е. Петрова, А. Петров, С. Петров, С. Петров.)

ЯНОВСКАЯ Наталья (IANOWSKY Nathalie), 1902–1965. (+ Н. Лебедева.)

ЯРЦЕВ Сергей (YARTZEFF Serge), 23 сентября 1893 — 20 марта 1973.

РОКБРЮН, КЛАДБИЩЕ (CIMENTÈRE DE ROQUEBRUNE)

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, Великий Князь, 1866–1933. (+ Вел. Кн. Ксения Александровна, кн. Никита Александрович.)

БОБЫЛЕВА Наталья Егоровна, 15 августа 1849 — 12 июня 1929.

БОНДАРЕНКО Григорий (BONDARENKO Grégoire), 1902–1971. (+ К. Микелуччи.)

ВАСИЛЬЕВ Константин Александрович, 1861–1932. (+ Н. А. Чириков, О. К. Чирикова, Е. К. Васильева, Г. А. Чирикова.)

ВАСИЛЬЕВА Екатерина Константиновна, 1891–1933. (+ Н. А. Чириков, О. К. Чирикова, К. А. Васильев, Г. А. Чирикова.)

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, Великая Княгиня, 1875–1960. (+ Вел. Кн. Александр Михайлович, кн. Никита Александрович.) Дочь Имп. Александра III и Имп. Марии Федоровны (сестра Имп. Николая II), жена Вел. Кн. Александра Михайловича.

ЛУКАШЕВИЧ Ирина Васильевна, 5 (18) апреля 1862 — 6 (19) апреля 1926.

МИКЕЛУЧЧИ Катрин (MICHELUCCI Catherine), 1891–1972. (+ Г. Бондаренко.)

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ, князь Императорской крови, 1900–1974. (+ Вел. Кн. Александр Михайлович, Вел. Кн. Ксения Александровна.)

* В. Н. фон Дрейер. На закате Империи. Madrid, изд. автора, 1965. С. 39.

ПАЛИЦЫНА Александра (PALITZINE Alexandra), 1879–1946.

ЧИРИКОВ Николай Анатольевич, 1888–1959. (+ О. К. Чирикова, К. А. Васильев, Е. К. Васильева, Г. А. Чирикова.)

ЧИРИКОВА Галина Анатольевна, 1889–1966. (+ Н. А. Чириков, О. К. Чирикова, К. А. Васильев, Е. К. Васильева.)

ЧИРИКОВА Ольга Константиновна, 1895–1967. (+ Н. А. Чириков, К. А. Васильев, Е. К. Васильева, Г. А. Чирикова.)

К. А. Дзюбандовский

Я нашел своего отца

«...Среди захоронений офицеров Лейб-гвардии Егерского полка на участке Пажеского Корпуса Кладбища Сен Женевьев де Буа — Полковник Дзюбандовский А. П. (1885–1958)»

Русский зарубежный Некрополь // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. № 5. СПб., 1994. С. 357

Да ведь это же мой родной, пропавший без вести восемьдесят лет назад ОТЕЦ!

Мне сейчас почти 82. 12 мая 1916 года в Петрограде, в доме моего дедушки по маминной линии купца 2 гильдии и Потомственного Почетного гражданина Василия Петровича Крутина я появился на свет. Дом этот и сейчас стоит под номером 8 на Ивановской (Социалистической) улице.

Моя мама, Александра Васильевна, венчалась 17 апреля 1911 г. с подпоручиком Л.-гв. Егерского полка Александром Петровичем Дзюбандовским в церкви Пажеского Его Величества Корпуса.

Мой дедушка по отцу — Петр Алоизович Дзюбандовский — был католик из польских дворян, пришедший на царскую службу. Родился он в 1845 году, а умер в 1907, в чине генерал-майора артиллерии, командуя 2-й артиллерийской бригадой в Селищенских казармах на реке Волхове.

А когда дедушка был полковником, — 18 июля 1885 года родился у него сын Александр, мой будущий батюшка. Крестили его в С.-Петербургской Входоиерусалимской Знаменской церкви, теперь там метро «Площадь Восстания». Восприемником, или как говорят, крестным, был мой прадед — еще один генерал-майор Александр Григорьевич Власенко.

Папин младший брат Николай Петрович шел по его стопам: окончил 2-й Московский Императора Николая I кадетский корпус и Александровское училище в Санкт-Петербурге и вступил в Л.-гв. Егерский

полк, где уже служил брат Александр, пройдя те же учебные заведения по 1-му разряду.

Оба активно участвовали в Мировой войне. Николай Петрович — подпоручик, героически погиб 26.08.1914 г., в самом начале войны, поднимая солдат в атаку близ Люблина. Сначала его похоронили на поле брани, вскоре перезахоронили в полковой церкви Святого Мирония на Рузовской улице. В 1934 году, когда разрушали и эту церковь — памятник героических дел Егерского полка в знаменитом сражении при Кульме — прах подпоручика родственники перезахоронили на Волковом кладбище. После Второй мировой войны и блокады могила не найдена.

О военной эпопее своего отца я еще скажу. Кое-какие старые документы каким-то чудом, пройдя довоенные «тридцать седьмые» годы, войну и блокаду, сохранились в нашей семье.

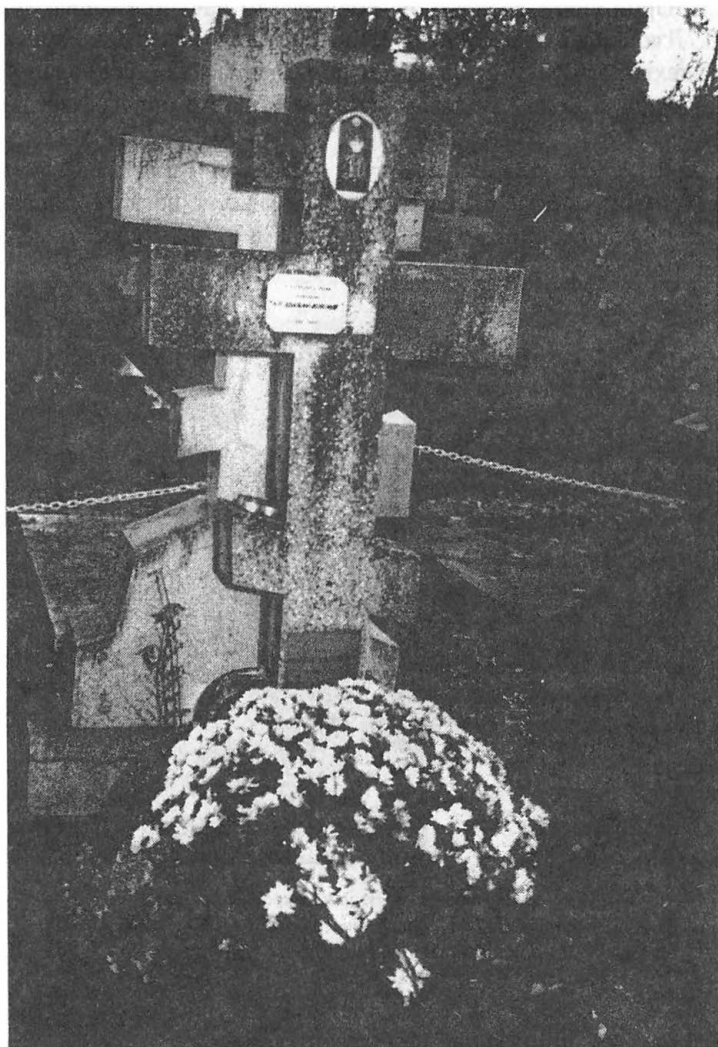
Примерно год тому назад мне позвонил мой родственник и друг, художник и педагог-корабел, военно-морской историк Евгений Андреевич Макаренко. Волнуясь, он сообщил, что увидел в «Военной книге» на Невском в альманахе «Русское прошлое» интереснейшее сведение о моем давно пропавшем отце. Мы сразу связались с редактором, с автором публикации, но... кроме того, что отец свое последнее пристанище нашел под Парижем, на знаменитом русском кладбище, рядом со многими соотечественниками, злая судьба которых полжизни быть вдалеке и умереть на чужбине... больше мы ничего пока не узнали.

Мой друг помог мне найти и исследовать документы в Российском Государственном Историческом Архиве, относящиеся к моему отцу и нашему роду. Кое-что из них я здесь привожу.

Но перед тем, как закончить повествование о нашей **офицерской** династии, немного отвлекусь и скажу: род наш связан и со Стасовыми.

Моя тетушка (сестра отца) Елена Петровна Дзюбандовская венчалась 30 апреля 1906 года в церкви Императорского Училища Правоведения (где, кстати и меня крестили) с врачом-ассистентом Мариинской Больницы, дворянином Борисом Дмитриевичем Стасовым. Ей было 22, а ему — 28. Поручителем был надворный советник Андрей Дмитриевич Стасов — оба внуки великого архитектора и племянники великого критика.

Сын Петр Борисович (1907–1962) — капитан 1 ранга, кандидат военно-морских наук. В трагическом Таллинском переходе умело командовал эсминцем «Калинин». Другой сын — Юрий (1908–1952) был начальником радиостанции парохода «Магнитогорск». Пароход не вы-

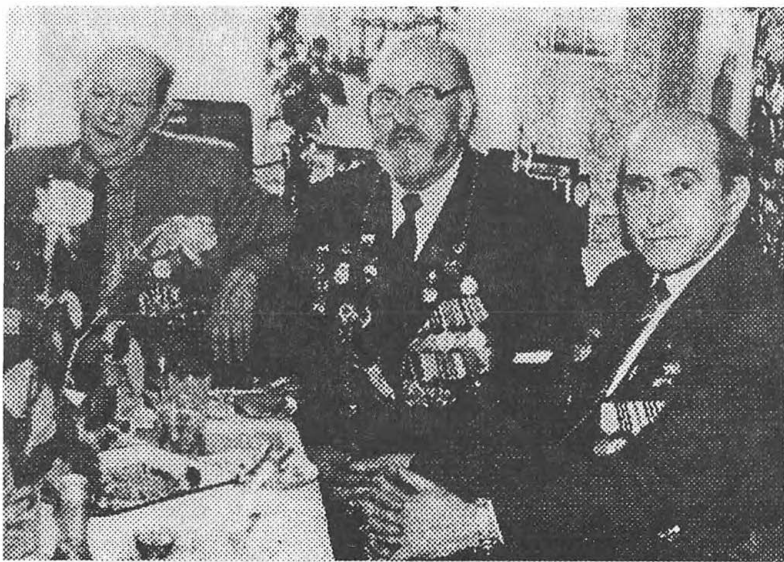

Могилa А. П. Дзюбандовского на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

пускали из немецкой гавани, запечатали радиорубку. Отвлекли часового, и Юрий успел передать на Родину, что начнется война.

Я, Дзюбандовский Кирилл Александрович, начальник Конструкторско-технологического бюро завода «Пневматика», рационализатор и журналист, в войну был картографом 32-й Армии на Карельском фронте.

Два сына продолжили военную династию: Владислав служил в Полярном, был капитаном-лейтенантом, трагически погиб. Младший — Алексей, подполковник, служил в Академии Можайского, недавно вышел в отставку.

40-летие победы во Второй мировой войне.

К. А. Дзюбандовский — справа, посередине — Е. А. Макаренко,
слева — инвалид войны, участник битвы на Курской дуге —
Г. В. Яронис.

А теперь немного о военной службе моего отца — по материалам моего архива, по рассказам моей матушки (она погибла в блокаду) и найденным в РГИА документам.

В полк подпоручик А. П. Дзюбандовский поступил 26 июля 1908 года и был назначен командиром 11-й роты.

Дважды: в 1909 и 1910 годах командировался на охрану поездов чрезвычайной важности, за что был награжден орденом Бухарской Звезды.

6 декабря 1912 года состоялось его производство в поручики. Видимо, за это время он прошел дополнительное обучение и был назначен командиром авто (бронь)-пулеметного взвода. Туда входили два броневика с пулеметами — «Егерь» и «Гвардеец» (на снимке); броневик с пушкой «Гренадер» и несколько мотоциклов.

В самом начале 1-й Мировой войны, 29 июля 1914 г., полк выступил на фронт. О младшем брате отца я уже писал. Отец, судя по наградам, действовал решительно и смело. Он был награжден орденом Святой Анны 4-й степени на эфесе сабли, то есть «Анненским оружием» с надписью «За храбрость» — в августе 1915 года за отбитие атаки у деревни Сивково и орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом в августе 1916 года за отличия в боях в войсках 9-й Армии.

Об его отваге еще в большей степени говорят выписки из донесений о действиях 22-го броневзвода, которым он командовал.

21 августа 1915 г.

Начальник арьергарда передал, что противник наступает от деревни Сивково. Мною был выдвинут взвод за линию арьергардов. Была обнаружена колонна противника с пулеметами. Подъехав на 60 шагов, мы открыли огонь, — колонна была рассеяна.

* * *

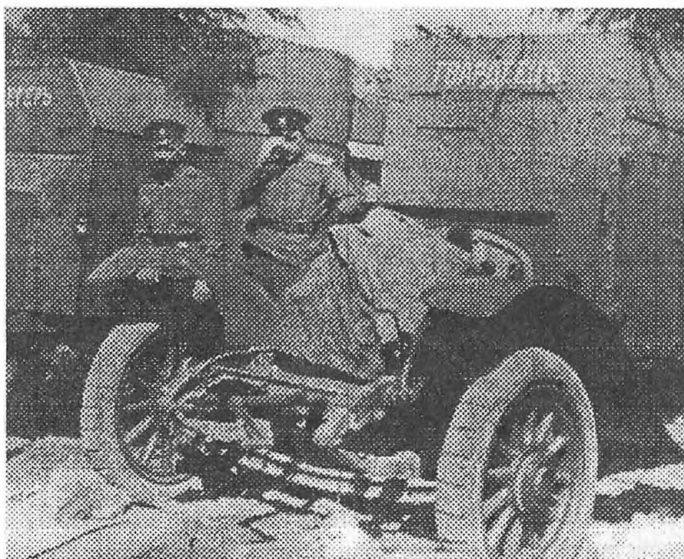
**26 августа
того же года**

Взвод был выдвинут мною к деревне Скидель на поддержку отступающих цепей Мариупольского полка. Мы попали под сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Мы открыли сильный ответный огонь по колонне противника, пока она не обратилась в бегство, оставив подбитые пулеметные повозки и лошадей.

* * *

26 мая 1916 года

Бой у станции Окна. Автовзвод встретил у деревни Похорлюц резервы австрийцев,

Западный фронт. 1916 г.
Броневи́к 22-го броневзвода Лейб-Гвардии
Егерского полка. Слева — командир, штабс-капитан А. П. Дзюбандовский.

шедшие для ликвидации прорыва. По взводу был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь. Врезавшись в противника и расстреливая его в упор, взвод заставил 400 человек с двумя пулеметами сложить оружие и сдаться. Два наших авто были повреждены, на второй был убит подпоручик Михайловский. За смелость и умелые боевые действия в бою командир Авто(броневзвода) А. П. Дзюбандовский представлен к ордену Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Командир бригады *генерал-майор Алексеев*

10 июня 1916 г.

22-й автопулеметный взвод, получив задание развить успех по взятию окопов противника

у станции Окна, — блестяще и самоотверженно выполнил боевую задачу. Невзирая на сильный пулеметный и артогонь — привел противника в замешательство, содействуя быстрому нашему продвижению вперед.

Начальник 74-й пехотной дивизии
(подпись неразборчива)

* * *

За 10 минут до начала нашей атаки был выпущен на шоссе Заболотув наш Автопулеметный взвод, под командованием поручика Дзюбандовского (авто: «Гренадер» и «Гвардеец»). Противник открыл по ним сильный огонь из тяжелых орудий, но авто быстро продвигались вперед. Автопушка «Гренадер» разрушила каменное здание с австрийскими пулеметами, — наша пехота пошла в наступление. «Гвардеец» пулеметным огнем преследовал бегущих врагов. Это было 15 июня 1916 г.

(За этот бой поручик Дзюбандовский был повышен в чине и получил чин штабс-капитана и представлен к Георгиевскому (Золотому) оружию.)

* * *

22 июня 1916 года (Из реляции боевых действий 296 полка 74-й пехотной дивизии).

В 7 часов пополудни 11-я, 12-я и 9-я роты бросились в атаку и при содействии бронеевтомобиля сбили противника с позиций и отбросили к дер. Скоповке.

* * *

21.09.1916 г. Выписка из приказа той же дивизии.

...Ввиду откомандирования из состава дивизии 22-го Автопулеметного взвода Л.-гв. Егерского полка — **благодарю** его командира штабс-капитана Дзюбандовского, господ офицеров и нижних чинов взвода за славную боевую работу вместе с частями дивизии и надеюсь, что в грядущих боях они окажут такую же огромную помощь, как и в прошедших

Начальник дивизии *генерал-майор Нечволодов*

РГИА (СПб). Ф. 1102. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 32, 37, 44, 45, 60, 64.

Известно, что Русская Гвардия, и в том числе Л.-гв. Егерский полк, была срочно брошена в июле–сентябре 1916 года в поддержку Брусиловского прорыва, когда в тяжелых встречных боях там истекали кровью наши войска.

Отец упомянутого мною Е. А. Макаренко — подпоручик Макаренко Андрей Платонович участвовал в составе 23-го Сибирского стрелкового полка в этих боях на реке Стоход.

В тяжелейших боях с 1 по 6 июня по выбытию всех офицеров умело командовал половиной своего полка. Цепко обороняясь, переходя в штыковые контратаки, они захватили много пленных и трофеев и выбили австрийцев из поселка Свидницы. Но в конце концов он был тяжело ранен и контужен, а от двух батальонов (2-го и 4-го) в строю осталось... 36 штыков!

Потом был ранен 9 июня и весьма тяжело 22 августа.

ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 4. Д. 4173. Наградные документы поручика Макаренко А. П.

А вот что писал генерал Деникин А. И. (он командовал там дивизией):

«Операция, так долгожданная, с таким методическим упорством подготовлявшаяся, рухнула. Западные корпуса к нам опоздали. Наше наступление захлебнулось. Началась бессмысленная бойня на болотистых берегах Стохода, где... прибывшая Гвардия потеряла весь цвет своего состава».

Сам А. А. Брусилов пишет:

«К этому времени (с 1 по 15 июля 1916 г.) прибыл Гвардейский ... из 2-х Гвардейских корпусов всех родов войск и Гвардейский корпус...»

И кто знает, может быть тогда, там на реке Стоход как-то пересеклись ратные дороги двух русских храбрецов-офицеров? Один — из семьи малороссийского хлебороба, весь израненный бывший солдат и старший унтер-офицер, награжденный за распорядительность и отвагу орденом Святого Станислава с мечами и бантом, Анненской Саблей за храбрость и Георгиевским Золотым оружием, только что получивший из рук самого Императора Грамоту о присвоении дворянства за службу и смелость, в будущем полковник Вооруженных сил Юга России — Андрей Макаренко... И второй — потомственный дворянин из старинного рода, сын генерала, блестящий лейб-гвардеец, которого крестили, венчали в самых престижных храмах Петербурга. И тоже отчаянный смельчак, рыцарь Чести и будущий полковник Александр Дзюбандовский!

В далеком бурном 17-м году в Петрограде было голодно, холодно и тревожно. Матушка, повздорив с отцом, прихватив меня, отправилась со своей сестрой и няней в имение своей подруги в Курскую губернию.

В Петроград вернулись уже после октябрьских событий, кажется, году в 1921 или 1922. От знакомых или родственников узнали, что в январе 1918 года Александр Петрович уехал из Петрограда.

Из истории известно, что с 25 декабря 1917 года генерал Лавр Георгиевич Корнилов начал формировать Добровольческую Армию и на юг, на Дон начали стекаться офицеры Русской Армии.

Отъезд отца — это последнее, что мы знали о моем родителе. Связать с достоверностью эти два события я не мог многие десятки лет.

Смогу ли я узнать: как прожил отец все свои годы вне России, без России?

Чем он жил там, вдали от Петербурга сорок лет? Чем занимался?

Была ли у него семья? Может быть где-то есть мои сводные сестры и братья, кузены и кузины?

Отзовитесь!

В подготовке этого материала принимал участие Е. А. Макаренко.

Наш адрес:

Россия, 195030, Санкт-Петербург,
пр. Наставников 25, корпус 1, кв. 192.
Дзюбандовский К. А.
т. 521-10-88.

190008, СПб.-8, а/я 85
Макаренко Е. А.
т. 114-79-53.

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ
Историко-документальный альманах
Книга 8

Зав. редакцией *Г. И. Чередниченко*
Редактор *Е. Р. Михайлова*
Компьютерный набор и верстка: *Е. В. Величкина*

Подписано в печать с оригинала-макета 28.12.98.
Ф-т 60×84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,85. Уч.-изд. л. 24,4

Тираж 700 экз. Заказ № 59

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96.

Редакция оперативной подготовки
учебно-методических и научных изданий
Издательства Санкт-Петербургского университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр оперативной полиграфии СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6.

